

ВЕСТНИК ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

2024, Том 4, № 1

Подписано к публикации: 09.02.2024

Главный редактор журнала

Балута Анастасия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент

Члены редакционной коллегии

Атаев Борис Махачевич (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Богданова Ольга Владимировна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, профессор
Биданюк Марзият Мугдиновна (РФ, г. Майкоп) – доктор филологических наук
Гасанова Узлипат Усмановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, профессор
Горишунов Юрий Владимирович (РФ, г. Бирск) – доктор филологических наук, профессор
Гумовская Галина Николаевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Дергачева Ирина Владимировна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Епифанцева Наталия Глебовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Жирова Ирина Григорьевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Закирова Елена Сергеевна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Захарова Виктория Трофимовна (РФ, г. Нижний Новгород) – доктор филологических наук, профессор
Зумбулидзе Ия Гурамовна (Грузия, г. Кутаиси) – доктор филологических наук, профессор
Ибрагимова Марица Оглановна (РФ, г. Махачкала) – доктор филологических наук, доцент
Лисицкая Лариса Григорьевна (РФ, г. Армавир) – доктор филологических наук, профессор
Лиходкина Ирина Александровна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Мазирка Ирина Олеговна (РФ, г. Мытищи) – доктор филологических наук, профессор
Маркова Елена Ивановна (РФ, г. Петрозаводск) – доктор филологических наук
Мощева Светлана Васильевна (РФ, г. Иваново) – доктор филологических наук, доцент
Наджиева Флора Султан гызы (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Никитина Татьяна Геннадьевна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, профессор
Окорокова Варвара Борисовна (РФ, г. Якутск) – доктор филологических наук, профессор
Павлова Елена Касимовна (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, доцент
Павлова Ольга Александровна (РФ, г. Краснодар) – доктор филологических наук, доцент
Рзаев Фикрет Чингиз оглу (Азербайджан, г. Баку) – доктор филологических наук, профессор
Рогалёва Елена Ивановна (РФ, г. Псков) – доктор филологических наук, доцент
Степанова Надежда Сергеевна (РФ, г. Курск) – доктор филологических наук, доцент
Султанбаева Хадиса Валиевна (РФ, г. Уфа) – доктор филологических наук, доцент
Толкачев Сергей Петрович (РФ, г. Москва) – доктор филологических наук, профессор
Цветова Наталья Сергеевна (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор филологических наук, доцент

«Вестник филологических наук» включен в перечень ВАК с 20.12.2022г., [Elibrary.ru](http://elibrary.ru).

Адрес редакции, издателя: 308024, Белгородская обл., г. Белгород, ул. Костюкова 12а-132

Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-84021 выдан 11 октября 2022г. Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ISSN 2782-5329 (online)

Е-mail: info@vfn-journal.ru

Сайт: <https://vfn-journal.ru>

© Вестник филологических наук, 2024

Содержание

Каркашова М.А.

Коммуникативная функция в семиотическом тексте (на материале произведения архитектора Ле Корбюзье «Vers une architecture») 6-12

Божкова Г.Н., Ахметзянова Э.И., Софронова С.А., Шакирова А.М.

Виды пороков и недугов героев-подростков в современной подростковой прозе (на материале текстов М. Якуниной, М. Самарского, И. Богатырёвой, Е. Немеш) 13-20

Голиус М.Ф.

Лингвопрагматика виртуального дискурса (на материале речей руководителей государственных структур) 21-27

Фесенко О.П.

Война и армия в современных годонимах (на примере Омска) 28-33

Багандова С.И., Таджибова Р.Р.

Дейксис как базовый признак концепта SPACE в английской лингвокультуре 34-37

Ма Цзюнь, Ван До

Исследование неологизма с точки зрения архетипических категорий 38-41

Ян Цзинь

Сопоставительный анализ дефиниций лексемы «герой» в китайских и русских толковых словарях 42-49

Марико М.Л.

Сопоставительное исследование учебников по обществознанию и документов ООН на русском языке 50-58

Филиппова О.Н.

Использование приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии: коммуникативный, лингвокультурологический, когнитивный и воспитательный аспекты 59-64

Фу Ямэй

Функционально-семантические особенности глаголов речевого общения в рассказах А.П. Чехова (на фоне китайского языка) 65-70

Макашова В.В., Саратова П.Д.

Пословицы и поговорки как прецедентные высказывания в речи В.В. Путина (на материале публичных выступлений 2022-2023 гг.) 71-77

Цырельчук К.А.

Institutio анафоры святителя Василия Великого (герменевтический анализ русского текста избранного места) 78-83

Аликаева Л.С., Ткаченко С.А.

Словосложение в немецком языке: понятие, основные формы и принципы образования сложных слов 84-89

Багомедов М.Р., Магомедова А.Б.

Ономастикон повести Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...» 90-94

Бухоголова С.Б. Диалектная лексика баргутов АРВМ КНР	95-103
Васильев П.В. Всемирная Служба Би-би-си: система редакционного манипулирования в документах и эфирах	104-112
Раздорская О.В., Джамалдинова Ш.О. Лексикологические аспекты термина «аптека» в английском, узбекском и русском языках	113-117
Имамипур Сейед Багер, Хоссейни Амир Бессоюзные сложные предложения со значением следствия в русском языке со сравнительным исследованием в персидском языке	118-124
Шахуд Аула Информационные каналы RT Arabic и Аль-Джазира и их роль в медийном арабоязычном пространстве	125-129
Багомедов М.Р., Джамалдинова И.Х. Библионимы аварских народных сказок	130-134
Ли Дунцзэ Специфика международной журналистики и ее основные черты	135-140
Садыгова Нигяр Фируз гызы К некоторым аспектам азербайджанского языка в XI веке	141-148
Янь Кунь Эхо Серебряного века: традиции акмеизма в поэзии Арсения Несмелова	149-156
Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид Трудности машинного перевода текстов разных стилей с русского языка на арабский	157-164
Лю Ди, Сюй Хунлянь О переводе заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях	165-172
Кравчунас М.Б. Английский язык профессионального общения в обучении студентов творческих вузов	173-177
Дорошенко Н.С., Паульзен Н.С. Словообразование в немецком языке на примере феминитивов профессий	178-183
Саушева Е.В. Эллипсис как прием трансформации пословиц в заголовках СМИ	184-189
Брагина О.А. Общие и индивидуальные тенденции развития английского языка	190-194
Майтиева Р.А, Зайдиева Л.М. Междометные фразеологические единицы в русском и английском языках	195-199
Таджибова З.Т. Отражение концепта хлеб в зеркале языковой картины мира (на материале лезгинских и русских паремий)	200-204

Чжао Цихан

Комплекс отличительных признаков термина
(на материале терминов биомедицинской инженерии) 205-216

Шахаева А.А.

Структура логотипа как важный принцип моделирования полисемии китайского слова 217-222

Шахбанова А.Р.

Лексический состав лезгинских паремий 223-227

Колосков М.С.

Эксплицитная художественная деталь как компонент языковой композиции 228-233

Кудрявцева И.Г., Ковалева С.С.

Консубстанциональность специальных лексических единиц
(на примере строительных и военных терминов) 234-238

Караматова А.А.

Особенности лексики бытового конфликтного дискурса
в арабских странах на примере англоязычных художественных текстов 239-245

Мамедова Фарах Алихан гызы

Двуязычная лексическая вариативность как лингвистический феномен 246-251

Медведева Е.П.

Анализ терминов международного воздушного права в русском и английском
языках для специальных целей на основе признаков семантического поля 252-259

Быкадорова Е.С.

Передача информации при переводе текста по специальности 260-265

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-26

¹ Каркашова М.А.

¹ Тюменский государственный университет

Коммуникативная функция в семиотическом тексте (на материале произведения архитектора Ле Корбюзье «Vers une architecture»)

Аннотация: в статье исследуются возможности анализа коммуникативной функции текста, также мы даем сравнительно-сопоставительную характеристику результатов, полученных с помощью трех различных моделей. В качестве **цели** исследования мы обозначаем выявление коммуникативной функции в материале исследования. **Задачи**, позволяющие достичь цели исследования, звучат следующим образом: провести анализ текста с применением коммуникативных моделей Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана и актантной модели А.-Ж. Греймаса, сравнить и сопоставить результаты анализа. Нами были использованы **методы** сравнительно-сопоставительного анализа, функционального анализа, компонентного анализа. В **результате** нами было выявлено, что коммуникативная модель Якобсона и Лотмана взаимодополняют друг друга, в то время как актантная модель Греймаса оперирует более аксиоматичными категориями, позволяя абстрагироваться от деталей коммуникативного акта. Также мы обнаружили, что текст материала исследования обладает всеми признаками самоописания семиотической системы. **Вывод:** анализ коммуникативной функции текста способствует раскрытию семиотической составляющей текста.

Ключевые слова: коммуникативная модель, актантная модель, семиотическая система, семиосфера, коммуникативная функция, конструктивизм

Для цитирования: Каркашова М.А. Коммуникативная функция в семиотическом тексте (на материале произведения архитектора Ле Корбюзье «Vers une architecture») // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 6 – 12.

Поступила в редакцию: 10 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Karkashova M.A.

¹ University of Tyumen

The communicative function of a semiotic text (based on the book “Vers une architecture” by Le Corbusier)

Abstract: the article examines the opportunities offered by the communicative function analysis, also we demonstrate the comparative description of the actual results. **The objective** of the study is to identify the communicative function in the text under analysis. To achieve this, we set the following **tasks**: to analyze the text using the communicative models of R.O Jakobson, U.M. Lotman and the actant model of A.-Zh. Greimas, to compare and contrast the results of the analysis. We used the **methods** of comparative analysis, functional analysis, and component analysis. As **a result**, we outline that Jacobson's and Lotman's communicative models complement each other, while the actant model of Greimas stand with more axiomatic categories, allowing us to conceptualize away from the details of any communicative act. **Conclusion:** the communicative function analysis helps to reveal semiotic components of the text.

Keywords: *communicative model, actantial model, semiotic system, semiosphere, communicative function; constructivism*

For citation: Karkashova M.A. The communicative function of a semiotic text (based on the book “Vers une architecture” by Le Corbusier). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 6 – 12.

The article was submitted: October 10, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Коммуникативная функция – одна из фундаментальных функций текста. Любой текст в той или иной степени является коммуникативным актом, имеющим своей целью передачу сообщения. Вслед за Белозеровой, мы принимаем за составляющие коммуникативной функции текста «непосредственные взаимоотношения между автором, создаваемым им текстом (образами и персонажами) и читателем» [1, с. 133].

Исследование аспектов коммуникативной функции отражено в работах следующих ученых: Э. Беневист, И. Р. Гальперин, Р.О. Якобсон, Ю.М. Лотман, Н.Н. Белозерова; вопросами выявления знаков в тексте в разное время занимались Дж. Локк, Ч.С. Пирс, Ч. Моррис, Ю.М. Лотман, А.-Ж. Греймас. Несмотря на большое количество теоретических и практических работ, посвященных изучению коммуникативной функции в семиотическом тексте, на данный момент некоторые аспекты проблематики нам представляются недостаточно раскрытыми.

Актуальность работы обосновывается комбинированием коммуникативного, семиотического и структурно-семантического подходов для всестороннего изучения присутствующей в тексте коммуникативной функции. Также актуальность обосновывается тем, что в качестве материала исследования мы используем трактат по архитектуре. Таким образом, мы исследуем архитектурное явление посредством лингвистических методов. В этом, на наш взгляд, также заключается **научная новизна и практическая значимость исследования**. Кроме этого, мы приводим сравнительный анализ результатов попеременного применения различных моделей и выводы, которые могут быть использованы для дальнейших научных обсуждений.

Материалы и методы исследований

В нашем исследовании мы рассматриваем текст знакового для развития архитектуры произведения в качестве семиотической системы. С помощью частнолингвистической и общенаучной методологии мы исследуем роль коммуникативной функции в становлении семиотической системы. В качестве частнолингвистических методов мы используем методы сравнительно-сопоставительного анализа, функционального анализа, компонентного анализа. Общенаучные методы представлены методами наблюдения, описания и анализа.

Материалом исследования послужил текст книги французского архитектора Ле Корбюзье «Vers une architecture». Книга посвящена изучению проблем современной автору архитектуры, постулированию и обоснованию правил нового архитектурного стиля.

В нашей работе мы опираемся на практические и теоретические исследования Р.О. Якобсона, Ю.М. Лотмана, А.-Ж. Греймаса и Н.Н. Белозеровой.

За основу исследования мы берем парадигму функционального анализа текста, предложенную Н.Н. Белозеровой в диссертации «Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики». В данном случае нас интересует приведенная модель функционального анализа текста, а, в частности, анализ коммуникативной функции текста. В части коммуникативного анализа мы, вслед за Белозеровой, анализируем не только лингвистическую информацию (анализ лексико-семантических систем), но и экстралингвистические факторы (пространственно-временные реалии и отношения между автором и читателем) [1, с. 132]. Поскольку в исследовании мы стремимся выявить как можно больше коммуникативных актов, оказывающих воздействие на читателя, нам необходимо использовать несколько моделей. Для наиболее полного охвата коммуникативной составляющей текста мы используем модели Р.О. Якобсона (коммуникативный подход), Ю.М. Лотмана (семиотический подход) и А.-Ж. Греймаса (структурно-семантический подход) [7].

В книге «Лингвистика и поэтика» Р.О. Якобсон подробно описал модель коммуникации, обосновал наличие информационной и эмотивной составляющей в пересылаемой автором сообщении. Согласно модели Р.О. Якобсона существует 2 действующих лица в процессе коммуникации: адресант (кодирующий) – тот, кто посылает сообщение, и адресат – тот, кто принимает сообщение. Чтобы сообщение могло быть прочитано, необходим «вербальный или допускающий вербализацию контекст, код – полностью или ча-

стично общий для адресанта и адресата и контакт – физический канал и психологическая связь, обуславливающие возможность установить и поддержать коммуникацию» [4, с. 4].

Лотман признает модель Якобсона как верную, но считает ее слишком абстрактной, в частности, он утверждает, что в основе этих рассуждений – «абстракция, предполагающая полную идентичность передающего и принимающего, которая переносится на языковую реальность. Однако абстрактная модель коммуникации подразумевает не только пользование одним и тем же кодом, но и одинаковый объем памяти у передающего и принимающего» [3, с. 15]. Т.е. для того, чтобы коммуникативная модель работала корректно «все участники коммуникации должны уже иметь какой-то опыт, иметь навыки семиозиса». С другой стороны, если у участников коммуникации опыт совершенно идентичен, то необходимость в этой коммуникации отпадает сама собой. Лотман видит в коммуникации перевод – «перевод с языка моего “я” на язык твоего “ты”» [3, с. 15].

Революционным подходом Лотмана к коммуникации стало обоснование модели коммуникации “Я-Я” (автокоммуникации). Когда мы говорим о передаче сообщения по системе «Я – Я», мы имеем в виду в первую очередь не те случаи, когда текст выполняет мнемоническую функцию. Здесь воспринимающее второе «Я» функционально приравнивается к третьему лицу [3, с. 164]. То есть второй “Я”-слушатель, это какой-то другой “Я” из другой временной координаты. В канале «Я – Я» происходит качественная трансформация информации, передаваемой самому себе, которая приводит к перестройке самого этого «Я». Примером таких коммуникативных моделей могут служить личные дневники, ретроспективные размышления и т.д. [8, 9]. Функционально текст используется не как сообщение, а как код, когда он не прибавляет нам каких-либо новых сведений к уже имеющимся, а «трансформирует самоосмысление порождающей тексты личности и переводит уже имеющиеся сообщения в новую систему значений» [3, с. 172].

В книге А.-Ж. Греймаса «Структурная семантика. Поиск метода» нас, в первую очередь интересуют компоненты, из которых, предположительно, состоит знак. А именно, Греймас описывает свойства, характеризующие означаемое, означающее и значащую совокупность. Нам близко утверждение Греймаса о том, что только в «акте коммуникации означаемое встречается с означающим» [2, с. 42]. Базовые для коммуникативного акта категории «адресант и адресат» представляются Греймасом в качестве актантов (ролей) второй категории. В качестве первой категории ученый предлагает выделять оппозицию «субъект и объект». Вслед за Проппом, Греймас предлагает искать актанты через «персонажей», характеризующихся сферой деятельности. Нас, в данном случае, интересует «мифическая актантная модель» (рис.1), предложенная Греймасом в качестве операционной модели, позволяющей структурировать основные роли, реализуемые в коммуникативном акте [2, с. 261].

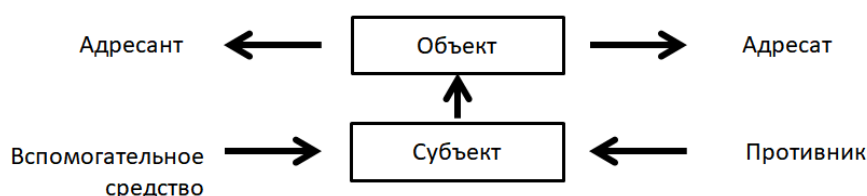

Рис. 1. Мифическая актантная модель [2, с. 261].

Fig. 1. Mythical actant model [2, p. 261].

Исследование проведено на материале книги архитектора Ле Корбюзье «*Vers une architecture*»/ «*К архитектуре*». Книга является трактатом, манифестом, в котором автор описывает новый подход к архитектуре (получивший развитие в СССР под именем «конструктивизм»), постулаты нового подхода, его положительные стороны и агитирует отказаться от старой, буржуазной архитектуры в пользу «нового духа».

Анализ коммуникативной функции в тексте исследования мы начали с поиска в тексте озвученных Якобсоном составляющих, необходимых для успешного акта коммуникации: адресанта и адресата, контакта (физического канала и психологической связи), контекста, сообщения и кода.

Адресантом – тем, кто отправляет сообщение – в данном случае является сам автор книги, архитектор Ле Корбюзье. Адресатом – получателем сообщения – являются архитекторы и инженеры, современники автору. Контекстом выступают временные реалии, соответствующие периоду написания книги: экономика, исторические события, научные и инженерные открытия.

Единым кодом в книге Ле Корбюзье является специальная лексика из области архитектуры, система хронотопов и культурно-исторических реалий, описываемых в произведении [5]. Мы можем сказать, что на

момент издания книги, произведение и ее читатели находились в рамках единой семиосферы. В настоящее время, чтобы понимать код книги, нужно иметь знания в области истории или архитектуры.

Контакт представлен физическим каналом и психологической связью, которые позволяют установить связь между адресантом и адресатом.

Физическим каналом, через который передается коммуникативное сообщение, в данном случае является сенсорный вербальный канал, а именно: сам текст книги. Психическая связь, возможно, будет обусловлена экспрессивным характером текста. Ле Корбюзье подвергает довольно резкой критике окружающую его действительность, например: *Les Louis XV, XIV, XVI ou le Gothique sont à l'architecture ce qu'est une plume sur la tête d'une femme ; c'est parfois joli, mais pas toujours et rien de plus* [10, с. 15]. – Здания времен Луи XV, XIV, XVI или готические постройки – относятся к архитектуре, как перо в женской прическе; иногда красиво, но не всегда, и ничего больше. Автор книги доверяет читателю и не боится осуждения с его стороны.

В рамках теории коммуникации текст рассматривается как диалог между автором и читателем. По Лотману, специфика текста состоит в наличии в нем 2 компонентов: объективного смысла (развивающегося по коммуникативной модели «Я-ОН») и субъективного (развивающегося по модели «Я-Я»). С одной стороны, в тексте содержится предметно-логический компонент, с другой – текст – результат деятельности языковой личности, поэтому любой компонент текста проходит через призму восприятия автора.

Модель Я-ОН улавливается в прямом обращении к думающему читателю: автор не делает резонансные социальные выводы сам, но подводит читателя к иллюзии самостоятельности выбора. Например: Корбюзье долго объясняет, что возникла острая социальная необходимость в строительстве многосерийного жилья, и, в конце аргументации, дает читателю сделать выбор «новая архитектура или революция».

Чтобы продемонстрировать свою связь с читателем, архитектор намеренно использует местоимение «Я» в значении «Я - МЫ», например: *J'ai 40 ans, pourquoi ne m'achèterais-je pas une maison* [10, с. 223]. / Мне 44 года, почему бы мне не купить дом. Чтобы заручиться дополнительной поддержкой своей потенциальной аудитории, автор даже описывает некую усредненную модель дома-мечты, как свою собственную: *quand je ferai ma maison... je mettrai ma statue dans le vestibule et mon petit chien Ketty aura son salon* [10, с. 223]. / когда я построю свой дом... я поставлю свою статую в холле, а у моей собачки Келли будет своя гостиная.

Книга написана через несколько лет после Первой мировой войны, поэтому автор прекрасно понимает, что, скорее всего, читающая его аудитория – непосредственные участники событий. Чтобы подчеркнуть свою близость к читателю, автор использует обезличенные конструкции, которые, как, например, в данном контексте, звучат, как «МЫ» – «мы это сделали». *La guerre a secoué les torpeurs ; on a parlé de taylorisme, on en a fait* [10, с. 193]. Война вывела из оцепенения; мы заговорили о научной организации труда, и мы этого добились. Автор подчеркивает наличие у него и читающей книгу аудитории общего прошлого, общего культурного кода: *On voyait aux beaux jours d'atan <...>* [10, с. 193]. / Мы видели в старые добрые времена <...>.

Для имитации живого диалога с читателем, Ле Корбюзье использует риторические вопросы: *Les chantiers seront-ils bientôt des usines? / Станут ли стройплощадки заводами? Quelles peuvent-être les conclusions des intellectuelles en face des réalités actuelles de la vie moderne?* [10, с. 193]. / Какие могут сделать выводы умные люди перед лицом нынешних реалий жизни?

Субъективная составляющая, описывающая модель «Я-Я», выражается на протяжении всей книги: в мнимо-логических высказываниях, в детальных абстрактных описаниях нового стиля, в апеллировании к архитектуре прошлого, в резкой критике традиционных для Франции стилей, в использовании методов пропаганды для убеждения аудитории в своей правоте. Например, книга завершается следующими словами: *Le rouage social, profondément perturbé, oscille entre une amélioration d'importance historique ou catastrophe. C'est une question de bâtiment qui est à la clé de l'équilibre rompu aujourd'hui. Architecture ou révolution* [10, с. 243]. / Социальная машина, глубоко нарушенная, колеблется между улучшением исторической важности или катастрофой. Вопрос строительства является ключом к нарушенному сегодня балансу. Архитектура или революция. Так, игра на страхе читателя перед новыми социальными потрясениями и революцией, является завершающим аргументом Корбюзье в пользу архитектуры нового стиля.

С точки зрения метаструктуры, семиотическое пространство внутри семиосферы можно условно разделить на ядро и периферию. Чем ближе к ядру, тем в пространстве содержится больше кодов, близких по значению «наше», «культурное», «безопасное» и т.д. Чем ближе к периферии, тем более аморфным становится семиотический мир, тем более стремящимися к значению «чужой» становятся семантические системы. Периферия – это область семиотической динамики, она может выступать катализатором изменений в ядре: «периферийные жанры в искусстве революционнее тех, которые расположены в центре <...> Бурная семиотическая деятельность периферий приводит к ускоренному «созреванию» периферийных центров и к

выработке ими своих метаописаний, которые могут, в свою очередь, выступить в качестве претендентов на универсальную структуру метаописания для всей семиосферы» [3, с. 252]. Так, примером может служить архитектура конструктивизма. в книге Le Corbusier “Vers une architecture” описан революционный подход: архитектор отрицает любое украшательство, сравнивает архитектуру с самолетами, пакетботами, машинами и говорит, что «дом – это машина для жилья». В тот период эти размышления казались революционными, но с приходом 20 века, именно идеи Корбюзье встали во главе современной архитектуры. Культура архитектуры конструктивизма образовалась в начале XIX века на периферии традиций, как нечто «чужое», инакомыслящее, революционное.

Благодаря своим последователям, четко выстроенной аргументации и острой социальной значимости, идеи конструктивизма получили свое метаописание в семиосфере и, с течением времени, стали ядерными. В нашей работе мы рассматриваем трактат архитектора Le Corbusier “Vers une architecture” в качестве семиотической системы, организация которой привела к распространению архитектуры конструктивизма под различными наименованиями во Франции, Германии и Советском Союзе в XX веке. Этот трактат является ярким примером самоописания семиотической системы: именно в этой книге читателю в формате диалога-монолога транслируются коды новой индустриальной архитектуры. Согласно Лотману, самописание – это высшая форма организации семиотической системы, после которой эта система делает попытки распространить свои коды на всю семиосферу. «Созданная таким образом картина мира будет восприниматься современниками как реальность. Более того, это и будет их реальностью в той мере, в какой они приняли законы данной семиотики» [3, с. 255]. После выхода в свет, трактат Le Corbusier “Vers une architecture” был переведен на 5 языков, а постулаты архитектуры конструктивизма прочно вошли в проектную практику таких стран как Франция, Германия и Советский Союз. Более того, современная архитектура по-прежнему использует аксиомы конструктивизма для строительства жилых, административных, промышленных зданий и сооружений, объектов социальной инфраструктуры.

В значительной степени упрощая, актантная модель изучаемого произведения выглядит следующим образом (рис. 2):

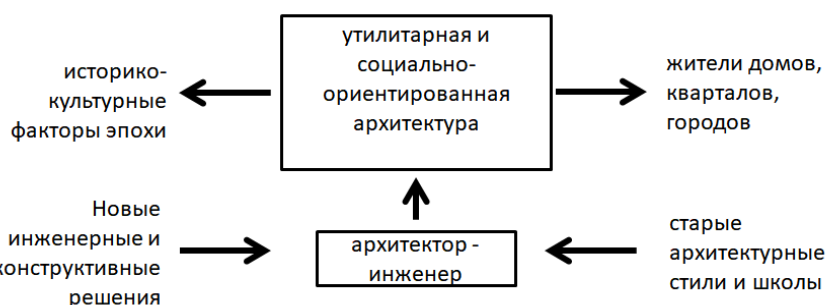

Рис. 2. Актантная модель произведения Le Corbusier. Vers une architecture.

Fig. 2. Actant model of the work Le Corbusier. Vers une architecture.

К первой актантной категории принадлежат субъект и объект. Оба актанта, согласно А.-Ж. Греймасу, «обнаруживают идентичную смысловую нагрузку, обозначаемую как «желание»» [2, с. 255]. Субъектом – тем, кто хочет получить объект, посредством инициации действия – является архитектор-инженер (*l'architecte-ingénieur*). Объектом (объектом желания), к которому стремится субъект – утилитарная и социально-ориентированная архитектура.

Ко второй актантной категории относится адресант и адресат. Адресантом – отправителем на поиск желаемого являются изменившиеся социокультурные и экономические факторы эпохи – *Nous avons une optique nouvelle et une vie sociale nouvelle, mais nous n'y avons pas adapté la maison* [10, с. 16] / *У нас новые перспективы и новая социальная жизнь, но мы не приспособили к ней дом*. Адресатом или «получателем блага» являются жители домов, кварталов, городов *l'habitant de la maison et la foule de la ville* [10, с. 8].

К третьей актантной категории относятся вспомогательные средства и противник. Итак, вспомогательным средством, которое способствует осуществлению желания и оказанию помощи выступают новые инженерные и конструктивные решения – *l'innovations constructives et ingénieuses*. Противником, создающим препятствия, автором называются старые архитектурные стили и школы. *Les architectes sortis des écoles entrent dans la ville avec l'esprit d'un laitier qui vendrait son lait avec du vitriol, avec du poison* [10, с. 7]. / *Архитекторы, выходящие из школ в город, делают это с духом молочника, продающего свое молоко с ядом и купоросом*.

Результаты и обсуждения

Анализ коммуникативной функции позволил углубиться в структуру текста. В результате использования модели Лотмана нами было выявлено, что текст книги Корбюзье является классическим примером самоописания семиотической системы [6]. Также, мы заметили, что результаты анализа коммуникативной функции текста с использованием актантной модели представляются нам более глобальными по сравнению с результатами, полученными от применения модели Якобсона.

Коммуникативная модель Р.О. Якобсона позволила однозначно выявить адресанта текста – им является сам автор книги. Результаты подтверждаются наличием в тексте приемов автокоммукации по модели «Я - Я»: монологичных высказываний, выражающих позицию автора; использования методов пропаганды для убеждения в своей правоте (запугивание, субъективизация понятий, яркая оценочность суждений). Автор прямо заявляет, что есть архитектура плохая, а есть хорошая, и подробно описывает, почему он считает именно так.

Адресатом данного произведения по Р.О. Якобсону являются инженеры и архитекторы. На протяжении всей книги автор пытается научить адресата критериям «правильной» архитектуры. Адресант выполняет информативную функцию по отношению к адресату. Используя модель «Я-ОН», адресант реализует фатическую функцию для установления доверительных отношений с адресатом посредством риторических вопросов, обезличенных конструкции, отождествления себя с адресатом.

Также, мы заметили, что аргументами, подтверждающими правильность номинации адресанта и адресата по модели Якобсона, часто выступают результаты анализа, полученные при применении модели Лотмана. С другой стороны, результаты анализа коммуникативной функции текста с использованием актантной модели представляются нам более глобальными. Так, в модели Греймаса адресантом в данном произведении являются социокультурные и экономические события – обстоятельства, подталкивающие к появлению субъекта (утилитарной и социально-ориентированной архитектуры). Адресатом – теми, кто будет пользоваться благами субъекта – являются жители домов, кварталов, городов.

Выводы

Применение попеременно различных моделей позволило нам наиболее целостно описать коммуникативную функцию, реализующую в семиотическом тексте. Анализ коммуникативной функции текста позволяет раскрыть его семиотическую составляющую. Кроме того, было выявлено, что результаты анализа по коммуникативным моделям Лотмана и Р.О. Якобсона взаимодополняют друг друга, а результаты анализа по модели Греймаса выходят за рамки коммуникативного акта на уровень аксиологического содержания.

В центре актантной модели Греймаса находится желаемый объект и тот, кто хочет получить этот объект, в то время как в модели Якобсона акцент более смещен на участников коммуникативного акта (отправителя сообщения и получателя). По-видимому, актантная модель Греймаса позволяет уйти от субъективизации и выйти на уровень аксиологической структуры текста, в то время как модели Р.О. Якобсона и Ю.М. Лотмана позволяют детально описать и проанализировать коммуникативные акты, реализующие посредством лингвистических инструментов. Однако этот вывод требует дополнительных изысканий.

Список источников

1. Алферова Т.Р. Ле Корбюзье. Творческий путь// Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы III-й международной научной конференции: в 2 т. Санкт-Петербург, 11 декабря 2020 года. Том 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2020. С. 7 – 11.
2. Белозерова Н.Н. Семиолингвистические аспекты интегративной поэтики. Тюмень, 2001. 352 с.
3. Греймас А.Ж. Структурная семантика: поиск метода. М.: Академический проект, 2004. 367 с.
4. Жук Е.В. Творчество Ле Корбюзье: революционер в мировой архитектуре // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 792 – 796.
5. Игнатенко А.В. Ле Корбюзье – революционер в сфере архитектуры // Гуманитарные науки в современном вузе: вчера, сегодня, завтра: Материалы V международной научной конференции, Санкт-Петербург, 09 декабря 2022 года. Т. 2. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, 2022. С. 923 – 927.
6. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.

7. Шаронов И.А. Коммуникативная функция языка и коммуникативы // Русистика и компаративистика: Сборник научных трудов по филологии. Москва: Общество с ограниченной ответственностью "Книгодел", 2020. С. 217 – 231.
8. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика: пер. с англ. И.А. Мельчука. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology: Style in Language, 1960. 27 с.
9. Ясинская М.Б. Семиотический анализ: восприятие и декодирование художественного текста // Общетеоретические и частные вопросы современного языкознания: сборник научных статей, Чебоксары, 29-30 апреля 2020 года / Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева. Чебоксары: Чувашский государственный педагогический университет им. И.Я. Яковлева, 2020. С. 329 – 333.
10. Le Corbusier. Vers une architecture. Collection de «l'Esprit nouveau». Paris: Les éditions G. Crès et Cie, 1925. 243 с.

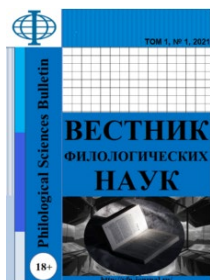
References

1. Alferova T.R. Le Corbusier. Creative path. Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Materials of the III International Scientific Conference: in 2 volumes. St. Petersburg, December 11, 2020. Volume 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2020. P. 7 – 11.
2. Belozerova N.N. Semiolinguistic aspects of integrative poetics. Tyumen, 2001. 352 p.
3. Greimas A.Zh. Structural semantics: search for a method. M.: Academic project, 2004. 367 p.
4. Zhuk E.V. The work of Le Corbusier: a revolutionary in world architecture. Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the V international scientific conference, St. Petersburg, December 09, 2022. T. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2022. P. 792 – 796.
5. Ignatenko A.V. Le Corbusier – a revolutionary in the field of architecture. Humanities in a modern university: yesterday, today, tomorrow: Proceedings of the V international scientific conference, St. Petersburg, December 09, 2022. T. 2. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, 2022. P. 923 – 927.
6. Lotman Yu.M. Semiosphere. St. Petersburg: Art-SPB, 2000. 704 p.
7. Sharonov I.A. Communicative function of language and communicatives. Russian and comparative studies: Collection of scientific works on philology. Moscow: Limited Liability Company "Knigodel", 2020. P. 217 – 231.
8. Jakobson R.O. Linguistics and poetics: trans. from English I.A. Melchuk. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology: Style in Language, 1960. 27 p.
9. Yasinskaya M.B. Semiotic analysis: perception and decoding of literary text. General theoretical and particular issues of modern linguistics: collection of scientific articles, Cheboksary, April 29-30, 2020. Chuvash State Pedagogical University. AND I. Yakovleva. Cheboksary: Chuvash State Pedagogical University named after. AND I. Yakovleva, 2020. P. 329 – 333.
10. Le Corbusier. Vers une architecture. Collection de "l'Esprit nouveau". Paris: Les éditions G. Cres et Cie, 1925. 243 p.

Информация об авторе

Каркашова М.А., аспирант, ассистент, Центр иностранных языков и коммуникативных технологий, Тюменский государственный университет, 625003, г. Тюмень ул. Володарского, 6

© Каркашова М.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки)

УДК 8-82-09

¹ Божкова Г.Н., ¹ Ахметзянова Э.И.,
¹ Софронова С.А., ¹ Шакирова А.М.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Виды пороков и недугов героев-подростков в современной подростковой прозе (на материале текстов М. Якуниной, М. Самарского, И. Богатырёвой, Е. Немеш)

Аннотация: современная детско-юношеская проза представляет собой многогранное, противоречивое и неизученное явление, главной особенностью которого является наличие темы пороков и недугов, именно поэтому статья посвящена функциональному исследованию детального описания детских пороков и недугов в подростковой литературе XXI века. Материалом для анализа были выбраны 5 произведений современной подростковой прозы (М. Якунина «Дорогая Рита», М. Самарский «Радуга для друга», И. Богатырёва «Я – сестра Тоторо», Е. Немеш «Субтитры» и «Выключите орфографию»), в которых юным героям присущи такие виды недугов, как физические (химический ожог руки, сердечная недостаточность, головные боли, аллергия и др.), психологические (психологические манипуляции, панические атаки), нравственные (жестокость), психические (дислексия) и психико-физиологические (предположительно синдром Дауна). Делается вывод об изменении качества детских недугов на страницах юношеской прозы в период с XIX по XXI века. Однако остается неизменным факт: именно мир взрослых является первопричиной детских страданий.

Ключевые слова: пороки и недуги, современная детская литература, М. Якунина «Дорогая Рита», М. Самарский «Радуга для друга», И. Богатырёва «Я – сестра Тоторо», Е. Немеш «Субтитры» и «Выключите орфографию»

Для цитирования: Божкова Г.Н., Ахметзянова Э.И., Софронова С.А., Шакирова А.М. Виды пороков и недугов героев-подростков в современной подростковой прозе (на материале текстов М. Якуниной, М. Самарского, И. Богатырёвой, Е. Немеш) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 13 – 20.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bozhkova G.N., ¹ Akhmetzyanova E.I.,
¹ Sofronova S.A., ¹ Shakirova A.M.

¹ Kazan Federal (Volga region) University

Types of vices and illnesses of teenage heroes in modern adolescent prose (based on texts by M. Yakunina, M. Samarsky, I. Bogatyreva, E. Nemesh)

Abstract: modern children's and youth prose is a multifaceted, contradictory and unexplored phenomenon, the main feature of which is the presence of the theme of vices and ailments, which is why the article is devoted to a functional study of a detailed description of children's vices and ailments in adolescent literature of the 21st century. The material for the analysis were 5 works of modern teenage prose (M. Yakunina "Dear Rita", M. Samarsky "Rainbow for a Friend", I. Bogatyreva "I am Totoro's sister", E. Nemesh "Subtitles" and "Turn off Spelling") in which young heroes have such types of ailments as physical (chemical burns of the hand, heart failure, headaches, allergies, etc.), psychological (psychological manipulation, panic attacks), moral (cruelty), mental (dyslexia) and

psycho-physiological (presumably Down's syndrome). The conclusion is made about the change in the quality of childhood ailments on the pages of youthful prose in the period from the 19th to the 21st centuries. However, the fact remains unchanged: it is the world of adults that is the root cause of children's suffering.

Keywords: vices and ailments, modern children's literature, M. Yakunina "Dear Rita", M. Samarsky "Rainbow for a Friend", I. Bogatyreva "I am Totoro's sister", E. Nemesh "Subtitles" and "Turn off Spelling"

For citation: Bozhkova G.N., Akhmetzyanova E.I., Sofronova S.A., Shakirova A.M. Types of vices and illnesses of teenage heroes in modern adolescent prose (based on texts by M. Yakunina, M. Samarsky, I. Bogatyreva, E. Nemesh). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 13 – 20.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

По данным ФСГС на смену соматическим болезням детей приходят нервно-психические нарушения, а острые инфекционные «подавляют» хронические. Все это объясняется тем, что человек живет в новой, созданной им самим окружающей среде, неблагоприятные условия которой оказывают психологическое и физическое влияние на формирование организма ребенка и определяют уровень его здоровья. Изучение проблем детского здравоохранения, причин их возникновения вызывает интерес не только у медицинских работников, психологов или педагогов, но и писателей, которые обращаются к освещению социальной первоосновы детских недугов – с осмыслением этого факта связана цель нашего исследования: выявить виды пороков и недугов детских образов на материале современной подростковой литературы XXI века.

Обзор литературы. Одним из первых к теме здоровья в литературе обратился польский литературовед Е. Фарино, рассмотрев недуги как значимый элемент, немотивированный на сюжетном уровне, однако введенный в произведение ради семантической функции [1]. Эта тема разрабатывалась в ряде литературоведческих работ, однако пороки и недуги в детской литературе оставались почти не изученными, предпочтение отдавалось текстам для взрослой аудитории. К числу первых исследователей, заинтересовавшихся детским здоровьем в юношеской литературе, относятся: К. Сенне [2], Г.Н. Божкова, Э.И. Ахметзянова [3], Д.А. Караччоло [5], М. Проктор [6] – исследователи отметили важность обращения к анализу героев-детей в необычном для них, болезненном состоянии.

Материалы и методы исследований

Для достижения цели были определены качественные методы исследования: описательный – при обработке фактического материала; контент и тематического анализа – при непосредственной интерпретации произведений современной детско-юношеской прозы.

Результаты и обсуждения

Первый этап исследования – изучение теоретического минимума, основой которого стали понятия «недуг» и «порок».

В «Большом толковом социологическом словаре» представлено следующее понимание «недуга»: «*Недуг – это состояние ощущения физического или эмоционального нездоровья или недомогания, отличающееся от болезни или страдания от нее*» [7, с. 467]. В «Большом толковом словаре современного русского языка» понятие «порок» понимается как «*предосудительный недостаток, позорящее свойство личности; безнравственное поведение, разврат*» [8].

Необходимо отметить, что в рамках нашего исследования под понятием «порок» мы будем понимать «*безнравственное поведение*», «*предосудительный недостаток*».

В ходе исследования детской литературы XX-XXI веков нами была разработана следующая классификация недугов и пороков детских образов в юношеской литературе: нравственные пороки; физические недуги (температура, нарушение физических способностей и т. п.); психологические недуги (социальные травмы); психические недуги (расстройства психики); психико-физиологические (физиологические дефекты, возникшие на основе социальных травм и нарушения психики) [9].

Тема детского здоровья получает развитие с начала XIX века (мы рассмотрели некоторые из произведений, ставшие лучшими образцами литературы о детях). К этой теме обращаются А. Погорельский («Черная курица, или Подземные жители»), П.П. Ершов («Конек-Горбунок»), В.Ф. Одоевский («Бедный Гнедко»), Л.Н. Толстой («Корова», «Косточка»), В.М. Гаршин («Сказка о Жабе и Розе»), К.Д. Ушинский («Трусливый Ваня») и Ф.М. Достоевский («Мальчик у Христа на елке»). Два столетия назад внимание уделялось порокам юных героев, что мотивировано нравоучительным характером детской литературы. Авторы обра-

щаются к описанию не только нравственных пороков (ложь, предательство, эгоизм и др.), но и начинают рассказывать о причинно-следственных результатах порочности – физические страдания детей (горячка, бешенство, слабость) [3].

В первой половине XX века авторы чаще обращаются к порочности и болезненности общества. Причина подобного процесса – стремительная индустриализация, сложные катаклизмы (И.А. Бунин «Лапти», К.И. Чуковский «Солнечная» и «Айболит», А.И. Куприн «Слон»). Тема болезни в произведениях становится важной чертой формально-содержательной основы произведений. Уже с 30-х годов XX века детская литература, становясь идеологической, рассматривала недуги либо как способ обратить внимание на силу советской медицины, либо как пример духовной силы человека, способного с помощью духа победить любую болезнь.

В XXI веке писатели проявляют больший интерес к психологическим недугам, однако это не значит, что они не описывают физические, наоборот, можно заметить случаи, когда порочность становится причиной недугов [4].

Второй этап работы – анализ произведений современной подростковой прозы. Художественный материал выбран с учетом побед авторов в литературных конкурсах «имени Сергея Михалкова», «Книгуру». Нами изучено 5 произведений современной детско-юношеской прозы: «Радуга для друга» [10] М. Самарского, «Дорогая Рита» [11] М. Якуниной, «Я – сестра Тоторо» [12] И. Богатыревой, «Субтитры» [13] и «Выключи те орфографию» [14] Е. Немеш.

Размышляя над темой детского здоровья, Ирина Богатырева в повести «Я – сестра Тоторо» [12] описывает разные виды недугов и пороков: физический недуг (химический ожог руки), порок (жестокость по отношению к животным), психологический недуг (психологическая манипуляция) и психико-физиологический недуг (предположительно синдром Дауна).

Химический ожог руки Тани, героини повести И. Богатыревой, описан с помощью портретной детали («... кожа стерта напрочь, сочится сукровица и какая-то желтая жидкость, начинают вздуваться вокруг белые волдыри...» [12, с. 147]) и является последствием халатности взрослых: отчужденность учительницы химии стала причиной возникновения раны. Женщина, увидев на руке Тани цифры, без выяснения обстоятельств их появления моет руку ученицы, оттирая написанное, «как сковородку» [12, с. 145], держа руку девочки под кипятком и используя губку и средство для мытья посуды, что привело к возникновению кровавых подтеков и вздутия кожи на ладони. Поддерживает приемы воспитания учителя химии и директор школы, для которого важно было убедить девочку, что все произошло по ее вине. Девочка стала жертвой и равнодушия родителей: мама героини не замечает травмы и не слышит жалобы дочери, а с отцом девочку ничего не связывает.

Оказавшись наедине со своей физической болью, героиня использует такой вид копинг-реакции, как дистанцирование от реальности [15], делая вид, что рана на руке не является существенной проблемой и что можно спокойно продолжать свою работу в конюшне, все чаще обвиняя в случившемся саму себя. Такое поведение девочки мотивировано шоковым состоянием после получения травмы. Описать его позволяют жестово-мимические детали портрета: «смеется» [12, с. 143], «тараторит высоким, не своим голосом – и опять смех. Ломкий и болезненный» [12, с. 143].

У одноклассницы Тани Ульяны очевиден нравственный недуг, который является прямой реакцией на психологическое насилие матери. Желая призвать дочь к борьбе с лишним весом, женщина прибегает к таким видам психологической манипуляции, как словесное оскорбление, крики, упреки: «Толстая! Жирная! Свинья я!» [12, с. 110]. Родительница лишает дочь денег на покупку еды («и денег не дает мне совсем. Чтобы не ела!» [12, с. 110]). Юную героиню насильственным путем убедили в том, что иметь лишний вес – значит быть порочным. Семья обрекла подростка на одиночество, превратив в дрожащее существо, это проявляется в мимических деталях портрета, усиливающих психологизм: «смотрит испуганно» [12, с. 103], «кажется испуганной и слабой» [12, с. 103]; «не говорит, а моргает» [12, с. 100], «щурится» [12, с. 109]. Пытаясь выбраться из оков психологического насилия, Ульяна обращается к такому виду копинга, как освобождение эмоций [16]. Однако, не имея положительного опыта и примера родителей, девочка использует отрицательный тип механизма – агрессию, которая представлена двумя вариациями: самобичевание; вымещение злобы на беззащитных животных – бьет пони деннике. Очевидно появление порока (предосудительное поведение, злость), сформированного недугом. Появившееся у Ульяны чувство стыда перед животным и одноклассниками позволяют говорить о неосознанности ее действий, вызванных эмоциональным накалом.

Велька – герой повести «Я – сестра Тоторо» страдает от недуга с самого рождения. Точный диагноз в произведении отсутствует, смещая главный акцент с недуга на предпосылки его появления. Шестилетний

герой, имеющий все признаки музыкальной одаренности, обладающий редким для современного общества даром эмпатии, лишен полноценной возможности воспроизведения членораздельной речи, поэтому важную роль в создании образа героя играют его жесты и звуки.

Описать персонажа вновь помогает жестовый портрет, ставший стилистической основой прозы автора. Благодаря симптоматическим жестам читатель узнает о способности героя к сопереживанию и о его стремлении уменьшить душевную и физическую боль других. Мальчик всегда оказывается рядом с тем членом семьи, кому необходима помощь и поддержка (*«кладет мне ладошку на руку. Гладит»* [12, с. 87], *«держит за руку, обнимает»* [12, с. 198]).

Раскрыть образ непохожего на окружающих людей юного героя также позволяют звуки, его мир наполнен как благозвучием, так и мезофонией, поскольку именно это компенсаторная функция организма мальчика, лишенного полноценного восприятия мира. Восполнить и благообразить мир позволяет и увлечение персонажа рисованием.

Больной ребенок в качестве копинг-механизма выбирает бегство в свои фантазии: он создает собственный идеальный мир, рисуя его. Отсутствие друзей герой компенсирует выдумыванием новых, таковыми становятся образы-флоронимы: дуб-Тоторо, цветы [12]. Эскапизм Вельки вызван нежеланием жить проблемами реальности, репрезентованной запретами, непониманием окружающих. Необходимость столкновения с этим миром вызывает у мальчика отрицательные эмоции, которые выражаются через симптоматические жесты (*«бьется»*, *«ревет»* [12, с. 124]).

Важную роль в понимании природы психико-физиологического недуга ребенка играют отношения родителей между собой и с детьми. Мама в качестве стиля общения выбирает гиперопеку. На протяжении всего произведения герой воспринимается родными как *«странный»*, *«особенный»*, *«инопланетный»*, *«нездеиный»* [12, с. 270].

Дети в необычном, болезненном состоянии становятся главными героями прозы Марии Якуниной. В произведении *«Дорогая Рита»* она особое внимание уделяет физическим недугам героев.

Рита, главная героиня повести, находится в состоянии комы. У девочки обнаружена врожденная сердечная недостаточность [17]. Этиология врожденных болезней сердца может быть объяснена как генетическими отклонениями, так и влиянием факторов окружающей среды. Писатель раскрывает физический недуг, возникновение которого мотивировано воздействием взрослого мира. Одними из важных критериев развития недуга являются взаимоотношения в семье ребенка: *«... может, с Ритой бы ничего не случилось, если бы они перестали шепотом выяснять отношения за закрытой дверью»* [11]. Постоянные ссоры родителей, недопонимание со стороны близких способствуют созданию стрессовой ситуации, что становится причиной ухудшения здоровья героини. Младшая сестра Риты Саша, находясь в такой же эмоционально нестабильной среде, начинает страдать от головных болей: *«... да и голова у меня разболелась»* [11]; *«у меня разболелась голова, и как будто мыслей в ней не осталось, совсем пусто»* [там же].

Метафорически изобразить больное общество позволяет детальное описание больницы: места, в котором герои вынуждены проводить большое количество времени. Хронотоп сужается от мира, наполненного цветущими полями, лугами, свежим воздухом, до больничных стен, охарактеризовать которые позволяет мотив духоты и колороним белый (*«белые двери»* [11], *«унылая белая форма врачей и медсестер»* [там же], *«белые шторы»* [там же]). С одной стороны, цвет является олицетворением чистоты, истины, невинности, а, с другой, – страха, трусости, холода и пустоты. Именно с пустотой и человеческим равнодушием сталкиваются герои внутри больницы во время лечения Риты. Медсестры постоянно кричат на посетителей, возмущаются и не понимают желания близких подольше побыть с болеющими, демонстрируя полное отсутствие сострадания и понимания.

Свою точку зрения на то, какую роль играет ближайшее окружение в возникновении и протекании детских недугов высказывает еще один детский писатель Ева Немеш. В повести *«Выключите орфографию»* [14] читатель видит несколько видов недугов: физический (аллергия, световой ожог глаз), психологические (панические атаки) и психические (дислексия).

Физическому недугу (аллергия) подвержен подросток по имени Тарас и отношение героя к ней позволяет раскрыть суммарно-обозначающий вид психологизма, о чем упоминает рассказчик: *«он всегда чихает, кашляет и задыхается»* [14]. Этот недуг использован автором не случайно. С каждым годом увеличивается число болезней, связанных с иммунным расстройством. В 1989 году британский эпидемиолог Дэвид Стрэчан выдвинул свою теорию о влиянии гигиены на организм человека. Его исследования в данной области привели к следующему результату: выявлена взаимосвязь роста благосостояния населения с увеличением иммунных расстройств [19].

Главный герой-рассказчик страдает сразу от нескольких заболеваний. Психический недуг – дислексия – выражается в частичном расстройстве навыков чтения, вызванном недостаточной сформированностью психических функций, участвующих в осуществлении процесса чтения: *«я всегда пишу с ошибками»* [14], *«у меня так всегда с коворой: никогда сразу корова не получается»* [14]. Учеными доказано, что в большинстве случаев дислексия развивается как следствие внутриутробного органического повреждения центральной нервной системы после инфекционных заболеваний или токсического воздействия агрессоров окружающей среды. Несколько реже причиной дислексии становятся генетические факторы и наследственность, поэтому родители недуг ребенка считают за своего рода *«приговор»* [14].

Самое важное для ребенка в период лечения – поддержка окружающих, их помощь и понимание. Всего этого юный герой лишен: не только чужие люди, но и сами родители становятся противниками серьезного отношения к болезни маленького Саши: отец называет болезнь *«дуболексия»* [14].

Тарас и Саша живут в сложной эмоциональной обстановке, которую раскрывают в том числе и звуки: все в произведении кричат, ругаются, шумят, спорят. Однако при наличии раздражающих звуков очевиден мотив глухоты: герои не слышат друг друга. Контрастной этому хаосу становится абсолютная тишина, наступившая после исчезновения родителей – звук возвращается в ту секунду, когда ребенок начинает взаимодействие со взрослыми. Для героя, не имеющего своего жизненного опыта, неподготовленного к реалиям окружающей действительности, отсутствие взрослых подобно смерти. Моменты панических атак тоже сопровождаются тишиной, раскрыть состояние персонажа в эту минуту позволяют симптоматические жесты: *«я вдруг задрожал: быстро-быстро, как заводной заяц»*, *«я не слышу ни слова – прямо как в старой ушанке»* [14]. Недуг является главной причиной пережитых героем стрессовых ситуаций.

Родители отказываются от активных действий, которые способствовали бы формированию стабильной адекватной атмосферы в семье и дальнейшему исцелению детей, наоборот, они готовы прибегнуть к дистанцированию в отношениях с детьми, часто повторяя: *«Достало это все. Пусть катится, куда хочет»* [14].

Значимым является отсутствие в тексте лексемы «сын». В обращениях к детям родители используют именование: «Тарс», «Тарас», «Саша», либо оскорбительные слова *«балбесы»* [14], *«дуболексик»* [14], *«гаденыши»* [14], *«копыта свои поганые – сюда»* [14]. Если первые два оскорбления произносятся родителями, то последние – медицинскими работниками, которые также кричат, ругают детей во время приема.

Еще один кратковременный физический недуг, от которого страдает Саша – световой ожог глаз, виной которому стало кварцевое облучение из-за недосмотра медицинских работников, допустивших попадание мальчика в специализированную палату без необходимости.

К концу произведения читатель наблюдает положительную динамику не только в лечении юных героев, но и в развитии детско-родительских отношений – мы можем увидеть надежду автора на возможность исцеления детских недугов, виной которых является мир взрослых.

В ютуб-повести «Субтитры» Е. Немеш [13] читатель знакомится с героиней, имеющей физический недуг – травматическая ампутация руки. Девочка по имени Валерия вынуждена носить протез, но важнее всего ее чувства, раскрытые с помощью суммарно-обозначающего вида психологизма: *«сложно руку тренировать»*; *«ужасно трудно и бесит»* [13]. Героиня вместе с танцевальным коллективом попала в ДТП, виной которому стала халатность взрослых. Важным фактором в организации поездки детей выступила не их безопасность, а экономия денежных средств организацией. В результате этого детский коллектив вынужден был передвигаться на старом автобусе при полном отсутствии дисциплины и невыполнении правил безопасности. Копинг-механизмом для девочки выступают танцы, которые она не в силах бросить даже в сложившейся ситуации.

В аналогичной ситуации оказался герой рассказа М. Самарского «Радуга для друга» [10]: мальчик Саша вместе с отцом попал в ДТП. Автором опущены описания причин возникновения недуга: его интересуют способы борьбы ребенка со сложившейся ситуацией и с неприятием окружающих. В мире, где социум враждебно настроен к непохожим на остальных людей, копинг-механизмом для мальчика послужила дружба с собакой-поводырем, ставшим для Сашки и другом, и братом, и самым близким родственником (*«ты знаешь, Триша <...> ты мне теперь, как родной брат. Настоящий брат, как человек»*) [10].

Другие детские образы книги М. Самарского порочны: жестоки по отношению к сверстникам, к животным. С первой группой персонажей главный герой сталкивается во время прогулки по парку: понимая, что Саша не сможет ответить на замечания, защититься, подростки насмеваются над его физическим дефектом: *«... эй ты, инвалид липовый»* [10], *«может вдобавок еще и глухонемой»* [10]). Вторая группа ребят навредила его другу Трише: они забросали камнями беззащитную собаку, запертую в загоне – для детей это всего лишь очередное развлечение, они не способны прочувствовать чужую боль.

Человек, лишенный сострадания, способен воспитать лишь себе подобных: жестоких, лицемерных и равнодушных людей. Именно поэтому главными средствами исцеления детских недугов и пороков, по мнению автора, являются такие качества в человеке, как доброта, любовь и гуманность.

Выводы

Выбирая темы здоровья-болезни в качестве предмета диалога с подростками, писатели отвечают главным потребностям общества – росту интереса к детскому здравоохранению вследствие увеличения процентного соотношения заболеваемости и смертности среди детского населения. Современные авторы вслед за А.И. Куприным, И.А. Буниным, К.И. Чуковским продолжают раскрывать социальную природу возникновения детских пороков и недугов, описывая детей, непонятых родителями, столкнувшихся с халатностью и безразличием взрослых, жестокостью сверстников, вынужденных лечить себя самостоятельно, непонимающих грани нравственного и безнравственного. Детские авторы изображают и порочный мир взрослых, у которых не оказывается времени на важные разговоры с детьми. Родители не понимают, что, оказываясь заложниками взрослого цинизма, лицемерия и равнодушия, дети подвержены хроническим заболеваниям, психологическим недугам.

И. Богатырева в повести «Я – сестра Тоторо» освещает пороки общества через такие группы детских недугов и пороков, как физический (химический ожог руки), нравственный (жестокость по отношению к животным), психологический (психологическая манипуляция) и психико-физиологический недуг (предположительно синдром Дауна). М. Якунина в произведении «Дорогая Рита» – через врожденную сердечную недостаточность и головные боли (физические недуги). Герои Е. Немеш страдают от аллергии, светового ожога глаз, глухоты, необходимости ношения протеза, вместо руки (физические недуги), панических атак (психологический недуг), дислексии (психический недуг), а герои рассказа «Радуга для друга» – слепоты (физический недуг), жестокости детей (порок). Писатели обращаются не только к описанию врожденных недугов (Рита – «Дорогая Рита», Велька – «Я – сестра Тоторо», Саша – «Выключите орфографию»), но и приобретенных пороков (Таня, Ульяна – «Я – сестра Тоторо», Саша – «Дорогая Рита», Тарс – «Выключите орфографию», Валерия – «Субтитры» и Александр – «Радуга для друга»).

Нами замечена интересная трансформация пороков и недугов: в детской литературе XIX, XX веков преобладают пороки детских образов [4], а в прозе XXI века – недуги, причинами которых является порочность социума.

Для детального изображения пороков и недугов авторы все чаще обращаются к косвенному виду психологизма: ольфакторному, звуковому кодам, жестово-мимическому портрету и колоронимам. Образ больницы выступает важной метафорой в описании порочности и ущербности социального устройства, главным критерием является мотив духоты – общество душит невинные существа, губит их равнодушием. Описание пороков и недугов всегда носят обличающий характер. Предметом обличения выступают болезненность и порочность мира, ущербность и неправильное функционирование общества.

Список источников

1. Фарино Е. Введение в литературоведение: учебное пособие. СПб.: Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 2004. 639 с.
2. Сенне К. Гендер, телесность и болезнь в современной детской литературе URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-teslnost-i-bolezn-v-sovremennoy-detskoy-literature> (дата обращения: 02.10.2022)
3. Ахметзянова Э.И., Фазилова В.А. Пороки и недуги детских образов в детско-юношеской литературе XIX века // Академическая публицистика. 2021. № 12(1). С. 141 – 158.
4. Божкова Г.Н., Ахметзянова Э.И. Болезни и недуги героев подростковой прозы XX-XXI вв // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 4 (37). С. 457 – 460.
5. Карачоло Д.А. Детская литература и диабет. URL: <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/31824> (дата обращения: 30.09.2022)
6. Проктор М. Хронически больные дети: анализ содержания оценки реалистичной прорисовки «Болезнь опыта» для детских персонажей XXI века в детских иллюстрированных книг. URL: https://cdr.lib.unc.edu/concern/masters_papers/b27740146 (дата обращения 01.10.2022)
7. Джери Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь: в 2-х т.: пер. с англ. Н. Н. Марчук. М.: Вече, АСТ, 1999. Т. 1. 544 с.
8. Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка: 180000 слов и словосочетаний. М.: Альта-Принт идр. 2008. 1239 с.

9. Ахметзянова Э.И. Пороки и недуги в детско-юношеской прозе конца XIX – начала XX веков // Научное сообщество студентов. Междисциплинарные исследования: Сборник статей по материалам ХСII студенческой международной научно-практической конференции. Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга». 2020. № 9 (92). С. 59 – 70.
10. Самарский М. Радуга для друга. URL: https://mir-knig.com/read_395178-1 (дата обращения: 17.10.2022)
11. Якунина М. Дорогая Рита // Книгуру. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadtsatogo-sezona/dorogaya-rita-mariya-yakunina>(дата обращения: 02.10.2022)
12. Богатырева И.Я – сестра Тоторо: повесть. М.: Дет. лит., 2021. 269 с.
13. Немеш Е. Субтитры // Книгуру. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-odinnadtsatogo-sezona/subtitryi-eva-nemesh> (дата обращения: 29.09.2022)
14. Немеш Е. Выключите орфографию // Книгуру. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadtsatogo-sezona/vyiklyuchite-orfografiyu-eva-nemesh> (дата обращения: 05.10.2022)
15. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984. 472 p.
16. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach // Journal of Personality and Social Psychology. 1989. №2 (56). P. 267 – 283.
17. Медицинская энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia (дата обращения: 14.10.2022)
18. Тресиддер Дж. Словарь символов. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/13.htm (дата обращения: 20.09.2022)
19. Strachan D. Hay fever, hygiene, and household size // BMJ. 1989. № 299 (6710). P. 1259 – 1260.

References

1. Farino E. Introduction to literary criticism: textbook. SPb.: Publishing house RGPU im. A. I. Herzen, 2004. 639 p.
2. Senne K. Gender, physicality and illness in modern children's literature URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gender-telesnost-i-bolezn-v-sovremennoy-detskoy-literature> (date of access: 02.10.2022)
3. Akhmetzyanova E.I., Fazilova V.A. Vices and illnesses of children's images in children's and youth literature of the 19th century. Academic journalism. 2021. No. 12(1). P. 141 – 158.
4. Bozhkova G.N., Akhmetzyanova E.I. Diseases and illnesses of heroes of teenage prose of the XX-XXI centuries. Scientific notes of the Novgorod State University. 2021. No. 4 (37). P. 457 – 460.
5. Caracciolo D.A. Children's literature and diabetes. URL: <https://vtechworks.lib.vt.edu/handle/10919/31824> (access date: 09/30/2022)
6. Proctor M. Chronically ill children: a content analysis of the realistic portrayal of the “Illness Experience” for 21st-century children's characters in children's picture books. URL: https://cdr.lib.unc.edu/concern/masters_papers/b27740146 (accessed 10/01/2022)
7. Jeri D., Jeri J. Large explanatory sociological dictionary: in 2 volumes: trans. from English N. N. Marchuk. M.: Veche, AST, 1999. T. 1. 544 p.
8. Ushakov D.N. Large explanatory dictionary of the modern Russian language: 180,000 words and word combinations. M.: Alta-Print etc. 2008. 1239 p.
9. Akhmetzyanova E.I. Vices and illnesses in children's and youth's prose of the late 19th – early 20th centuries. Scientific community of students. Interdisciplinary research: Collection of articles based on the materials of the XCII student international scientific and practical conference. Novosibirsk: Limited Liability Company "Siberian Academic Book". 2020. No. 9 (92). P. 59 – 70.
10. Samarsky M. Rainbow for a friend. URL: https://mir-knig.com/read_395178-1 (access date: 10/17/2022)
11. Yakunina M. Dear Rita // Book. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadtsatogo-sezona/dorogaya-rita-mariya-yakunina> (access date: 10/02/2022)
12. Bogatyreva I. I am Totoro's sister: a story. M.: Det. lit., 2021. 269 p.
13. Nemesh E. Subtitles. Book. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-odinnadtsatogo-sezona/subtitryi-eva-nemesh> (access date: 09.29.2022)
14. Nemesh E. Turn off spelling. Book. URL: <http://kniguru.info/korotkiy-spisok-dvenadtsatogo-sezona/vyiklyuchite-orfografiyu-eva-nemesh> (access date: 10/05/2022)
15. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, appraisal, and coping. New York: Springer, 1984. 472 r.

16. Carver C.S., Scheier M.F., Weintraub J.K. Assessing coping strategies: A theoretically based approach. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1989. No. 2 (56). P. 267 – 283.
17. Medical encyclopedia. URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia (access date: 10/14/2022)
18. Tresidder J. Dictionary of symbols. URL: https://www.booksite.ru/localtxt/tre/sid/der/tresidder_d/slovar_sim/13.htm (access date: 09.20.2022)
19. Strachan D. Hay fever, hygiene, and household size // *BMJ*. 1989. No. 299 (6710). P. 1259 – 1260.

Информация об авторах

Божкова Г.Н., кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 89274829598

Ахметзянова Э.И., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Софронова С.А., Казанский (Приволжский) федеральный университет

Шакирова А.М., Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Божкова Г.Н., Ахметзянова Э.И., Софронова С.А., Шакирова А.М., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

¹ Голиус М.Ф.

¹ Уфимский университет науки и технологий

Лингвопрагматика виртуального дискурса (на материале речей руководителей государственных структур)

Аннотация: статья посвящена комплексной характеристике виртуального дискурса руководителей государственных структур, в рамках которого были рассмотрены: стиль повествования, его основные черты и признаки; видовое разнообразие контента; мультимедийность сообщений (в комбинации визуальных, графических, аудио/видео средств передачи информации); наличие/отсутствие вербальных символических маркеров. Актуальность работы обусловлена последними изменениями в законодательстве, которые привели руководителей госструктур к систематическому созданию контента на виртуальных площадках коммуникаций. Отсутствие теоретической базы в этом направлении подчеркивает новизну исследования, которое, в свою очередь, может стать отправной точкой для более глубокого и всестороннего изучения данного вопроса. В основу работы была положена гипотеза о том, что представители государственной власти, создавшие аккаунты в социальных сетях, занимаются ими лишь формально. Их тексты написаны в официально-деловом стиле, с использованием канцеляризмов и шаблонных фраз, «сухо», по факту, без эмоций. В них нет места современным языковым средствам и символам (смайлы, хештеги, ссылки), они носят строгий рамочный характер. В то время как социальные сети предоставляют разнообразные инструменты для создания интересного контента и призывают к ведению открытого, эмоционального и доверительного общения.

Ключевые слова: виртуальный дискурс, представители госструктур в социальных сетях, тексты в социальных сетях, газетно-публицистический стиль, тексты Вконтакте

Для цитирования: Голиус М.Ф. Лингвопрагматика виртуального дискурса (на материале речей руководителей государственных структур) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 21 – 27.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

Golius M.F.

¹ Ufa University of Science and Technology

Linguopragmatics of virtual discourse (based on speeches by heads of state structures)

Abstract: the article is devoted to the complex characterization of the virtual discourse of heads of state structures, within the framework of which the following were considered: the style of narration, its main features and signs; the species diversity of content; multimedia messages (in combination of visual, graphic, audio/video media); the presence/absence of verbal symbolic markers. The relevance of the work is due to the latest changes in legislation, which led the heads of government agencies to systematically create content on virtual communication platforms. The lack of a theoretical basis in this direction underlines the novelty of the research, which, in turn, can become a starting point for a deeper and more comprehensive study of this issue. The work was based on the hypothesis that government officials who created accounts on social networks are engaged in them only formally.

Their texts are written in an official business style, using clerical phrases and formulaic phrases, "dryly", in fact, without emotion. They have no place for modern language tools and symbols (emoticons, hashtags, links), they are of a strict framework nature. While social networks provide a variety of tools for creating interesting content and encourage open, emotional and trusting communication.

Keywords: virtual discourse, representatives of government agencies on social networks, texts on social networks, newspaper and journalistic style, Vkontakte texts

For citation: Golius M.F. Linguopragmatics of virtual discourse (based on the material of speeches by heads of state structures). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 21 – 27.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 14, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

XXI век – время расцвета разнообразных онлайн-коммуникаций посредством сети Интернет. Вчерашние обыватели становятся блогерами, систематически создают контент: пишут тексты, снимают фото и видео, делятся опытом, ведут диалоги с подписчиками. Динамично развивают свой бизнес предприниматели, создают сайты, бизнес-блоги и группы в социальных сетях. Даже государство, в лице своих органов, шагнуло в сеть Интернет.

С 1 декабря 2022 года у госорганов появились официальные аккаунты во Вконтакте и Одноклассниках [1]. И это, несомненно, привлекло внимание не только общественности, но и специалистов в области лингвистики.

Повышенный интерес был связан с тем, что впервые государство, в лице своих представителей, вышло на новые площадки социальных коммуникаций, которые подразумевают легкое, доверительное, неофициальное общение между участниками. Кроме того, организаторы «места общения» предоставляют широкие мультимедийные возможности для создания интересного, привлекающего внимание контента (размещение видеороликов, создание ярких картинок для постов, добавление смайлов, ссылок и хештегов в тексты, прикрепление аудиодорожек, фотографий и т.д.)

Стоит отметить, что коммуникация представителей госучреждений всегда носила формальный, рамочный характер, а завеса деятельности приоткрывалась лишь посредством отчетов на собраниях и пресс-конференциях. Поэтому появление последних в социальных сетях можно назвать феноменом XXI века, однако качество их присутствия в сети вызывает множество вопросов. Например: какой формат и стиль подачи информации был выбран представителями власти, был ли применен весь спектр инструментов для создания контента, было ли место творческому подходу в публикациях и т.д.

В связи с вышеизложенным, возникает необходимость рассмотрения и анализа лингвопрагматических установок в пространстве виртуального дискурса, что определило **цель** предлагаемого исследования: создание комплексной характеристики виртуального дискурса руководителей государственных структур с позиции стилистики лингвопрагматики. В рамках поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**: определить стиль повествования, его основные черты и признаки; изучить видовое разнообразие контента; оценить мультимедийность сообщений (в комбинации визуальных, графических, аудио/видео средств передачи информации); отметить наличие/отсутствие вербальных символических маркеров (ссылки, хештеги, смайлы).

В основу исследования была положена **гипотеза** о том, что сотрудники органов государственной власти применяют формальный подход при ведении блогов в социальных сетях. Для их постов характерны: официально-деловой стиль, безэмоциональность, низкая мультимедийность, дистанцированность, использование канцеляризмов и шаблонных фраз, отсутствие современных языковых средств и символов, в то время как социальные сети, с одной стороны, предполагают открытое, эмоциональное и доверительное общение между участниками, а, с другой, предоставляют разнообразные инструменты для создания яркого, интересного и запоминающегося контента [2].

Материалы и методы исследований

Исходя из поставленных задач, были использованы **методы** лингвистического наблюдения, контекстуального анализа и сравнения. Материалом исследования стали аккаунты глав администраций городов Республики Башкортостан: (Уфа, Стерлитамак, Октябрьский) и районов (Туймазинский, Благовещенский, Учалинский, Белорецкий, Мелеузовский, Балтачевский, Кармаскалинский, Нуримановский) в социальной сети Вконтакте в период с июля по ноябрь 2023 года. Выбор аккаунтов производился случайно. Исследо-

вание проводилось с точки зрения научного интереса без каких-либо рекламных, агитационных или PR-целей. За указанное время в общей сложности было проанализировано свыше 1000 постов.

Результаты и обсуждения

«В настоящее время с учетом функционального принципа в системе русского литературного языка выделяется шесть стилей: научный, официально-деловой, газетно-публицистический, церковно-религиозный, стиль художественной литературы, обиходно-разговорный» [3, с. 40]. Для определения стиля повествования в текстах представителей госструктур мы рассматривали экстралингвистические факторы, а также языковые особенности и характерные стилевые черты изучаемых интернет-текстов. В ходе исследования было установлено, что представители власти в своих постах используют газетно-публицистический стиль повествования, функции которого позволяют наиболее точно отразить деятельность последних. Напомним, что главными функциями вышеуказанного стиля являются информирование и воздействие. Информационная функция, реализуемая представителями органов государственной власти, определена необходимостью сообщить подписчикам о проделанной работе, о текущем положении дел, а также о разного рода фактах и событиях. А функция воздействия связана с необходимостью повлиять на их взгляды и поведение.

Рассмотрим подробнее, какие черты газетно-публицистического стиля нашли отражение в исследуемых публикациях. Во-первых, **документально-фактическая точность**. Это качество присуще и другим книжным стилям речи, однако, есть ряд нюансов, позволяющих вывести некоторые отличия. Так, в научном стиле имеет место предметно-понятийная точность, которая выделяется обилием дефиниций. В официально-деловом стиле точность характеризуется прямым толкованием, исключающим неверную трактовку, что достигается путем перечисления различных обстоятельств, имеющих конкретизирующее значение. В газетно-публицистическом стиле, точность базируется на фактических данных и выражается посредством использования в тексте чисел, дат, официальных названий госорганов, учреждений, служб, профессий, широко известных аббревиатур и т.д.

Именно такая, газетно-публицистическая, точность часто встречается в постах представителей власти. Рассмотрим данное утверждение на конкретных примерах: *«Большую работу по капремонту ФАП в рамках республиканского проекта «Атайсал» для своих односельчан провели туймазинские предприниматели, руководители ООО "РиаПлост", отец и сын Марат и Ринат Шайдуллины»* [4, пост от 20.09.2023, 11:10 ч.]; *«Управление дорожного хозяйства республики в рамках территориального заказа по содержанию, строительству и реконструкции автомобильных дорог общего пользования смонтировали 111 фонарей уличного освещения на протяжении более 3 км автомобильной дороги, проходящей через село Новокулево и 79 фонарей на протяжении более 2 км в с. Старокулево»* [5, пост от 24.10.2023, 12:32 ч.]; *«Со 2 по 4 июля в военно-патриотическом парке «Патриот» имени Героя России Максима Серафимова прошел республиканский лагерь волонтеров»* [6, пост от 05.07.2023, 12:51 ч.].

Во-вторых, **синтаксическая легкость и непринужденность**. Для публицистического стиля речи характерны несложные синтаксические конструкции, риторические вопросы, восклицательные и побудительные предложения. В большинстве исследуемых аккаунтов тексты состоят из простых союзных и бессоюзных предложений, легко читаемых и воспринимаемых на слух, которые, действительно, подобны газетным публикациям. В качестве примера отрывок из поста главы администрации Балтачевского района РБ Ильгиза Субушева: *«Посетил производственную площадку предпринимателя Ильгиза Нурисламова. Он с недавних пор начал ремонтировать и реставрировать мягкую мебель. Закупил оборудование. Попутно изготавливает мебель для бань и саун. У предпринимателя планы расширяться, рассказал о своём бизнес-проекте. По мне - очень интересном и востребованном. Для нас важно поддержать малое предпринимательство!»* [7, пост от 04.10.2023, 18:56 ч.]

В формате лёгких синтаксических конструкций написаны многие посты Алексея Шмелёва, главы администрации города Октябрьского РБ: *«Вчера, 2 августа, был насыщенный день. Провел первую встречу как кандидат. Со своей командой пообщался с сотрудниками мясокомбината «Золотой рог». Замечательное городское предприятие»; «Прошлая неделя завершилась еще двумя встречами. Пообщался с коллективом ГУП «Октябрьскомунводоканал» и жителями микрорайонов Заитово и Первомайский. Очень полезные встречи»* [6, пост от 03.10.2023, 17:47 ч.].

Часто в постах представителей органов власти можно встретить восклицательные предложения: *«Удачи всем! Хорошей, плодотворной недели!»; «Работа в Благовещенске есть!...Главное – желание работать!»* [8]; *«Мы ждём вас, ребята! Победа будет за нами!»; «Спасибо за мужской поступок!»* [9]; *«Учебный год вступил в свои права!»; «В добрый путь за знаниями!»; «Ветеринар - это призвание!»* [5], а также побудительные предложения: *«Прошу вас, донесите мусор до урны! Не бросайте! Давайте беречь*

чистоту города вместе!»; «Отдыхайте осторожно! [10] редко – риторические вопросы: «Почему одни убираются и чистят, а другие осознанно мусорят?» [8].

В-третьих, это *экспрессивность* или *авторская страстность*, которая чаще всего выражается с помощью таких средств языка как метафора, эпитет, метонимия, олицетворение, перифраз, литота, сравнение, гипербола и т.д. Этот признак в большей или меньшей степени можно встретить в текстах всех представителей власти. Так, у главы Учалинского района Республики Башкортостан Руслана Гилязетдинова мы отметили такие языковые средства как: «**Учалы помнит своих героев!**» (метонимия); «**Ленты соцсетей заполнили фотографии грибных уловов и осенних пейзажей**» (метафора); «**Хотя байкерские клубы расположены, в основном, в крупных городах, наши любители «железных коней» могут заказывать их у себя дома**» (метонимия); «**Пусть добрая и светлая память о них останется на многие поколения**» (эпитеты) [11].

Следующие средства выразительности были использованы в постах главы Белорецкого района Республики Башкортостан Андрея Иванюты: «**Несколько лет машина служила Вадиму верой и правдой**». (фразеологизм); «**Недавно он купил другой автомобиль, а продавать свою "ласточку" жаль, поэтому решил отдать её на благое дело**». (метафора); «**В сквере Ленина в районе городской администрации посадили 32 ёлочки. Ещё восемь голубых елей обрели "пропуск" возле стадиона "Металлург**» (олицетворение) [9].

В-четвертых, *лексическое разнообразие*. Помимо эмоционально-экспрессивной лексики в текстах, написанных в формате газетно-публицистического стиля, можно встретить и газетные клише, которые, к слову, встречаются достаточно часто: «**Показательные выступления продемонстрировали спортивные школы города по различным видам борьбы – дзюдо, каратэ, самбо...**»; «**...хочу отметить, что стерлитамакские спортсмены своими победами вносят большой вклад в копилку наград республики и страны**»; «**На базе наших школ проходят легкоатлетические эстафеты, матчи по футболу и стритболу, по большому теннису**». [12]

А также фразеологические выражения, книжные слова, жаргоны, устаревшие сочетания слов, разговорные выражения и обороты: «Поздравляю с заслуженной наградой и желаю **«сухих рукавов»**!» (проф. жаргон) [13, пост от 15.09.2023, 15:24 ч.]; «...Прошли по центральной аллее. Посмотрели, где скульптурная композиция будет наиболее выигрышно смотреться. **Одна голова хорошо, а две – лучше** (поговорка). Посоветовались.» [6, пост от 05.08.2023, 16:37]; «Случайно услышал, как дети хвастались у кого двор круче (разг. Выражение), где много интересных горок, скалодромов, качелей» [6, пост от 11.08.2023, 16:20].

В ходе исследования аккаунты представителей власти также были рассмотрены с точки зрения видового разнообразия публикаций. В социальных сетях можно выделить шесть основных видов контента: информационный, репутационный, развлекательный, вовлекающий, пользовательский и продающий. В результате анализа мы выявили, что 75% постов представителей госструктур носят информационный характер, 20% – репутационный, 3% – развлекательный и 2% – вовлекающий. Рассмотрим подробнее.

1) Информационный контент представлен преимущественно в формате **новостей** («В МУП "Водоканал" создано подразделение, которое занимается уличным освещением»; «На фасаде здания гимназии №3 установили мемориальную доску Александру Швецову, героически погибшему во время спецоперации на Украине»; «Гречиха в этом году была засеяна на площади 3700 га, просо – 650 га.»); **анонсов** («В октябре в Благовещенске уже второй раз пройдет семейный фестиваль "Сила слова"»; «На службу по контракту принимают всех желающих мужчин до 65 лет»; «Вместе с фондом «ОМК-Участие» и благовещенским заводом ОМК приглашаем принять участие в благотворительном забеге «Кто бежит? Все бегут!»); **пост-релизов** («10 сентября прошли выборы депутатов в сельских поселениях»; «Команда Мелеузовского района стала победителем Чемпионата республики по русскому жиму и гиревому спорту»).

2) Репутационный – в виде мини-отчетов о событиях городского, федерального или международного масштаба, о проделанной работе в рамках города или муниципального округа, крупных мероприятиях, проводимых с участием представителей из других стран или регионов России. Например: «Стерлитамак в эти дни стал центром проведения одного из главных спортивных событий этого года. У нас проходит IX Кубок Евразии по всестилевому каратэ EurAsiaCup» [12]; «Сегодня с мэром города Эрзурума Турецкой Республики Мехметом Секменом подписали Протокол о намерениях сотрудничества между Администрацией Уфы и Большого Города Эрзурума»; «В рамках нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства» Уфа вошла в число городов-победителей впервые проводимого в России конкурса по проектированию туристского кода центра города» [10].

3) Развлекательный контент представлен: цитатами, стихами, добрыми пожеланиями («Доброе утро, туймазинцы, и хорошего дня!»; «Доброго вечера и отличных выходных!»); постами-поздравлениями с профессиональными, международными, государственными, республиканскими праздниками, памяtnыми датами, со спортивными победами («Уважаемые ученики, студенты, педагоги и родители! Поздравляю вас с замечательным праздником – Днем знаний!»; «С праздником, уважаемые балтачевцы, земляки! С Днем Республики Башкортостан!»; «Наши дорогие кармаскалинцы старшего поколения, дорогие земляки преклонного возраста! От всего сердца поздравляю вас с Днем пожилых людей — праздником мудрости и добра!»).

4) Вовлекающий – через посты-призывы принять участие в чем-либо (в выборах, голосовании, экологической акции, субботнике и т.д.) Например: «Мы только сообща разберемся в этом вопросе... Поэтому предлагаю нам всем пройти небольшой опрос. Если есть предложения, пишите в комментариях. Обсудим с коллегами» [8]; «Я сделал свой выбор. Сделайте его и вы!» [4]; «Дорогие учалинцы, наш земляк представляет Учалинский район в творческой лаборатории... Очный этап в Уфе уже позади, сейчас ему необходима наша поддержка в голосовании в рамках дистанционного этапа... Давайте поддержим нашего парня!» [11]; «Дорогие земляки, приглашаю вас на выборы депутатов Государственного Собрания - Курултая Республики Башкортостан и депутатов сельских поселений!» [13].

Что касается мультимедийности постов в комбинации визуальных, графических, аудио/видео средств передачи информации, то здесь они представлены в формате минимализма. Публикации, как правило, состоят из текста и фотографий, иногда вместо них может быть использована картинка. В некоторых аккаунтах можно встретить видеосюжеты, однако многие представители власти используют их не часто. Количество фотографий варьируется от одной до десяти. Специального оформления: логотипа, индивидуального водяного знака или какого-то символа, отражающего принадлежность к определенному аккаунту, они не содержат.

Также было отмечено, что во всех исследуемых аккаунтах формат изображений в постах разный: могут быть использованы прямоугольные вертикальные и горизонтальные фотографии, а также снимки квадратной формы. Нет стандартизации изображений по форме или качеству. Но, в целом, большинство фотографии имеет хорошее исполнение. Схематические иллюстрации в виде графиков или диаграмм не используются.

Надо сказать, что у некоторых представителей власти есть своя, авторская, манера публикаций. Например, у главы администрации города Октябрьского РБ Алексея Шмелёва иногда встречаются только текстовые посты без прикрепления фото или видео, а также посты с одной фотографией без текста, но с небольшим, в одно предложение, комментарием. Обычно это пейзажная фотография одного из красивых мест города. У главы администрации Туймазинского района РБ Айдара Суфиянова, наоборот, посты всегда сопровождаются фотографиями либо видеороликами. При этом 80% постов имеют большое количество фотографий от 5 и более. Публикации с 1 фотографией бывают крайне редко. У главы администрации Нуримановского района РБ Вилдана Ситдикова текстовые публикации сопровождаются разнообразным визуальным контентом (фотография, картинка, видеоролик, коллаж из фотографий и т.п.)

Помимо постов в ленте социальная сеть Вконтакте предусматривает возможность публикации *stories* (форма контента, подаваемого в вертикальном формате продолжительностью до 15 секунд и «жизнеспособностью» до 24 часов). Однако представители власти не пользуются этим инструментом и не осуществляют таких публикаций. Также «за бортом» остались такие инструменты социальной сети как прикрепление к постам файлов, карт, опросов, клипов, аудиодорожек.

Рассматривая посты с точки зрения наличия/отсутствия вербальных символических маркеров (ссылки, хештеги, смайлы), было отмечено, что ссылок в публикациях на внешние сайты почти нет. Смайлы иногда используются, но тоже крайне редко. Исключение составляют аккаунты глав администраций Туймазинского и Балтачевского районов РБ, здесь эти символические маркеры встречаются достаточно часто, в каждом посте или через пост. Что касается хештегов, то они присутствуют, но тоже не часто. В целом, подача материала сводится к публикации текста с фотографиями к нему, которые изредка сменяются картинками или видеороликами.

Выводы

Изучив содержание аккаунтов представителей госструктур были сделаны следующие выводы. У глав администраций городов и районов Республики Башкортостан есть открытые аккаунты в социальной сети Вконтакте. Публикации осуществляются систематически: каждый день или через день. Повествование в большинстве случаев ведется от первого лица множественного числа в газетно-публицистическом стиле. Размер текстов в среднем варьируется от 500 до 1000 символов без учета пробелов. Контент представлен

четырьмя основными видами постов, которые носят информационный, репутационный, развлекательный и вовлекающий характер.

Мультимедийность постов средняя. Публикации, как правило, состоят из текста и фотографий, иногда вместо них могут быть использованы картинки или видеоролики. Однако последние встречаются не часто. В среднем, соотношение видео к фото составляет 1 к 20. Количество фотографий, прикрепленных к посту варьируется от одной до десяти. Формат изображений разный: могут быть использованы прямоугольные вертикальные и горизонтальные фотографии, а также фотоснимки квадратной формы.

Другие форматы изображений в виде схематических иллюстраций, графиков или диаграмм не используются. Такие инструменты социальной сети как stories, клипы, опросы, прикрепление к постам файлов, карт, аудиодорожек также остаются без внимания. Что касается символических маркеров, таких как ссылки, хештеги, смайлы, то они время от времени встречаются в текстах постов. Частота их публикаций зависит от автора аккаунта. Большинство представителей власти не использует их совсем или используют редко, но есть и те, кто пользуется этими инструментами достаточно часто (2% от общего числа рассматриваемых аккаунтов).

Таким образом, гипотеза о том, что сотрудники госорганов применяют формальный подход при ведении блогов в социальных сетях, не нашла своего 100% подтверждения. Тексты постов пишутся в газетно-публицистическом стиле и, несмотря на наличие в них шаблонных фраз и газетных клише, являются иногда достаточно экспрессивными и лексически разнообразными.

К тому же некоторые представители власти, действительно, стараются строить коммуникацию в формате дружеского диалога с подписчиками. Например, тексты главы города Октябрьского РБ Алексея Шмелёва имеют узнаваемый авторский стиль и тёплый эмоциональный фон. Они напоминают дружескую переписку, а не сухие отчеты о проделанной работе (*«Дорогие октябрыцы, началась новая рабочая неделя. Хочу надеяться, что ваши выходные прошли успешно, плодотворно и по-доброму. Я же в субботу, как гость, получал удовольствие от «Праздника двора»; «Дорогие октябрыцы, хочу поделиться впечатлением. Случайно услышал, как дети хвастались у кого двор круче, где много интересных горок, скалодромов, качелей. Заинтересовался.»; «Посмотрели, где скульптурная композиция будет наиболее выигрышно смотреться. Одна голова хорошо, а две лучше. Посоветовались. Я считаю, важным, чтобы скульптура не просто украшала аллею, но была доступной для горожан»*) [6].

Еще один аккаунт, в котором чувствуется теплая блогерская атмосфера, принадлежит главе администрации Благовещенского района РБ Олегу Голову. В своих постах он часто обращается к читателям, выстраивая тем самым, виртуальный диалог. (*«Присылайте фото в комментариях, если вы сегодня принимали участие в акции»; «Я сам был на каждом из этих предприятий. А где бывали или хотели бы побывать вы?»; «Еще 4 года назад нас упрекали, что микрорайон ГАИ забытый всеми район. И мы ежегодно вкладываем немалые средства для развития микрорайона. Есть изменения? Думаю, каждый заметил, что да.»; «Если есть предложения, пишите в комментариях.»*) [11].

Знает как растопить лёд в сердцах своих подписчиков и глава Балтачевского района Республики Башкортостан Ильгиз Субушев. В его постах можно встретить родную многим землякам башкирскую речь (*«Алга, Башкортостан!» («Вперед, Башкортостан!»); «Хәйерле иртә! Изге җомга мөбарәк булсын!» (Доброе утро! Счастливой пятницы!); «Доброго праздничного утра, друзья! Хәйерле иртә!»*)[7] Читать такие посты особенно приятно коренным, говорящим на родном языке, жителям. С одной стороны это является изюминкой его аккаунта, а, с другой, – позволяет наладить контакт с местными жителями, показать, что «у руля» свой человек, земляк.

Достаточно часто в аккаунтах представителей власти можно встретить теплые слова-пожелания в адрес подписчиков такие как: *«Доброе утро!», «Хорошей рабочей недели!», «Хороших выходных!»*. Поздравления с праздниками и спортивными победами; соболезнования по случаю смерти. Может показаться, что всё выше сказанное лишь формальная вежливость, но так или иначе это несет положительный посыл и сокращает дистанцию между представителями органов государственной власти и подписчиками.

Список источников

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 г. № 2523-р.
2. Фаткуллина Ф.Г., Халимова Р.Р. Лингвопрагматика текстов Product placemant: монография. Текст: непосредственный. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012, 162 с.
3. Бурцев В.А. Стилистика русского языка : учебное пособие. 2-е изд. Москва: ФЛИНТА, 2023. ISBN 978-5-9765-4933-3 // Лань: электронно-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/333500> (дата обращения: 08.09.2023). Режим доступа: для авториз. пользователей. С. 40.

4. Аккаунт Вконтакте Айдара Суфиянова (глава администрации Туймазинского района РБ) https://vk.com/aidarsufiyanov?w=wall515019029_20870
5. Аккаунт Вконтакте Вилдана Ситдикова (глава администрации Нуримановского района РБ) <https://vk.com/vildansitdikov>
6. Аккаунт Вконтакте Алексея Шмелёва (глава администрации г. Октябрьского РБ) https://vk.com/an_shmelev
7. Аккаунт Вконтакте Ильгиза Субушева (глава администрации Балтачевского района РБ) <https://vk.com/subushevilgiz>
8. Аккаунт Вконтакте Олега Голова (глава администрации Благовещенского района РБ) <https://vk.com/oleggolov>
9. Аккаунт Вконтакте Андрея Иванюты (глава администрации Белорецкого района РБ) <https://vk.com/ivaniutaandrei>
10. Аккаунт Вконтакте Ратмира Мавлиева (глава администрации г. Уфы РБ) <https://vk.com/ratmir.mavliev>
11. Аккаунт Вконтакте Руслана Гилязетдинова (глава администрации Учалинского района РБ) <https://vk.com/ruslangilyazetdinov>
12. Аккаунт Вконтакте Рустема Газизова (глава администрации города Стерлитамака РБ) <https://vk.com/r.f.gazizov>
13. Аккаунт Вконтакте Рустэма Шамсутдинова (глава администрации Мелеузовского района РБ) <https://vk.com/shrustemn>

References

1. Order of the Government of the Russian Federation dated September 2, 2022 No. 2523-r.
2. Fatkullina F.G., Khalimova R.R. Linguistics and pragmatics of Product placement texts: monograph. Text: direct. Ufa: RIC BashSU, 2012, 162 p.
3. Burtsev V.A. Stylistics of the Russian language: textbook. 2nd ed. Moscow: FLINTA, 2023. ISBN 978-5-9765-4933-3. Lan: electronic library system. URL: <https://e.lanbook.com/book/333500> (access date: 09/08/2023). Access mode: for authorizations. users. P. 40.
4. VKontakte account of Aidar Sufiyanov (head of the administration of the Tuymazinsky district of the Republic of Belarus) https://vk.com/aidarsufiyanov?w=wall515019029_20870
5. VKontakte account of Vildan Sitdikov (head of the administration of the Nurimanovsky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/vildansitdikov>
6. VKontakte account of Alexey Shmelev (head of administration of the city of Oktyabrsky Republic of Belarus) https://vk.com/an_shmelev
7. VKontakte account of Ilgiz Subusheva (head of the administration of the Baltachevsky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/subushevilgiz>
8. VKontakte account of Oleg Golov (head of the administration of the Blagoveshchensky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/oleggolov>
9. VKontakte account of Andrey Ivanyuta (head of the administration of the Beloretsky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/ivaniutaandrei>
10. VKontakte account of Ratmir Mavliev (head of administration of the city of Ufa, Republic of Belarus) <https://vk.com/ratmir.mavliev>
11. VKontakte account of Ruslan Gilyazetdinov (head of administration of the Uchalinsky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/ruslangilyazetdinov>
12. VKontakte account of Rustem Gazizov (head of the administration of the city of Sterlitamak, Republic of Belarus) <https://vk.com/r.f.gazizov>
13. VKontakte account of Rustem Shamsutdinov (head of the administration of the Meleuzovsky district of the Republic of Belarus) <https://vk.com/shrustemn>

Информация об авторе

Голиус М.Ф., аспирант, Уфимский университет науки и технологий, marianly@mail.ru, 89273033435

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.373.21

¹ Фесенко О.П.

¹ Омский государственный университет путей сообщения

Война и армия в современных годонимах (на примере Омска)

Аннотация: статья посвящена анализу особенностей отражения военной истории и армии в названиях омских улиц, переулков, бульваров и площадей (годонимов, или милитаронимных топонимов), выступающих объектом исследования. Предмет исследования – специфика отражения военной истории в городской годонимике (на примере названий улиц Омска). Омск – один из немногих городов-миллионников, расположенных в Сибири. На его территории уже более 100 лет не было войн, однако являясь частью страны, названия городских улиц отражают историческую память государства, в целом, и региона, в частности. Цель работы – описать общую картину отражения военной истории в современной годонимике (на примере города-миллионника). В качестве методов исследования были использованы система общенаучных методов (анализ, синтез, обобщение, сопоставление и т.д.), метод статистического подсчета. В работе приведены результаты статистического и содержательного анализа «военных» топонимов Омска, все наименования улиц (годонимы) систематизированы по содержательному наполнению (названия в честь героев войн, в память о военных событиях и названия, содержащие наименования военной атрибутики). Выявлена общая и специфическая составляющие омского региона, отраженная в городской топонимике. Результаты исследования могут быть применены при городском проектировании, а также в рамках современной социолингвистики и ономастики.

Ключевые слова: военные годонимы, городская топонимика, годонимика, топонимика Омска, военная топонимика региона

Для цитирования: Фесенко О.П. Война и армия в современных годонимах (на примере Омска) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 28 – 33.

Поступила в редакцию: 15 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Fesenko O.P.

¹ Omsk State Transport University

War and the army in modern godonyms (on the example of Omsk)

Abstract: the article is devoted to the analysis of the peculiarities of the reflection of military history and the army in the names of Omsk streets, alleys, boulevards and squares (godonyms, or mythonymous toponyms), which are the object of research. The subject of the study is the specifics of reflecting military history in urban place names (using the example of street names in Omsk). Omsk is one of the few million-plus cities located in Siberia. There have been no wars on its territory for more than 100 years, but being part of the country, the names of city streets reflect the historical memory of the state as a whole and the region in particular. The purpose of the work is to describe the general picture of the reflection of military history in modern year names (for example, a city of a million people). The system of general scientific methods (analysis, synthesis, generalization, comparison, etc.), the method of statistical calculation was used as research methods. The paper presents the results of a statistical and

substantive analysis of the "military" toponyms of Omsk, all street names (godonyms) are systematized according to their content (names in honor of war heroes, in memory of military events and names containing the names of military attributes). The general and specific components of the Omsk region, reflected in the urban toponymy, are revealed. The results of the study can be applied in urban design, as well as in the framework of modern sociolinguistics and onomastics.

Keywords: military place names, urban toponymy, toponymy of Omsk, military toponymy of the region

For citation: Fesenko O.P. War and the army in modern godonyms (on the example of Omsk).. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 28 – 33.

The article was submitted: October 15, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность исследования. Военная история – часть истории любой страны. Являясь гражданами России, мы обязаны знать свою историю. Это не значит, что необходимо только зубрить даты и регулярно заглядывать в школьные учебники. Есть та часть военной истории, которая окружает нас постоянно, с которой мы ежедневно сталкиваемся, часто, к сожалению, не осознавая этого.

Военная история – это не только те события, которые пережила наша страна в недавнем прошлом или переживает в настоящем. Это еще и люди – участники военных действий, герои, труженики тыла разных веков и эпох. События и герои войн остаются в памяти народа. Их увековечивают в обелисках, мемориальных досках, произведениях искусства (картинах, книгах, песнях и даже в анекдотах). Но чаще всего мы сталкиваемся с ними на улицах наших городов в форме годонимов – названий городских улиц [3].

Военная история, отраженная на карте городов и сел, – это важнейшая составляющая общей системы культурных ценностей, закреплённых в языке. Любая война – это трагедия и тяжелое испытание для страны. Память об таких испытаниях – залог того, что мы будем чтить погибших, гордиться героями и стремиться в будущем избегать военных конфликтов.

Изучение годонимов в рамках современной ономастики – явление привычное и закономерное, поскольку годонимы являются, во-первых, средством отражения представлений о ценностях, провозглашенных в рамках конкретной исторической эпохи [5, с. 202], и, во-вторых, отражением исторических процессов [2]. Однако если годонимы сел и городов изучают достаточно активно (более 500 статей за последние 10 лет выставлено в научной электронной библиотеке «Elibrary»), то военные годонимы (в некоторых работах – милитаронимные топонимы [6]) только в последнее время стали привлекать внимание исследователей.

В рамках современной ономастики описаны военные годонимы Брянска [3], Саратова [6], Горловки [4], Витебска [7], Кубани [1] и Перми [10]. Населенные пункты Сибири в этом аспекте остаются еще не исследованным полем. С одной стороны, это вполне понятно, поскольку на территории Сибирского региона не было войн уже более 100 лет. Но с другой, Сибирь – это часть страны, в годонимах которой отражается память народов, систему культурно-исторических ценностей. Омск как один из городов-миллионников, претендующий на звание культурной столицы региона, не стал в этом смысле исключением. Среди названий его улиц много таких, происхождение которых непосредственно связаны в военной историей России, что типично для многих городов нашей страны [8].

Цель нашей работы – составить «топонимическую карту» названий улиц, отражающих военные события или прославляющих героев войны, чтобы определить, насколько городская топонимика помогает сохранить память о военной истории.

Объект исследования – названия омских улиц. *Предмет исследования* – история войны, отраженная в топонимике Омска.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования стали названия бульваров, площадей, улиц и переулков г. Омска (всего 1592 наименования, с учетом повторяющихся названий – 1539; перечень улиц взят с сайта «Карты крупных городов по регионам России»: [https://city-address.ru/region-55_oms/all-street/](https://city-address.ru/region-55_oms/region-55_oms/all-street/)). Все названия были нами систематизированы по тематическому признаку:

1) названия, содержащие имена и фамилии знаменитых личностей (356 наименований: ул. Баранова, ул. Айвазовского, ул. Белозерова, ул. Броз Тито и т.д.);

2) названия, связанные с историческими событиями и датами (30 улиц: ул. Красный Путь, ул. Профинтерна, ул. Первомайская и т.д.);

3) призначные названия, или названия-прилагательные (названия, представляющие собой наименование признаков: ул. Яблонева, ул. Электровозная, ул. Транспортная, ул. Угольная, ул. Тульская и т.д.; всего – 1179 топонимов);

4) названия, обозначающиеся явления или профессии (10 наименований: ул. Труда, ул. Строителей, ул. Энергетиков и т.д.).

5) названия, происхождение которых связано с местом, расположенным рядом с улицей или непосредственно на ней, например: ул. Комбикормовый завод, ул. Радиомаяк, ул. Авиагородок и т.д. (всего 17 топонимов).

Результаты и обсуждения

Анализ наименований улиц всех перечисленных групп позволил выделить три основных способа отражения военной истории в топонимике Омска: 1) улицы, названные в честь героев различных войн, 2) улицы, в названии которых увековечены различные военные битвы и события, 3) улицы, в названии которых отражена военная атрибутика.

В первой группе названий улиц, бульваров, площадей и переулков (в честь героев и участников войн) из 356 имен выявлено 130, связанных с участниками войн разных эпох. Абсолютное большинство составляют Герои Советского Союза, получившие это почетное звание в Великой Отечественной войне (82 человека, чья память увековечена в названиях улиц, переулков и бульваров: А.Ф. Авдеев, А.М. Аксенов, В.И. Андрианов, Г.Ф. Байдуков, И.М. Бережной, В.С. Гризодубова, А.В. Ляпидевский, А.М. Никандров, А.М. Ситников, А. Марков, А.С. Петухов, И.Я. Воронков, М.В. Захаров и т.д.). Среди этих людей 34 человека – омичи (В.Ф. Анисов, Н.А. Бенеш, Н.И. Быстров, М.А. Васев, В.А. Голоскопов, Л.Н. Гуртьев, А.П. Дмитриев, И.Ф. Желтоплясов, Н.Е. Зеньков, Ф.Я. Иванишко, Д.М. Карбышев, Г.С. Кисилев, Н.В. Кузнецов, Ф.Г. Крылов, П.С. Курасанов, М.И. Леонов, Б.И. Лозоренко, Ф.Г. Крылов, М.М. Кузьмин, Г.А. Молодов, П.В. Кучумов, П.Г. Косенков, М.И. Кучерявенко, А.С. Петухов, И.С. Пономаренко, П.Е. Осминин, А.Ф. Романенко, Я.М. Сметнев, В.И. Товстуха, Т.К. Щербанев, Ю.В. Тварковский, В.М. Тытарь, М.Н. Цуканова, Я.С. Шакуров).

Еще 10 имен – это участники Великой Отечественной войны, награжденные за боевые заслуги различными другими наградами. Первые два человека – общеизвестные герои войны: И.Н. Демьянов, С.Г. Тюленин. Остальные семь – омичи: В.С. Бархатова, В.П. Бисярина, Ф.А. Комков, М.А. Лисицкий, М.М. Путилов, А.Г. Сазонов, В.А. Силин, С.Г. Фугенфиров.

Нашли свое отражение в названиях улиц Омска 15 героев и участников военных событий времен гражданской войны. Все они воевали на стороне Красной Армии (Б.Г. Чухновский, С.С. Вострецов, Г.И. Котовский, А.Я. Пархоменко, Н.Г. Толмачев, М.Н. Тухачевский, И.М. Урицкий, Д.А. Фурманов, В.И. Чапаева, Б.А. Андрианов, Арнольд Нейбут, П.А. Вавилов, С.Г. Лазо, В.В. Суворовцев, А.А. Таубе; 6 последних имен – это омичи, воевавшие с колчаковцами в нашем регионе). Среди героев – С.С. Вострецов (герой I мировой войны, с 1924 года командовавший 27-ой Омской дивизией).

Еще два имени связаны с защитой советских рубежей на восточном направлении незадолго до начала Второй мировой войны: С.Ф. Ладога – пограничник, защищавший страну в 1936 году от нападения японцев (на восточных рубежах) и Н.С. Макохи – герой Халкин-Гола (омич).

Единично представлены герои других военных событий:

- 1) П.И. Багратион – главнокомандующий Отечественной войны 1812 года;
- 2) А.В. Печников – герой РФ, воевавший в Чечне (омич, выпускник Омского высшего танкового командного училища);
- 3) И.В. Москаленко – герой Афганской войны (омич);
- 4) И.И. Стрельников – Герой Советского Союза, погиб в конфликте на границе с Китаем в 1969 г. (омич);
- 5) И.А. Мишин – герой РФ, погибший в военном конфликте на территории Таджикистана в 1994 году (омич).

Внутри первой группы названий улиц можно выделить те, которые названы в честь военных летчиков-космонавтов и летчиков-испытателей:

- 1) Ю.А. Гагарин – летчик-космонавт, герой Советского Союза, первый покоритель космоса;
- 2) В.Е. Урядов – военный летчик-испытатель послевоенной эпохи Советского Союза;
- 3) В.М. Комаров – летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза, погиб при приземлении спускаемого летательного аппарата;

4) Г.Т. Добровольский – военный летчик-космонавт, Герой Советского союза, погибший на орбите при возвращении на Землю.

Кроме того, внутри анализируемой группы названий есть такие, которые называют не конкретного героя войны, а сразу нескольких лиц (5 названий):

- название улицы, связанное с наименованием целого полка «Красные орлы», отличившегося в боях с армией Колчака;
- название улицы «5 Армии», которая была сформирована на территории Омска, воевала в дух войн (Гражданской и Великой Отечественной); прославилась в борьбе с белогвардейцами в 1918 году и в период ВОВ сражалась с фашистами на территории Украины;
- ул. Партизанская, увековечившая память о подвиге партизан во время Великой Отечественной войны;
- ул. Красноармейская (с 1 по 8) – названа в память о бойцах Красной Армии, воевавшей за установление Советской власти;
- ул. Красногвардейская – в память о тех, кто воевал в рядах Красной Армии в период Гражданской войны.

Как показал анализ названий улиц, связанных с именами героев войн, в топонимике Омска упомянуты Отечественная война 1812 года, I мировая война (1914-1918 гг.), гражданская война (1917-1919 гг.), Великая Отечественная война (1941-1945 гг.), война в Афганистане (1979-1989 гг.), Чеченские военные компании (1999-2000 гг., 2009-2017 гг.), и военный конфликт на территории Таджикистана (1992-1996 гг.).

Среди всех героев разных войн, в честь которых названы улицы нашего города, 56 – это те, чьи имена так или иначе связаны с Омском (родились в нашем регионе, работали в Омске, учились, служили, воевали на его территории и т.д.). Это 43% (из 130 имен военных, в честь которых названы улицы Омска). С одной стороны, это значительная цифра. Однако в Омске 151 Герой Советского Союза и 16 Героев Российской Федерации (это без учета тех, кто получил звание Героя за подвиги в Донбассе и на Луганщине [9]). Имена героев-омичей лишь на треть (33,5%) – в городских топонимах Омска.

Если обратиться к систематизации *второй группы* названий улиц, связанных с военными историческими событиями без привязки к героям войны, то в топонимике Омска нашли свое отражение следующие исторические военные события:

1. Связанные в гражданской войной 1917-1919 годов.

1) ул. Куломзинская и одноименный переулок: Куломзинское восстание, направленное против власти Колчака и состоявшееся 22 декабря 1918 года, нашло свое отражение в названии Куломзинской улицы и Куломзинского переулка.

2) ул. Волочаевская: Волочаевка – место (станция железной дороги недалеко от Хабаровска), в котором проходила заключительная часть сражения Гражданской войны в феврале 1922 года.

3) ул. Красный Путь – название, появившееся в честь освобождения Омска от колчаковцев, именно по этой улице в Омск вошла Красная Армия.

2. Связанные в Великой Отечественной войной.

1) 5 декабря (это улица и два переулка) – дата празднования Дня Воинской Славы, когда началось контрнаступление советской армии против немецко-фашистских захватчиков в битве под Москвой в 1941 году.

2) Победа в Великой Отечественной войне (ул. 60 лет Победы, ул. 40 лет Победы, бульвар Победы и ул. Победы).

3) ул. Ржевская – в память о кровопролитных боях за г. Ржев (1941-1943 гг.).

3. Единично в названии улиц отражены события, связанные с серией столкновений 1938 года между императорской армией Японии и Рабоче-крестьянской Красной Армией – ул. Озеро Хасан.

Следует сказать, что омичи принимали участие не только в тех военных конфликтах, которые нашли свое отражение в городских топонимах Омска. Звание Героя наши соотечественники получили в войне на территории Южной Осетии (2008 год – А.Ю. Ухватов, Д.В. Ветчинов), при защите Дома Советов в 1993 году (А.С. Тимошенко) и в Специальной военной операции на территории Донецка и Луганска.

Третья группа топонимов самая малочисленная. Она включает в себя названия улиц, содержащих упоминание о различных военных атрибутах: ул. Красной Звезды (название ордена), ул. Краснофлотская, ул. Краснознаменная.

Выводы

Городская гедонимика, если говорить о наименовании улиц, относящихся к военной истории России, имеет общеисторические (общегосударственные) наименования улиц и специфические региональные.

Городская топонимика Омска в значительной степени самобытна, если говорить об отражении в ней военной истории региона и подвигов наших соотечественников. Треть военных гедонимов связаны с именами героев-омичей.

Активнее всего в современной городской гедонимике отражены события и герои Великой Отечественной войны, что вполне объяснимо, поскольку Омск – достаточно молодой город-миллионник, его активное строительство началось только после 1825 года, т.к. именно тогда он получил статус административного центра. Значит, до этого времени военная история страны имела незначительное отражение в гедонимике.

Второе место по частотности отражения занимает период Гражданской войны 1917-1919 гг., что тоже вполне объяснимо, поскольку Омск был столицей «Белой России», в которой располагалось правительство А.Колчака.

Единично отражены в Омской гедонимике Чеченские компании, Афганская война, столкновение 1938 года между императорской армией Японии и Рабоче-крестьянской Красной Армией.

Не отражены в Омской гедонимике имена героев, воевавших в Южной Осетии, защищавших Дом Советов в Москве и пока не отражены имена героев Специальной военной операции.

Появление названий улиц и переулков в честь омских героев требует активных дальнейших действий, связанных прежде всего с отражением современной истории региона, с именами героев Российской Федерации и с дальнейшим прославлением героев Великой Отечественной войны.

Список источников

1. Акоева Н.Б. Мемориальная топонимия Кубани // Культурный ландшафт регионов. 2021. Т. 3. № 3-4. С. 10 – 16. DOI 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-10-16
2. Антоненко Н.С., Ильин Д.Ю. Годонимы Царицына, Сталинграда, Волгограда как отражение исторических процессов XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2023. Т. 29. № 3. С. 200 – 206. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-3-200-206
3. Вороничева О.В. Отражение военной истории в брянских годонимах // Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: Материалы VII Всероссийской с международным участием научно-практической конференции, Брянск, 30 июня 2020 года. Брянск, 2020. С. 177 – 184.
4. Герасименко И.А., Пивень А.В. Исторические личности и события сквозь призму годонимикона современной Горловки // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2023. № 2 (68). С. 18 – 20.
5. Рысбек А.Б. О чем говорят годонимы Алматы // Актуальные проблемы современной филологии, востоковедения и журналистики: Материалы Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов, аспирантов и молодых ученых, Уфа, 27 апреля 2023 года. Уфа: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. С. 202 – 203.
6. Постников С.В., Постникова О.А. Использование в языковой практике милитаронимных топонимов (на примере территории Вольского муниципального района) // Никто не забыт, ничто не забыто (ко Дню Победы в Великой Отечественной войне): сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Саратов, 26 апреля 2022 года. Саратов: Саратовский военный ордена Жукова Краснознаменный институт войск национальной гвардии Российской Федерации, 2022. С. 239 – 244.
7. Прищепа М.М. Годонимы Витебска с военно-историческим компонентом: структурный и семантический аспекты // Национальные образы мира в зеркале русского языка: Сборник статей молодых исследователей. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. С. 129 – 135.
8. Прищепа М.М. Информационное поле «историческая память» в годонимии Витебска // Международный педагогический форум "Русский язык без границ: новые возможности развития диалога культур": Сборник статей международной научно-методической конференции, организованной в рамках международного педагогического форума, Республика Беларусь – Россия, 21-24 ноября 2022 года. Нижний Новгород – Москва: ИП Маркин А.О., 2022. С. 314 – 319.

9. Омичи – герои СССР и России // Портал «Наш Омск55». URL: <http://nashomsk55.ru/omskgeroi>
10. Шкураток Ю.А. Этнокультурное своеобразие топонимии Пермского края: экспедиционное исследование // Отчет о НИР № 17-14-59602. Российский гуманитарный научный фонд. 2017. Пермь: Изд-во ПГНИУ, 2017. 122 с.

References

1. Akoeva N.B. Memorial toponymy of Kuban. Cultural landscape of regions. 2021. Т. 3. No. 3-4. P. 10 – 16. DOI 10.17748/2686-8814-2021-3-3-4-10-16
2. Antonenko N.S., Ilyin D.Yu. Godonyms of Tsaritsyn, Stalingrad, Volgograd as a reflection of the historical processes of the twentieth century. Bulletin of Kostroma State University. 2023. Т. 29. No. 3. P. 200 – 206. DOI 10.34216/1998-0817-2023-29-3-200-206
3. Voronicheva O.V. Reflection of military history in Bryansk godonyms. Problems and trends in the development of the sociocultural space of Russia: history and modernity: Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference with international participation, Bryansk, June 30, 2020. Bryansk, 2020. P. 177 – 184.
4. Gerasimenko I.A., Piven A.V. Historical figures and events through the prism of the godonymicon of modern Gorlovka. Bulletin of Lugansk State University named after Vladimir Dahl. 2023. No. 2 (68). P. 18 – 20.
5. Rysbek A.B. What Almaty godonyms are talking about. Current problems of modern philology, oriental studies and journalism: Materials of the International scientific and practical conference of students, undergraduates, graduate students and young scientists, Ufa, April 27, 2023. Ufa: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ufa University of Science and Technology", 2023. P. 202 – 203.
6. Postnikov S.V., Postnikova O.A. The use of militaronymic toponyms in linguistic practice (on the example of the territory of the Volsky municipal district). Nobody is forgotten, nothing is forgotten (for Victory Day in the Great Patriotic War): collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saratov, April 26, 2022. Saratov: Saratov Military Order of Zhukov Red Banner Institute of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2022. P. 239 – 244.
7. Prishchepa M.M. Godonyms of Vitebsk with a military-historical component: structural and semantic aspects. National images of the world in the mirror of the Russian language: Collection of articles by young researchers. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2021. P. 129 – 135.
8. Prishchepa M.M. Information field “historical memory” in the homonymy of Vitebsk. International pedagogical forum “Russian language without borders: new opportunities for the development of dialogue of cultures”: Collection of articles of the international scientific and methodological conference organized within the framework of the international pedagogical forum, Republic of Belarus – Russia, 21-24 November 2022. Nizhny Novgorod – Moscow: IP Markin A.O., 2022. P. 314 – 319.
9. Omsk residents – heroes of the USSR and Russia. Portal “Our Omsk55”. URL: <http://nashomsk55.ru/omskgeroi>
10. Shkuratok Yu.A. Ethnocultural originality of toponymy of the Perm region: expeditionary research. Research report No. 17-14-59602. Russian Humanitarian Scientific Foundation. 2017. Perm: Perm State National Research University Publishing House, 2017. 122 p.

Информация об авторе

Фесенко О.П., доктор филологических наук, доцент, Омский государственный университет путей сообщения (ОмГУПС), Olga.Fesenko2015@yandex.ru, 89236809806

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81.2

¹ Багандова С.И., ¹ Таджибова Р.Р.

¹ Дагестанский государственный университет

Дейксис как базовый признак концепта SPACE в английской лингвокультуре

Аннотация: в статье рассматриваются проблемы рефлексии семантических характеристик категории пространства в английской языковой картине мира, утверждается идея о том, что лингвокультурная память английского социума, а также – исторические условия его развития во многом определяют степень и качество восприятия реального мира носителями английской культуры. Данная мысль детерминирована на основе семантического анализа локативных семантических предикатов *sit, stand, lie*, с помощью которых в английском языке указывается статическая позиция субъекта / объекта в различных пространственных измерениях. В статье также рассматриваются дейктические функции локативных предлогов, которые могут выражать пространственные и временные аспекты дейксиса, приводятся точки зрения различных лингвистов, изучающих проблемы пространственного дейксиса и способы его выражения в языке. Данные примеры отражают специфику англоязычного этноса в картировании мира и способы вербализации пространственного дейксиса в английской языковой картине мира.

Ключевые слова: дейксис, концепт SPACE, локативные предикаты, ориентация объекта в пространстве, пространственные и временные предлоги

Для цитирования: Багандова С.И., Таджибова Р.Р. Дейксис как базовый признак концепта SPACE в английской лингвокультуре // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 34 – 37.

Поступила в редакцию: 15 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bagandova S.I., ¹ Tadzhibova R.R.

¹ Daghestan State University

Deixis as a basic feature of concept of SPACE in English linguistic culture

Abstract: the given article considers the questions of reflection of semantic characteristics of the category of space in the English world language picture, as well as the idea about linguistic and cultural memory of the English society, and historical conditions of its development, which mostly determine the level and quality of perception of the real world by the representatives of English culture. This idea is mostly based on the basis of semantic analyses of locative semantic predicates such as *sit, stand, lie*, which in English help to form static position of the subject or in different space measurements. The article also considers deictic functions of locative prepositions, which can express space and time aspects of deixis, as well as different views of linguists on the problems of space deixis and the ways of its nomination in the language. The given examples reflect the unique features of English-speaking ethnos in picturing the world and the ways of verbalization of space deixis in the English world language picture.

Keywords: deixis, concept of SPACE, locative predicates, orientation of the object in space, space and time prepositions

For citation: Bagandova S.I., Tadzhibova R.R. Deixis as a basic feature of concept of SPACE in English linguistic culture. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 34 – 37.

The article was submitted: October 15, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Как известно, категория пространства занимает одно из лидирующих положений в аспекте важнейших категорий бытия, так как она показывает расположение предметов друг относительно друга в пространстве и их потенциальное взаимодействие в этом пространстве. Категория пространства имеет место быть практически во всех языках и культурах, ибо ее универсальность заключается в том, чтобы выражать пространственные отношения по-разному в разных лингвокультурах, в силу ряда причин.

Материалы и методы исследований

Вспомним теорию контекстуальных формул К.А. Ивановой относительно закономерного взаимодействия локативных предикатов в аспекте их семантических значений [3]. В нашем исследовании мы придерживаемся этой теории и согласны с указанным автором в вопросе о соотнесенности данных предикатов.

Концепт SPACE занимает в пространственной семантике английского языка одно из главенствующих мест вместе с такими концептами, как DIRECTION, LOCATION, PLACE, OBJECT и послужил «основой для когнитивных представлений английского социума, в котором отражается весь его опыт развития и восприятия действительности» [4].

Концепт SPACE обладает некоторыми параметрическими характеристиками, типа направление движения, отдаленность / близость объекта, внутреннее и внешнее пространство и пр.

Об этом факте пишет и Е. В. Рахилина: существует некая теория «правильной» и «неправильной» ориентации в пространстве, согласно которой действует метафора «верха» или «низа». Другими словами, речь идет о локации объекта в горизонтальной или вертикальной плоскости. Как указывает упомянутый автор, дейксис в семантике концепта SPACE реализуется в рамках так называемого функционального правила, когда объект видится в той именно плоскости, которая в данный момент нужна представителю этноса [5].

Результаты и обсуждения

Выявлено, что в английской языковой картине мира для отражения местоположения объекта в пространстве используются семантические предикаты со значением вертикального, горизонтального или смешанного (сложенного) пространства: *stand*, *lie*, *sit*, которые отражают в контексте локативные признаки объекта.

Анализ пространственной семантики концепта SPACE включает в себя исследование локативных характеристик указанных предикатов, семантика которых отражает местонахождение объекта в одном из тех измерений, которые они описывают, и в каждом из этих случаев предикат выполняет роль ядра данного высказывания.

При этом семантика категории локативности в языковом плане шире, чем семантика предиката, так как формирует, помимо значения, грамматическую группу обстоятельства места.

Более того, отметим, что именно предикат играет важную роль при отражении пространственной локации объекта и несет основную семантическую нагрузку в высказывании. Этот факт объясняется наличием широкого спектра потенциальных сочетаемостей глагола, которые указывают, помимо всего прочего, и на национально-культурные особенности английского языка.

Базовые описывают три разных положения в пространстве:

Следовательно, локативные предикаты в английском языке могут отражать различные положения в пространстве, в зависимости от их семантики: вертикальное (*stand*), горизонтальное (*lie*) и промежуточное (*it*). В свою очередь, можно выделить вертикально и горизонтально ориентированные объекты относительно пространства: предикат *stand* может позиционировать такие объекты, как *car*, *house*, *building*, а предикат *lie* – *exercise-book*, *bag*, *leaves*, *etc*.

В этом описании горизонтального и вертикального пространственного расположения особое место занимает предикат *sit*, который в силу своей семантики обладает значением «сложенного» пространства.

В ходе исследования обнаружены некоторые лексико-семантические группы (ЛСГ) с семантикой пространственного расположения:

Например, ЛСГ со значением «Предметы мебели»:

A giant bedstead stood resentfully in the room with three large windows (Mansfield).

ЛСГ со значением «Природные явления»:

The house magnificently stood in the garden of roses (Murdock).

Локативный предикат **stand** своей семантикой указывает на то, как расположен данный объект в пространстве: *house, arm-chair, garden, aircraft, car*, etc.

Эти предикаты могут действовать не только в пространственном аспекте, но и в своих переносных значениях. Ср.:

When she opened her eyes, the question again stood in front of her (Mansfield).

A very small hat sat on her head like a funny crown (Murdock).

Предикат **lie**, обладающий семантикой «иметь горизонтальное положение в пространстве», также имеет инвариантное значение в сочетании с неодушевленными существительными, обозначающими предметы, абстрактные понятия, явления природы и обнаружен в следующих контекстуальных формулах:

Megan again looked up the hill that lay in front of her (Brown).

The thought lay heavily on his mind (Maugham).

Чаще других предикатов, нами отмечен локативный предикат **sit**, который отличается от других предикатов пространства не только своей частотностью, но и подчеркивает национально-культурную специфику англоязычного этноса в процессе отражения дейктической семантики в пространстве.

Все же, семантика данного предиката еще ожидает своего дальнейшего исследования в аспекте грамматической семантики и, в частности, в своем локативном употреблении, ибо «в дихотомии *stand / lie* он занимает чаще всего промежуточное положение» [5].

В некоторых случаях имеет место выражение локативного значения глагола, описывающее вынужденное положение в пространстве. Иными словами, неодушевленные объекты в сочетании с локативом **sit** необязательно символизируют их прочное местоположение, а, скорее, лишь подчеркивают семантику неизменного местонахождения объекта.

В контексте функционирования ЛСГ «Явления природы» хорошо заметна этно-национальная специфика дейктической составляющей концепта *SPACE* в английском языке.

Выводы

В ходе исследования выявлено, что большей частотностью отличается локатив **sit** в сочетании с названиями артефактов, а с некоторыми ЛСГ его взаимодействие просто уникально и неповторимо для других языков. Ср.:

The Disneyland sits in the USA.

Большую роль в выражении местонахождения объектов выполняют пространственные предлоги и наречия, которые можно назвать, по сути, «способом выражения пространства, местоположения предмета или направления движения объекта относительно центра координации» [2].

В английском языке имеется две группы предлогов-дейктиков:

- 1) *near, before, in front of, etc.*, выражающие значение пространственной локализации;
- 2) *in, through, about, across, etc.*, одновременно выполняющие функции предлогов пространства и времени.

Интересным в этой связи выступает предлог **at**, который выполняет двойную функцию дейксиса и обладает общей семантикой локализации.

Данный предлог выполняет функцию дейксиса на постоянное местонахождение объекта, а также – выделяет место локации объекта, «совпадающее с локализацией ориентира» [1].

Остальные английские предлоги-дейктики, которые, кстати, омонимичны наречиям времени и места, могут выполнять эти же функции при наличии точного указания временного отрезка, начала или конца маршрута, дистанции, перемещения объекта в пространстве и т.д.

Таким образом, дейктическая составляющая концептуального пространства *SPACE* в английском языке действует, как способ отражения пространственной локализации, которая наряду с ментальными процессами отражается в языке в виде пространственных характеристик местонахождения объектов в пространстве.

Список источников

1. Евтушенко Е.Н. Концепт «пространственная ориентация» в английском и русском языках. Москва: Наука, 2018. 294 с.
2. Закарян А.А. Семантика пространственных и временных предлогов в современном английском языке. Москва: Прогресс, 2015. 290 с.
3. Иванова Л.И. Категория пространственного дейксиса в русском языке. Москва: Русские словари, 2010. 210 с.

4. Кубрякова Е.С. О понятиях дискурса и дискурсивного анализа в современной лингвистике (обзор) // Дискурс, речь, речевая деятельность: функциональные и структурные аспекты: Сб. обзоров. Москва: Наука, 1999. С. 7 – 25.
5. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. Москва: Русские словари, 2008. 395 с.
6. Oxford English Dictionary of Current Learner. Oxford: University, 2006: <http://www.oxfordenglishdictionary> (дата обращения: 12.04.2023.)
7. Oxford's Students Dictionary of Current English. Oxford : University Press, 1984. 1623 p.

References

1. Evtushenko E.N. The concept of “spatial orientation” in English and Russian languages. Moscow: Nauka, 2018. 294 p.
2. Zakaryan A.A. Semantics of spatial and temporal prepositions in modern English. Moscow: Progress, 2015. 290 p.
3. Ivanova L.I. The category of spatial deixis in the Russian language. Moscow: Russian dictionaries, 2010. 210 p.
4. Kubryakova E.S. On the concepts of discourse and discourse analysis in modern linguistics (review). Discourse, speech, speech activity: functional and structural aspects: Coll. reviews. Moscow: Nauka, 1999. P. 7 – 25.
5. Rakhilina E.V. Cognitive analysis of subject names: semantics and combinability. Moscow: Russian dictionaries, 2008. 395 p.
6. Oxford English Dictionary of Current Learner. Oxford: University, 2006: <http://www.oxfordenglishdictionary> (access date: 04/12/2023.)
7. Oxford's Students Dictionary of Current English. Oxford: University Press, 1984. 1623 p.

Информация об авторах

Багандова С.И., Дагестанский государственный университет, traziyat@yandex.ru, 8928 984 4633

Таджибова Р.Р., доцент, Дагестанский государственный университет

© Багандова С.И., Таджибова Р.Р., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Ма Цзюнь, ¹ Ван До

¹ Даляньский университет иностранных языков, Китай

Исследование неологизма с точки зрения архетипических категорий

Аннотация: с непрерывным развитием различных областей в различных языках мира появились новые лексические значения, и русский язык как исторический язык не представляет собой исключение. Эти слова могут быть заимствованы из других языков, образованы путем слияния существующих слов, или же они могут придавать новое значение существующим словам. В данной работе предпринята попытка изучить новое значение существующих слов (т.е. неологизм). Этот феномен может быть объяснен теорией архетипических категорий. Под руководством теории архетипических категорий новое использование слов ослабляет значение архетипических слов, а функция или значение сходны. В данной работе предполагается использовать теорию категорий-прототипов для изучения нового употребления русских слов и изучения причин их образования, чтобы предоставить справочную информацию для образования новых слов и преподавания русского языка.

Ключевые слова: русский; неологизм; теория архетипических категорий; Причинно-следственный анализ; Обучение русскому языку

Для цитирования: Ма Цзюнь, Ван До Исследование неологизма с точки зрения архетипических категорий // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 38 – 41.

Поступила в редакцию: 19 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Ma Jun, ¹ Wang Duo

¹ Dalian University of Foreign Languages, China

The study of neologism from the point of view of archetypal categories

Abstract: with the continuous development of various fields, new lexical meanings have appeared in various languages of the world, and Russian as a historical language is no exception. These words can be borrowed from other languages, formed by merging existing words, or they can give new meaning to existing words. In this paper, an attempt is made to study the new meaning of existing words (neologism). This phenomenon can be explained by the theory of archetypal categories. Under the guidance of archetypal category theory, the new use of words weakens the meaning of archetypal words, and the function or meaning is similar. Russian word theory is supposed to be used in this work to study the new use of Russian words and to study the causes of their formation in order to provide background information for the formation of new words and teaching of the Russian language.

Keywords: Russian; neologism; theory of archetypal categories; Cause-and-effect analysis; Teaching the Russian language

For citation: Ma Jun, Wang Duo The study of neologism from the point of view of archetypal categories. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 38 – 41.

The article was submitted: October 19, 2023; Approved after reviewing: December 20, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Мы живем в языковом обществе и общаемся с другими людьми с помощью языка. Будучи важнейшим средством коммуникации для людей, язык выполняет важную функцию передачи информации и осуществления межличностного взаимодействия [2]. Язык, используемый в реальной жизни, живой, и он будет постоянно меняться с развитием и изменением речи. Из-за сложности языковой жизни появление новых слов стало неизбежным явлением, особенно как и непрерывное развитие науки, техники и других областей, и в языковой жизни людей появляется большое количество новых слов. Россия, как мировая держава, также увидела новые способы использования слов в своем языке. Автор искал статьи на эту тему в русском браузере Яндекс и обнаружил, что существует мало исследований, использующих теорию архетипических категорий для анализа этого феномена. Поэтому в данной работе мы намерены использовать теорию архетипических категорий и индуктивный метод для изучения феномена новых слов в русском языке и исследования причин его образования, цель для того, что дать ориентир для образования новых слов и преподавания русского языка, а также предоставить методы для понимания новых слов не родными людьми.

Данная работа в основном состоит из трех частей: первая часть представляет собой теорию архетипических категорий; Вторая часть представляет собой тематическое исследование; Третья часть – вывод.

Материалы и методы исследований

Теория архетипических категорий, часто называемая архетипической теорией или квазиканонической теорией, представляет собой новую концептуально-структурную модель, предложенную психологом Элеонорой Рош в середине 70-х годов 20-го века для устранения недостатков традиционной теории категорий, которая считает, что категория имеет архетип, а другие члены категории имеют различные уровни сходства и общности с этим архетипом (Rosch, 1975). Теория архетипических категорий может классифицировать феномен нового употребления слов и дать теоретические объяснения. [7] Чжэн Иньфан обобщил теорию архетипических категорий, утверждая, что категория «состоит из архетипа, который собирает в себе большинство черт членов категории и других членов, которые имеют разную степень сходства с архетипом, а также неоднозначных границ, то есть трех составных элементов категории: архетипа, других членов и границы» [1, с. 20] Члены категории связаны семейным сходством, при этом архетипы (типичные члены) обладают наибольшим количеством характеристик категории, а неархетипические члены (другие члены) имеют меньше характеристик. Прототип не только типичный и универсальный, но и эпохальный.

В сочетании с теорией архетипических категорий и существующими исследованиями новое употребление русских слов можно определить как прагматический феномен, при котором пользователи языка придают новое значение существующим словам [2, с. 7] Существующие слова используются по-новому, так что они могут появляться в обычной форме словосочетания путем агрегирования, или появляться в новых контекстах, или комбинироваться с другими словами для выражения новых значений, чтобы усилить эффект выражения, чтобы люди могли понять и принять его плавно. Вообще говоря, в русском языке новое употребление слов происходит главным образом за счет сходства по значению или функции, ослабления словарного запаса и выражения нового значения в виде морфемы для образования сложных слов [5, с. 9-11]

В статье в основном используются метод литературного исследования, индуктивный метод в сочетании с качественным исследованием и теория категорий прототипов для изучения неологизма.

Результаты и обсуждения

Схожие по смыслу или функции: Сходство по значению или функции относится к сходству по значению или функции между новым словом и старым словом [3, с. 47]. В отличие от китайского, большинство новых слов в русском языке образуются именно таким образом.

Например, (1) слово «дворники», которое, как известно, означает уборщика, который следит за порядком во дворе, из-за его аналогичной функции поддержания порядка, когда появилась машина, оно использовалось для обозначения «дворника», используемого для мытья окон.

(2) Слово «зебра», которое первоначально означало черно-белую зебру, получило значение «тротуар», когда появились асфальтированные дороги.

"морж" означает морж, и его побег похож на "Я морж". Переводится как «Я зимний пловец, а не морж».

Процесс вербального общения людей в целом можно разделить на: кодирование – отправку – передачу – прием – декодирование. Языковой отправитель должен сначала понять, закодировать и отправить новое значение, а языковому получателю новое слово должно быть расшифровано и понято в конкретном контексте. Таким образом, такого рода новый метод словообразования прагматически проще для понимания и запоминания языковым получателем. При составлении новых слов в русском языке этот тип метода является наиболее используемым.

Ослабление архетипического словарного запаса: В процессе нового употребления слов выражение значения слова представляет собой характеристики категоризации, и архетипы и не-архетипы могут быть различены в соответствии с различными вариантами использования [4, с. 11]. В категории значения слова те, кто полностью выражает значение слова, являются архетипами, а те, кто не выражает значение слов полностью, являются непрототипами.

(1) В слове Противный ветер значение Противный в словаре противоположное, раздражающее, например, неприятный запах, в противоположную сторону и т.д. Когда говорят о ветре, то ветер, дующий с противоположной стороны, называют «наветренным», а также употребляется слово «противный». Например «От Гонконга до островов Бонин-Сима, куда нам следовало идти, всего 1600 миль; это в кругосветном плавании составляет не слишком большой переход, который, при хорошем, попутном ветре, совершается в семь-восемь дней. Мы вышли из Гонконга 26 июня и до 5-го июля сделали всего миль триста, то есть то, что могли бы сделать в сутки с небольшим, – так задержал нас *противный восточный ветер*. (И.А. Гончаров «Фрегат «Паллада»»).» Это типичный пример прояснения значения слов, ослабления семантической характеристики «противоположного» для описания ветра, дующего в противоположном направлении.

(2) Слово «Прелесть» означает «очарование, элегантность» и другие положительные значения в современных словарях, но в древнерусский период это слово означало «предательство, обман». Приставка «Пре» еще больше подчеркивает это значение. Например «Всё земное: красоту человеческую, богатство тленное, сладости пищи и питья, красоту одежд, золото и серебро – все *прелести* земные, прельщающие взор и чувства, считай за сор, чтобы приобрести Христа: ибо нельзя иметь в сердце Христа, если сердце занято пристрастием к земному.» Но постепенно, с течением времени, уничижительное значение этого слова постепенно исчезло, сменившись словами похвалы.

Как морфема для образования сложного слова для выражения нового значения: Исходное значение слова используется для образования сложного слова с другими словами для выражения нового значения, а сходство различных сочетаний происходит от модели словосочетания [6, с. 53]. Как морфемная композиция, выражение нового смысла отражает характерные черты времени и отражает эпохальность прототипа. Это новое употребление является прототипом расщепления значения слова.

Во-вторых, архетипическая природа словесных паттернов. В силу своих особенностей русский язык имеет приставки, корни и суффиксы, каждый из которых имеет свое самостоятельное значение. Поэтому этот способ часто используется для образования слов, таких как тосковать → истосковаться, толпа → толпиться, медицинский пункт → медпункт и т.д. Поэтому примеров такого рода так много, поэтому перечислять их все не буду, а поясню, как образуется слово на примере «медицинский пункт → медпункт».

медицинский пункт → “мед” 表示 “медицинский” → 构成新词 “медпункт”

Исходя из приведенных примеров, можно сделать вывод, что способ выражения новых значений в виде морфемы для образования сложных слов проявляет сильную словообразовательную способность. Это наводит нас на мысль о том, что, когда мы сталкиваемся с новыми словами в процессе чтения, мы можем проанализировать значение каждой части слова в соответствии со словами, которые мы уже знаем, чтобы понять значение слова.

Кроме того, в русском языке существуют некоторые нестандартные способы словообразования, которые могут иметь небольшое сходство или не иметь сходства вовсе [5, с. 7]. Например, (1) «Болеть», что означает больной, но теперь, когда появляются различные звездные группы, слово используется как «болельщик определенной спортивной команды или звезды». (2) «Обуть», что переводится как «обуваться», теперь также имеет значение «обман». (3) Слово «мыло» означает «мыло», а когда появился Интернет, ему придали значение «электронная почта». (4) «Намылить» означает «пользоваться мылом, пениться», а теперь ему также дается значение «писать электронное письмо».

Феномен нового употребления слов не происходит в одночасье, а является постепенным процессом. Например, когда существующему слову дается новое значение, многие люди путаются в его значении. Но когда люди понимают смысл, они очень им интересуются, и частота употребления резко возрастает.

Выводы

Витгенштейн сказал в языковой игре об отношениях между именем и названной вещью: «Когда мы слышим имя, мы вызываем в нашем воображении образ названной вещи; Напишите имя на предмете, который вы называете; Или произнести имя, указывая на эту вещь (Wittgenstein: 1996) архетипы обладают

наибольшим атрибутивным свойством категории, по крайней мере, по одному архетипу в каждой категории, и архетипы меняются с развитием времени. Независимо от того, сходны ли они по функциям или значению, ослабляют значение архетипа или образуют сложные слова в виде морфем, они объединяются вместе, образуя единый тип через сходство. «Дворники» можно использовать в качестве дворового уборщика или в качестве дворника на стекле автомобиля, что показывает, что производная от него семантика имеет большое сходство, а через иерархические категории каждый тип может быть использован как базовая иерархическая категория, агрегированная вместе в общую вышестоящую категорию.

Язык тесно связан с нашей жизнью, и его исследования должны идти в ногу со временем и отражать его. Мы живем в языковой жизни, и использование слов является выражением жизненной силы слов. После освоения нового употребления слов в соответствии с теорией архетипических категорий исходные слова и предложения могут быть соответствующим образом преобразованы для достижения лучших коммуникативных эффектов. Люди обобщают феномен нового употребления слов, понимают их правила и своевременно делают прогнозы о словах. Таким образом, он может служить ориентиром для образования новых слов и преподавания русского языка, а также лучше осуществлять межкультурную коммуникацию.

Список источников

1. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса // Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: учебник. МГУ. 2000. С. 15 – 30.
2. Е Яошэн, Сюй Тунцян Очерк лингвистики: (пересмотренное издание). Пекин: Издательство Пекинского университета, 2010. № 4. С. 7 – 8.
3. Сюй Мэн Когнитивный механизм в русских семантических неологизмах // Учёба русского языка. 2012. № 4. С. 45 – 50.
4. Хан Цзяронг, У Бинчжан Исследование феномена транслокации наречий на основе теории категорий прототипов // Журнал Шэньянского университета (издание по общественным наукам). 2022. № 1. С. 10 – 15.
5. Чжао Кэцин О новых словах // Изучение языка. 1988. № 2. С. 7 – 11.
6. Чжэн Инфан Говоря о теории категорий прототипов в когнитивной лингвистике // Образование взрослых в Китае. 2007. № 2. С. 50 – 55.
7. Чэн Тэнчао Исследование русских неологизмов // Университет Фудань. 2012. № 12. 15 с.

References

1. Vsevolodova M.V. Theory of functional communicative syntax. Fragment of an applied (pedagogical) model of language: textbook. Moscow State University. 2000. P. 15 – 30.
2. Ye Yaosheng, Xu Tongqiang Essay on Linguistics: (Revised Edition). Beijing: Peking University Press, 2010. No. 4. P. 7 – 8.
3. Xu Meng Cognitive mechanism in Russian semantic neologisms. Studying the Russian language. 2012. No. 4. P. 45 – 50.
4. Han Jiarong, Wu Bingzhang Study of the phenomenon of adverb translocation based on the theory of prototype categories. Journal of Shenyang University (publication on social sciences). 2022. No. 1. P. 10 – 15.
5. Zhao Keqin About new words. Language learning. 1988. No. 2. P. 7 – 11.
6. Zheng Yinfang Speaking about the theory of prototype categories in cognitive linguistics. Adult education in China. 2007. No. 2. P. 50 – 55.
7. Cheng Tengchao Study of Russian neologisms. Fudan University. 2012. No. 12. 15 p.

Информация об авторах

Ма Цзюнь, Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Kumai, matszyun@yandex.com

Ван До, аспирант, Даляньский университет иностранных языков, Далянь, Kumai, duflduo1998@gmail.com

© Ма Цзюнь, Ван До, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'374.3

¹ Ян Цзинь

¹ Южно-Уральский государственный университет

Сопоставительный анализ дефиниций лексемы «герой» в китайских и русских толковых словарях

Аннотация: в статье описано исследование значения лексемы «герой» в русских и китайских словарях, проведённое с помощью описательного, аналитического, сопоставительного методов; основным выступил метод словарных дефиниций, позволяющий соотнести данные лексикографии с лингвокультурными особенностями. Выбор словарей в качестве материала для исследования связан с тем, что они являются богатым источником информации для носителей языка и людей, изучающих данный язык как иностранный, публикуются большими тиражами и регулярно переиздаются. В результате проведённого исследования выявлено, что и в русской, и в китайской лингвокультурах герой – это человек, одновременно реальный и особенный, выдающийся, обладающий личной доблестью, храбростью, самоотверженностью, не пасующий перед трудностями, готовый к самопожертвованию, преисполненный высоких побуждений, достойный восхищения. Отмечены и отличия: в понимании китайцев герой обладает особыми способностями и качествами, сражается на благо народа и достоин уважения, а для русских это человек, совершающий подвиг, привлекающий внимание, вызывающий интерес и удивление, являющийся примером для подражания и часто связанный с эпохой, средой. Делается вывод о перспективности метода словарных дефиниций как способа сопоставления различных лингвокультур.

Ключевые слова: китайский язык, русский язык, толковый словарь, лексема «герой», метод словарных дефиниций, семема, лексическое значение, словарная статья, лингвокультура

Для цитирования: Ян Цзинь Сопоставительный анализ дефиниций лексемы «герой» в китайских и русских толковых словарях // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 42 – 49.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Yang Jin

¹ South Ural State University

Comparative analysis of definitions of the lexeme “hero” in Chinese and Russian dictionaries

Abstract: the article describes a study of the meaning of the lexeme “hero” in Russian and Chinese dictionaries, carried out using descriptive, analytical, comparative methods; the main method was the method of dictionary definitions, which allows us to correlate lexicographic data with linguistic and cultural characteristics. The choice of dictionaries as material for research is due to the fact that they are a rich source of information for native speakers and people studying this language as a foreign language, are published in large quantities and are regularly reprinted. As a result of the study, it was revealed that in both Russian and Chinese linguistic cultures, a hero is a person who is both real and special, outstanding, possessing personal valor, courage, dedication, not giving in to difficulties, ready for self-sacrifice, filled with high motives, worthy of admiration. Differences are also noted: in the understanding of the Chinese, a hero has special abilities and qualities, fights for the good of the people and is

worthy of respect, but for the Russians this is a person who performs a feat, attracts attention, arouses interest and surprise, is an example to follow and is often associated with the era, environment. The conclusion is drawn about the prospects of the method of dictionary definitions as a way of comparing different linguistic cultures.

Key words: the Chinese language, the Russian language, explanatory dictionary, lexeme “hero”, method of dictionary definitions, seme, lexical meaning, dictionary entry, linguistic culture

For citation: Yang Jin Comparative analysis of definitions of the lexeme “hero” in Chinese and Russian dictionaries. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 42 – 49.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Сопоставление лексических значений, которые имеют те или иные лексемы в словарях разных языков, является актуальным инструментом сравнительного изучения различных лингвокультур, поскольку в словарях отражаются наиболее значимые для носителей языка свойства тех или иных предметов, явлений. Предметом интереса лингвистов становятся самые разные лексемы: «чувство» и «эмоция» [7], «облако» [3], «ива» [15] и др. Лингвисты отмечают огромный лингвокультурный потенциал лексики любого языка [4, с. 58]. Подобные исследования развивают новое направление в современной науке – сопоставительную лингвокультурологию.

Лексема «герой» пока не попала в фокус внимания исследователей, хотя в последние годы она стала очень востребованной как в русском, так и в китайском языках. Наряду с рассказами о подвигах отдельных людей, в СМИ и художественной литературе появились описания массовых подвигов, связанные с поведением врачей и волонтеров во время пандемии коронавируса в Китае и России, а также проведением специальной военной операции в России. В 2023 г. по статистике поисковых запросов в «Яндекс» со словом «герой» было выявлено 15 145 749 показов в месяц.

Целью данной статьи стал сопоставительный анализ дефиниций лексемы «герой» в толковых словарях русского и китайского языков, выявление сходств и отличий в значении данной лексемы, которые могут быть лингвокультурно обусловлены.

Материалы и методы исследований

Исследование проводится с применением общенаучных методов анализа, синтеза, сравнения и обобщения. Наиболее важным для исследования стал метод словарных дефиниций, с помощью которого сопоставлялись выявлялись и объективировались семантические отличия слов в сопоставляемых языках. Также в работе применялся системный подход. Материалами для исследования стали наиболее авторитетные и полные толковые словари: пять словарей русского языка (Ю.В. Алабугиной, Н.Ю. Шведовой, под редакцией А.П. Евгеньевой, С.А. Кузнецова, Д.Н. Ушакова) и пять словарей китайского языка (два издания словаря Синьхуа, словарь Китайской академии общественных наук, Новый современный китайский словарь, словарь Отдела китайских словарей).

Результаты и обсуждения

Следует сказать, что лексема «герой» представлена во всех привлечённых к исследованию толковых словарях. Были рассмотрены сначала дефиниции данного слова, представленные в толковых словарях русского языка. В трех из них (С.А. Кузнецов, Н.Ю. Шведова, Ю.В. Алабугина) семантика слова «герой» содержит четыре семемы, в словаре под редакцией А.П. Евгеньевой выделено пять семем, в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова у лексемы – шесть семем.

При анализе дефиниций слова «герой» было выделено пять групп семем.

1 группа семем имеет общую сему **храбрый, совершивший подвиг**: *Человек, совершивший подвиг, проявивший личное мужество, самоотверженность, готовность к самопожертвованию* [2] // *Человек, совершивший (совершающий) подвиги мужества, доблести, самоотверженности* [6] // *Исключительный по смелости или по своим доблестям человек* [8] // *Человек, совершающий подвиги, необычный по своей храбрости, доблести, самоотверженности* [9] // *Храбрый человек, самоотверженно совершающий подвиг* [1].

2 группа семем объединена значением **тот, кто привлекает внимание, является образцом**: *Тот, кто привлёк к себе внимание, вызывает интерес, восхищение и т. п., является для кого-либо предметом поклонения, образцом для подражания и т.п.* [2] // *Лицо, чем-либо отличившееся и привлекающее к себе внимание; Лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания* [6] // *Лицо,*

привлекающее к себе общее внимание в течение известного времени [8] // Тот, кто привлёк к себе внимание (чаще о том, кто вызывает восхищение, подражание, удивление) [9] // Лицо, чем-нибудь отличившееся и привлёкшее к себе внимание [1].

3 группа – семемы со значением **лицо эпохи или среды**: *Лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды* [2] // *Лицо, воплощающее в себе характерные, типичные черты своей эпохи, среды* [6] // *Человек, воплощающий в себе черты эпохи, среды* [9] // *Лицо, воплотившее в себе характерные черты эпохи, среды* [1] // *Человек, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи* [8].

4 группа семем передаёт основное значение **главное действующее лицо произведения**: *Главное действующее лицо литературного произведения* [1; 2; 9] // *Главное действующее лицо в романе, пьесе, фильме и т. п.* [6]. В словаре Д.Н. Ушакова обнаружено две дефиниции, которые можно отнести к этой группе: 1) *Главное действующее лицо литературного произведения*. 2) *Главное действующее лицо древних эпических поэм и мифов, одаренное сверхчеловеческими силами* (историческая литература) [8]. Как видим, первая из них повторяет данную в нескольких словарях, а вторая дана с пометкой *историческая литература*, что может означать использование этого слова в определённой сфере.

5 группа семем представлена всего одной словарной дефиницией: *В теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс (в противоп. массе)* [8].

Анализ показывает, вторая группа семем включает в себя две отдельные семемы: «*Лицо, чем-либо отличившееся и привлёкшее к себе внимание, вызывает интерес, удивление, в течение известного времени*» и «*Лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания*». Между этими двумя семемами существует определённая связь. Герои обычно привлекают к себе внимание, являются для кого-либо предметом поклонения и подражания, служат образцом для членов одного общества. Однако для настоящего героя, как правило, целью подвига является не желание стать известным, а спасение жизни другого человека или иные поступки во благо другого. Поэтому есть много неизвестных героев, подвиг которых не стал достоянием внимания общественности. С другой стороны, есть люди, которые стремятся к известности и могут ради этого сделать что-либо. Четвертая группа семем тоже имеет основное значение: «*Главное действующее лицо литературного произведения*», и в двух определениях мы видим уточнение этих произведений. Так, в словаре А.П. Евгеньевой конкретизируются виды и жанры литературных произведений (*Главное действующее лицо в романе, пьесе, фильме и т. п.*). В словаре Д.Н. Ушакова также есть уточнение: «*Главное действующее лицо древних эпических поэм и мифов, одаренное сверхчеловеческими силами (историческая литература)*».

В результате анализа семем лексемы «герой» в толковых словарях русского языка были выделены шесть групп значений, которые можно условно сформулировать следующим образом:

1. Человек, совершивший подвиг, проявивший личное исключительное мужество, храбрость, доблесть, самоотверженность, готовность к самопожертвованию.
2. Лицо, чем-либо отличившееся и привлёкшее к себе внимание, вызывает интерес, удивление в течение известного времени.
3. Лицо, являющееся для кого-либо предметом поклонения, восхищения, образцом для подражания.
4. Человек, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи.
5. В теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс (в противоположность массе).
6. Главное действующее лицо литературного произведения.

Значения полисемантического слова в описании семантемы слова упорядочиваются в порядке от ядерных к периферийным. Ядерными считаются значения, выделенные всеми словарями и приводимые в этих словарях первыми. Периферийными значениями считаются устаревшие, стилистически ограниченные, выделенные только отдельными словарями [1]. Поэтому возможно установление порядка указания семем с помощью вычисления индекса яркости семемы (ИЯС), который определяется как отношение количества одной и той же семемы, указанной в различных словарях, к общему количеству проанализированных словарей. С помощью этого метода можно представить интегрированное лексикографическое значение с количественными показателями яркости семем и сем каждой семемы:

1. Человек 1, совершивший подвиг 0,8, проявивший личное 0,6 исключительное 0,2 мужество 0,4, смелость 0,2, храбрость 0,4, доблесть 0,6, самоотверженность 0,8, готовность к самопожертвованию 0,2.
2. Лицо 1, чем-либо отличившееся 0,4 и привлёкшее к себе внимание 1, вызывает интерес 0,2, удивление 0,2, в течение известного времени 0,2.

3. Лицо 1, являющееся для кого-либо предметом 0,4 поклонения 0,4, восхищения 0,6, образцом 0,4 для подражания 0,6.

4. Человек 1, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи 1.

5. В теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность, как сила, направляющая исторический процесс 0,2.

6. Главное действующее лицо литературного произведения 1.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в русской лингвокультуре за лексемой «герой» закреплено следующее значение (в скобках указана яркость этого значения):

– Человек или лицо, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи (1).

– Человек или лицо, привлечшее к себе внимание (1).

– Главное действующее лицо литературного произведения (1).

– Проявивший храбрость (1).

– Человек или лицо, совершивший подвиг (0,8).

– Проявивший самоотверженность (0,8).

– Проявивший личное мужество, доблесть (0,6).

– Вызывающий восхищение (0,6).

– Являющийся примером для подражания (0,6).

– Являющиеся предметом поклонения (образцом) (0,4).

– Человек или лицо, чем-либо отличившееся (0,4).

– Готовый к самопожертвованию (0,2).

– Человек или лицо, который вызывает интерес, удивление в течение известного времени (0,2).

– В теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс (0,2).

Точно так же рассмотрим дефиниции слова «герой» в пяти словарях китайского языка. Во всех словарях семантика слова «герой» содержит три семемы:

1. 指才能勇武出众的人 (Люди, которые выделяются способностями и храбростью). 2. 不怕困难·不顾自己的安危·为人民利益而英勇斗争·令人钦佩、佩服的人 (Человек, который не боится трудностей, не обращает внимания на себя, героически сражается на благо народа, вызывает восхищение). 3. 具有英雄品质的 (Обладающий героическими качествами) [10].

1. 本领高强·勇武过人的人 (Люди, которые способны быть храбрыми и превосходят других). 2. 不怕困难·不顾自己·为人民利益而英勇斗争·令人钦敬的人 (Люди, которые не боятся трудностей, независимо от самих себя, и храбро сражаются за интересы народа, достойные восхищения, уважения люди). 3. 具有英雄品质的 (Обладающий героическими качествами) [13].

1. 有抱负、不畏艰险强暴，为民族或先进阶级的利益作出重大贡献的杰出人物 (Выдающийся человек, преисполненный высокими побуждений, который не боится трудностей и насилия и внес значительный вклад в интересы нации или передового класса) 2. 旧指勇武过人的人 (Старый термин, относится к человеку, который чрезвычайно храбр). 3. 具有英雄品质的 (С героическими качествами. Например: героический народ) [11].

1. 才能勇武过人的人 (Люди, которые, выделяются способностями и храбростью). 2. 不怕困难·不顾自己·为人民利益而英勇斗争·令人敬佩的人 (Люди, которые не боятся трудностей, не думают о себе и храбро сражаются за интересы народа, люди, достойные восхищения). 3. 具有英雄品质的 (Обладающий героическими качествами) [12].

1. 才能勇武过人的人 (Люди, которые, выделяющийся способностями и храбростью). 2. 为人民利益英勇斗争的人 (Люди, которые храбро сражаются за интересы народа). 3. 具有英雄品质的 (Обладающий героическими качествами) [14].

При анализе дефиниций слова «герой» в пяти китайских словарях было выделено три группы семемы:

1 группа семем имеет общую сему **выделяющийся способностями и храбростью**: 指才能勇武出众的人 (Люди, которые выделяются способностями и храбростью) [10; 12; 14] // 本领高强·勇武过人的人 (Люди, которые способны быть храбрыми и превосходят других) [13] // 旧指勇武过人的人 (Старый термин относится к человеку, который чрезвычайно храбр) [11].

2 группа семем объединена значением **героически сражается на благо народа**: 不怕困难·不顾自己的安危·为人民利益而英勇斗争·令人钦佩、佩服的人. (Человек, который не боится трудностей, не обращает внимания на себя, героически сражается на благо народа, вызывает восхищение) [10; 12] // 不怕困难·不顾自己·为人民利益而英勇斗争·令人钦敬的人 (Люди, которые не боятся трудностей, независимо от самих себя, и храбро сражаются за интересы народа, достойные восхищения, уважения люди) [13] // 为人民利益英勇斗争的人 (Люди, которые храбро сражаются за интересы народа) [14].

3 группа семем представлена одной особой словарной дефиницией – **внесший значительный вклад в интересы нации или передового класса**: 有抱负、不畏艰险强暴, 为民族或先进阶级的利益作出重大贡献的杰出人物 (Выдающийся человек, преисполненный высоких побуждений, который не боится трудностей, опасностей, насилия и внесший значительный вклад в интересы нации или передового класса) [11].

4 группа семем со значением **обладающий героическими качествами**: 具有英雄品质的 (Обладающий героическими качествами) [10, 11, 12, 13, 14].

При анализе словарных дефиниций мы выявили, что первая может быть представлена как одна семема: «Люди, выделяющиеся способностями и храбростью». Несмотря на то, что значение «Старый термин относится к человеку, который чрезвычайно храбр» указано в словаре Синьхуа, но эти значения тоже отражены в четырех других словарях и не помечены, как устаревшие. Это указывает на то, что это значение слова «герой» все еще действует в современном китайском языке. Вторая группа семем включает в себя три отдельные семемы: «Человек, который не боится трудностей, не обращает внимания на себя и героически сражается на благо народа» и «Человек, который вызывает восхищение, уважение». Почти все словари рассматривают эти два элемента как единое целое. Лишь в одном словаре [14] выделена только семема «Люди, которые храбро сражаются за интересы народа». Но в принципе это две отдельные семемы. «Человек, который не боится трудностей, не обращает внимания на себя и героически сражается на благо народа» – это качество и поведение самого героя; «человек, который вызывает восхищение, уважение» – это не субъективное поведение героя. Третья группа выделена как отдельная семема, хотя имеет такое же значение по сравнению с четвертой группой: «Человек, который не боится трудностей». Но главный его смысл действительно в том, что это человек, «внесший значительный вклад в интересы нации или передового класса». Четвертая группа семем тоже имеет важное значение: во всех китайских словарях слово «герой» содержит одну одинаковую семему: «Обладающий героическими качествами».

В результате анализа семем лексемы «герой» в толковых словарях китайского языка были выделены пять групп значений, которые можно условно сформулировать следующим образом:

1. Люди, которые выделяются способностями и храбростью.
2. Человек, который не боится трудностей, опасностей и насилия, не обращает внимания на себя и героически сражается на благо народа.
3. Выдающийся человек, преисполненный высоких побуждений, не боится трудностей, опасностей, насилия и вносит значительный вклад в интересы нации или передового класса.
4. Человек, который вызывает восхищение и уважение.
5. Обладающий героическими качествами.

Так же используем метод вычисления индекса яркости семемы (ИЯС).

1. Люди, которые выделяются способностями 1 и храбростью 1.
2. Человек, который не боится трудностей 0,8, опасностей 0,2 и насилия 0,2, не обращает внимания на себя 0,6 героически сражается на благо народа 0,8.
3. Выдающийся человек 0,2, который преисполнен высоких побуждений 0,2, вносит значительный вклад в интересы нации или передового класса 0,2.
4. Человек, который вызывает восхищение 0,4, уважение 0,2.
5. Обладающий героическими качествами 1.

Таким образом, мы можем говорить о том, что в китайской лингвокультуре за лексемой «герой» закреплено следующее значение:

- Человек, который выделяется способностями (1).
- Человек, который обладает храбростью (1).
- Обладает героическими качествами (1).
- Человек, который героически сражается на благо народа (0,8).
- Не боится трудностей (0,8).
- Не обращает внимания на себя (0,6).
- Человек, который вызывает восхищение (0,4).
- Человек, который вызывает уважение (0,2).
- Не боится опасностей (0,2).
- Не боится насилия (0,2).
- Человек, внесший значительный вклад в интересы нации или передового класса (0,2).
- Выдающийся человек (0,2).
- Человек, который преисполнен высокими побуждений (0,2).

Для более точного анализа приведенных выше данных мы систематизировали с помощью таблицы (см. табл. 1).

Таблица 1

Семная группа в русских и китайских словарях.

Table 1

Family group in Russian and Chinese dictionaries.

Семная группа	Китайские словари	Русские словари
Человек, по своему характеру и поступкам являющийся выразителем какой-нибудь среды или эпохи	–	+ (1)
Человек, привлёкший к себе внимание	–	+ (1)
Главное действующее лицо литературного произведения	–	+ (1)
Проявивший храбрость	+ (1)	+
Выделяющийся способностями	+ (1)	–
Обладающий героическими качествами	+ (1)	–
Совершивший подвиг	–	+ (0,8)
Проявивший, самоотверженность / не обращающий внимания на себя	+ (0,6)	+ (0,8)
Человек, который героически сражается на благо народа	+ (0,8)	–
Человек, который не боится трудностей	+ (0,8)	–
Проявивший личную доблесть	–	+ (0,6)
Вызывающий восхищение	+ (0,6)	+ (0,4)
Служащий примером для подражания	–	+ (0,6)
Человек, являющиеся для кого-либо предметом поклонения(образцом)	–	+ (0,4)
Человек, чем-либо отличившейся	–	+ (0,4)
Обладающий готовностью к самопожертвованию	–	+ (0,2)
Человек, который вызывает интерес, удивление в течение какого-то времени	–	+ (0,2)
В теориях некоторых буржуазных социологов – выдающаяся личность как сила, направляющая исторический процесс	–	+ (0,2)
Человек, который вызывает уважение	+ (0,2)	–
Человек, который не боится опасностей	+ (0,2)	–
Человек, который не боится насилия	+ (0,2)	–
Человек, внесший значительный вклад в интересы нации или передового класса	+ (0,2)	–
Выдающийся человек	+ (0,2)	–
Человек, который преисполнен высокими побуждений	+ (0,2)	–

Данная таблица позволяет увидеть те признаки, которые есть у слова «герой» в обоих языках, и те, которые есть только в русском или только в китайском языке. Одновременно она показывает, в какой степени (с какой яркостью) проявляется тот или иной признак. Эти данные позволяют сделать выводы о понимании героя в русской или китайской лингвокультурах.

Выводы

С помощью сопоставления словарных дефиниций лексемы «герой» в русских и китайских толковых словарях нам удалось выявить сходства и отличия в понимании сущности героя в русской и китайской лингвокультурах. Сходство состоит в том, что герой и русскими, и китайцами понимается как реальный, но при этом особенный человек, отличающийся от других, выдающийся, проявляющий необычайную храбрость, самоотверженность и личную доблесть, не боящийся трудностей, опасностей и насилия, готовый к самопожертвованию, думающий о других больше, чем о себе. Кроме того, в русской и китайской лингвокультурах, герой – это человек, преисполненный высоких побуждений и достойный восхищения.

В китайском языке, в отличие от русского, отсутствует понимание под героем персонажа литературного произведения; для китайцев герой – это человек, сражающийся на благо народа, в то время как в русской лингвокультуре герой – человек, совершающий подвиг, привлекающий внимание, вызывающий интерес и удивление. В русских словарях указано, что герой достоин подражания и является для кого-либо примером, а в китайских – что герои достойны уважения. В понимании русских людей значение героя обычно связано с эпохой, средой, а для китайцев героизм обусловлен в первую очередь способностями и качествами человека.

Итак, анализ словарных дефиниций, которые имеют в толковых словарях лексемы, помогает заметить и оценить отличия в понимании тех или иных явлений представителями различных лингвокультур. Такие исследования очень перспективны, поскольку отличаются точностью и обоснованностью.

Список источников

1. Алабугина Ю.В. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2015. 318 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1534 с.
3. Ван И. Концептуальный анализ лексемы «облако» в русской и китайской лингвокультурах // *Litera*. 2023. № 6. С. 274 – 285.
4. Крылова М.Н. Семантика современного русского сравнения. Лингвокультурологический анализ: монография. Саратов: Вузовское образование, 2014. 189 с.
5. Рудакова А.В. Методика обобщения словарных дефиниций при описании интегрированного лексикографического значения слова // *Вестник дагестанского научного центра*. 2015. № 58. С. 152 – 156.
6. Словарь русского языка: в 4 т. / Гл. ред. А.П. Евгеньева. М.: Русский язык, 1985. Т. 1. 702 с.
7. Сюй Ц. Лексемы «чувство» и «эмоция» в русском и китайском языках (на материале русских и китайских словарей) // *Русский язык и лингвокультура в сопоставительном аспекте: тез. докл. VII междунар. науч.-практ. конф.* Екатеринбург: Ажур, 2023. С. 60 – 61.
8. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Сов. энц., 1935. Т. 1. 1562 стб.
9. Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1164 с.
10. 新华汉语词典 / 《汪磊主编. 北京: 商务印书馆国际有限公司, 2013. 1169 с. (Китайский словарь Синьхуа / Гл. ред. Ван Лэй. Пекин: The Commercial Press, 2013. 1169 с.)
11. 新华词典 / 商务印书馆辞书研究中心修订. 北京: 商务印书馆, 2001. 1182 с. (Словарь Синьхуа / Доработан словарным исследовательским центром коммерческой прессы. Пекин: The Commercial Press, 2001. 1182 с.)
12. 新现代汉语词典 / 于根元. 武汉: 崇文书局, 2008. 859 с. (Новый современный китайский словарь / Сост. редакцией «Нового современного китайского словаря». Ухань: Книжная компания, 2008. 859 с.)
13. 现代汉语词典 (第 5 版) / 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京: 商务印书馆, 2005. 1632 с. (Современный китайский словарь (5-е издание) / Сост. редакцией словаря Института лингвистики Китайской академии общественных наук. Пекин: The Commercial Press, 2005. 1632 с.)

14. 词现代汉语词典 / 汉语大字典编纂处编著. 成都 : 四川辞书出版社, 2012. 822 с. (Словарь современного китайского языка / Составлен Бюро составления китайского словаря. Чэнду: Сычуаньский словарь, 2012. 822 с.)

15. Sun Yu., Rybakov M.A., Lysyakova M.V. Linguocultural connotations of the lexeme willow ‘ива’ in russian and chinese languages // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Т. 13. № 4. С. 1094 – 1109.

References

1. Alabugina Yu.V. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: AST, 2015. 318 p.
2. Large explanatory dictionary of the Russian language. Ch. ed. S.A. Kuznetsov. St. Petersburg: Norint, 2000. 1534 p.
3. Wang Y. Conceptual analysis of the lexeme “cloud” in Russian and Chinese linguistic cultures. Litera. 2023. No. 6. P. 274 – 285.
4. Krylova M.N. Semantics of modern Russian comparison. Linguistic and cultural analysis: monograph. Saratov: University Education, 2014. 189 p.
5. Rudakova A.V. Methodology for generalizing dictionary definitions when describing the integrated lexicographic meaning of a word. Bulletin of the Dagestan Scientific Center. 2015. No. 58. P. 152 – 156.
6. Dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ch. ed. A.P. Evgenieva. M.: Russian language, 1985. Т. 1. 702 p.
7. Xu Ts. Lexemes “feeling” and “emotion” in Russian and Chinese languages (based on Russian and Chinese dictionaries). Russian language and linguistic culture in a comparative aspect: abstract. report VII international scientific-practical conf. Ekaterinburg: Azhur, 2023. P. 60 – 61.
8. Explanatory dictionary of the Russian language: in 4 volumes. Ed. D.N. Ushakova. M.: Sov. ence., 1935. Т. 1. 1562 stb.
9. Shvedova N.Yu. An explanatory dictionary of the Russian language including information about the origin of words. M.: Azbukovnik, 2011. 1164 p.
10. 新华汉语词典. 《汪磊主编. 北京 : 商务书馆国际有限公司 , 2013. 1169 pp. (Xinhua Chinese Dictionary. Chief editor: Wang Lei. Beijing: The Commercial Press, 2013. 1169 p.)
11. 新华词典. 商务印书馆辞书研究中心修订. 北京 : 商务印书馆 , 2001. 1182 pp. (Xinhua Dictionary. Updated by the Dictionary Research Center of the Commercial Press. Beijing: The Commercial Press, 2001. 1182 p.)
12. 新现代汉语词典. 于根元. 武汉 : 崇文书局 , 2008. 859 p. (New Modern Chinese Dictionary. Compiled by the editors of the “New Modern Chinese Dictionary”. Wuhan: Book Company, 2008. 859 p.)
13. 现代汉语词典 (第 5 版) . 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. 北京 : 商务印书馆 , 2005. 1632 p. (Modern Chinese Dictionary (5th edition). Compiled by the editors of the dictionary of the Institute of Linguistics of the Chinese Academy of Social Sciences. Beijing: The Commercial Press, 2005. 1632 pp.)
14. 词现代汉语词典. 汉语大字典编纂处编著. 成都 : 四川辞书出版社 , 2012. 822 p. (Dictionary of Modern Chinese. Compiled by the Chinese Dictionary Compilation Bureau. Chengdu: Sichuan Dictionary, 2012. 822 pp.)
15. Sun Yu., Rybakov M.A., Lysyakova M.V. Linguocultural connotations of the lexeme willow ‘willow’ in Russian and Chinese languages. RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2022. Т. 13. No. 4. P. 1094 – 1109.

Информация об авторе

Ян Цзинь, аспирант, Южно-Уральский государственный университет

© Ян Цзинь, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'33

¹ Марико М.Л.

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Сопоставительное исследование учебников по обществознанию и документов ООН на русском языке

Аннотация: в данном исследовании мы анализировали корпус из 60 000 слов, представленный русскими текстами ООН и четырьмя (4) комплектами школьных учебников (6 и 9 классы) по обществознанию, написанных [2, с. 63-88] и [10, с. 240]. Двадцать (20) текстов были извлечены из документов Организации Объединенных Наций и сорок (40) текстов – из учебников по обществознанию. Объем выборки не превышал 1000 слов в каждом тексте. Цель исследования – выявить корреляцию между документами ООН и учебниками по обществознанию Никитина и Боголюбова. Для достижения цели мы использовали Rulingva, вычислительный инструмент, доступный в Интернете, чтобы проанализировать данные, выбрав уровни Флеша-Кинкейда, лексическую плотность и лексическое разнообразие (TTR). Результаты показали, что по уровню читабельности (FKGL) 6-е классы идут практически параллельно с 9-ми классами; тексты варьировались от 7,95 до 9,37. FKGL русских текстов ООН варьировались от 11,75 до 16,49, поэтому оказались более сложными, чем учебники по обществознанию. Кроме того, лексическая плотность образцов, взятых из русских текстов ООН и учебников по обществознанию, была очень похожа и составляла от 66% до 74%; более высокий процент лексической плотности является показателем понятности. Аналогичным образом, лексическое разнообразие (TTR) всего корпуса варьировалось от 0,55 до 0,68; более высокое значение TTR также является показателем понимания текста. Мы пришли к выводу, что существует корреляция между русскими текстами ООН и учебниками по обществознанию Никитина и Боголюбова по показателям лексической плотности и лексического разнообразия (TTR).

Ключевые слова: читабельность (FKGL), лексическое разнообразие (TTR), лексическая плотность, русские тексты ООН, учебные материалы, Rulingva, сложность текста

Для цитирования: Марико М.Л. Сопоставительное исследование учебников по обществознанию и документов ООН на русском языке // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 50 – 58.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Mariko M.L.

¹ Kazan (Volga Region) Federal University

A comparative study of textbooks on social studies and Russian UN texts

Abstract: in this research we examined a 60.000 word-based corpus represented by Russian UN texts and four (4) sets of school textbooks (6th grades and 9th grades) on social studies written by [2, p. 63-88] and [10, P. 240]. Twenty (20) texts were extracted from the documents of the United Nations and forty (40) texts from the textbooks on social studies. The samples were limited to 1000 words per text. The purpose of the research was to discover the correlation between the documents of the United Nations and the textbooks on social studies by Nikitin and Bogolubov. To meet our target, we used Rulingva, a computational tool available online, to analyze the data by selecting Flesch Kincaid Grade Level, Lexical density, and lexical diversity (TTR). The findings revealed that the 6th grades run in parallel with the 9th grades in terms of readability (FKGL); the texts varied between 7.95 and 9.37.

FKGL of Russian UN texts varied from 11.75 to 16.49, thus proved to be more complex than the textbooks on social studies. Furthermore, the lexical density of the samples extracted from Russian UN texts and textbooks on social studies were very similar ranging from 66 % to 74%; a higher percentage of lexical density is an indication of understandability. Likewise, the lexical diversity (TTR) of the whole corpus varied from 0.55 to 0.68; a higher value of TTR is also an indication of text comprehension. We concluded that there is a correlation between Russian UN texts and the textbooks on social studies by Nikitin and Bogolubov in terms of lexical density and lexical diversity (TTR).

Keywords: readability (FKGL), lexical diversity (TTR), lexical density, Russian UN texts, educational textbooks, Rulingva, text complexity

For citation: Mariko M.L. A comparative study of textbooks on social studies and Russian UN texts. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 50 – 58.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 14, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Некоторые тексты читаются легко. Другие – трудно. Это совершенно естественно. Сложность заключается в том, чтобы разработать объективное средство измерения текстов по тому, как они читаются. Это одна из задач, которая послужила мотивом для нашего исследования. Таким образом, мы можем рассматривать русские тексты ООН и учебники по обществознанию как публичные документы. Сложность чтения многих публичных документов слишком высока для значительной части населения. Например, юридические документы, медицинские документы и трудовые договоры также являются прекрасными примерами сложных текстов, которые трудно понять большинству населения.

Аналогичным образом, анкеты и опросы содержат большой процент вопросов, которые вызывают трудности с пониманием у значительной части населения [3, с. 335; 6, с. 3-22]. Надежность и достоверность результатов этих опросов ставится под сомнение, когда вопросы содержат сложные слова, двусмысленное значение, сложный синтаксис или содержание, которое чрезмерно нагружает когнитивные ресурсы. В результате страдают и люди, и общество. Стоит отметить, что русские тексты ООН и общественные документы единично посвящены теме прав человека, что делает их специфическими. Таким образом, эти тексты также могут относиться к публичным документам или рассматриваться как юридические документы, политические документы.

Под трудностью понимания понимается то, насколько читабельность текста соответствует уровню понимания текста отдельными читателями [1, с. 416]. Мы можем определить читабельность на основе таких характеристик, как количество слогов в слове, количество слов в предложении, сложность слов и сложность языка [8, с. 12-15]. Изначально формулы читабельности были разработаны для учебников начальной школы, чтобы убедиться, что книги не слишком сложны для восприятия детьми [4, с. 74]. Одним из первых инструментов читабельности, созданных для этой цели, была формула Flesch Reading Ease (FRE) [5, с. 221-233]. Эта формула основана на 100-балльной системе, где более высокий балл показывает, что текст легче для понимания. В 1975 году эта мера была дополнена, в результате чего появилась формула Flesch-Kincaid Reading Grade Level (FKGL) [11, с. 149-154]. Формула FKGL для определения читабельности является, вероятно, наиболее широко используемой в различных дисциплинах и оценивает текст на основе уровня школьного образования в США в диапазоне от 1 до 12. Формула, используемая для определения FKGL, основана на двух основных критериях. Первый – синтаксическая сложность, которая измеряется путем оценки количества слов в предложении. Сложность слова – второй компонент, количественно измеряется количеством слогов в слове [11, с. 149-154].

Показатели лексического разнообразия предположительно связаны как с трудностью текста, так и с его связностью. Лексическое разнообразие увеличивает сложность, поскольку каждое уникальное слово представляет новую информацию, которую необходимо закодировать и интегрировать в контекст дискурса. Наиболее известным показателем лексического разнообразия является соотношение между словами (type-token ratio, TTR), [12, с. 183]. Это количество уникальных слов в тексте (т. е. типов), деленное на общее количество слов (т. е. токенов) в тексте.

Лексическая плотность – часть лингвистики, изучающая устную и письменную речь. Лексическая плотность — это соотношение лексических единиц (слов содержания) к общему объему дискурса [7, с. 109]. Лексическая плотность также может быть определена путем деления количества лексических единиц (слов

содержания) в сложной клаузе на количество клауз в комплексе. Лексическая плотность показывает сложность слов в тексте. Она также описывает развитие лексических единиц в письменном языке.

Цель исследования является изучение сложности русского языка (учебники по обществознанию) и текстов Организации Объединенных Наций.

Материалы и методы исследований

Мы отобрали данные из русских текстов ООН, размещенных на сайте ООН в разделе (https://www.ohchr.org/en/ohchr_homepage), а также из четырех (4) комплектов школьных учебников (6 и 9 классы) по обществознанию, написанных [2, с. 63-88] и [10, с. 240]. Учебники Никитина и Боголюбова рекомендованы Министерством образования Российской Федерации и предназначены для учащихся 6 и 9 классов. После отбора данных мы использовали бесплатный онлайн-вычислительный инструмент *Rulingva* (<https://Rulingva.kpfu.ru/>) для анализа корпуса, который включал 60.000 слов, то есть 10.000 слов из каждого учебника и 20.000 слов из русских текстов ООН. Таким образом, мы создали 60 текстов, объемом 1000 слов на текст.

Тем не менее, мы стремились выявить сходства и различия между русскими текстами ООН и текстами по обществознанию Никитина и Боголюбова. Для достижения поставленной цели мы выбрали показатели Flesch-Kincaid Grade Level (*FKGL*), лексической плотности и лексической плотности (*TTR*). Результаты представлены на рисунках ниже, после чего следует обсуждение, которое мы представили в шесть (6) этапов.

Результаты и обсуждения

В данном исследовании мы использовали для анализа данные из документов ООН и четырех (4) учебников по обществознанию 6 и 9 классов Никитина и Боголюбова. После отбора данных мы использовали программу *Rulingva* для анализа корпуса, который состоял из 60 000 слов, то есть 10 000 слов из каждого учебника и 20 000 слов из русских текстов ООН. Таким образом, мы создали 60 текстов по 1000 слов на каждый текст. Нашей целью было выявить и найти сходства и различия между документами ООН и учебниками по обществознанию Никитина и Боголюбова. Поэтому для определения сложности текста мы выбрали Flesch-Kincaid Grade Level (*FKGL*), лексическую плотность и лексическое разнообразие (*TTR*).

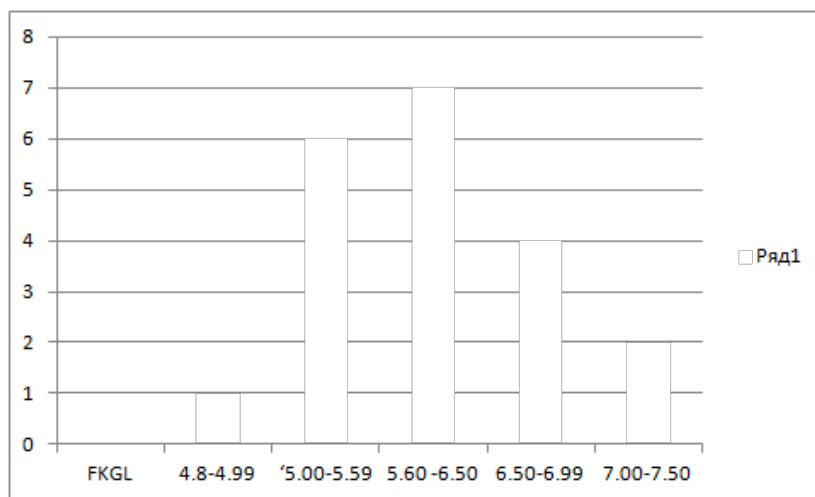

Рис. 1. Учебники 6 класс _Никитин и Боголюбов (Flesh-Kincaid Grade Level).

Fig. 1. Textbooks 6th grade Nikitin and Bogolyubov (Flesch-Kincaid Grade Level).

На этом графике показан уровень владения *FKGL* по учебникам 6 класса Никитина и Боголюбова. Показатели варьируются от 5,00 до 7,50, что говорит о том, что для понимания этих текстов учащимся необходимо не менее 5 лет образования.

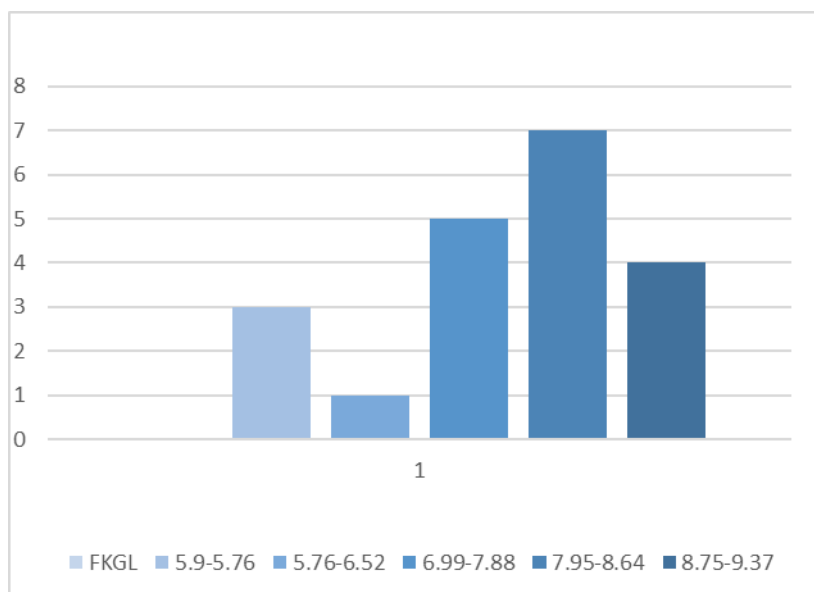

Рис. 2. Учебник 9 класс _Никитин и Боголюбов (Flesh-Kincaid Grade Level).
Fig. 2. Textbook 9th grade Nikitin and Bogolyubov (Flesch-Kincaid Grade Level).

На втором графике видно, что Flesch Kincaid Grade Level (*FKGL*) учебников 9 класса Никитина и Боголюбова находится в пределах требуемого уровня для этих учебников, то есть почти 5 текстов из 10 варьируются от 5,76 до 7,88. кроме того, 7 текстов из 10 варьируются от 7,95 до 9,37.

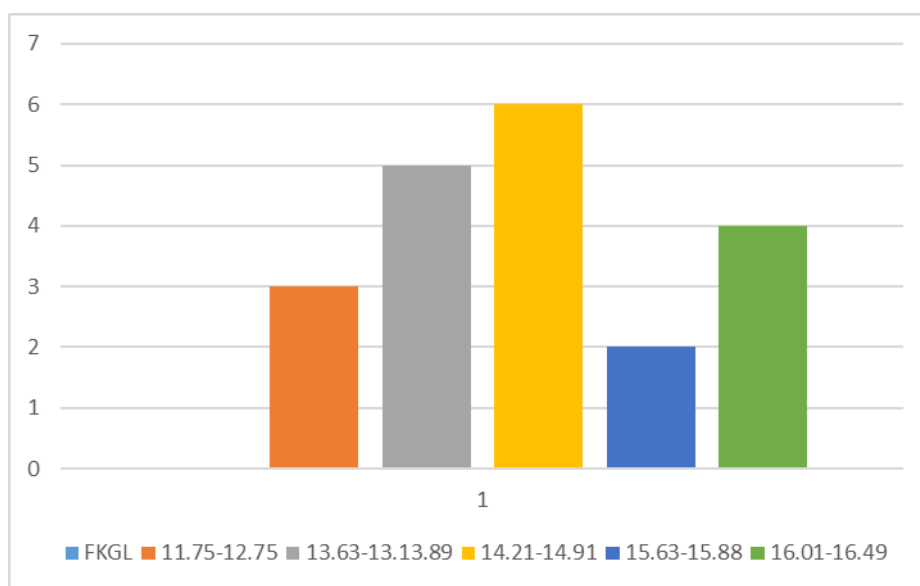

Рис. 3. Русские тексты ООН_ Flesch Kincaid Grade Level (*FKGL*).
Fig. 3. Russian texts UN_ Flesch Kincaid Grade Level (*FKGL*).

График показывает, что Flesch Kincaid Grade Level (*FKGL*) текстов Russian UN варьируется между 11.75 и 16.49.

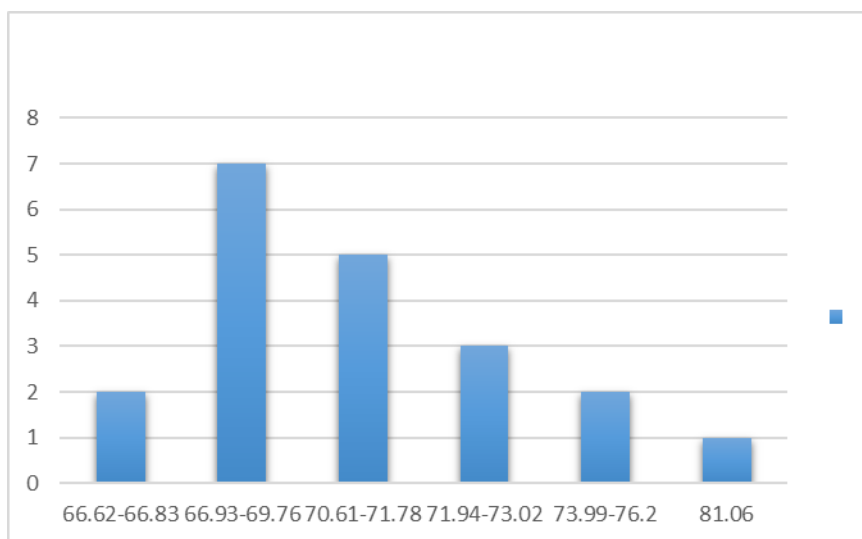

Рис. 4. Учебники_Никитин+Боголюбов 9 класс разделены на группы (Лексическая плотность).
Fig. 4. Textbooks_Nikitin+Bogolyubov grade 9 are divided into groups (Lexical density).

График показывает, что тексты 9-х классов Никитина и Боголюбова варьируются между 66% и 81%. 7 текстов из 10 варьируются от 66,93 до 71%.

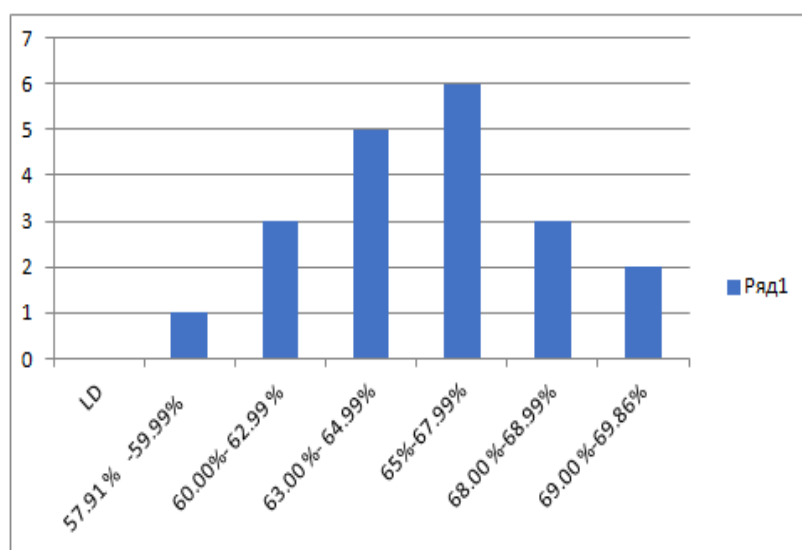

Рис. 5. Учебники_Никитин+Боголюбов разделены на группы.
Fig. 5. Textbooks_Nikitin + Bogolyubov are divided into groups.

На графике показана лексическая плотность текстов Никитина и Боголюбова для обоих 6-х классов. Тексты варьируются между 60 и 70%, что свидетельствует о том, что тексты не очень сложны для понимания шестиклассниками.

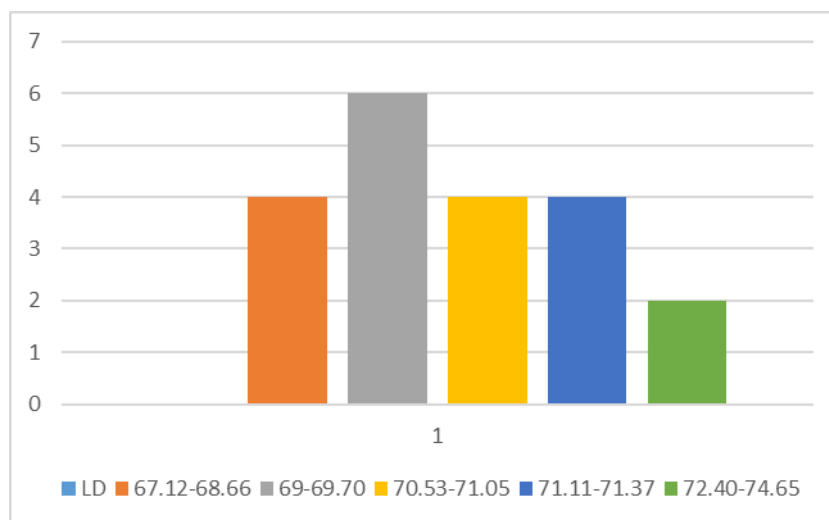

Рис. 6. Русские тексты ООН_ Лексическая плотность.

Fig. 6. Russian UN texts_ Lexical density.

На графике видно, что лексическое разнообразие вычисленных текстов варьируется между 67 и 74.

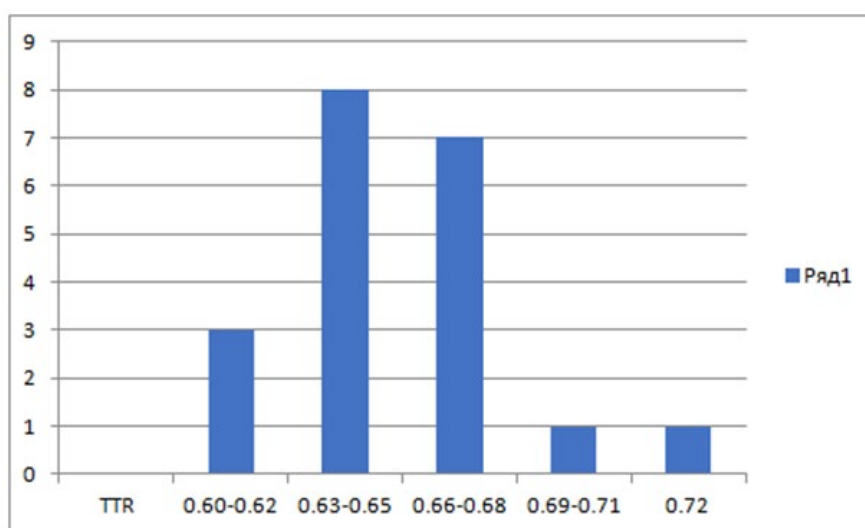

Рис. 7. Учебники_Никитина+Боглюбова (TTR) разделены на группы.

Fig. 7. Textbooks_Nikitin+Boglyubov (TTR) are divided into groups.

На графике представлен Type Token Ratio (TTR) учебников 6-го класса Никитина и Боголюбова. 8 текстов из 10 варьируются от 0,63 до 0,68, что свидетельствует о том, что эти тексты легче читаются шестиклассниками.

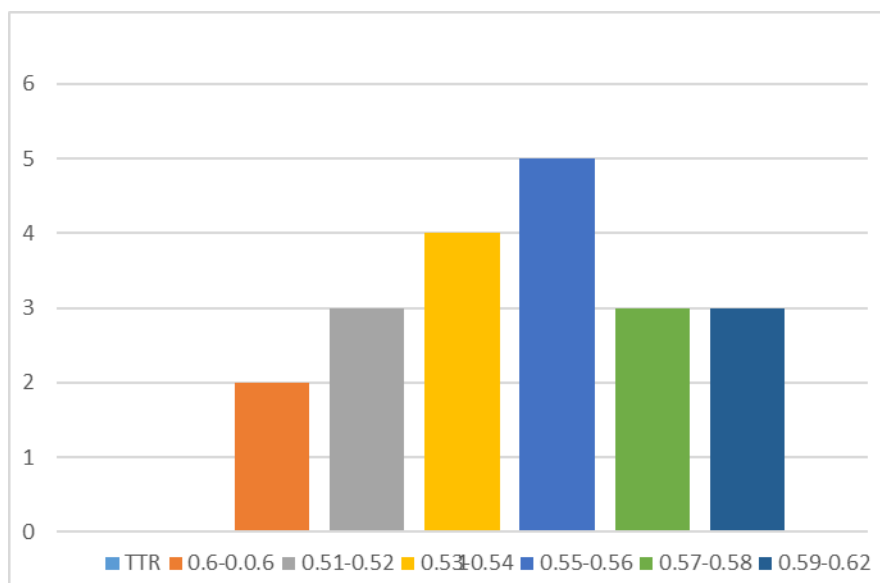

Рис. 8. Русские тексты ООН _Лексическое разнообразие (*TTR*).
Fig. 8. Russian UN texts _Lexical diversity (*TTR*).

График показывает лексическое разнообразие (*TTR*) исследуемых текстов, которое варьируется между 0,6 и 0,62. Он также показывает, что соотношение типов лексем (*TTR*) русских текстов ООН варьируется между 0,55 и 0,56.

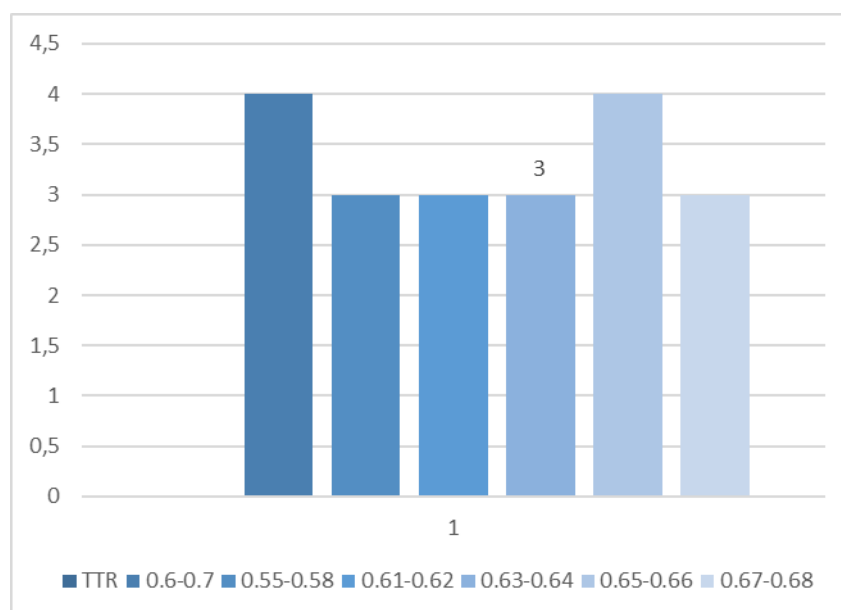

Рис. 9. Никитин+Боголюбов разделены на группы.
Fig. 9. Nikitin + Bogolyubov are divided into groups.

На графике представлен Type Token Ratio (*TTR*) учебников 9 класса Никитина и Боголюбова. Огромное количество текстов варьируется от 0,58 до 0,68, что говорит о том, что процентное соотношение текстов выше среднего, а значит, эти тексты легче читаются девятиклассниками.

На первом этапе исследования мы вычислили 20 текстов, отобранных из учебников для 6-х классов с помощью *Rulingva*, сравнив результаты, полученные по Flesch-Kincaid Grade Level (*FKGL*) в текстах, и выяснили, что 11 текстов из 20 варьировались от 5,00 до 6,99, как видно на первом графике выше. Это означает, что большая часть текстов относится к 6 классу. Только 2 текста относятся к 7 классу.

На втором этапе исследования мы проанализировали учебники Никитина и Боголюбова для 9 класса. На втором графике выше показано, что Flesch Kincaid Grade Level (*FKGL*) по учебникам Никитина и Боголю-

бова для 9 класса варьировались от 5,76 до 9,37. Эти показатели означают, что тексты соотносятся с 9-м классом.

На третьем этапе нашего исследования мы сравнили данные, отобранные из учебников 6 и 9 классов по обществознанию Никитина и Боголюбова и русских текстов ООН. Первый параметр - *FKGL* - показал, что тексты варьируются от 11,75 до 16,49. Обоснование этого параметра указывает на то, что для понимания русских текстов ООН ученику требуется не менее 11 лет формального образования; 16,49 - самое высокое показание – является явным доказательством того, что русские тексты ООН более трудны для чтения, чем учебники по обществознанию. С другой стороны, данные 9-х классов совпали с требуемым уровнем читабельности, то есть 11 текстов из 20 оказались в диапазоне от 7,95 до 9,37. Кроме того, из текстов 6-го класса 11 текстов из 20 варьировались от 5,00 до 6,99, как видно на первом графике выше. Это предполагает, что большая часть текстов шла параллельно с 6-м классом. А также объясняет, что учащиеся вряд ли столкнутся с трудностями при чтении таких текстов. Аналогичным образом мы рассмотрели лексическую плотность, что позволило нам увидеть огромное сходство между учебниками 6-го, 9-го классов и русскими текстами ООН, так как в большинстве текстов варьировались от 66,62 до 74,65. Следовательно, тексты являются лексически плотными, что может облегчить их понимание.

На четвертом этапе исследования мы также провели сравнение результатов, полученных по лексической плотности в данных. Результаты, представленные на пятом (5) графике, показали, что в большинстве текстов варьировались между 63% и 68%, а это значит, что учебники по обществознанию Никитина и Боголюбова являются лексически плотными для понимания.

На пятом этапе исследования мы аналогичным образом измерили лексическое разнообразие (*TTR*) наших данных. Результаты, представленные на седьмом графике, показали, что большая часть текстов варьировались от 0,60 до 0,68. Это демонстрирует, что тексты похожи друг на друга и не являются трудными для чтения для соответствующего класса (6 класс), так как самый высокий традиционный коэффициент (*TTR*) равен 1, согласно [8, с.12-15].

На заключительном этапе исследования мы проанализировали лексическое разнообразие текстов, известное как соотношение типов лексем (*TTR*). В большинстве текстов соотношение было практически одинаковым. Они варьировались от 0,6 до 0,68. Это предполагает повторение одних и тех же слов в текстах, чтобы помочь читателю понять текст.

Выводы

В заключение следует отметить, что в данном исследовании была предпринята попытка выявить яркие особенности, существующие между русскими текстами ООН и учебниками по обществознанию Никитина и Боголюбова. Данные, отобранные из учебников по обществознанию, предназначенных для школьников, и данные, извлеченные из русских текстов ООН, показали, что многие тексты на русском языке относительно не отличаются друг от друга по лексической плотности и лексическому разнообразию (*TTR*); разница заключается в читабельности, так как *FKGL* русских текстов ООН варьируется между 11,75 и 16,49, что показывает, что читателю требуется не менее 11 лет формального образования, чтобы прочитать данные тексты (русские тексты ООН). Эти параметры могут указывать на сложность текста, как было показано в данном исследовании.

Стоит также отметить, что хотя русские тексты ООН обычно читают политики, данное исследование показало, что ими могут пользоваться девятиклассники, так как существует корреляция между текстами по выделенным параметрам. Лексическая плотность показывает сложность слов в тексте. Она также описывает развитие лексических единиц в письменном языке. Лексическое разнообразие также известно как лексическое богатство, поэтому оно увеличивает сложность, так как каждое отдельное слово представляет новую информацию, которую необходимо закодировать и интегрировать в контекст дискурса. Мы полагаем, что данное исследование может помочь специалистам в области образования лучше выбирать учебники, предназначенные для студентов.

Список источников

1. Conrad F.G., Schober M.F. (Eds.). *Envisioning the survey interview of the future*. New York: Wiley, 2007. 416 p.
2. Benjamin R.G. Reconstructing readability: Recent developments and recommendations in the analysis of text difficulty // *Educational Psychology Review*. 2012. № 24 (1). P. 63 – 88.
3. Bogolubov L.N. *Social Studies. 11th grade (basic level) . Textbook*. 3rd ed. Moscow, 2017. 335 p.
4. DuBay W.H. *The principles of readability*. Costa Mesa: Impact Information, 2004. 74 p.

5. Flesch R. A new readability yardstick // Journal of Applied Psychology. 1948. № 32 (3). P. 221 – 233.
6. Graesser A.C., Cai Z., Louwerse M., Daniel F. (2006) Question Understanding Aid (QUAID): A web facility that helps survey methodologists improve the comprehensibility of questions // Public Opinion Quarterly. 2006. № 70. P. 3 – 22.
7. Halliday M.A.K. Spoken and written language. Geelong Victoria: Deakin Univ. Press, 1985. 109 p.
8. McClure G.M. Readability formulas: Useful or useless? // IEEE Transactions on Professional Communication, PC. 1987. № 30 (1). P. 12 – 15.
9. Malvern D., Richards B., Chipere N. et al. Lexical diversity and language development: quantification and assessment. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
10. Nikitin A.F., Gribanova G.I., Skorobogatko A.V., Martyanov D.S Social Studies. Textbook. Drofa, 2017. 240 p.
11. Thomas G., Hartley R.D., Kincaid J.P. Test-retest and inter-analyst reliability of the Automated Readability Index, Flesch Reading Ease Score, and the Fog Count // Journal of Reading Behavior. 1975. № 7 (2). P. 149 – 154.
12. Templin M.C. Certain Language Skills in Children: Their Development and Interrelationships, Vol. 10. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1957. 183 p.

References

1. Conrad F.G., Schober M.F. (Eds.). Envisioning the survey interview of the future. New York: Wiley, 2007. 416 p.
2. Benjamin R.G. Reconstructing readability: Recent developments and recommendations in the analysis of text difficulty. Educational Psychology Review. 2012. № 24 (1). P. 63 – 88.
3. Bogolubov L.N. Social Studies. 11th grade (basic level) . Textbook. 3rd ed. Moscow, 2017. 335 p.
4. DuBay W.H. The principles of readability. Costa Mesa: Impact Information, 2004. 74 p.
5. Flesch R. A new readability yardstick. Journal of Applied Psychology. 1948. № 32 (3). P. 221 – 233.
6. Graesser A.C., Cai Z., Louwerse M., Daniel F. (2006) Question Understanding Aid (QUAID): A web facility that helps survey methodologists improve the comprehensibility of questions. Public Opinion Quarterly. 2006. № 70. P. 3 – 22.
7. Halliday M.A.K. Spoken and written language. Geelong Victoria: Deakin Univ. Press, 1985. 109 p.
8. McClure G.M. Readability formulas: Useful or useless? IEEE Transactions on Professional Communication, PC. 1987. № 30 (1). P. 12 – 15.
9. Malvern D., Richards B., Chipere N. et al. Lexical diversity and language development: quantification and assessment. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2004. 288 p.
10. Nikitin A.F., Gribanova G.I., Skorobogatko A.V., Martyanov D.S Social Studies. Textbook. Drofa, 2017. 240 p.
11. Thomas G., Hartley R.D., Kincaid J.P. Test-retest and inter-analyst reliability of the Automated Readability Index, Flesch Reading Ease Score, and the Fog Count. Journal of Reading Behavior. 1975. № 7 (2). P. 149 – 154.
12. Templin M.C. Certain Language Skills in Children: Their Development and Interrelationships, Vol. 10. Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1957. 183 p.

Информация об авторе

Марико М.Л., преподаватель-исследователь, Казанский (Приволжский) федеральный университет

© Марико М.Л., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81-02

¹ Филиппова О.Н.

¹ Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал
Ростовского государственного экономического университета

Использование приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии: коммуникативный, лингвокультурологический, когнитивный и воспитательный аспекты

Аннотация: в статье автор обосновывает мнение о том, что фразеологическая система русского языка является ценным содержательным материалом, обладающим лингвокультурологической, когнитивной и воспитательной направленностью, поскольку вся фразеологическая система русского языка тесно связана с ценностями, традициями народа, его историей и культурой. Лингвистические игры на материале фразеологии, применяемые на уроках русского языка, призваны привить у детей основы мировосприятия, любовь и уважение к русскому языку, что в перспективе способствует развитию чувства патриотизма, активной гражданской позиции, становлению гармонично развитой коммуникативной личности. Методология исследования представлена обзором научных работ отечественных исследователей по обсуждаемой проблеме, также для выявления специфики использования приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии с учетом коммуникативного, лингвокультурологического, когнитивного и воспитательного аспектов в статье использовались методы анализа, описания и систематизации материала. Результаты научной работы представлены в виде исследования специфики анализируемых единиц, а также рекомендаций по использованию приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологической системы. Фразеология является одним из богатейших источников формирования нравственных, этических, эстетических ценностей у обучающихся.

Ключевые слова: фразеология, фразеологическая единица, фразеологическое богатство, геймификация, русский язык, коммуникация, лингвистическая игра, речь

Для цитирования: Филиппова О.Н. Использование приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии: коммуникативный, лингвокультурологический, когнитивный и воспитательный аспекты // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 59 – 64.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Filippova O.N.

¹ Taganrog Institute named after A. Chekhov
(branch) Rostov State University of Economics

The use of gamification techniques in Russian language lessons based on phraseology: communicative, linguistic, cultural, cognitive and educational aspects

Abstract: Russian phraseological system is a valuable informative material with linguistic, cultural, cognitive and educational orientation, since the entire phraseological system of the Russian language is closely linked to the values, traditions of the people, its history and culture. Linguistic games are designed to instill in children the basics of worldview, love and respect for the Russian language, which in the long term contributes to the development

of a sense of patriotism, an active civic position, and the formation of a harmoniously developed communicative personality. The research methodology is presented by a review of scientific works of domestic researchers on the problem under discussion, and to identify the specifics of using gamification techniques in Russian language lessons based on phraseology, taking into account communicative, linguistic, cultural, cognitive and educational aspects, the article used methods of description, systematization and analysis of the material. The results of the scientific work are presented in the form of a study of the specifics of the analyzed units, as well as recommendations on the use of gamification techniques in Russian language lessons based on the material of the phraseological system. Phraseology is one of the richest sources of formation of moral, ethical, and aesthetic values among students.

Keywords: *phraseology, phraseological unit, phraseological wealth, gamification, the Russian language, communication, linguistic game, speech*

For citation: Filippova O.N. The use of gamification techniques in Russian language lessons based on phraseology: communicative, linguistic, cultural, cognitive and educational aspects. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 59 – 64.

The article was submitted: October 16, 2024; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы составляет исследование специфики использования приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии с учетом коммуникативного, лингвокультурологического, когнитивного и воспитательного аспектов. На современном этапе в образовательном процессе происходит непрерывный поиск наиболее эффективных методов обучения. Как известно, ведущим видом деятельности детей является игра. В связи с этим у педагогов возрастает интерес к геймификации, то есть игровой деятельности, игровым приемам, используемым в процессе обучения в качестве одного из способов активизации их познавательных процессов и воспитания.

На сегодняшний день известны различные формы организации образовательной деятельности на основе игровых заданий, которые педагоги используют на уроках русского языка, в частности занимательные лингвистические викторины, различные чайнворды, шарады, уроки-путешествия, уроки-экскурсии, содержащие разнообразные дидактические игры и игровые приемы как развивающего, так и воспитательного характера. Наблюдения показывают, что наиболее активно речевая деятельность детей проявляется в ходе выполнения заданий игрового характера, требующих речевых умений и навыков.

Наиболее ценным содержательным материалом, с нашей точки зрения, является фразеологическая система русского языка, обладающая лингвокультурологической, когнитивной и воспитательной направленностью, поскольку вся фразеологическая система русского языка тесно взаимосвязана с ценностями, традициями народа, его историей и культурой.

Для современного педагога фразеологическая система русского языка является весьма ценным материалом, поскольку она помогает обучающемуся разобраться в специфике имплицитности семантики фразеологических единиц, усвоить значение фразеологизмов, понять их образную основу, особенности функционирования в речи. Творческие задания позволяют педагогам обогатить активный словарь детей, сделать их речь более яркой и выразительной. В целом умелое владение фразеологией – свидетельство высокого уровня языковой компетенции современного носителя языка, овладение русским языком невозможно без усвоения средств его речевой выразительности.

Цели и задачи исследования состоят в анализе и освещении вопросов специфики функционирования фразеологических единиц в речи, их особенностей на уровне семантики и грамматического оформления, а также возможностей использования в качестве материала для организации и проведения лингвистических игр на уроках русского языка с учетом коммуникативного, лингвокультурологического, когнитивного и воспитательного аспектов, а также как средства формирования нравственных, этических, эстетических ценностей.

Материалы и методы исследований

Для исследования специфики функционирования фразеологических единиц в речи, их особенностей на уровне семантики и грамматического оформления применялись следующие методы: обзор, изучение и описание научных работ отечественных исследователей по обсуждаемому вопросу. Для выявления специфики использования приемов геймификации на уроках русского языка на материале фразеологии с учетом ком-

муникативного, лингвокультурологического, когнитивного и воспитательного аспектов в статье использовались методы анализа, описания и систематизации материала.

Результаты и обсуждения

Основы фразеологии как науки были заложены еще в 40-х годах XX века исследованиями А.А. Потебни, И.И. Срезневского, А.А. Шахматова, Ф.Ф. Фортунатова, В.В. Виноградова и др. Этот период в лингвистике по праву считается началом системного изучения фразеологического материала. Сама же фразеология с этого времени начинает превращаться в сложную, разветвленную науку. Однако до сих пор нет четкого представления о структуре, границах фразеологической системы русского языка, поэтому ее многие аспекты в настоящее время остаются весьма актуальными, дискуссионными [4, с. 211].

«Фразеологические единицы, или фразеологизмы – это устойчивые, постоянные по своему компонентному составу, воспроизводимые единицы языка, обладающие единым целостным значением. Фразеологические единицы представляют собой семантически несвободное сочетание слов, которое не производится в речи (в отличие от сходных с ним по форме свободных словосочетаний), а воспроизводится в устойчивом лексико-грамматическом составе с закрепленной за ним семантикой» [1, с. 171].

Фразеологизмы – особые знаки языка, фиксирующие и передающие от поколения к поколению культурные установки, нравственные эталоны, языковые архетипы, т.е. ценностно-эмоциональное отношение к происходящему в мире. Как отмечает М.Л. Ковшова, фразеологизм – «особый знак языка: в его семантику «вплетена» культурная семантика, или культурная коннотация, которая создается референцией фразеологизма к предметной области культуры» [3, с. 69].

Постоянный лексический и грамматический состав, а также порядок слов являются основными структурными признаками фразеологических единиц. Однако не все фразеологизмы имеют грамматически застывшую структуру. Некоторые из них допускают изменения лексико-грамматического состава, а также имеют свободный порядок слов [6, с. 89]. В связи с этим выделяются:

- лексические варианты фразеологических единиц, например: *навести тень на ясный день* – *навести тень на майский день* – *навести тень на плетень*, *кричать во все горло* – *кричать во весь голос*; *кричать что есть мочи* – *кричать что есть духу*; конструкции, допускающие добавление в структуру фразеологической единицы дополнительных слов, например: *разжигать страсти* – *разжигать роковые страсти*;
- грамматические варианты фразеологических единиц, например: *уткнуть нос* – *уткнуться носом*; *связать руки* – *связать по рукам*; изменение порядка слов: *голова идет кругом* – *кругом голова идет*.

Важным для усвоения фразеологизма является также понимание невозможности грамматической замены компонентного состава фразеологической единицы, в некоторых случаях даже оправданной грамматической замены, например, фразеологизм *после дождичка в четверг* не допускает замены *после дождя в четверг*; *как пить дать* не допускает замены *как попить дать* или *как пить давать* и др.

Анализ исследуемых единиц показывает, что в некоторых фразеологизмах порядок следования компонентов также нельзя менять, например, фразеологизм *перебиваться с хлеба на воду* не допускает замены *перебиваться с воды на хлеб*; *пруд пруди* не допускает замены *пруды пруд*; фразеологизм *кружиться как белка в колесе* не может быть заменен на *кружиться в колесе как белка* и др. [5], поскольку в таком случае теряется общая семантика фразеологизма и конструкция перестает быть устойчивой, воспроизводимой, т.е. утрачивается главное, отличительное свойство фразеологической единицы. Это означает, что фразеологизмы должны осваиваться носителями языка как готовая, «застывшая» единица, не допускающая трансформаций.

Среди фразеологизмов русского языка существуют такие единицы, компоненты которых связаны между собой в единое целое не только определенными лексико-семантическими, лексико-грамматическими, но и эвфоническими отношениями, т.е. рифмой и ритмом. Такие фразеологизмы Н.М. Шанский называет эвфонизмами, например: *рожки да ножки, ушки на макушке, с боку припеку, ни слуху ни духу, ни ответа ни привета, дела как сажа бела, ищи свищи, смех и грех, хлопот полон рот, шито-крыто, то густо то пусто, старость не радость* и др. [9, с. 120].

Во многих фразеологизмах, возникших в глубокой древности или в предшествующие периоды развития языка и используемых до сих пор носителями языка, сохранились устаревшие грамматические формы слов некоторых частей речи, например: *в кои веки* – «очень редко», *среди бела дня* – «на глазах у всех»; *лечь костьми* – «погибнуть, пасть в бою, в сражении»; *притча во языцех* – «предмет общих разговоров, обсуждений». Некоторые фразеологизмы сохранили слова, которые в современном русском языке в свободном употреблении не используются, например: *беречь как зеницу ока* – «бережно относиться к чему-либо»; *агнец божий* – «послушный»; *точить лясы* – «болтать пустяки, заниматься несерьезным, беспредметным разговором»; *бить баклуши* – «бездельничать»; *давать стрекача* – «стремительно убе-

гать»; *баш на баш* – «одинаково»; *давать заушицы* – «спасаться бегством»; на *побегушках* – «для мелких услуг, а также несложных поручений»; *полететь (или лететь) вверх тормашками* – «рушиться, гибнуть» и другие.

Во фразеологической системе находит отражение осознание языка как формы выражения национальной культуры, международного кода культуры, взаимосвязи языка и истории народа, связи языка и мышления, этнокультурных особенностей и т.д., например, фразеологические единицы, включающие ритуальные формы народной культуры (*нести (свой) крест, жить как у Христа за пазухой, Фома неверующий*); антропонимы (*Филькина грамота, Кондрашка хватил; мели, Емеля, твоя неделя*); топонимы (*во всю Ивановскую, Потемкинские деревни, язык до Киева доведет*); предметы домашнего обихода (*сидеться не в свои сани, дым коромыслом, остаться у разбитого корыта, толочь воду в ступе, лаптем щи хлебать*) и др., возвращают нас к истории, традициям, миру духовных ценностей русского человека. Только русский человек для подчеркивания смысла сказанного может сказать, например: *не в бровь, а в глаз, как снег на голову, яблоку негде упасть, возносить до небес, стреляный воробей* и др. [4]. Наличие в языке фразеологизмов связано со спецификой восприятия действительности во всей ее противоречивой сложности.

Обращение к фразеологии также имеет и воспитательную направленность, которая реализуется через анализ таких понятий, как трудолюбие (*работать не покладая рук*) / безделье (*работать спустя рукава*), скромность (*мухи не обидит*) / хвастовство (*набивать себе цену*), щедрость (*широкая натура*) / скупость (*дрожать над каждой копейкой*), правдивость (*правда глаза колет*) / лживость (*втирать очки*), ум (*семи пядей во лбу*) / глупость (*без царя в голове*), а также понятий, содержащих особенности социальных отношений (*в одной упряжке, держать сторону, стричь всех под одну гребенку*) и др., что в итоге ведет к формированию положительных нравственных, моральных, волевых, деловых качеств, повышению общей культуры личности [7].

Всестороннее развитие ребенка, как известно, осуществляется в игровой деятельности. В.А.Сухомлинский справедливо подметил в свое время, что «духовная жизнь ребенка полноценна лишь тогда, когда он живет в мире игры...».

«Лингвистические игры, применяемые на уроках русского языка, призваны привить у детей основы мировосприятия, любовь и уважение к русскому языку, что в перспективе способствует развитию чувства патриотизма, активной гражданской позиции, становлению гармонично развитой личности» [4, с. 76]. Наиболее ценным содержательным материалом, с нашей точки зрения, является фразеологическая система русского языка, обладающая лингвокультурологической, когнитивной и воспитательной направленностью, поскольку вся фразеологическая система русского языка тесно взаимосвязана с ценностями, традициями народа, его историей и культурой [4]. Кроме того, «для данного типа лексических единиц характерны особая экспрессивность, метафоричность и эмоциональность, что в свою очередь дает им большие возможности на стилистическом уровне» [2, с. 6].

В качестве примера предлагаем следующие виды лингвистических игр на материале фразеологии, при этом задания могут выполняться как индивидуально, так и в виде командной работы:

Задание 1. Найдите для каждого фразеологизма свой цвет. Но только тот цвет, который уже нашел русский народ и образовал на его основе эти устойчивые словосочетания: *тоска* ...; ... *чулок*; ... *ворона*; ... *мухи*; ... *мечта*; в ... *свете*; ... *словцо*; *держат в ... теле*. (Ответы: *зеленая тоска, синий чулок, белая ворона, белые мухи, голубая мечта, в розовом свете, красное словцо, держать в черном теле*).

Задание 2. Фразеологические единицы рассыпались, помогите собрать их.

1. *белка, он, день, как, целый, колесе, в, крутится.*
2. *воды, Саша, похожи, Миша, две, и, капли.*
3. *семь, у, как, Даши, на, пятниц, всегда, неделе.*
4. *сапога, пара, два.*
5. *не, той, ноги, с, встать.*
6. *подметки, в, годится, не.*
7. *за, братья, ум.*
8. *как, биться, об, рыба, лёд.*
9. *воду, в ступе, толочь.*
10. *Макар, гонял, телят, куда, не.*

Задание 3. В русском языке имеется много фразеологизмов, содержащих информацию о речевых способностях человека. Прочитайте приведенные ниже фразеологизмы. Определите их значение. Какими

оттенками значений отличаются эти фразеологизмы. Составьте с ними предложения. Задание выполняется на время.

Точить лясы
Язык подвешен
Чесать языком
Найти общий язык
Держать язык за зубами
Прикусить язык
Язык без костей
Распустить язык

Задание 4. О каких качествах человека говорится в следующих фразеологизмах?

Умный как бес, куриный ум, глупый (тупой) как бревно (как пень), мудрый как змей (змея), глупый (тупой) как пробка, знать как свои пять пальцев.

Задание 5. Найдите фразеологизмы. Объясните их значение. В каких ситуациях их обычно употребляют?

ф	д	и	в	с	п	х	а	е	м
о	е	щ	и	к	у	с	к	д	о
р	л	и	т	о	м	л	а	в	г
т	и	в	а	т	о	б	е	е	о
у	т	е	т	ь	в	о	л	д	т
н	ь	т	р	а	в	п	о	я	и
а	ш	к	у	р	у	н	е	у	б
у	л	ы	б	н	у	л	а	с	ь

Ответы: *фортуна улыбнулась, делить шкуру неубитого медведя, ищи ветра в поле, витать в облаках, суп с котом* [8].

Выводы

В предложенной статье мы попытались обосновать предположение о том, что творческие, игровые задания позволят педагогам обогатить активный словарь детей, сделать их речь более яркой и выразительной. Фразеологическая система русского языка помогает обучающемуся разобраться в специфике имплицитности семантики фразеологических единиц, усвоить значение фразеологизмов, понять их образную основу, особенности функционирования в речи. В целом умелое владение фразеологией – свидетельство высокого уровня языковой компетенции современного носителя языка, овладение русским языком невозможно без усвоения средств его речевой выразительности. Фразеология является одним из богатейших источников формирования нравственных, этических, эстетических ценностей, поскольку она тесно связана с историей, традициями, культурой русского народа.

Список источников

1. Барлас Л.Г., Инфантова Г.Г., Сейфулин М.Г., Сенина Н.А. Введение в науку о языке. Лексикология. Этимология. Фразеология. Лексикография. Таганрог, 1996. Ч. 1. 172 с.
2. Баско Н.В. Русские фразеологизмы в ситуациях: учеб. пособие по русской фразеологии и развитию речи. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 160 с.
3. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры: монография. М.: ЛЕНАНД, 2019. 400 с.
4. Филиппова О.Н. Фразеология русского языка как источник сведений о культуре и менталитете русского народа // Современный ученый. Белгород, 2020, № 1. С. 210 – 214.
5. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Фёдоров. М., 2001.
6. Хованская О.Н. Коммуникемы современного русского языка в онтолингвистическом аспекте (на материале речи младших школьников): дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 2009. 181 с.
7. Хованская О.Н. Этикетные коммуникемы в речи младших школьников // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2008. № 1. С. 75 – 80.
8. Семенова В.Г., Филиппова О.Н. Фразеологическое богатство русского языка: учебное пособие / Таганрогский институт имени А.П.Чехова (филиал) ФГБОУ ВО «РГЭУ (РИНХ)» Таганрог, 2020. 184 с.
9. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка. М.: Высшая школа, 1985. 160 с.

References

1. Barlas L.G., Infantova G.G., Seifulin M.G., Senina N.A. Introduction to the science of language. Lexicology. Etymology. Phraseology. Lexicography. Taganrog, 1996. Part 1. 172 p.
2. Basko N.V. Russian phraseological units in situations: textbook. A manual on Russian phraseology and speech development. M.: Russian language. Courses, 2017. 160 p.
3. Kovshova M.L. Linguistic and cultural analysis of idioms, riddles, proverbs and sayings. Anthroponymic code of culture: monograph. M.: LENAND, 2019. 400 p.
4. Filippova O.N. Phraseology of the Russian language as a source of information about the culture and mentality of the Russian people. Modern scientist. Belgorod, 2020, No. 1. P. 210 – 214.
5. Phraseological dictionary of the Russian literary language. Comp. A.I. Fedorov. M., 2001.
6. Khovanskaya O.N. Communications of the modern Russian language in the ontolinguistic aspect (based on the speech of primary schoolchildren): dis. ...cand. Philol. Sci. Taganrog, 2009. 181 p.
7. Khovanskaya O.N. Etiquette communications in the speech of junior schoolchildren. Bulletin of the Taganrog State Pedagogical Institute. 2008. No. 1. P. 75 – 80.
8. Semenova V.G., Filippova O.N. Phraseological wealth of the Russian language: textbook. Taganrog Institute named after A.P. Chekhov (branch) FSBEI HE "RGUE (RINH)" Taganrog, 2020. 184 p.
9. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language. M.: Higher School, 1985. 160 p.

Информация об авторе

Филиппова О.Н., кандидат филологических наук, доцент, Таганрогский институт имени А.П. Чехова, филиал Ростовского государственного экономического университета (ПИИХ), khovanskayaO@mail.ru, 89281283805

© Филиппова О.Н., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81.161.1:811.581

¹ Фу Ямэй

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Функционально-семантические особенности глаголов речевого общения в рассказах А.П. Чехова (на фоне китайского языка)

Аннотация: в данной статье автор обращается к одной из актуальных областей лингвистики, а именно к области лексикографии. В статье рассматриваются особенности семантики и функционирования глаголов речевого общения в рассказах А.П. Чехова и их китайские аналоги. Материалом исследования послужили тексты рассказов «Крыжовник», «О любви», «Человек в футляре» и тексты переводов данных рассказов на китайский язык. Тексты зрелых литературных жанров представляют собой надежный корпус для лексического анализа.

В данной статье анализируются семантические особенности глагольных единиц речевого общения с несколькими лексико-семантическими вариантами в конкретных контекстах, а также различия в выборе слов в китайских переводах и их причины. Анализ китайских средств выражения речевого общения проводится в лингвокультурологическом аспекте. В частности, функционально-семантические особенности лексем рассматриваются в рамках историко-культурного процесса китайской нации.

Новизна исследования заключается в том, что сопоставительный русско-китайский анализ семантических признаков исследуемых глаголов позволяет выявить семантико-культурные особенности глаголов речевого общения в тексте перевода и влияние стиля переводчика на выбор глагольных аналогов.

Представленный в статье алгоритм анализа глагольных лексем может иметь практическую ценность на занятиях по русскому языку как иностранному. Полученные результаты исследования являются информативными не только для совершенствования существующих русско-китайских словарных статей, но и для переводов на китайский язык других литературных произведений великого писателя А.П. Чехова, а также для изучения Чеховедения.

Ключевые слова: функционально-семантические особенности, глаголов речевого общения, перевод, идиостиля А.П. Чехова, китайские аналоги

Для цитирования: Фу Ямэй Функционально-семантические особенности глаголов речевого общения в рассказах А.П. Чехова (на фоне китайского языка) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 65 – 70.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Fu Yamei

¹ St. Petersburg State University

Functional and semantic features of verbs of speech communication in the stories of A.P. Chekhov (on the background of the Chinese language)

Abstract: in this article, the author addresses one of the most relevant areas of linguistics, namely the field of lexicography. The article examines the features of the semantics and functioning of verbs of speech communication in the stories of A.P. Chekhov and their Chinese counterparts. The research material was the texts of the stories "Gooseberry", "About Love", "Man in a Case" and the texts of translations of these stories into Chinese. Texts of mature literary genres represent a reliable corpus for lexical analysis.

This article analyzes the semantic features of verbal units of speech communication with several lexico-semantic variants in specific contexts, as well as differences in the choice of words in Chinese translations and their causes. The analysis of Chinese means of expressing speech communication is carried out in the linguistic and cultural aspect. In particular, the functional and semantic features of lexemes are considered within the framework of the historical and cultural process of the Chinese nation.

The novelty of the study lies in the fact that a comparative Russian-Chinese analysis of the semantic features of the verbs under study allows us to identify the semantic and cultural features of the verbs of speech communication in the translation text and the influence of the translator's style on the choice of verbal analogues.

The algorithm of the analysis of verbal lexemes presented in the article may have practical value in the classroom of Russian as a foreign language. The obtained research results are informative not only for improving existing Russian-Chinese dictionary entries, but also for translating other literary works of the great writer A.P. Chekhov into Chinese, as well as for studying Chekhov studies.

Keywords: functional semantic features, verbs of speech communication, translation, idiosyncrasy of A.P. Chekhov, Chinese analogues

For citation: Fu Yamei Functional and semantic features of verbs of speech communication in the stories of A.P. Chekhov (on the background of the Chinese language). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 65 – 70.

The article was submitted: October 16, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

В русском языке глаголы речи играют важную роль при описании речевой деятельности, в частности, для коммуникативной характеристики персонажей. Значительное количество употреблений глаголов речи является одной из особенностей идиостиля А.П. Чехова. Многие китайские переводчики переводили произведения А.П. Чехова. Например: Чжоу Цзуорен (周作人), ЦюйЦюбай (瞿秋白), ФэнЦзя (冯加), ШэньНяньдзю (沈念驹) и т.д. Все свои силы и всю жизнь посвятил творчеству Чехова переводчик Жуй Лон (汝龙). Хотя он и начал работать в этом направлении поздно, но добился величайших успехов, которые никто не может превзойти до сих пор. Вот почему мы выбрали его перевод для анализа.

Соглашаясь с определением Л.Г. Бабенко, глаголы речевого общения можно интерпретировать как «разговаривать друг с другом о чем-л., обмениваясь своими мнениями, суждениями, обсуждая общие проблемы или осуждая кого-, что-л.» [1, с. 367]. Базовыми единицами группы глаголов речевого общения являются «высказывать (высказать), обращаться (обратиться), разговаривать» [1, с. 367]. Иными словами, все глагольные единицы данной группы могут быть интерпретированы с помощью этих трех базовых слов.

В словаре «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы» 1999 г. Л.Г. Бабенко приводит список глаголов речевого общения с 50 глагольными единицами. Используя этот список глаголов в качестве базовой схемы, мы обнаружили 9 таких глагольных единиц в целевом материале. Можно сказать, что эти 9 глагольных единиц используются как представители глаголов речевого общения в целевом материале, а анализ их функциональной семантики в русско-китайских текстах в сопоставлении друг с другом является репрезентативным для изучения группы глаголов речевого общения.

В качестве объектов исследования мы выбрали глаголы речевого общения: *поздравлять, шутить, просить, спрашивать, разговаривать, обратиться, справиться, согласиться*. Именно ввиду высокой частот-

ности употребления данных глагольных единиц в нашем повседневном общении сопоставительный анализ их семантических деталей имеет большое значение для преподавания русского языка как иностранного.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования послужили «Толковый словарь русского языка» и «Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы», а также три рассказа А.П. Чехова «Крыжовник», «О любви» и «Человек в футляре» и их китайские переводы.

В работе используются преимущественно сопоставительный метод исследования, а также метод компонентного анализа и метод лингвокультурологического анализа.

Результаты и обсуждения

Результатом работы является выделение трех векторов сопоставления исследуемых русских глагольных единиц и их китайских аналогов: полное совпадение, частичное совпадение и полное несовпадение.

Проанализируем эти глагольные единицы подробнее.

Поздравлять. В Русско-китайских переводных словарях глагол *поздравлять* имеет 3 значения: 1) ‘祝贺, 恭贺’ (приветствовать по случаю чего-н. приятного, радостного) [4, 6]; например, *поздравлять с праздником Весны*. 2) ‘庆祝’ (праздновать, отмечать) [4, 6]; например, *поздравлять с победой!* 3) ‘道喜’ (сказать «поздравляю/поздравляем!») [4, 6]. Здесь нужно отметить, что в словарях нет даже одного примера с данным значением. Но можно приводить такой пример: *поздравляю вас!* В Китае часто употребляются в такой ситуации, когда в семье женщина забеременеет или рождает ребенка.

В нашем первом примере глагол *поздравлять* употребляется первое значение ‘祝贺,恭贺’ т.е. ‘приветствовать по случаю чего-н. приятного, радостного’. Когда используем первое и второе значение в китайском языке, то обязательно требуется дополнение. Приведем примеры: «Все – и товарищи, и дамы – стали уверять Беликова, что он должен жениться, что ему ничего больше не остается в жизни, как жениться; все мы поздравляли (道喜) его, говорили с важными лицами разные пошлости, вроде того-де, что брак есть шаг серьезный...» [5].

Можно сказать, и в этом примере, и в китайском языке, после глагола 道喜 (поздравлять) не нужно дополнение *с кем-чем*, т.е. безобъектное употребление: «Когда я ронял что-нибудь, то она говорила холодно: – Поздравляю (道喜) вас» [5]. В рассказе А. П. Чехова здесь присутствует ирония, которая в китайском переводе тоже ощущается, хотя иероглифы имеют ту же форму. Выражение *говорила холодно: – Поздравляю вас* понимается как «выражение некоторого злорадства или комическое выражение сочувствия при неудаче или при неприятности» [2], в примере наречие *холодно* доказало наш мнение.

Шутить. В Русско-китайских переводных словарях, глагол *шутить* обладает 5 значениями: 1) ‘说笑话, 开玩笑, 说着玩’ (весело и забавно говорить, поступать) [4, 6]; например: *Я шучу, на самом деле это не так*. 2) ‘闹着玩儿, 不当真’ (обманывать ради шутки, говорить не всерьёз) [4, 6]; например: – *Завтра я уезжаю. – ты шутишь?* 3) ‘戏弄, 嘲笑, 开...的玩笑’ (смеяться над кем-либо) [4, 6]; Например: *Над тобой шутят, а ты и обиделся*. 4) ‘忽视, 轻视’ (относиться несерьёзно) [4, 6]; например: *Нельзя шутить со своим здоровьем*. 5) ‘开一会儿玩笑, 说几句笑话’ (мало ли что может произойти (обычно о что-л. хорошем) [4, 6]; например: *Чем черт не шутит, может, и выиграю тысячу рублей*.

Необходимо отметить, что третье ‘戏弄, 嘲笑’ и четвертое значения ‘忽视, 轻视’ наделены отрицательной семантикой в китайском языке. В остальных случаях положительная или отрицательная оценка глагольного действия зависит от конкретной ситуации и выявляется в контексте. В нашем анализируемом переводе переводчик использовал второе значение ‘开玩笑’ (говорить не всерьёз или выражение несогласия, возражения, шалишь), но в соответствии с контекстом, переводчик хотел бы выразить что-то неожиданное и невероятное. Например: «Иван Иванович быстро оглянулся в сарай и сказал: – Шутите! (您开玩笑) – Да, едва не женился, как это ни странно» [5]. В переводе переводчик добавил подлежащее 您 (вы) и частица 了, чтобы совпадать императив второго лица глагола *шутить*.

Глагол *шутить* имеет значение ‘выражение несогласия, возражения’ [3], например: *нет уж, шутите, больше я сюда не ходок!* но в переводном словаре такого значения нет.

Просить. Глагол *просить* имеет 3 значения: 1) ‘请, 请求’ (обращаться к кому-н. с просьбой о чём-н. просить кого, кого-чего, о ком-чем, или плюс инфинитив, или плюс союз *чтобы*) [4, 6]; например: *просить слова; просить о помощи; Она просила доктор, чтобы он ее выписал из больницы на работу*. В анализируемых материалах существует такие примеры с данным значением: 1) «Несём мы его в приёмный покой, кровь льёт – страшное дело, а он всё просит (求大家), чтобы ногу его отыскивали, и всё беспокоится; в сапоге

на отрезанной ноге двадцать рублей, как бы не пропали» [5]. В данном примере после глагола 求 (просить) добавил дополнение 大家 (вас) в переводе. 2) «И всё это Иван Иванович проговорил с жалкой, просящей улыбкой, как будто просил (请求) лично для себя» [А.П. Чехов. Крыжовник (1898)]. Иногда хотя в переводе тоже использовал первое значение, но, благодаря наречие *убедительно*, в переводе добавил значение ‘требовать’: «И уши краснели у него от волнения. А случалось, что точно так же, пошептавшись у окна, он подходил ко мне, с красными ушами, и говорил: – Я и жена убедительно просим (恳切地要求您) вас принять от нас вот этот подарок» [5]. 2) ‘向...提...求情, 说情’ (хлопотать, вступаться за кого-н. просить кого за кого) [4, 6]; например: *просить за брата*. 3) ‘请, 邀请’ (приглашать, звать, просить кого или без дополнения) [4, 6]; например: *просить гостей к столу; прошу ко мне часам к пяти*.

В нашем контексте «покорнейше прошу» определяется как устойчивое выражение старого времени, а в переводе 请坐吧 определяется как «садитесь, пожалуйста», в котором нет окраски уважения и признака времени. Например: «– Садитесь, покорнейше прошу (请坐吧), – проговорил Коваленко холодно и нахмурил брови; лицо у него было заспанное, он только что отдыхал после обеда и был сильно не в духе» [5].

Спрашивать/спросить. В наших материалах всего 12 примеров с глаголами *спрашивать/спросить*.

Глагол *спросить* имеет такие значения: 1) ‘问, 询问, 打听, 提问’ (осведомляться и вызывать учащегося) [4, 6]; например: *Спроси у него, когда он будет дома; спросить фамилию; спросить ученика (на уроке)*. 2) ‘请, 请求, 要’ (просить) [4, 6]; например: *спросить у кого-либо совета; спросить разрешения*. 3) ‘来找, 说要见’ (вызывать) [4, 6]; например: *Постучали в дверь и спросили тебя*. 4) ‘要...负责, 向...问罪’ (призывать кого-либо к ответу) [4, 6]; например: *С кого надо спросить за это?*

В анализируемых примерах глаголы *спрашивать/спросить* выражают только первое значение ‘问, 询问, 打听, 提问(осведомляться)’, и наш переводчик перевел иероглиф за иероглифом, даже про то, как спрашивать, переводчик тоже дал яркое описание. Например: *спросил (问) Коваленко басом*, т.е. «самый низкий по звучанию мужской голос» (科瓦连科用男低音问). СР.: «– Почему же? – спросил (问) Коваленко басом (用男低音问). – Да разве тут надо еще объяснять, Михаил Савич, разве это не понятно?» [5].

В примере «Да, я говорил так, а теперь спрашиваю (问); во имя чего ждать? – спросил (问) Иван Иванович, сердито глядя на Буркина» [5] действия *спросил (问) Иван Иванович* и *сердито глядя на Буркина* выражают одновременно, а в переводе на китайский язык образ действия *сердито глядя на Буркина* полностью является эпитетом и украшает действие говорящего – *спросил*.

Разговаривать. Глагол *разговаривать* как базовый глагол подгруппы глаголов речевого общения обладает двумя значениями: 1) ‘谈话, 交谈, 闲谈, 聊天儿’ (вести разговор, беседовать с кем-л. / о ком-чем-л.) [4, 6]; например: *он разговаривает с другом*. Когда глагол *разговаривать* используется в разговорной речи, мы обычно переводим на китайский язык как ‘聊天儿’ (поговорить о небе). В китайском языке выражение *поговорить о небе* имеет 4 значения. Первое означает ‘объяснить отношения между природой и человеком с помощью телепатии’ [7]. «Телепатия» в данном случае обозначает идеалистическое учение об отношениях человека и природы в китайской философии и относится к сочувствию Бога и человека. Считают, что небеса могут мешать человеку, предсказывать бедствие и счастье, а человеческое поведение также может ощущать небеса. Второе значение – ‘быть красноречивым’ [7], третье значение звучит как ‘гадание по лицу или руке’ [7], четвертое подразумевает ‘чат’ [7]. В наших материалах есть такой пример, который соответствует четвертому значению: «Если же никого не было дома, то я оставался и ждал, разговаривал (跟奶妈聊天) с няней, играл с ребенком или же в кабинете лежал на турецком диване и читал газету, а когда Анна Алексеевна возвращалась, то я встречал ее в передней, брал от нее все ее покупки, и почему-то всякий раз эти покупки я нес с такою любовью, с таким торжеством, точно мальчик» [5, А.П. Чехов. О любви (1898)]. 2) ‘有来往’ (поддерживать общение с кем-либо, т.е. не хочу иметь дела) [4, 6]; например: *они повздорили и теперь не разговаривают*. Такое значение часто используется в сочетании с негативным союзом *не*. В переводе глагол *разговаривать* выражает второе значение ‘有来往’, то есть говорящий не желает поддерживать общение с собеседником. Например: «Я честный человек и с таким господином, как вы, не желаю разговаривать» (不愿意跟您这样的先生讲话) [5].

Обратиться/обращаться. Глагол *обратиться* многозначный. Он как базовый глагол подгруппы глаголов речевого общения в словаре Л.Г. Бабенко. Он обладает восьмью значениями, но только третье значение ‘找...说话, 向...提出愿望, 请求等’ [4, 6] выражает речевую деятельность, т.е. это значит, что если глагол *обращаться* используется в других лексико-семантических вариантах, то мы не можем сказать, что этот

глагол принадлежит к глаголам речевого общения. Дефиниция ‘找...说话, 向...提出愿望, 请求等’ (отнестись, адресоваться к кому-нибудь с какими-нибудь словами, просьбой и т.п.); например: *обратиться к врачу; обратиться (к кому-л.) за советом; обратиться (к кому-л.) с вопросом.*

Следует отметить, в анализируемых материалах глагол *обратиться* появился 2 раза, но он используется как глагол речевого общения только в следующем примере: «Пелагея, – обратился (对...说) он к горничной, – дайте гостям переодеться во что-нибудь» [5].

Интересно, что в китайском переводе глагола *обращаться* вообще не используются как глагол речевого общения и даже не относятся ни к одному из значений, указанных в толковых словарях русского языка. Ср.: «– Я знаю народ и умею с ним обращаться (应付), – говорил он» [5, А.П. Чехов. Крыжовник (1898)]. Здесь глагол *обращаться* (应付) в переводе обозначает совершать небрежные поступки, относиться к людям с яркими отрицательными эмоциями.

Справиться/справляться. Глагол *справиться* в анализируемых материалах как глагол речевого общения имеет такое значение: ‘打听, (询) 问, 查’ (получить нужные сведения, наводить справки) [4, 6]; например: *справиться о здоровье; справиться по телефону; Справьтесь, где он живёт.* В переводе на китайский язык глагол *справиться* переведен как 问 (спросить), и во многих случаях больше используются глагол *спросить* вместо глагола *справиться*. Например: «На другой день к завтраку подавали очень вкусные пирожки, раков и бараньи котлеты; и пока ели, приходил наверх повар Никанор справиться (问), что гости желают к обеду» [5].

Согласиться/соглашаться. Глаголы *согласиться/соглашаться* чаще всего употребляются в следующих значениях: 1) ‘答应, 同意’ (дать согласие на что или плюс инфинитив) [4, 6]; например: *согласиться на просьбу, согласиться на переговоры.* 2) ‘赞成, 同意’ (одобрять чье-либо мнение) [4, 6]; например: *согласиться с товарищами, согласиться с мнением специалиста.* 3) ‘〈旧或俗〉说好, 约好, 商议好’ (договориться о чём-л., на чём-л. или плюс инфинитив) [4]; например: *Мы согласились работать вместе.*

В анализируемых текстах существуют такие примеры с значением ‘赞成, 同意’ (одобрять чье-либо мнение). СР.: 1) «Мы молчали и всё молчали, а при посторонних она испытывала какое-то странное раздражение против меня; о чем бы я ни говорил, она не соглашалась (同意我的话) со мной, и если я спорил, то она принимала сторону моего противника» [5]. 2) «Надо, как говорят доктора, индивидуализировать каждый отдельный случай. – Совершенно верно, – согласился (同意道) Буркин. – Мы, русские, порядочные люди, питаем пристрастие к этим вопросам, остающимся без разрешения» [5, А.П. Чехов. О любви (1898)]. Следует отметить, что в переводе после глагола *согласился* переводчик добавил слово «道», оно обозначает ‘сказать’ в данном случае, и обычно употребляется и перед и после речи говорящего. А со значением ‘答应, 同意’ (дать согласие на что или плюс инфинитив) приведем пример такой: «Так как он был пьяница и буйного нрава, то она не хотела за него замуж, но соглашалась (同意) жить так» [5].

Проститься/прощаться. Глаголы *проститься/прощаться* имеют такие лексико-семантические варианты: 1) ‘告别, 告辞, 互道再见’ (обменяться приветствиями при расставании) [4, 6]; например: *Он ушёл, не простившись с родными.* 2) ‘抛弃, 放弃’ (отказываться от чего-либо) [4, 6]; например: *проститься с невестой.* Совершенный вид *проститься* отдельно имеет значение: 3) ‘可以 (被) 原谅 (或饶恕, 豁免)’ (попросить прощения) [4, 6]; например: *Это тебе не простится.*

В наших материалах всего 5 примеров с глаголами *проститься/прощаться*, они все используются в первом значении ‘告别, 告辞, 互道再见’. СР.: 1) «Алехин простился (道了晚安) и ушёл к себе вниз, а гости остались наверху» [5]; 2) «Когда она уже простилась (告别) с мужем и детьми и до третьего звонка оставалось одно мгновение, я вбежал к ней в купе, чтобы положить на полку одну из ее корзинок, которую она едва не забыла; и нужно было проститься (告别)» [5, А.П. Чехов. О любви (1898)]; 3) «Я и Анна Алексеевна ходили вместе в театр, всякий раз пешком; мы сидели в креслах рядом, плечи наши касались, я молча брал из ее рук бинокль и в это время чувствовал, что она близка мне, что она моя, что нам нельзя друг без друга, но, по какому-то странному недоразумению, выйдя из театра, мы всякий раз прощались (道别) и расходились, как чужие» [5].

Выводы

При передаче русских глаголов речевого общения необходимо учитывать общую семантику данного глагола с учетом контекста, так как один и тот же глагол может иметь несколько лексико-семантических

вариантов, а также присутствие в них следующих факторов: национально-специфические образы и их семантика в рамках историко-культурного процесса для представителя китайской нации; слова, употребленные в переносном значении; устаревшие лексические единицы; индивидуальные особенности переводчика.

Исходя из этих соображений, при сравнении русских глаголов и их китайских аналогов, нами было выделено три типа этой подгруппы глаголов речевого общения: полные эквиваленты (*поздравлять, шутить, спрашивать*), частичные эквиваленты (*просить, разговаривать, согласиться, справиться, проститься*) и отсутствие эквивалентности (*обратиться*).

Господин Жуй Лон, как наиболее верный и профессиональный переводчик произведений А.П. Чехова, и особенности его переводов также влияют на выбор некоторых глаголов речевого общения и их функциональную семантику, например, глагола *обратиться*. Таким образом, индиостиль переводчика – это тот фактор, который нельзя игнорировать при изучении функциональной семантики лексики в произведениях А.П. Чехова.

Список источников

1. Бабенко Л.Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Под ред. проф. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. С. 371 – 359.
2. Русский язык: энциклопедия / Гл. ред. Ф.П. Филин. М.: Сов. энциклопедия, 1979.
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4 е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.: gramota.ru (дата обращения: 12.09.23)
4. Словарь современного китайского языка. Редакционная комната словаря, институт языковых исследований Китайской академии социальных наук. 7-е изд. Пекин: Изд-во. Шаньуниньшугуань, 2016. 1897 с.
5. Полное собрание рассказов А.П. Чехова / автор А.П. Чехов, Россия; пер. Жуй Лон. Шанхай: Шанхайское переводческое издательство. 2000. Т. 10. С. 6.
6. У Кели, Чжу Имин. Избранный русско-китайский словарь // Издательство Шаньуниньшугуань / Русский язык, 1994. 358 с.
7. Китайская филология. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (дата обращения: 09.09.2023)

References

1. Babenko L.G. Explanatory dictionary of Russian verbs: Ideographic description. English equivalents. Synonyms. Antonyms. Ed. prof. L.G. Babenko. M.: AST-PRESS, 1999. pp. 371 – 359.
2. Russian language: encyclopedia. Ch. ed. F.P. Owl. M.: Sov. encyclopedia, 1979.
3. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions. Russian Academy of Sciences. Institute of Russian Language named after. V.V. Vinogradova. 4th ed., expanded. M.: Azbukovnik, 1999. 944 p.: gramota.ru (date of access: 09/12/23)
4. Dictionary of modern Chinese language. Dictionary Editorial Room, Institute of Language Research, Chinese Academy of Social Sciences. 7th ed. Beijing: Publishing house. Shangyinshuguan, 2016. 1897 p.
5. Complete collection of stories by A.P. Chekhov. author A.P. Chekhov, Russia; lane Chew Lon. Shanghai: Shanghai Translation Publishing House. 2000. T. 10. P. 6.
6. Wu Keli, Zhu Yiming. Selected Russian-Chinese dictionary. Shangyinshuguan Publishing House. Russian language, 1994. 358 p.
7. Chinese philology. URL: <http://corpus.zhonghuayuwen.org> (access date: 09.09.2023)

Информация об авторе

Фу Ямэй, аспирант, ORCID: 0000-0003-3179-6091, Санкт-Петербургский государственный университет, yatei.fu5@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Макашова В.В., ² Саратова П.Д.

¹ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,

² Лицей Московского педагогического государственного университета

Пословицы и поговорки как прецедентные высказывания в речи В.В. Путина (на материале публичных выступлений 2022-2023 гг.)

Аннотация: цель исследования – рассмотреть функционирование прецедентных высказываний в текстах публичных выступлений президента Российской Федерации 2022-2023 гг. Указанные текстовые репрезентативные единицы являются отличительной чертой политической речи В.В. Путина. Поставленная цель исследования определяет использование как общенаучных методов (описательного метода; метода классификации и систематизации; методов анализа и синтеза; количественного анализа), так и специальных методов (контекстуального анализа и стилистической интерпретации). В рамках исследования нами было отобрано, классифицировано с учетом хронологического аспекта и проанализировано 7 прецедентных высказываний, в состав которых вошли русские народные пословицы и поговорки. Изучение данных прецедентных высказываний, употребляемых главой государства в ходе обсуждения российско-украинского конфликта, позволило сделать вывод о том, что они выступают эмоционально-выразительным средством политического текста, способствуют выражению позиции В.В. Путина по вопросу эскалации напряженности в отношениях между Россией и Украиной. Практическая значимость исследования заключается в возможности использования полученных результатов на факультативных занятиях по риторике в средней и старшей школе, а также в практике вузовского преподавания, в частности в специальном курсе по лингвокультурологии, семиотике, теории межкультурной коммуникации, стилистике, лексикологии и лексикографии.

Ключевые слова: прецедентный феномен, прецедентное высказывание, пословица, поговорка, публичная речь, российско-украинский кризис, В.В. Путин

Для цитирования: Макашова В.В., Саратова П.Д. Пословицы и поговорки как прецедентные высказывания в речи В.В. Путина (на материале публичных выступлений 2022-2023 гг.) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 71 – 77.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 16 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Makashova V.V., ² Saratova P.D.

¹ Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia,
² Lyceum of Moscow State Pedagogical University

Proverbs and sayings as precedent statements in V.V. Putin's speech (on the material of public speeches in 2022-2023)

Abstract: the purpose of the study is to consider the functioning of precedent statements in the texts of public speeches by the President of the Russian Federation in 2022-2023. These textual representative units are a distinctive feature of Vladimir Putin's political speech. The aim of the study determines the use of both general scientific methods (descriptive method; method of classification and systematization; methods of analysis and synthesis; quantitative analysis) and special methods (contextual analysis and stylistic interpretation). As part of the study, we selected, classified, taking into account the chronological aspect, and analyzed 7 precedent statements, which included Russian folk proverbs and sayings. The study of these precedent statements used by the head of state during the discussion of the Russian-Ukrainian conflict allowed us to conclude that they act as an emotional and expressive means of a political text, contribute to the expression of V.V. Putin's position on the escalation of tension in relations between Russia and Ukraine. The practical significance of the research lies in the possibility of using the results obtained in elective classes in rhetoric in secondary and high school, as well as in the practice of university teaching, in particular in a special course on linguoculturology, semiotics, theory of intercultural communication, stylistics, lexicology and lexicography.

Keywords: precedent phenomenon, precedent statement, proverb, saying, public speech, Russian-Ukrainian crisis, V.V. Putin

For citation: Makashova V.V., Saratova P.D. Proverbs and sayings as precedent statements in V.V. Putin's speech (on the material of public speeches in 2022-2023). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 71 – 77.

The article was submitted: October 16, 2023; Approved after reviewing: December 16, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024

Введение

В современной политической коммуникации прецедентные высказывания являются наиболее распространенными среди иных типов прецедентных феноменов (прецедентных текстов, прецедентных имен, прецедентных ситуаций) [4, с. 60], поскольку их использование служит для усиления выразительности речи, позволяет дать представление о системе ценностных ориентаций и ключевых принципах поведения политических деятелей в зависимости от переживаемого государством этапа развития. На фоне текущей сложной геополитической обстановки мы считаем **актуальным** проанализировать прецедентные высказывания, употребляемые президентом Российской Федерации Владимиром Владимировичем Путиным в отношении конфликта на Украине. По нашим наблюдениям, сегодня отсутствуют специальные научные исследования, в которых был бы проведен системный анализ прецедентных высказываний, эксплицированных в текстах публичных выступлений В.В. Путина 2022-2023 гг. Тем не менее проблема изучения прецедентных феноменов, содержащихся в политических сообщениях главы государства, получает освещение в ряде лингвистических работ. В частности, Ю.И. Годяева рассматривает прецедентные феномены в инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2000 г. [3]; А.А. Лукиных, И.В. Баранова исследуют способы перевода на английский язык национально-прецедентных феноменов русскоязычной культуры, используемых президентом Российской Федерации в ходе публичных выступлений 2019-2020 гг. [12]; Ж.А. Храмушина, А.А. Демьянова изучают функциональные особенности прецедентных феноменов на примере политических речей В.В. Путина 2018 г. [6]; С.А. Анисимова подвергает научному рассмотрению прецедентные высказывания в рамках сопоставительного анализа дискурсов В.В. Путина и Б. Обамы [1]; Ч. Сюй, Е.В. Калачинская, Ю.О. Коновалова выявляют универсальные и специфические черты в воспроизведении прецедентных высказываний лидером России и председателем Китайской Народной Республики [14].

Цель исследования – изучить функционирование прецедентных высказываний (поговорок и пословиц) в публичной речи Владимира Владимировича Путина, применяемых им в контексте российско-украинского кризиса 2022-2023 годов. Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие **задачи**: во-первых, определить состав прецедентных высказываний, репрезентирующих позицию главы государства касательно резкого обострения отношений между Российской Федерацией, с одной стороны, и

Украиной, США, странами коллективного Запада – с другой; во-вторых, классифицировать отобранные прецедентные единицы с хронологической точки зрения; в-третьих, проанализировать особенности употребления Владимиром Владимировичем Путиным прецедентных высказываний в ряде публичных выступлений.

Материалы и методы исследований

Материал исследования получен *методом сплошной выборки* из текстов публичных выступлений В.В. Путина 2022-2023 гг., опубликованных на официальном сайте Президента РФ (<http://www.kremlin.ru>), информационных порталах ежедневных деловых газет «Известия» (<https://iz.ru/>), «РБК» (<https://www.rbc.ru/newspaper/>) и крупнейших российских информационных агентств «ТАСС» (<https://tass.ru/>), «РИА» (<https://ria.ru/>).

При исследовании прецедентных высказываний в речи президента Российской Федерации мы использовали *общенаучные методы*: описательный метод; метод классификации и систематизации; методов анализа и синтеза; количественный анализ. Также мы обращались и к *специальным методам* исследования: контекстуальному анализу и стилистической интерпретации.

Результаты и обсуждения

Вслед за И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудковым, Д.В. Багаевой, мы понимаем *прецедентное высказывание* как «репродуцируемый продукт речемыслительной деятельности; законченную и самостоятельную единицу, которая может быть или не быть предикативной» [9, с. 83]. В сравнении с остальными типами прецедентных феноменов (прецедентным текстом, прецедентным именем, прецедентной ситуацией) прецедентное высказывание наделено особым статусом: «В ряду других ПФ прецедентное высказывание стоит несколько особняком, его отличают некоторые черты, которые не являются характерными для других ПФ, и наоборот – многие общие характеристики прецедентных текста, имени и ситуации не присущи ПВ» [5, с. 109]. Исследователи подчеркивают, что прецедентному высказыванию свойственны динамичность, изменчивость, регулярная воспроизводимость в речи носителей русского языка [11, с. 209]. При функционировании прецедентного высказывания существенным является не столько понимание его содержания, сколько знание внеязыковых факторов, определяющих указанную единицу. В состав прецедентных высказываний входят цитаты из текстов разного характера, фразеологизмы, пословицы, поговорки и иные устойчивые выражения [10, с. 157]. Отметим, что, с точки зрения многих лингвистов [2, 13, 15], прецедентные высказывания являются одним из неотъемлемых атрибутов политической речи В.В. Путина.

Проанализировав тексты публичных выступлений президента Российской Федерации 2022-2023 гг., мы выделили **7 прецедентных высказываний**, в число которых вошли русские народные пословицы и поговорки. Указанные единицы оказались в фокусе нашего исследования отнюдь не случайно, ведь именно они являются «самым кратким, информативным и, возможно, наиболее используемым посланием» [7, с. 87].

1. *Силы нужны всегда. <...> В основе политики «империи лжи», о которой говорил в начале своего выступления, прежде всего лежит рубая, прямолинейная сила. В таких случаях у нас говорят: «Сила есть, ума не надо»* [11].

В используемой Владимиром Владимировичем Путиным русской пословице «сила есть – ума не надо» утверждается, что «тот, кто, отличаясь большой физической силой, большим умом не наделен и применяет силу там, где надо подумать» [8, с. 298]. Президент Российской Федерации апеллирует к данному прецедентному высказыванию 24 февраля 2022 года, во время обращения к гражданам России о начале специальной военной операции на Украине. Владимир Владимирович Путин критикует политику Запада за лежащую в ее основе «грубую, прямолинейную силу» [11], а не здравомыслие.

2. *И конечно, [США] предполагают так же вести себя и дальше по известной поговорке: «Собака лает, а караван идет»* [11].

Во время вышеупомянутого обращения к гражданам страны президент Российской Федерации также употребляет усеченный вариант русской поговорки «собака лает – ветер носит, а караван идет» со значением «пренебрежительного отношения к чьим-либо мнениям, разговорам» [8, с. 310]. Указанную поговорку Владимир Владимирович Путин употребляет при описании антироссийского вектора стратегии внешней политики Соединенных Штатов. Власти США игнорируют предупреждения и протесты России относительно расширения НАТО на восток, напротив, они активно продвигают военную технику к российским границам, открыто разрабатывают ракетные комплексы, способные ликвидировать объекты «на всей европейской территории России, а также за Уралом» [11]. Безусловно, враждебные действия США представляют угрозу национальной безопасности России. При этом Владимир Владимирович Путин отмечает, что Россия всегда остается открытой для диалога и переговоров.

3. Давайте внимательно рассмотрим все эти источники, потому что здесь нужно определиться так, чтобы у нас не получилось «нос вытащили – хвост увяз» – и наоборот. Источников должно быть достаточно [18].

5 сентября 2022 года, в процессе совещания в Петропавловске-Камчатском, вице-премьер Виктория Абрамченко указывает на важность реновации отечественного агропромышленного и рыбохозяйственного комплекса в условиях зарубежных санкций, введенных в ответ на российскую специальную операцию по демилитаризации и денацификации Украины, а также сельских территорий, находящихся в составе прибрежных субъектов РФ. С точки зрения вице-премьера, основным источником финансирования новой стратегии развития должны стать дополнительные доходы федерального бюджета от квот. Вместе с тем президент Российской Федерации напомнил, что первоначально средства были отведены исключительно на строительство судов и рыбоперерабатывающих заводов на берегу без намерения их использовать при решении иных задач. Владимир Владимирович Путин настаивает на последовательном обсуждении возникших проблемных вопросов, данных в порядке приоритетности, адекватном распределении финансовых ресурсов с целью реализации установленного плана. Собственную позицию Владимир Владимирович Путин уместно подкрепляет русской пословицей «нос вытащили – хвост увяз», производной от «нос вытаскивают – хвост увязывает (завязывает)», «хвост вытаскивают – нос увязывает (завязывает)» и означающей «не ладится то одно, то другое» [8, с. 230].

4. Мы будем стремиться к тому, чтобы это было закончено – чем быстрее, тем лучше, конечно. Ну а что касается того, что и как происходит, – я уже много раз говорил, интенсификация боевых действий ведет к неоправданным потерям. **Курочка по зернышку клюет** [19].

На пресс-конференции, состоявшейся в Кремле 22 декабря 2022 года, Владимиру Владимировичу Путину был задан вопрос о течении специальной военной операции на Украине и ее результатах. В ответ последовала реплика главы государства, содержащая редуцированную русскую пословицу «курочка по зернышку клюет». В данной пословице утверждается, что «из малого постепенно складывается что-либо большое, значительное» [8, с. 156]. Апеллируя к народной мудрости, Владимир Владимирович Путин отмечает, что повышение интенсивности военных действий приводит к ежедневно растущим и неоправданным потерям. Так, например, согласно данным Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации, по состоянию на 25 марта 2022 года в ходе СВО погиб 1351 российский военнослужащий, тогда как 2 марта 2022 года сообщалось о 498 погибших [21].

5. **Не было бы счастья, да несчастье помогло** [16].

7 марта 2023 года состоялась встреча Владимира Владимировича Путина с руководителем Сбербанка Германом Грефом, предметом которой стало обсуждение воздействия санкционного давления со стороны Запада на Россию. В ходе беседы глава государства отметил, что санкции, направленные на Россию вследствие инициации специальной военной операции, послужили отправной точкой к дальнейшей суверенизации страны. Рассуждениям Владимира Владимировича Путина по указанному проблемному вопросу сопутствует русская пословица «не было бы счастья, да несчастье помогло», в которой говорится, что «какая-либо неприятность, беда и т.п. неожиданно становится причиной приятных, счастливых событий» [8, с. 201].

6. У нас, знаете, в народе есть такая поговорка – **глаза боятся, а руки делают** [23].

В приведенном фрагменте Владимир Владимирович Путин употребляет русскую поговорку «глаза боятся, а руки делают», которая означает, что «приходится приниматься за работу, которой не видно конца» [8, с. 84]. Глава государства использует данное прецедентное высказывание 8 сентября 2023 года, говоря о необходимости развития внутренней инфраструктуры в условиях охлаждения российско-украинских отношений.

7. – Знаете, у нас в народе говорят: **«Чья бы кобыла мычала, а твоя бы молчала».**

– Корова.

– Корова, кобыла – не важно. Животное, короче, какое-то [20].

В рамках XX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай», проходившего 5 октября 2023 года в городе Сочи, глава Евросовета Шарль Мишель инкриминировал России предательство армянского населения. На обвинения же иностранного коллеги Владимир Владимирович Путин ответил поговоркой «чья бы кобыла мычала, а твоя молчала», которая представляет собой видоизмененный вариант русской поговорки «чья бы корова мычала, а твоя молчала» со значением «говорить с пренебрежением, осуждением в ответ на упреки или похвалу того, кто сам чем-либо опорочил, запятнал себя» [8, с. 365]. Таким образом, президент Российской Федерации недвусмысленно дал понять, что Евросоюз не имеет права выступать с подобными заявлениями в адрес России, поскольку сам занимал лишь наблюдательно-

выжидательную позицию в Нагорно-Карабахском конфликте. Между тем именно Россия оказывала содействие как Армении, так и Азербайджану: «Московский проект был подготовлен давно – в начале этого года – и передан сторонам как подтверждение стремления РФ помочь найти общую базу. Он был в целом позитивно встречен» [20].

Выводы

Нами установлено, что в ходе обсуждения конфликта на Украине В.В. Путин апеллирует к прецедентным высказываниям, в частности к русским народным пословицам и поговоркам. Указанные прецедентные высказывания придают речи главы государства эмоциональность и образность, репрезентируют комплекс его ценностно-поведенческих установок, включая позицию относительно политики США и коллективного Запада, бесцеремонно вмешивающихся в решение российско-украинского кризиса, а также внутренних проблем России, связанных с непростой геополитической обстановкой.

Перспективы дальнейшего исследования вопроса мы видим в более подробном изучении прецедентных феноменов в публичной речи российских и зарубежных политических деятелей.

Список источников

1. Анисимова С.А. Роль прецедентных феноменов в формировании национального ментального пространства (по материалам сопоставительного анализа дискурсов президентов В.В. Путина и Б. Обамы) // Политическая лингвистика. 2016. № 3 (57). С. 77 – 83.
2. Боц Т.С. Речь президентов России и США: способы и средства реакции на критику: дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2021. 200 с.
3. Годяева Ю.И. Прецедентные феномены в инаугурационной речи В.В. Путина // Молодой ученый. 2021. №6(348). С. 448 – 450.
4. Горлова Г.Н. Прагматический потенциал цитаций в политическом дискурсе // Гуманитарные исследования. 2020. № 3 (75). С. 60 – 63.
5. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.
6. Демьянова А.А., Храмушина Ж.А. Прецедентные феномены в политическом дискурсе // Актуальные вопросы филологической науки XXI века: сборник статей VIII Международной научной конференции молодых ученых (8 февраля 2019 г.). Ч.1: Современные лингвистические исследования. Екатеринбург: УМЦ-УПИ, 2019. С. 110 – 116.
7. Евтихова И.М., Плахонина А.В. Особенности функционирования пословиц и поговорок в немецком языке // Новый этап развития науки: сборник статей по материалам международной научно-практической конференции (7 апреля 2017 г.). Иркутск: ООО «Научное партнерство “Апекс”», 2017. С. 87 – 92.
8. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2000. 544 с.
9. Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Под ред. В.В. Красных, А.И. Изотова. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82 – 103.
10. Кулинич М.А., Кострова О.А. Теория и практика межкультурной коммуникации: учеб. пособие / Под общ. ред. О.А. Костровой. 4-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2021. 248 с.
11. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. 375 с.
12. Лукиных А.А., Баранова И.В. Национально-прецедентные феномены русскоязычной культуры и способы их перевода на английский язык на примере выступлений президента Российской Федерации В.В. Путина // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2021. № 3 (215). С. 110 – 118.
13. Солопова О.А., Чудинов А.П., Шлемова Е.Д. Прецедентные высказывания в президентском дискурсе: переводческий аспект (на материале английского и китайского языков) // Политическая лингвистика. 2017. Т. 2 (62). С. 47 – 54.
14. Сюй Ч., Калачинская Е.В., Коновалова Ю.О. Прецедентные высказывания в публичной речи (на примере политических лидеров России и Китая) // Международный диалог в пространстве стран Азиатско-Тихоокеанского региона: сборник научных статей по материалам II Международной студенческой научно-практической заочной конференции (20 января 2018 г.). Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2018. С. 101 – 105.
15. Чудинов А.П. Российская лингвополитическая персонология: исследование дискурса политических лидеров // Вестник РУДН. Сер. Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т. 9. Вып. 1. С. 14 – 31.
16. <https://iz.ru/1480146/2023-03-07/putin-o-vliianii-sanktcii-zapada-ne-bylo-schastia-da-neschaste-pomoglo> (дата обращения: 11.09.2023)
17. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/67843> (дата обращения: 11.09.2023)

18. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69279> (дата обращения: 04.09.2023)
19. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/70170 (дата обращения: 03.09.2024)
20. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (дата обращения: 04.09.2023)
21. <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2022/623dc3869a79477067801a17> (дата обращения: 09.09.2023)
22. <https://ria.ru/20221205/mir-1836416824.html> (дата обращения: 07.09.2023.)
23. <https://tass.ru/ekonomika/18687479> (дата обращения: 09.09.2023)

References

1. Anisimova S.A. The role of precedent phenomena in the formation of national mental space (based on a comparative analysis of the discourses of presidents V.V. Putin and B. Obama). *Political linguistics*. 2016. No. 3 (57). P. 77 – 83.
2. Bots T.S. Speech of the Presidents of Russia and the USA: ways and means of responding to criticism: dis. ... cand. Philol. Sci. Saratov, 2021. 200 p.
3. Godyaeva Yu.I. Precedent phenomena in the inaugural speech of V.V. Putin. *Young scientist*. 2021. No. 6(348). P. 448 – 450.
4. Gorlova G.N. Pragmatic potential of citations in political discourse. *Humanitarian Research*. 2020. No. 3 (75). P. 60 – 63.
5. Gudkov D.B. Theory and practice of intercultural communication. M.: Gnosis, 2003. 288 p.
6. Demyanova A.A., Khrushina Zh.A. Precedent phenomena in political discourse. Current issues of philological science of the 21st century: collection of articles of the VIII International Scientific Conference of Young Scientists (February 8, 2019). Part 1: Modern linguistic research. Ekaterinburg: UMC-UIP, 2019. P. 110 – 116.
7. Evtikhova I.M., Plakhonina A.V. Features of the functioning of proverbs and sayings in the German language. New stage in the development of science: a collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference (April 7, 2017). Irkutsk: Scientific Partnership “Apex” LLC, 2017. P. 87 – 92.
8. Zhukov V.P. Dictionary of Russian proverbs and sayings. 7th ed., stereotype. M.: Rus. lang., 2000. 544 p.
9. Zakharenko I.V., Krasnykh V.V., Gudkov D.B., Bagaeva D.V. Precedent name and precedent statement as symbols of precedent phenomena. Language, consciousness, communication: Sat. articles. Ed. V.V. Krasnykh, A.I. Izotov. M.: Philology, 1997. Vol. 1. P. 82 – 103.
10. Kulinich M.A., Kostrova O.A. Theory and practice of intercultural communication: textbook. Allowance. Under general. ed. O.A. Kostrovoy. 4th ed., revised. M.: FLINTA, 2021. 248 p.
11. Krasnykh V.V. “Ours” among “strangers”: myth or reality? M.: Gnosis, 2003. 375 p.
12. Lukinykh A.A., Baranova I.V. National precedent phenomena of Russian-speaking culture and ways of translating them into English using the example of speeches by the President of the Russian Federation V.V. Putin. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*. 2021. No. 3 (215). P. 110 – 118.
13. Solopova O.A., Chudinov A.P., Shlemova E.D. Precedent statements in presidential discourse: translation aspect (based on the material of English and Chinese languages). *Political linguistics*. 2017. T. 2 (62). P. 47 – 54.
14. Xu Ch., Kalachinskaya E.V., Konovalova Yu.O. Precedent statements in public speech (using the example of political leaders of Russia and China). International dialogue in the space of the countries of the Asia-Pacific region: a collection of scientific articles based on the materials of the II International Student Scientific and Practical Correspondence Conference (January 20, 2018). Khabarovsk: Pacific State University, 2018. P. 101 – 105.
15. Chudinov A.P. Russian linguistic and political personology: a study of the discourse of political leaders. *Bulletin of RUDN University. Ser. Theory of language. Semiotics. Semantics*. 2018. T. 9. Issue. 1. P. 14 – 31.
16. <https://iz.ru/1480146/2023-03-07/putin-o-vliianii-sanktcii-zapada-ne-bylo-schastia-da-neschaste-pomoglo> (date of access: 09/11/2023)
17. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/copy/67843> (date of access: 09/11/2023)
18. <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69279> (access date: 09/04/2023)
19. http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/70170 (date of access: 09/03/2024)
20. <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72444> (date of access: 09/04/2023)
21. <https://www.rbc.ru/politics/25/03/2022/623dc3869a79477067801a17> (date of access: 09.09.2023)
22. <https://ria.ru/20221205/mir-1836416824.html> (date of access: 09/07/2023.)
23. <https://tass.ru/ekonomika/18687479> (date of access: 09.09.2023)

Информация об авторах

Макашова В.В., кандидат филологических наук, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, *Viktoria_m27@mail.ru*, 8(926)192-05-53

Саратова П.Д., Лицей Московского педагогического государственного университета

© Макашова В.В., Саратова П.Д., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Цырельчук К.А.

¹ Сретенская духовная академия

Institutio анафоры святителя Василия Великого (герменевтический анализ русского текста избранного места)

Аннотация: в настоящей публикации проведен герменевтический анализ избранного места русского текста анафоры святителя Василия Великого, на примере которого продемонстрирована методология герменевтики литургических текстов на русском языке.

Цель статьи: провести герменевтический анализ русского текста части Institutio анафоры святителя Василия Великого, посвященной установлению Евхаристии.

Методы: герменевтический – для интерпретации и понимания глубинного смысла текста; историко-теологический – для изучения контекста Institutio; лингвистический – для осмысления особенностей перевода и его влияния на интерпретацию текста.

Результаты: многоаспектный герменевтический анализ избранного места анафоры святителя Василия Великого вскрывает ряд переводческих трансформаций, которые затрагивают различные уровни языка – от морфемного до синтаксического.

Ключевые слова: анафора, герменевтика литургических текстов, святитель Василий Великий, переводческие трансформации, герменевтический анализ

Для цитирования: Цырельчук К.А. Institutio анафоры святителя Василия Великого (герменевтический анализ русского текста избранного места) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 78 – 83.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Tsyrelchuk K.A.

¹ Sretensky Theological Academy

Institutio of anaphora of St. Basil the Great (hermeneutical analysis of the Russian text of the chosen place)

Abstract: this publication provides a hermeneutical analysis of a selected passage in the Russian text of the anaphora of St. Basil the Great, using the example of which to demonstrate the methodology of hermeneutics of liturgical texts in Russian.

The purpose of the article: to conduct a hermeneutical analysis of the Russian text of the Institutio part of the anaphora of St. Basil the Great, dedicated to the establishment of the Eucharist.

Methods: hermeneutic – for interpretation and understanding of the deep meaning of the text; historical-theological – to study the context of the Institutio; linguistic – to understand the features of translation and its impact on the interpretation of the text.

Results: a multidimensional hermeneutic analysis of the chosen passage of the anaphora of St. Basil the Great reveals a number of translation transformations that affect various levels of language - from morphemic to syntactic.

Keywords: *anaphora, hermeneutics of liturgical texts, St. Basil the Great, translation transformations, hermeneutical analysis*

For citation: Tsyrelchuk K.A. Institutio of anaphora of St. Basil the Great (hermeneutical analysis of the Russian text of the chosen place). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 78 – 83.

The article was submitted: October 16, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Вопрос возможности совершения православного богослужения на русском языке в Русской Православной Церкви обсуждается более 150 лет. В дополнение к обсуждениям предпринимаются шаги по переводу богослужебных текстов на русский язык, в результате чего образовался обширный корпус таких переводов. Анализ подобных текстов представляет собой важный этап в понимании значения богослужебного языка для Русской Церкви.

Многоаспектным анализом такого корпуса текстов занимается герменевтика литургических текстов, под которой понимается истолкование литургического (богослужебного) текста в богословском, историческом, филологическом и иных контекстах, а также с точки зрения литургического употребления с целью установления его подлинного смысла и точного понимания его содержания.

В рамках данного исследовательского направления анализируются литургические тексты на русском языке, переведенные с греческого и (или) церковнославянского языков.

Материалы и методы исследований

Ключевыми для герменевтики литургических текстов методами стоит признать теологический, исторический и филологический (в широком смысле), использование которых может варьироваться в зависимости от типа литургического текста.

Под теологическим методом понимается анализ содержания с точки зрения цитат Священного Писания, аллюзий на святоотеческую традицию, житий святых.

Исторический метод диктует необходимость разбора истории создания литургического текста, его исторического, событийного контекста, а также обзор фактов церковной и гражданской истории – как древней, так и современной.

Филологический метод, очевидно, является наиболее продуктивным для герменевтики литургических текстов, поскольку затрагивает различные текстологические традиции (греческую и церковнославянскую — как минимум, а в рамках данной работы еще и русскую), вскрывает особенности на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Это позволяет рассмотреть литургический текст многогранно, а также выявить широкий пласт заложенных в нем смыслов.

Возможно применение и иных методов в рамках герменевтики литургических текстов. Речь идет, в первую очередь, о культурологическом и социокультурном. Каждый из них позволяет рассмотреть культурный пласт и социокультурные особенности, которые содержит анализируемый богослужебный текст.

Можно заметить, что некоторые методы (теологический и филологический, богословский и исторический) находятся в тесной взаимосвязи.

А значит, целесообразно говорить о междисциплинарном характере герменевтики литургических текстов, который требует от исследователя должных компетенций из смежных отраслей знания.

Помимо этого, методология герменевтики литургических текстов на русском языке тесно связана с теорией перевода, которая имеет разработанную систему переводческих трансформаций, фиксирующих изменения между оригиналом и переводом. В рамках настоящей работы за основу взяты труды О.И. Москальской [11], В. К. Гака [7, 8], Я. И. Рецкера [14], А. Д. Швейцера [17], Л.С. Бархударова [2].

Так, к герменевтике литургических текстов на русском языке применена следующая классификация переводческих трансформаций:

1. Морфологическая трансформация – замена частей речи, особенности передачи артикля, видовременных категорий глаголов и причастий, морфологических категорий рода и числа.
2. Лексическая трансформация – отклонение от словарных соответствий, в том числе вызванные конкретным контекстом.

3. Морфемно-словообразовательная трансформация – изменение при переводе исходного слова с помощью добавления или, наоборот, удаления морфем в переводящем языке.

4. Синтаксическая трансформация – пересмотр грамматической структуры высказывания.

5. Семантическая трансформация – преобразование смысловой структуры отдельных слов и высказываний в целом.

6. Гибридная трансформация – совмещение вышеперечисленных типов переводческих трансформаций.

Отдельно стоит отметить, что в рамках герменевтики литургических текстов на русском языке необходимо особое внимание уделять семантическим трансформациям, так как православная гимнография содержит поэтическое изложение вероучения, искаженная передача которых недопустима.

На примере части *Institutio* анафоры святителя Василия Великого ниже продемонстрированы принципы герменевтического анализа литургических текстов на русском языке.

Церковнославянский текст данного фрагмента таков: ДадЕ с^{ТМ}ыбмъ своибмъ ѹченикНмъ иЗ гпслwmъ, рекъ: приими1те, кди1те, сие е4сть тѣло моЕ, е4же за вы2 лoми1мое во ѱтавление грѣхНвъ. Гми1нь [15, с. 206].

Греческий оригинал следующий: Ἐδωκε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ Μαθηταῖς καὶ Ἀποστόλοις, εἰπόν· Λάβετε, φάγετε. τοῦτό μοῦ ἐστὶ τὸ Σῶμα, τὸ ὑπὲρ ὑμῶν κλῶμενον εἰς ἄφεσιν ἁμαρτιῶν. Ἀμήν [20].

Переводы на русский язык этой части анафоры в XX-XXI вв. осуществили священник Петр Поляков (далее – *ПетрПол*) [12, с. 92], иеромонах Феофан (Адаменко) (далее – *ФеофАдам*) [1, с. 82], иеромонах Амвросий (Тимрот) (далее – *АмврТимр*) [4], митрополит Ионафан (Елецких) (далее – *ИонЕлец*) [10], А. Волохонский (далее – *АВол*) [6], В. Шолох (далее – *ВлШолох*) [18], игумен Силуан (Туманов) (далее – *СилТум*) [15, с. 198], коллектив Свято-Филаретовского православно-христианского института (далее – *СФИ*) [13, с. 53].

Результаты и обсуждения

Institutio в контексте анафоры свт. Василия Великого имеет две ключевые библейские аллюзии:

– 1Кор. 11: 23: *Ибо я от Самого Господа принял то, что и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб и, возблагодарив, преломил и сказал: примите, ядите, сие есть Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание* [3, с. 1254];

– Мф. 26: 26-28: *И когда они ели, Иисус взял хлеб и, благословив, преломил и, раздавая ученикам, сказал: примите, ядите: сие есть Тело Мое.* [3, с. 1048].

В современной литургической практике эта часть евхаристической молитвы произносится вслух священнослужителем со слов дадЕ с^{ТМ}ыбмъ своибмъ ѹченикНмъ иЗ гпслwmъ, рекъ, что является единственным моментом, если анафора не воспроизводится вслух, когда верующие могут понять, что совершается именно Литургия свт. Василия Великого [9, с. 700].

Фрагмент дадЕ с^{ТМ}ыбмъ своибмъ ѹченикНмъ иЗ гпслwmъ, рекъ (Ἐδωκε τοῖς ἁγίοις αὐτοῦ Μαθηταῖς καὶ Ἀποστόλοις, εἰπόν) в переводах на русский язык связан с лексической и морфемно-словообразовательной вариативностью при передаче глагола да1ти (греч. δίδωμι): *ПетрПол*, *АмврТимр*, *ИонЕлец*, *ВлШолох*, *АВол* передают как «дал», *ФеофАдам*, *СФИ* – как «подал», а *СилТум* – как «преподал».

Глагол «подать» имеет значение «давать, принося, помогая кому-л.» [5, т. 17, с. 403], а глагол «преподать» – «дать, передать, предоставить что-л.», но в устаревшем значении [5, т. 19, с. 678].

Первый вариант возможен, а второй – нет, по причине того, что может быть неверно понят верующими.

Есть пример лексического добавления в переводе *ВлШолох* («дал его Своим святым ученикам и апостолам, сказав») и *СФИ* («подал его святым Своим ученикам и апостолам, сказав»). Роль этой лексической трансформации состоит в восполнении контекста.

Последовательность в передаче прилагательного и местоимения с^{ТМ}ыбмъ своибмъ (греч. ἁγίοις αὐτοῦ) также вариативна. *ВлШолох* меняет их местами, остальные (*ПетрПол*, *ФеофАдам*, *АмврТимр*, *ИонЕлец*, *АВол*, *СилТум*, *СФИ*) оставляют исходный порядок слов.

Новозаветные цитаты о Хлебе в переводах на русский язык также связаны с вариантностью.

Во-первых, для перевода глагола приими1те (греч. λάβετε) используются два разных глагола в императиве: «примите» от «принимать» («принимать, брать» в устаревшем значении, в современном же употреблении – «в стилизованной или торжественной речи, а также в личных формах несоев. вида, обычно с отрицанием» [5, т. 20, с. 220]) у *ПетрПол*, *ФеофАдам*, *СилТум*, *СФИ* и «примите» от «принять» («брать то, что кто-л. дает; брать, получать из рук в руки» [5, т. 20, с. 342]) у *ИонЕлец*.

Употребляются и варианты императива «возьмите» от глагола «взять» («захватить, схватить рукой, руками; принять в руки» либо «получить что-л. в свое временное или постоянное пользование» [5, т. 2, с. 541, 543]) у *ВлШолох*, *АВол*.

Во-вторых, похожее явление фиксируется при переводе императива $\kappa\delta\iota\tau\epsilon$ (греч. $\phi\acute{\alpha}\gamma\epsilon\tau\epsilon$): *ПетрПол* – «ешьте», *ФеофАдам* – «ядите», *АмврТимр* – «вкусите», *ИонЕлец* – «ядите! (вкусите!)», *ВлШолох* – «ешьте», *АВол* – «ешьте», *СилТум* – «вкусите», *СФИ* – «вкусите».

Наиболее традиционными следует назвать вариант «ядите», которое следует за синодальным переводом Нового Завета.

В-третьих, есть и синтаксическая трансформация при переводе фразы $\sigma\iota\epsilon\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \tau\acute{o}\ \sigma\omicron\mu\epsilon\ \tau\omicron\ \mu\omicron\epsilon$ (греч. $\tau\omicron\upsilon\tau\omicron\ \mu\omicron\upsilon\ \epsilon\sigma\tau\iota\ \tau\omicron\ \Sigma\omicron\mu\alpha,\ \tau\omicron\ \upsilon\pi\epsilon\rho\ \upsilon\mu\acute{\omega}\nu\ \kappa\lambda\acute{\omega}\mu\epsilon\nu\ \epsilon\iota\varsigma\ \acute{\alpha}\phi\epsilon\sigma\iota\nu\ \acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\iota\acute{\omega}\nu$).

Здесь часть авторов (*АмврТимр*, *ВлШолох*, *АВол*, *СилТум*, *СФИ*) трансформирует главную часть в конструкцию с указательным местоимением и опущением глагола «быть»: «Это – Тело Мое».

Придаточное же трансформируется в определение – причастный оборот либо в определительное придаточное с «который»: *ПетрПол* – «Которое за вас ломится во оставление грехов», *ФеофАдам* – «за вас ломимое, в оставление грехов», *АмврТимр* – «за вас преломляемое для отпущения грехов», *ИонЕлец* – «за вас преломляемое во оставление грехов», *ВлШолох* – «ради вас преломляемое во оставление грехов», *АВол* – «за вас ломимое ради прощения грехов», *СилТум* – «ради вас преломляемое во отпущение грехов», *СФИ* – «за вас преломляемое ради прощения грехов».

Синтаксическая трансформация в данном примере затрагивает и лексический уровень. Причастие $\kappa\lambda\acute{\omega}\mu\epsilon\nu$ (греч. $\kappa\lambda\acute{\omega}\mu\epsilon\nu$) передается глаголом «ломится» (*ПетрПол*), причастием «ломимое» (*ФеофАдам*, *АВол*), «преломляемое» (*АмврТимр*, *ИонЕлец*, *ВлШолох*, *СилТум*, *СФИ*). Это является примером морфемно-словообразовательной трансформации.

Греческий оригинал имеет параллелизм между $\kappa\lambda\acute{\alpha}\sigma\alpha\varsigma$ и $\kappa\lambda\acute{\omega}\mu\epsilon\nu$, поэтому в русских переводах можно сохранить подобный прием через «преломив» (или глагол «преломил») и «преломляемый». У *АмврТимр*, *ИонЕлец*, *ВлШолох*, *СилТум*, *СФИ* это фиксируется.

Ответной аккламацией на приведенный возглас является $\Gamma\mu\iota\ \nu$ (греч. $\Lambda\mu\iota\ \nu$). Будучи широко известным, он не переводится на русский. Но *ПетрПол* передает его как «истинно», что соответствует исконному значению.

Выводы

Таким образом, герменевтика литургических текстов своей целью имеет истолкование литургического (богослужебного) текста в богословском, историческом, филологическом и иных контекстах, а также с точки зрения литургического употребления с целью установления его подлинного смысла и точного понимания его содержания.

Так, настоящее исследовательское направление является междисциплинарным и затрагивает теологию, филологию, историю, культуру и другие смежные гуманитарные дисциплины. При этом герменевтика литургических текстов на русском языке затрагивает также теорию перевода, методология которой также является продуктивной в анализируемом дискурсе.

Герменевтический анализ избранного места анафоры святителя Василия Великого отражает ряд переводческих трансформаций, которые предпринимаются авторами.

Случаи морфемно-словообразовательной трансформации изменяют исходное слова с помощью добавления или, наоборот, удаления морфем, примеры лексической представляют отклонение от словарных соответствий, в том числе вызванное конкретным контекстом, а синтаксической – преобразования грамматической структуры высказывания.

Важным является то, что указанные переводческие трансформации не приводят к изменению исходного смысла.

Список источников

1. Адаменко В., свящ. Служебник на русском языке. Собрание Божественных Литургий, совершаемых Православной Российской Церковью. Нижний Новгород: Тип. Исправтруддома. 1924. № 1. 122 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Международные отношения, 1975. 239 с.
3. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское общество, 2002. 1295 с.
4. Божественная Литургия святого отца нашего Василия Великого. URL: <https://azbyka.ru/bogoslužhenie/bozhestvennaya-liturgiia-svyatogo-otca-nashego-vasiliya-velikogo> (дата обращения: 10.09.2023)
5. Большой академический словарь русского языка. Т. 1. СПб.: Наука, 2005 (продолжающееся издание).
6. Волохонский А. Богослужебные тексты и псалмы на русском языке. М.: Прованс, 2016. 220 с.

7. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода. Французский язык. М.: Ленанд, 2014. 455 с.
8. Гак В.К. Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 763 с.
9. Иларион (Алфеев), митр. Литургия: Исторический и богословский комментарий к Литургиям Иоанна Златоуста и Василия Великого. М.: Познание: Общецерковная аспирантура и докторантура: Православная энциклопедия, 2019. 768 с.
10. Ионафан (Елецких), архиеп. Толковый путеводитель по Божественной Литургии святителя Василия Великого. URL: <https://cutt.ly/fwHN5L4i> (дата обращения: 10.09.2023)
11. Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М.: Высшая школа, 1974. 154 с.
12. Поляков П., свящ. Объяснение богослужения Православной Церкви с приложением полного изложения Божественной Литургии на русском наречии и наставления о том, как должно вести себя в храме во время богослужения. Петроград: Типография И.В. Леонтьева, 1915. 101 с.
13. Православное богослужение: в пер. с греч. и церковнослав. яз. Кн. 3: Последования таинства евхаристии: Литургия св. Василия Великого, Литургия преждеосвященных даров, Литургия св. апостола Иакова. С прил. церковнослав. Текстов: пер. свящ. Георгия Кочеткова, Б.А. Каячева, Н.В. Эппле. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2010. 272 с.
14. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода. М.: Р. Валент, 2007. 216 с.
15. Служебник на русском языке: пер. на русский язык – иг. Силуан (Туманов). СПб.: Печатное агентство «Феникс», 2021. 432 с.
16. Служебник. М.: Издательский Совет Русской Православной Церкви, 2003. 464 с.
17. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. (Газетно-информационный и военно-публицистический перевод). М.: Воениздат, 1973. 280 с.
18. Шолох В. Три литургии на русском. URL: <https://cutt.ly/xwNMwnNn> (дата обращения: 10.09.2023)
19. Э П.Л., Журавский А.В. Аминь // Православная Энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная Энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 161 – 168.
20. ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑ ΜΕΓ. ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ. URL: https://glt.goarch.org/texts/Oro/Basil_Liturgy.html (дата обращения: 10.09.2023)

References

1. Adamenko V., priest. Service book in Russian. Collection of Divine Liturgies performed by the Orthodox Russian Church. Nizhny Novgorod: Type. Fix work at home. 1924. No. 1. 122 p.
2. Barkhudarov L.S. Language and translation (Issues of general and particular theory of translation). M.: International relations, 1975. 239 p.
3. Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments. M.: Russian Bible Society, 2002. 1295 p.
4. Divine Liturgy of our holy father Basil the Great. URL: <https://azbyka.ru/bogosluzhenie/bozhestvennaya-liturgiya-svyatogo-otcza-nashego-vasiliya-velikogo> (date of access: 09/10/2023)
5. Large academic dictionary of the Russian language. T. 1. St. Petersburg: Nauka, 2005 (ongoing publication).
6. Volokhonsky A. Liturgical texts and psalms in Russian. M.: Probel, 2016. 220 p.
7. Gak V.G., Grigoriev B.B. Theory and practice of translation. French. M.: Lenand, 2014. 455 p.
8. Gak V.K. Language transformations. M.: School “Languages of Russian Culture”, 1998. 763 p.
9. Hilarion (Alfeev), Metropolitan. Liturgy: Historical and theological commentary on the Liturgies of John Chrysostom and Basil the Great. M.: Cognition: All-Church postgraduate and doctoral studies: Orthodox Encyclopedia, 2019. 768 p.
10. Jonathan (Eletsikh), archbishop. An explanatory guide to the Divine Liturgy of St. Basil the Great. URL: <https://cutt.ly/fwHN5L4i> (access date: 09/10/2023)
11. Moskalskaya O.I. Problems of systematic description of syntax (based on the material of the German language). M.: Higher School, 1974. 154 p.
12. Polyakov P., priest. An explanation of the divine services of the Orthodox Church with the appendix of a complete presentation of the Divine Liturgy in Russian and instructions on how one should behave in church during the service. Petrograd: Printing house I.V. Leontyeva, 1915. 101 p.

13. Orthodox worship: in trans. from Greek and Tserkovoslav. language Book 3: Consequences of the sacrament of the Eucharist: Liturgy of St. Basil the Great, Liturgy of the Presanctified Gifts, Liturgy of St. apo-table of Jacob. With adj. Tserkovoslav. Texts: trans. priest Georgiy Kochetkov, B.A. Kayacheva, N.V. Apple. M.: St. Philaret Orthodox Christian Institute, 2010. 272 p.
14. Retzker Ya. I. Translation theory and translation practice. Essays on the linguistic theory of translation. M.: R. Valent, 2007. 216 p.
15. Service book in Russian: Translation into Russian – ig. Siluan (Tumanov). St. Petersburg: Phoenix Printing Agency, 2021. 432 p.
16. Missal. M.: Publishing Council of the Russian Orthodox Church, 2003. 464 p.
17. Schweitzer A.D. Translation and linguistics. (Newspaper information and military journalistic translation). M.: Voenizdat, 1973. 280 p.
18. Sholokh V. Three liturgies in Russian. URL: <https://cutt.ly/xwHMwnNn> (access date: 01/09/2023)
19. E P.L., Zhuravsky A.V. Amen. Orthodox Encyclopedia. M.: Central Scientific Center “Orthodox Encyclopedia”, 2001. T. 2. P. 161 – 168.
20. ΛΕΙΤΟΥΡΓΙΑ ΜΕΓ. ΒΑΣΙΛΕΙΟΥ. URL: https://glt.goarch.org/texts/Oro/Basil_Liturgy.html (access date: 09/10/2023)

Информация об авторе

Цырельчук К.А., магистр теологии, аспирант, Сретенская духовная академия, tsyrelchukk@gmail.com, +79065764521

© Цырельчук К.А., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 8.81

¹ Аликаева Л.С., ¹ Ткаченко С.А.

¹ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Словосложение в немецком языке: понятие, основные формы и принципы образования сложных слов

Аннотация: в статье анализируется метод словосложения как способ образования слов в немецком языке, особенности перевода немецких сложных слов на русский язык.

Целью работы является изучение способов перевода сложных слов с немецкого на русский язык.

В соответствии с поставленной целью в исследовании решаются следующие задачи:

- рассмотреть способы словообразования в немецком языке;
- охарактеризовать основные способы образования сложных слов в немецком языке;
- описать различные подходы к переводу сложных слов;
- определить основные способы перевода сложных существительных и других частей речи с немецкого языка на русский язык.

Ключевые слова: словосложение, язык, способы словообразования, основы, композита, композиция

Для цитирования: Аликаева Л.С., Ткаченко С.А. Словосложение в немецком языке: понятие, основные формы и принципы образования сложных слов // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 84 – 89.

Поступила в редакцию: 12 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Alikaeva L.S., ¹ Tkachenko S.A.

¹ Kabardino-Balkarien State University named after Kh.M. Berbekov

Word composition in German: the concept, basic forms and principles of the formation of complex words

Abstract: the article analyzes the method of word composition as a way of forming words in German, the peculiarities of translating German compound words into Russian. The **purpose** of the work is to study the ways of translating complex words from German into Russian. In accordance with the set goal, the following tasks are solved in the study:

- to consider the ways of word formation in the German language;
- to describe the main ways of forming compound words in the German language;
- to describe different approaches to translating complex words;
- to identify the main ways of translating complex nouns and other parts of speech from German into Russian.

Keywords: word structure, language, methods of word formation, basics, composite, composition

For citation: Alikaeva L.S., Tkachenko S.A. Word composition in German: the concept, basic forms and principles of the formation of complex words. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 84 – 89.

The article was submitted: October 12, 2023; Approved after reviewing: December 14, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Каждый народ имеет свой собственный язык с его характерными чертами и особенностями. В большинстве своем эти особенности касаются словарного запаса, по причине того, что слова имеют очень важное значение в языке. Такие особенности присутствуют и в немецком языке.

Для людей, проявляющих интерес к немецкому языку, не является секретом тот факт, что в немецком языке слова могут появляться в результате сложения нескольких основ. В этом заключается наибольшая трудность для изучающих немецкий язык. Очень нелегко прочесть и понять слово, состоящее из 10 или большего количества букв. Можно найти и более длинные слова. Так, например, слово *Veranstaltungsinformationsdienst* (служба информации о событиях) состоит из 32 букв [10].

Объектом данного исследования стали сложные слова, которые присутствуют в современном немецком языке.

Предметом предлагаемого исследования является процесс образования слов в немецком языке через сложение нескольких основ, переводческие особенности сложных слов с немецкого языка на русский.

Целью работы можно считать изучение вариантов перевода сложных слов с одного языка на другой.

В данном исследовании, в соответствии с поставленной целью, решаются следующие задачи:

- рассмотреть способы образования слов в немецком языке;
- охарактеризовать наиболее значимые способы образования сложных слов в немецком языке;
- описать разнообразные подходы к переводу определенных сложных слов;
- определить способы перевода различных частей речи с немецкого языка на русский язык.

В научной литературе изучению проблемы словообразования уделяется большое внимание как со стороны отечественных, так и зарубежных авторов. Среди зарубежных исследователей следует отметить работы В. Хенцена [11], Д. Фаульзайта [12], Л. Ортнера [14], В. Вундта [15]. Среди отечественных авторов труды В.С. Васькина [1], С.А. Кузнецова [2], Л.А. Нефедовой [3], Б.А. Серебренникова [4], М.Д. Степановой, И.И. Чернышевой [6], В.Н. Ярцевой [9].

Материалы и методы исследований

В ходе работы рассмотрены литературные труды и интернет-источники по данной проблематике, рассмотрены примеры сложных слов в данном языке.

Результаты и обсуждения

Актуальность данного исследования заключается в том, что без знания законов, средств и способов словообразования невозможно овладеть неродным языком.

В процессе работы над данной темой использовались следующие методы: рассмотрены литературные произведения и интернет-источники, подобраны и рассмотрены примеры сложных слов в немецком языке.

Постоянное развитие человеческого общества ставит перед языком задачу снабдить все стороны жизнедеятельности человека новыми наименованиями. Словообразование играет важную роль в языковой системе и отвечает за образование обозначений компонентов как внешнего, так и внутреннего опыта человека. [4].

Словообразование рассматривается как путь становления и развития словаря, при котором существенную роль играет изменение в морфологическом составе слов и лексических основ, существующих в языке [5].

Сложение слов в немецком языке – это один из самых популярных способов создания новых слов. Оно основано на объединении основ разных слов, например, *Briefmarkenverkauf* [13]. Существуют два вида такого сложения: определительное и неопределяющее.

Первый вид – это сочетание двух составляющих. По своей структуре они могут отличаться, однако разделение сложного слова всегда двухкомпонентное, то есть бинарное, например: *Braunkohle*. Первая составляющая определяет вторую, а вторая даёт общую морфологическую характеристику слова.

Слова, расположенные перед производящей основой или после нее и обладающие всеми характеристиками полуаффиксов с легким семантическим смещением, получили название распространенных компонентов (-*stelle*, -*bahn*; *halb*-, -*zurück*-). Приведем несколько примеров: *die Baustelle*, *die Strassenbahn*.

Они являются словно "переходным пунктом" от элемента композита к полуаффиксу, а полуаффиксы, в свою очередь – "переходный пункт" от фреквентного элемента к аффиксу. В отличие от полуаффиксов фреквентные элементы в составе композитов не подвергаются значительным семантическим изменениям, а от обычных элементов определительных композитов отличаются своей систематичностью и обобщенным значением, которое придает им "полевой" характер [7, с. 156-157].

Второй тип сложения содержит «императивные имена», например *Vergissmeinnicht*, *Tischleindeckdich*. Элементы повелительных имен не связаны ни прилагательным, ни союзом. Они выражают субстантивирование предложения в повелительной, императивной форме [8, с. 146].

В структурном плане императивные имена можно соотнести со словосочетаниями и предложениями [6, с. 115].

Наиболее популярным считается первый тип сложения. Он является ключевым в процессе формирования лексических единиц, а также имеет глубокую связь с синтаксисом: сложные термины могут взаимодействовать с фразами на уровне смыслового содержания, например: *Hasenpfote* – *Pfote des Hasen*.

Во многих сложных словах преимущественно содержатся как минимум две основы, от которых они образованы, два корня. Лексическое значение в таких словах несет самый последний корень: он определяет род всего слова (если это существительное), он может подвергаться изменениям при склонении. В таких словах два (или более) ударения – одно из этих ударений является основным, остальные – вторичные. Модели словообразования представляют собой классификацию слов. В этой классификации выделяются восемь моделей (эта классификация условная и основана на лексикографических целях; наиболее разумным представляется выделение восьми моделей): модель основных слов, модель слов без аффиксов, модель с префиксами, модель суффиксов, модель совмещения префиксов и суффиксов, модель основ с полупрефиксами и полусуффиксами, и словосложение [6, с. 78].

Составные слова, или композиты, в немецком языке – это явление, которое достаточно хорошо изучено. Немецкие лингвисты В. Фляйшер, М.Д. Степанова и другие называют главной тенденцией в словообразовании немецкого языка тенденцию к словосложению [7]. Большинство новых слов в немецком языке образуется путем составления композитов [1, с. 6].

Сложные слова изучаются в лингвистике как «самостоятельная, грамматически и семантически единая лексическая величина, которая является частью словарного запаса языка и в предложении может выступать в роли самостоятельного или второстепенного члена предложения» [14, с. 3].

Синтез слов находится в промежуточном положении между морфологическим и синтаксическим способами сочетания лингвистических единиц и объединяет черты обоих. Некоторые виды сложных слов имеют структурное сходство с словосочетаниями и состоят из сочетания отдельных слов. Другие виды сложных слов более характерны для целостного образования: 1) потеря грамматического значения первой компоненты; 2) фиксированный порядок компонентов, изменение которого ведет к изменению значения сложного слова; 3) Обязательное присутствие одного основного ударения; 4) морфологические характеристики; 5) Уникальный внешний вид сложного слова. Сложные слова, так же как и простые, изменяются только по одному грамматическому признаку [9, с. 469].

Ученый-лингвист Л.А. Нефедова отмечает, что если рассматривать всю систему словообразования, то можно сказать, что в немецком языке основную роль в образовании слов играет сложение, оставаясь продуктивным и основным способом словообразования и в настоящее время. В XIX и XX веках доминирует модель с двумя элементами, эффективность модели, содержащей три элемента, возрастает от нечастых случаев образования до систематических. Увеличивается количество слов с четырьмя морфемами. Композиты наиболее распространены в новостях и специализированных текстах. [3, с. 90-92]. Одним из примеров таких образований является слово *Dampfschiffahrtskapitän*.

М. Д. Степанова и И. И. Чернышева изучают 3 модели сложных слов:

1. $L2 = L1 + L1$, где $L1$ – первичное ядро, $L2$ – вторичное ядро. Это детерминативные сложные слова, слов с определителями (*Determinativkomposita*): *das Landhaus* – *Land*, *Haus*; *kirschrot* – *Kirsche*, *rot*; *weggehen* – *weg*, *gehen*.

2. $L2 = L1 + L1 + L1$: *Vergißmeinnicht*, *grünweisrot*, *der Ohnebart* – недетерминативные сложные слова (*nicht-determinative Komposita*).

3. $L2 = L1 + R$, $R + L1$, R – остаточный компонент псевдокорня: *die Nachtigall* – *die Nacht...*; *die Himbeere* – *...beere*. [7, с. 123].

По мнению М.Д. Степановой и И. И. Чернышевой, первая модель сложного слова особенно распространена и популярна в современном немецком языке и является типичной для таких частей речи, как существительные, прилагательные, числительные и глаголы. Эти сложные слова подразделяются на три группы:

полносложные, у которых компоненты напрямую связаны друг с другом – Lichtstrahl, dunkelblau, Schreibtisch; неполносложные, у которых есть соединительный элемент – Werdegang, Tageslicht, kinderleicht, Sonnenstrahl, и сложные слова, схожие по своей структуре и расположению компонентов со свободными словосочетаниями – Krauseminze, wachliegen, weltberühmt, zweihundert, gutaussehend и др. [7, с. 125].

Согласно взглядам немецкого филолога В. Хенцена, вторая модель соответствует словам, состоящим из более чем двух компонентов. К этим словам относятся:

- 1) сложные слова, компоненты которых соединены сочинительной связью: Dichterkomponist, Strichpunkt;
- 2) существительные, образованные от повелительных предложений с обращениями и без обращений: das Tischleindeckdich, der Taugenichts, das Vergeßmeinnicht;
- 3) существительные, образованные от предложных групп: der Ohnebart;
- 4) сложные наречия: geradeaus, bergauf, meistens;
- 5) некоторые случайные комбинации лексем, стоящих рядом в предложении: das Vaterunser, ein Maßvoll, eine Handvoll [11, с. 89].

Третья модель является результатом исторических процессов. Ее особенность заключается в том, что она включает "остаточные элементы" – те, которые не употребляются уже как самостоятельные слова и могут встречаться только в составе сложных слов. Такие элементы могут занимать как первую, так и вторую позицию в словах. Например, слова Demut (dio – ahd.«Knecht»); Brombeere (brama – ahd.«Dornstrauch»); Nachtigall (gala – ahd. galan – «singen»). Слова, образованные по этой модели, встречаются не так часто. Они могут быть географическими названиями и фамилиями, такими как: Heidelberg, Desselmann, Wiesbaden, Brinkmann а также десубстантивированными глаголами, например: brandmarken, willfahren и др. [11, с. 94].

С точки зрения В. Вундта, немецкого врача, психолога и лингвиста, любое словосложение возникает из мотивов, связанных с контекстом речи. Однако из-за внешнего соприкосновения слов в предложении более тесная связь может возникнуть только в том случае, если слова объединяет и внутреннее родство.

Таким образом, при формировании сложных слов пересекаются аналитический и синтетический процессы.

Аналитически составное слово создается путем выделения его как синтаксической структуры из целого предложения. Синтетически оно образуется в результате того, что его компоненты образуют более прочную связь друг с другом и, таким образом, отделяются от остальных слов в предложении в качестве нового, отдельного слова [15, с. 642].

Композиция (немецкий язык «Komposition»: 1. композиция; 2. словосложение) является наиболее популярным типом словообразования в немецком языке.

Построение сложного слова может быть различным: две основные части могут складываться вместе (die Schreibmaschine – пишущая машинка, das Nebenzimmer – смежная комната), а также могут присутствовать соединительные элементы (die Tageszeit – время суток, lebenswichtig – жизненно важный). Такими элементами могут являться -(e)n, -(e)s.

Если повторение слов по своей общей природе можно рассматривать как особый случай словосочетания, когда слово соединяется с самим собой, то под «композицией» обычно понимается только соединение слов, состоящее из неравных компонентов. Это разделение оправдано тем, что само повторение вслух создает только простое слово, в то время как полное повторение слов является лишь более сильным выделением уже существующего слова, то есть не является новым словообразованием.

Кроме того, соединение неравных составляющих не только охватывает гораздо более широкую область явлений, но и обладает неравномерным глубинным значением, затрагивающим существование языка полностью.

Каждая словарная композиция происходит из мотивов, которые влекут за собой единство речи. Однако из внешнего соприкосновения слов в предложении более тесная связь может возникнуть только в том случае, если в это же время более тесная связь объединяет слова.

Таким образом, при формировании композиции пересекаются аналитический и синтетический процессы.

Аналитически составное слово создается путем выделения его в качестве синтаксической структуры из всего предложения.

Синтетически составное слово образуется за счет того, что его компоненты образуют более прочное соединение друг с другом и, тем самым, выделяются из остальных слов в предложении как новое слово. Эти обстоятельства позволяют понять, что на первый план выдвигается то аналитический, то синтетический

момент, в зависимости от того, рассматривалось ли предложение или слово в качестве исходного лингвистического образования. Поскольку лингвистика, как правило, отдавала предпочтение словам, то синтетическая точка зрения была преобладающей. Соответственно, композиция обычно рассматривалась как образование, возникшее в результате произвольного объединения ее частей, условия психологического происхождения которого больше не подвергались сомнению, а, напротив, скорее приходилось довольствоваться констатацией логических и грамматических отношений, существующих между звеньями композиции, чтобы затем построить на основе этого классификацию структуры слов.

Сложение слов не приводит к слиянию корневых морфем с аффиксами, а вместо этого корень соединяется с аффиксом, что приводит к образованию нового слова. Таким образом, словосложение представляет собой метод формирования слов. Словосложение позволяет объединять целые и неполные корни, а также основы и слова в любой грамматической форме. Грамматика немецкого языка имеет много особенностей. Главная особенность – это наличие доминирующей позиции словосложения.

Резюмируя данные проведенного анализа, можно сказать следующее. Многокомпонентные композиты довольно широко распространены в немецком языке, что свидетельствует о том, насколько продуктивным является данный способ образования. По своей семантической структуре они моносеманты, т.е. имеют одно лексическое значение и сфера их употребления широка и многообразна. Однозначность является скорее свойством терминов, так как у терминов есть четкая дефиниция. Одной из причин моносемии немецких слов можно считать заимствования. Когда новое слово появляется в лексикографической системе языка, оно изначально имеет абсолютное и однозначное значение. Однако, по мере процесса заимствования в языке, возникают новые слова. Как правило, основной причиной появления монолексемы заимствованного слова является его редкое использование в речи. Это связано с тем, что оно обозначает предметы, понятия или ситуации, которые не существуют в практике говорящих на данном языке. В немецком языке, например, очень редко встречаются такие слова, как *Balalaika*, *Matroschka* [17, 18].

Заимствованные слова в немецком языке употребляются в прямом значении [2].

Выводы

На основе проанализированных слов можно констатировать, что большинство из них являются существительными. Слова могут быть разных частей речи. Например, это могут быть имена существительные, прилагательные, наречия и глаголы. В большинстве случаев рассмотренные слова являются двухкомпонентными композитами.

Словосложение, следовательно, является важнейшим способом образования сложных слов в современном немецком языке. Основными терминами, используемыми в словообразовании, являются средство, способ и модель. Словосложение занимает особое место среди моделей словообразования в немецком языке. Существует определенное количество способов классификации сложных слов по различным критериям, но наиболее распространенными являются композиты, состоящие из двух существительных.

Список источников

1. Вашунин В.С. Субстантивные сложные слова в современном немецком языке М.: Высшая школа, 1990. 159 с
2. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000. С. 56.
3. Нефедова Л.А. О некоторых особых способах словообразования в современном немецком языке // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 3. С. 89 – 95.
4. Серебренников Б.А. Языковая номинация (Виды наименований). М.: Наука, 1977. 357 с.
5. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М.: Высшая школа, 1962. 314 с.
6. Степанова М.Д., Чернышева И.И. Лексикология современного немецкого языка. М., 2005.
7. Степанова М.Д., Фляйшер В. Теоретические основы словообразования в немецком языке. М.: Высшая школа, 1984. 264 с.
8. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. М.: Изд-во лит-ры на ин. яз., 1953. 375 с.
9. Ярцева В.Н. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 469 с.
10. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim Leipzig; Wien; Zürich: Dudenverlag, 1998. 912 p. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Veranstaltungsinformationsdienst>
11. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Aufl.: Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1965. 314 p.
12. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Halle, 1963. 115 p.

13. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München: Langenscheidt KG, 2003. 1251 p.
14. Ortner L., Müller-Bollhagen E. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen. Hauptteil 4: Substantivkomposita. Berlin; New York: de Gruyter, 1991. 863 p.
15. Wundt W. Sprache, Mythos und Sitte. Erster Band (Die Sprache). Leipzig. Verlag von W. Engelmann, 1904. 694 p.
16. Das Wörterbuch der deutschen Sprache, 1978 Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, München, 942 p.
17. <https://www.woerter.ru/sushhestvitelnye/znacheniya/Balalaika.htm>
18. <https://www.woerter.ru/sushhestvitelnye/znacheniya/?w=Matroschka>

References

1. Vashunin V.S. Substantive compound words in modern German M.: Higher school, 1990. 159 pp.
2. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg: Norint, 2000. P. 56.
3. Nefedova L.A. On some special ways of word formation in the modern German language. Bulletin of Moscow University. Ser. 19, Linguistics and intercultural communication. 2003. No. 3. P. 89 – 95.
4. Serebrennikov B.A. Language nomination (Types of names). M.: Nauka, 1977. 357 p.
5. Stepanova M.D., Chernysheva I.I. Lexicology of modern German language. M.: Higher School, 1962. 314 p.
6. Stepanova M.D., Chernysheva I.I. Lexicology of modern German language. M., 2005.
7. Stepanova M.D., Fleischer V. Theoretical foundations of word formation in the German language. M.: Higher School, 1984. 264 p.
8. Stepanova M.D. Word formation in modern German. M.: Publishing house of literary materials. lang., 1953. 375 p.
9. Yartseva V.N. Linguistic encyclopedic dictionary. M.: Sov. encyclopedia, 1990. 469 p.
10. Duden: Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Mannheim; Leipzig; Wien; Zürich: Duden-verlag, 1998. 912 p. <https://www.duden.de/rechtschreibung/Veranstaltungsinformationsdienst>
11. Henzen W. Deutsche Wortbildung. Aufl.: Tübingen, Max Niemeyer Verlag, 1965. 314 p.
12. Faulseit D., Kühn G. Stilistische Mittel und Möglichkeiten der deutschen Sprache. Halle, 1963. 115 p.
13. Langenscheidt Großwörterbuch. Deutsch als Fremdsprache. Berlin und München: Langenscheidt KG, 2003. 1251 p.
14. Ortner L., Müller-Bollhagen E. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen. Hauptteil 4: Substantivkomposita. Berlin; New York: de Gruyter, 1991. 863 p.
15. Wundt W. Sprache, Mythos und Sitte. Erster Band (Die Sprache). Leipzig. Verlag von W. Engelmann, 1904. 694 p.
16. Das Wörterbuch der deutschen Sprache, 1978 Deutscher Taschenbuch Verlag GmbH & Co. KG, Munich, 942 p.
17. <https://www.woerter.ru/sushhestvitelnye/znacheniya/Balalaika.htm>
18. <https://www.woerter.ru/sushhestvitelnye/znacheniya/?w=Matroschka>

Информация об авторах

Аликаева Л.С., кандидат филологических наук, доцент, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова

Ткаченко С.А., старший преподаватель, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, sv_t2002@mail.ru, 89280848302

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.351.2

¹ Багомедов М.Р., ¹ Магомедова А.Б.

¹ Дагестанский государственный университет

Ономастикон повести Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...»

Аннотация: статья посвящена рассмотрению ономастикона повести даргинского прозаика, народного писателя Дагестана, Заслуженного учителя России Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...» («БерхIи гIелабикалра...»), вышедшей на даргинском языке в 2021 году.

Актуальность исследования определяется важностью освещения ономастикона даргинской художественной литературы на материале повести Расула Мусаевича Багомедова «Хотя солнце закатилось...», изучение которого даёт представление об истории, культуре и языке даргинского народа и является ключом к пониманию его национально-культурного своеобразия. Актуальность работы обусловлена также необходимостью проведения лингвистического анализа онимов даргинских художественных произведений с целью выявления их структурно-семантических особенностей. Объектом исследования выступают собственные имена (антропонимы и топонимы), функционирующие в рассматриваемом произведении. Предметом исследования является структурно-семантическая специфика собственных имён анализируемой.

Цель исследования – этнолингвистическая характеристика антропонимов и топонимов, зафиксированные в ономастическом пространстве повести «Хотя солнце закатилось...» и выявление их структурно-семантических особенностей.

Теоретической базой исследования стали научные концепции, разработанные в рамках научных направлений ономастики, обозначенные в научных трудах ведущих российских ономатологов, в том числе и дагестанских.

Практическая значимость работы заключается в том, что её результаты могут быть рекомендованы для применения в школьных и вузовских курсах по лексикологии даргинского языка, а также в курсе современной даргинской литературы. Материалы могут быть использованы при создании словаря поэтонимов (антропонимов и топонимов) писателей Дагестана.

Ключевые слова: повесть, оним, антропоним, топоним, структурно-семантические особенности

Для цитирования: Багомедов М.Р., Магомедова А.Б. Ономастикон повести Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...» // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 90 – 94.

Поступила в редакцию: 12 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bagomedov M.R., ¹ Magomedova A.B.

¹ Dagestan State University

Onomasticon of Rasul Bagomedov's novel "Although the sun has set..."

Abstract: the article is devoted to the consideration of the onomasticon of the novel by the Dargin prose writer, People's Writer of Dagestan, Honored Teacher of Russia Rasul Bagomedov "Although the sun has set..." ("BerkhI gielabikalra..."), which was published in the Dargin language in 2021.

The relevance of the study is determined by the importance of covering the onomastikon of Dargin fiction based on the story by Rasul Musaevich Bagomedov "Although the sun has set...", the study of which gives an idea of the history, culture and language of the Dargin people and is the key to understanding its national and cultural originality. The relevance of the work is also due to the need to conduct a linguistic analysis of the onyms of Dargin works of art in order to identify their structural and semantic features. The object of the research is proper names (anthroponyms and toponyms) functioning in the work under consideration. The subject of this research is the structural and semantic specificity of the proper names of the analyzed woman.

The purpose of the study is to study the ethnolinguistic characteristics of anthroponyms and toponyms recorded in the onomastic space of the novel "Although the Sun Has Set..." and identification of their structural and semantic features.

The theoretical basis of the study is the scientific concepts developed within the framework of the scientific directions of onomastics, indicated in the scientific works of leading Russian onomatologists, including Dagestani ones.

The practical significance of the work lies in the fact that its results can be recommended for use in school and university courses on the lexicology of the Dargin language, as well as in the course of modern Dargin literature. The materials can be used in the creation of a dictionary of poetonyms (anthroponyms and toponyms) of Dagestani writers.

Keywords: story, onym, anthroponym, toponym, structural and semantic features

For citation: Bagomedov M.R., Magomedova A.B. Onomasticon of Rasul Bagomedov's novel "Although the sun has set...". Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 90 – 94.

The article was submitted: October 12, 2023; Approved after reviewing: December 11, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность статьи обуславливается значительностью освещения ономастического пространства произведений художественной литературы на материале художественного произведения известного даргинского фольклориста, прозаика, народного писателя Дагестана Расула Багомедова. Это даёт представление не только о языке, но и об истории, культуре даргинского народа. Оно в перспективе становится ключом к пониманию его национально-культурного своеобразия.

Цель исследования – этнолингвистический анализ антропонимических и топонимических единиц, зарегистрированных в ономастическом пространстве повести Р.М. Багомедова «Хотя солнце закатилось...» и выявление их структурно-семантических особенностей.

Цель исследования предполагает решение следующих **задач**:

- зафиксировать и систематизировать антропонимы и топонимы повести Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...»;

- изучить онимы повести как источник этнокультуры, формирующий языковую картину мира;

- выявить национально-культурный компонент собственных имён повести;

- классифицировать онимы повести в аспекте их структурно-семантических особенностей.

В данное время наблюдается новый научный подход к осмыслению и трактовке онимов. Обозначается переход от первичной классификации онимов и его этимологизации к более комплексному и углубленному анализу собственных имён. Тем не менее, многие ономатологи отмечают необходимость более широкомасштабного и углубленного изучения ономастических единиц литературных произведений. До настоящего времени не было комплексных исследований, посвященных детальному и широкомасштабному изучению онимов даргинских литературных произведений. Считаем необходимым сказать, что отдельные вопросы собственных имён даргинского языка анализировались в научных трудах М.-С.М. Мусаева, С.М. Темирбулатовой, М.Р. Багомедова, М.А. Исаева, У.У. Гасановой, М.-З.О. Османова и др.

Научные концепции, разработанные в рамках научных направлений ономастики, обозначенные в научных трудах ведущих российских ономатологов, в том числе дагестанских, стали теоретической базой исследования.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования явились ономастические единицы, извлеченные из повести Расула Багомедова «Хотя солнце закатилось...» на даргинском языке (Бях1яммадов Р. Берх1и г1елабикалра: Повесть. Махачкала: АЛЕФ, 2021. 206 с.) [6].

Методы исследования обусловлены спецификой даргинского языкового материала, зафиксированного в художественных произведениях. В основном использовались метод синхронного анализа, а также описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и обсуждения

В отечественной ономастике «исследование функций собственных имён в художественной литературе имеет прочную традицию» [9, с. 239]. Этого нельзя сказать о дагестанской литературной ономастике, где данному вопросу «посвящены квалификационные работы С.Х. Гасановой, А.Т. Абдусаламовой» [4, с. 68]. Исследователи даргинского языка отмечают, что «проблема функционирования ономастических единиц в даргинской художественной литературе мало изучена» [3, с. 174]. С.М. Рабаданова [11], рассматривая даргинские собственные имена, вопроса поэтонимов не касается.

У Расула Багомедова на даргинском языке вышел ряд повестей не только в периодической печати, но и в отдельных книгах: «Адамешла умцла» («Мерило человечности»), «Жавгъар» («Жавгар»), «Зиланти» («Ровесники»), «Къяббердибси гъуни» («Прерванный путь»), «Чердик1ибти» («Избранное»), «Урши» («Сын»), «Гъят1ибъ» («Развал»).

Литературоведы и литературные критики не раз писали о прозаических произведениях писателя. «В образовании мира повествования в произведении писателя участвуют не только сугубо национальные компоненты, но и явственно ощущается преломление опыта русской и советской литератур» [8, с. 159]. В этом плане максимально многогранны и широки повести даргинского писателя.

В кратком резюме к книге читаем: «Дагъиста халкъла писатель Расул Бях1яммадовла сагаси жузлизигергъиси замана делк1унти назмурти, гъанбикунни, хабурти, повесть ва Муса Бях1яммадовличил барх белк1унси пьеса кадерхурли сари. Илдала ца бях1чибиз саби: улка гъят1арбьякхунх1ели, Ваг1а ва зях1матчи халкъла дец1-шишимъала имц1адиъни, улкализир дахъал далагардешуни ак1ни, илгъуна аги барсбарес г1яг1нили биъни. Буч1антас илди г1ях1дилзниличи дирхулра» [6]. Здесь говорится, что в данном издании опубликованы новые стихотворения, воспоминания (эссе), рассказы, повесть и написанная в соавторстве пьеса. Центральной темой многих произведений, включённый в этот сборник, является мысль, что с развалом государства у трудового народа стало больше проблем, в стране увеличилось количество беспорядков, пришла необходимость трансформации этого положения. ситуации.

В повести встречается много собственных имён. Они различны как по разрядам, так и по своим структурно-семантическим особенностям. В первой части повести они задействованы сорок один раз. Встречаются антропонимы и топонимы (даём дословный перевод словосочетания, где представлен оним, или транслитерацию; при этом сохраняем падежную форму собственного имени): Аллагъла къадар «Воля Аллаха», Аминат «Аминат», Афганистайзибад «Из Афганистана», Афганистайзив «В Афганистане», Афганистан «Афганистан», Б.Д. Грековла «Б.Д. Грекова», Багъадур «Багадур», Багъадурла «Багадура», Багъадурли «Багадуром», Багъадурлис «Багадуру», Багъадурра «И Багадур», Бугъа Мух1амма «Бык Магомед», Г1яли, Г1ялила, Г1ялила «Али», ДГУ-ла «ДГУ», К.М. Дружининна «К.М. Дружинина», К.М. Карамзинна «К.М. Карамзинна», Къадиев Г1яли «Кадиев Али», Москвализи «В Москву», Н.Г. Чернышевскийла «Что делать?» «Н.Г. Чернышевскийла «Что делать?»», районна халкъла Собраниелизи «В районное народное Собрание», Рахметовла «Рахметова», «Уркъари» бик1уси поэма «Поэма «Уркари»», Х1ябиб «Габиб», Х1ябиб Муслимович, Х1ябиб Муслимовичли «Габиб Муслимович», ЦК КПСС-ла Генеральный секретарь Хрущёвли «ЦК КПСС-ла Генеральный секретарь Хрущёвли» и др.

Здесь представлены различные антропонимические единицы: личные имена; личное имя и отчество; произвище; инициалы и фамилия, а также топонимы. Чаще всего употребляются мужские личные имена.

Частотность употребления собственных имён в повести разнится: по одному разу – Аллагъла, Б.Д. Грековла, Бугъа Мух1амма, ДГУ-ла, К.М. Дружининна, К.М. Карамзинна, Къадиев Г1яли, Москвализи, Н. Г. Чернышевскийла «Что делать?», районна халкъла Собраниелизи, Рахметовла, «Уркъари» бик1уси поэма, Х1ябиб; ЦК КПСС-ла Генеральный секретарь Хрущёвли; два раза – Аминат, Аминат; три раза – Г1яли, Г1ялила, Г1ялини; четыре раза – Афганистайзибад, Афганистайзибад, Афганистайзив, Афганистан; Х1ябиб Муслимович, Х1ябиб Муслимович, Х1ябиб Муслимович, Х1ябиб Муслимовичли.

Тринадцать раз зафиксировано мужское личное имя – Багъадур «Багадур» (это имя главного героя повести; повесть также названо этим именем). Данное имя употребляется в различных падежных формах даргинского языка: Багъадур, Багъадур, Багъадурла, Багъадурла, Багъадурла, Багъадурли, Багъадурли, Багъадурлис, Багъадурра, Багъадурра, Багъадурра, Багъадурра.

В данные антропонимы автор вкладывает и своё отношение к героям повести – от имён веет положительной энергией, они сообразны сущности героев и их поступков:

Личное имя *Багдадур* «Багадур» писатель использует в качестве характеристики главного героя своего произведения. «**Багдадур** Багадур см. Батир – Батыр тюрк. «герой, богатырь»» [5, с. 29]. В даргинском языке слово *багдадур* зафиксировано и как нарицательное слово [2, с. 2]. В «Даргинско-русском словаре» так передаётся значение слова: «**БАГЬАДУР** богатырь, витязь, герой; ухарь, храбрец, смельчак, удалец» [1, с. 54].

Аминат араб. «находящаяся в безопасности» (Г); «верная, надежная», имя матери Мухаммада (СЭ) [5, с. 113].

Бугъа МухIамма, где *Бугъа* произвище от даргинского *бугъа* «бык»; *МухIамма* Магомед араб. «хвалимый, прославляемый» [5, с. 76].

Гяли Али араб. «высший», «могучий» [5, с. 43].

ХIябиб Габиб араб. «любимый», «друг» [5, с. 98].

Герои Расула Багомедова «обыкновенные люди, не совершающие ничего героического; автора привлекают душевные противоречия, нравственные коллизии» [7, с. 105-106].

Анализ именика багомедовских произведений показал, что это явление сложное, многопластовое. Выделяются следующие этнолингвистические пласты:

1) исконно-даргинский пласт: *Багдадур* Багадур; в эту же группу можно включить и сложные антропонимические единицы, где один компонент (как правило, первый) является даргинским апеллятивом, а второй – заимствованное из других языков имя, например: *Бугъа МухIамма* «Бык Магомед», букв. «Бык Магомед». Это «говорящее» имя;

2) арабский пласт: *Аминат* Аминат; *Гяли* Али; *ХIябиб* Габиб араб. «любимый», «друг». В антропонимиконе писателя этот пласт является самым большим. Как отмечают ономатологи, «в количественном соотношении явно преобладают арабские личные имена» [5, с. 9];

3) русский пласт: *Б.Д. Греков*, *К.М. Дружинин*, *К.М. Карамзин*, *Н.Г. Чернышевский*, *Рахметов*, *Хрущёв*;

В повести отмечены и другие онимы:

а) агнионим: *Аллагъ* Аллаха. Человеку отдельно не даётся, но он широко задействован в сложносоставных именах, например: *ГIябдулла* Абдулла, *Валигулла* Валигулла и др.;

б) ойконим: *Москва*;

в) хороним («собственное имя любой территории, области, района, в том числе х. административный, природный») [10, с. 145]: *Афганистан*, *Россия*, *Казахстан*, *Азербайджан*, *Советский Союз*, *Турция*;

г) библионим: поэма «*Уркъари*», *Н. Г. Чернышевский* «*Что делать?*»

Собственные имена повести отмечены в различных падежных формах даргинского языка:

в именительном падеже – *Аминат*, *Афганистан*, *Багдадур*, *Бугъа МухIамма*, *Гяли*, *ХIябиб*, *ХIябиб Муслимович*, *Къадиев Гяли*;

в эргативном падеже – *Багдадурли*, *Гялини*, *ХIябиб Муслимовичли*, *Хрущёвли*;

в родительном падеже – *Багдадурла*, *Гялила*, *Б.Д. Грековла*, *ДГУ-ла*, *К.М. Дружининна*, *К.М. Карамзина*, *Н. Г. Чернышевскийла*, *Рахметовла*;

в дательном падеже: *Багдадурлис*;

в направительном падеже – *Москвализи*;

в падеже удаления – *Афганистайзибад*;

в падеже покоя – *Афганистайзив*.

Выводы

Таким образом, поэтонимы повести даргинского писателя «Хотя солнце закатилось...» образуют своеобразное ономастическое пространство. Оно богатое и многогранное: задействованы различные мужские и женские личные имена, фамилии, прозвища, клички, названия населённых пунктов, географических и космических объектов. Всесторонний анализ ономастикона повести свидетельствует о том, что писатель через имена хотел как лучше отразить мир героев, время и среду их проживания. Антропонимы составляют около восьмидесяти процентов всех ономастических единиц. Исследование расширяет представление об авторском мировоззрении народного писателя Дагестана Расула Багомедова.

Список источников

1. Абдуллаев З.Г. Даргинско-русский словарь. Махачкала: АЛЕФ (ИП Овчинников), 2017. 646 с.
2. Абдуллаев З.Г. Орфографический словарь даргинского языка. 3-е переизд. Махачкала: Дагучпедгиз, 1989. 136 с.
3. Багомедов М.Р. Онимы в даргинской художественной литературе // Антология поэтонимологической мысли. Донецк: Юго-Восток, 2008. Т. 1. С. 174 – 182.

4. Багомедов М.Р. Ономастика Северного Кавказа // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 52 – 81.
5. Багомедов М.Р. Словарь даргинских личных имен. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2006. 169 с.
6. Багомедов Р.М. Хотя солнце закатилось... (на даргинском языке). Махачкала: АЛЕФ, 2021. 206 с.
7. Багомедов Р.Р. Очерк и рассказ как жанры даргинской литературы // Вагидов А.М. Очерки даргинской литературы 1960-1990-х годов. Махачкала, 2013. С. 80 – 86.
8. Вагидов А.М. Дагестанская проза второй половины XX века. Махачкала: Дагкнигоиздат, 2005. 565 с.
9. Калинин В.М. Имя собственное как поэтоним // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. Ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 230 – 264.
10. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
11. Рабаданова С.М. Даргинская антропонимическая система в сопоставлении с русской и английской. Махачкала: ИПЦ ДГУ, 2000. 128 с.

References

1. Abdullaev Z.G. Dargin-Russian dictionary. Makhachkala: ALEF (IP Ovchinnikov), 2017. 646 p.
2. Abdullaev Z.G. Spelling dictionary of the Dargin language. 3rd edition Makhachkala: Daguchpedgiz, 1989. 136 p.
3. Bagomedov M.R. Onims in Dargin fiction. Anthology of poetonymological thought. Donetsk: South-East, 2008. T. 1. P. 174 – 182.
4. Bagomedov M.R. Onomastics of the North Caucasus. Theory and practice of onomastic and derivativeological research: collective monograph. Scientific. ed. IN AND. Suprun, S.V. Ilyasova. Maykop: Publishing house "Magarin O.G.", 2017. P. 52 – 81.
5. Bagomedov M.R. Dictionary of Dargin personal names. Makhachkala: IPC DSU, 2006. 169 p.
6. Bagomedov R.M. Although the sun has set... (in Dargin language). Makhachkala: ALEF, 2021. 206 p.
7. Bagomedov R.R. Essay and story as genres of Dargin literature. Vagidov A.M. Essays on Dargin literature of the 1960s-1990s. Makhachkala, 2013. P. 80 – 86.
8. Vagidov A.M. Dagestan prose of the second half of the 20th century. Makhachkala: Dagknigoizdat, 2005. 565 p.
9. Kalinkin V.M. Proper name as a poetonym. Theory and practice of onomastic and derivative-logical research: collective monograph. Scientific. Ed. IN AND. Suprun, S.V. Ilyasova. Maykop: Publishing house "Magarin O.G.", 2017. P. 230 – 264.
10. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. 2nd ed., revised. and additional M.: Nauka, 1988. 192 p.
11. Rabadanova S.M. Dargin anthroponymic system in comparison with Russian and English. Makhachkala: IPC DSU, 2000. 128 p.

Информация об авторах

Багомедов М.Р., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, b_musa@mail.ru, 8 (8722) 68-23-26; тел. моб. 8 928 5267076

Магомедова А.Б., Дагестанский государственный университет

© Багомедов М.Р., Магомедова А.Б., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.58

¹ Бухоголова С.Б.

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Диалектная лексика баргутов АРВМ КНР

Аннотация: в статье рассматривается диалектная лексика баргутов АРВМ КНР в сравнительно-сопоставительном плане с бурятским, монгольским и старописьменным монгольским языками. Данный подход позволяет подойти к выявлению и раскрытию коренных баргутских слов и выражений, не имеющих в этих родственных языках. Методология исследования включает в себя работы отечественных и зарубежных (монгольских и китайских) ученых по данной проблематике. Предмет исследования включает семантические особенности исконного словарного состава баргутов. В результате сравнительно-сопоставительного исследования выявлен большой пласт исконной лексики, показывающий высокую степень устойчивости и сохранности в сложных поликультурных и полиязычных условиях. Кроме того, установлено, что часть этой самобытной лексики, возможно, имеет происхождение из тюркского, тунгусо-маньчжурского языков. Результаты могут быть использованы при разработке спецкурсов по монголоведческим дисциплинам, в частности при разработке курсов лекций по монгольским говорам и диалектам Китая, бурятскому языку. Кроме того, они могут быть использованы при составлении словарей по монгольским языкам, как частных, так и сравнительных (дифференциальных), специальных.

Ключевые слова: баргутские говоры, диалектная лексика баргутов, бурятский, монгольский, старописьменный монгольский язык

Для цитирования: Бухоголова С.Б. Диалектная лексика баргутов АРВМ КНР // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 95 – 103.

Поступила в редакцию: 12 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bukhоголова S.B.

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Dialectal vocabulary of the Barguts of the IMAR of China

Abstract: the article examines the dialect vocabulary of the Barguts of the IMAR of the People's Republic of China in comparative terms with the Buryat, Mongolian and old written Mongolian languages. This approach allows us to approach the identification and disclosure of indigenous Bargut words and expressions that are not found in these related languages. The research methodology includes the work of domestic and foreign (Mongolian and Chinese) scientists on this issue. The subject of the study includes the semantic features of the original vocabulary of the Barguts. As a result of the comparative study, a large layer of native vocabulary was identified, showing a high degree of stability and preservation in complex multicultural and multilingual conditions. In addition, it has been established that part of this original vocabulary may have origins from the Turkic, Tungus-Manchu languages. The results can be used in the development of special courses in Mongolian disciplines, in particular in the

development of lecture courses on Mongolian dialects and dialects of China, and the Buryat language. In addition, they can be used in compiling dictionaries on Mongolian languages, both private and comparative (differential), special.

Keywords: Bargut dialects, dialect vocabulary of the Barguts, Buryat, Mongolian and old written Mongolian languages

For citation: Bukhогоlova S.B. Dialectal vocabulary of the Barguts of the IMAR of China Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 95 – 103.

The article was submitted: October 12, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы в том, что несмотря на наличие исследований в области говоров и диалектов монгольских народов Китая, в частности баргутских говоров, остаются нераскрытыми вопросы по баргутской диалектологии. Баргу-бурятский диалект или баргутские говоры, представляющие собой язык старых и новых баргутов АРВМ КНР, вмещают большой пласт исконных слов, не имеющийся в родственных языках.

Цели задачи исследования в выявлении и анализе собственно баргутской лексики в сравнительно-сопоставительном освещении с бурятским, монгольским и старописьменным монгольским языками.

Материалы и методы исследований

В работе нашли применение труды отечественных, китайских и монгольских исследователей; полевые материалы автора в научно-исследовательских экспедициях в 2002-2004 гг.; «Словарь баргутского говора», переизданный автором в 2021 г. Кроме того, были использованы различные словари монгольских, тюркских, маньчжурского языков, лексический материал из научной литературы по монголистике, монголо-язычной лексикологии, диалектологии. В ходе работы использованы лингвистические методы: сравнительно-исторический, сопоставительный, структурный, конструктивный и др.

Результаты и обсуждения

Как в любом другом языке, образование и развитие баргу-бурятского диалекта происходило на различных этапах их исторических путей, где они представлены двумя совершенно разными этническими общностями. В результате нашего исследования мы пришли к выводу, что новые баргуты имеют родственные связи с частью прибайкальского племени хори, а старые баргуты, до XVII в. жившие на восточной стороне озера Байкал и затем покинувшие свои обжитые места по причине колонизации Сибири русскими, обладают общими корнями с западными бурятами РФ.

В процессе работы лексика баргу-бурятского диалекта условно нами поделена на три части: общемонгольскую лексику в фонетическом освоении баргутских говоров, исконную баргутскую и заимствованную лексику, приобретенную в ходе определенных взаимоотношений с теми или иными этническими общностями. В данной статье рассмотрим диалектную лексику баргутов, не наличествующей в других родственных языках. Для обозначения баргутских слов применяется международный фонетический алфавит, их переложение на старописьменном монгольском языке выражено латинской транслитерацией и переводом на русский язык. Лексика представлена в тематических группах, разбитых по частям речи, а внутри групп выстроена в алфавитном порядке русского языка.

Имена существительные

Содержание имен существительных в лексике собственно баргутских говоров позволяет распределить их по следующим тематическим группам:

Живая природа

Животный мир: ст.-барг. *balsai*, стпмя *balsai* ‘лягушка’ [КБМБКРС, 2021: 155], в бурятском языке не имеется слово *балсай*, вместо него в значении ‘лягушка, жаба’ используют *баха* [БРС, 2010: 123]; также и в монгольском – *бах* / *мэлхий* ‘лягушка, жаба’ [БАМРС, 2001: 390, 535]. Хотя составители Этимологического словаря пишут, что «...слово *баха* не является ни общемонгольским (особенно любопытно его отсутствие в калмыцком языке), ни общетюркским и неизвестно во всех тунгусо-маньчжурских языках (наличие монгольского заимствования в отдельных диалектах этих языков возможно)» [ЭСМЯ, 2015: 75–76], наличие слова *баха* со значением ‘лягушка’ в речи тюрков [ДС, 1969: 82] позволяет предположить о его тюркском происхождении.

Ст.-барг. *birgə:l*, стпмя *birgil* ‘личинка мухи’ [Baγu aman..., 1983: 72], нов.-барг. *birgil* ‘личинка мухи’ [Norjin, Soyidandar, 1992: 77], в бурятском и монгольском языках это слово не найдено, в этом случае используется в бурятском языке *үтэн* ‘червь, черви’ [БРС, 2010: 355]; в монгольском – *өм* ‘1) черви; 2) опарыши, личинки, выводящиеся из яиц, отложенных мухами’ [БАМРС, 2001: 749].

Ст.-барг. *bud*, стпмя *büde* ‘сова, филин’ [Baγu aman..., 1983: 82], в бурятском и монгольском языках не найдено это слово, вместо него в бурятском языке используют *шара шубуун* ‘филин’ [БРС, 2010: 620] и *бэгсэргэ* ‘сова, сыч’ [БРС, 2010: 170]; в монгольском – *шар шувуу* / *ууль* ‘сова’ [БАМРС, 2001: 1612, 1123].

Ст.-барг. *xugsrəg*, стпмя *kükserge* ‘гусеница, обитающая в сыромятной коже’ [Baγu aman..., 1983: 123], слово *хүгсэргэ* / *хөгсрөг* не обнаружено в изучаемых языках, вместо него в бурятском языке используется *төөлүүр* (*түгжэ*) *хорхой* ‘гусеница’ [БРС, 2008: 252]; в монгольском языке – *төөлүүр хорхой* ‘гусеница бабочки’ [БАМРС, 2001: 758], однокоренным словом *төөлүүр*, по всей видимости, является *үтэн* ‘червь, черви’ [БРС, 2008: 355], бур. диал. *үтөөбишэ* ‘гусеница’; в монгольском языке – *өм(өн)* ‘1) черви, червь; червяк; 2) опарыши, личинки, выводящиеся из яиц, отложенных мухами’ [БАМРС, 2001: 749], где замечается наращивание начальной гласной буквы.

Растительный мир: ст.-барг. *ǰiʃigt*, стпмя *jǰiʃigtü* ‘побег, молодая ветка, мелкие ветви’ [Baγu aman..., 1983: 207], слово *жишигт* / *жэшигт* с соответствующим значением не обнаружено в бурятском и монгольском языках. Интерес представляет наличие словоформы в тюркском языке *jīyač*, обозначающей ‘дерево’ и образованной от нее глагол *jīyačlan* ‘покрываться деревьями, зарастать’, а также *jīyačliq* ‘лесистое место’ [ДС, 1969: 265]. В бурятском языке под этим значением используют *залуу эшэ*, *шэнэ халаа* ‘побег’ [БРС, 2008: 573]; в монгольском – *найлзуур*, *гөлөг* [РМС, 2012: 459].

Ст.-барг. *təǰja:ŋq*, стпмя *toǰiangq-a* ‘пень (людей с больными ногами сравнивают с ним)’ [Baγu aman..., 1983: 185], в изучаемых языках не обнаружено слово *тожяанха* / *тужяанха*, вместо него в монгольском языке используют *хожуул* ‘пень; коряга, лесная сухая подстоина’ [БАМРС, 2001: 1317], *мануухай* ‘1) пугало; чучело (для отпугивания волков); 2) перен. марионетка; подставное лицо’ [БАМРС, 2001: 478], и *годил* ‘перен. крепкоголовый, меднолобый чудака, медный лоб, голова дубовая (еловая, садовая), дубина стоекосовая, дурья голова, дурья башка’ [БАМРС, 2001: 572]; в бурятском языке – *түгсүүл* / *түгсэг* ‘пень, пни’ [БРС, 2010: 264].

Болезни, состояние здоровья: ст.-барг. *ga:da:*, стпмя *γada* ‘рак пищевода, сужение пищевого канала’ [Baγu aman..., 1983: 123], в монгольском и бурятском языках лексема *гаадаа* / *гада* отсутствует.

Части тела: ст.-барг. *ǰixəg*, стпмя *ǰikeg* ‘линии на руке’ [Baγu aman..., 1983: 165], лексема *шихэг* / *шэхэг* не зафиксирована в изучаемых языках, вместо нее в бурятском языке используют *гарай зурлаа* / *гарай шу-гам* [БРС, 2008: 196]; а в монгольском – *гарын ар* ‘черты, линии на ладони’ [БАМРС, 2001: 548].

Неживая природа

Элементы, материалы, вещества: ст.-барг. *ba:gue:*, стпмя *baγui* ‘воздушный змей, жив. панда’ [Baγu aman..., 1983: 65], слово *бааγуй* не найдено в бурятском и монгольском языках.

Ст.-барг. *ǰasdo:*, стпмя *ǰasadasu* ‘стружка’ [Baγu aman..., 1983: 212], в слове *ǰasdo:* корнем является слова *ǰas-* / *zas-* / *zah-* со значением ‘исправлять, поправлять; налаживать; ремонтировать’, лексема *засдас* / *зahaдahan* в изучаемых языках не зафиксирована, при обозначении слова ‘стружка’ в бурятском языке используют *зоргодоһон* [БРС, 2010: 402]; в монгольском – *зоргодос* [БАМРС, 2001: 365].

Ст.-барг. *i:g*, стпмя *ig* ‘бараний сухой помет’ [Baγu aman..., 1983: 26], в бурятском и монгольском языках слово *ииг(э)* не зафиксировано, вместо него употребляются *хоргоодоһон* / *хоргооһон* ‘помет (овец, коз и верблюдов)’, *хохир* ‘1) лит. и вост. сухой навоз (для подстилки скоту); 2) зап.-бур. овечий помет’ [БРС, 2010: 447, 454]; в монгольском языке также под *хоргол* подразумевается ‘помёт (овец, коз, верблюдов и т. д.), орехообразный навоз домашних животных’ [БАМРС, 2001: 1337].

Человеческое общество

Род занятий, родственные отношения: ст.-барг. *ǰuirə:*, стпмя *jürei* ‘двойня, близнецы’ [Baγu aman..., 1983: 209], указанное слово, возможно, возникло от *зүйр* ‘сравнение, сопоставление; пословица, поговорка’ [БАМРС, 2001: 391] монгольского языка, поскольку близнецов обычно рассматривают в сравнительном плане. В бурятском языке *зүйрээ* отсутствует, вместо него употребляется *эхир* / *ихэр* ‘двойня, близнецы, пара, двойной’ [БРС, 2010: 682], [БАМРС, 2001: 439], имеющий тюркское происхождение *ikki* ‘два, оба’, *ikkiz* ‘двойня, близнецы’ [ДС..., 1969: 207].

Нов.-барг. *du:je:*, стпмя *degüy-e* ‘возлюбленная’ [Norjin, Soyidandar, 1992: 204]. Эта словоформа не выявлена в бурятском и монгольском языках. Любопытно, что в эвенкийском языке в качестве варианта выявлена созвучная с анализируемым словом форма *дуктынэн* со значением ‘сердцебиение’ [ЭРС, 1958: 123].

Орудие, инструмент, устройство, приспособление: ст.-барг. *ᠵад*, стпмя *jida* ‘мешок для лошадиного помета’ [Barγu aman..., 1983: 206], лексема *жад(а) / зад(а) / яд(а)* под этим значением не обнаружена в бурятском и монгольском языках.

Нов.-барг. *ᠵамх*, стпмя *jamq-a* ‘длинное копье’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 230], слово *замха / жамха* не найдено в бурятском и монгольском языках, однако имеется глагол *jamur-* в тюркских языках со значением ‘резать, кроить’ [ДС, 1969: 231], который, возможно, в новобаргутском говоре перешел в разряд имени существительного.

Нов.-барг. *ᠵана*., стпмя *jinau-a* ‘1) щетка с тонкой металлической ручкой для ступицы колеса или тряпка; 2) беспомощное существо; 3) насмешливое название тоненькой косички у детей и пожилых’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 232–233], слово *жанаа / занаа* не обнаружено в рассматриваемых языках.

Нов.-барг. *патхă*, стпмя *paticq-a* ‘1) шест, втыкаемый на могиле, длинный шест с флагами, на которых написаны молитвы; 2) *ругат*. название деревянного изделия, вышедшего из применения по причине негодности’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 58], слово *намха / намхаа* в бурятском и монгольском языках не выявлено.

Ст.-барг. *sunsə:xi:*, стпмя *sünsegekei* ‘образное название утюга в загадках’ [Barγu aman..., 1983: 158], в бурятском и монгольском языках не выявлена лексема *hүнсээхэй / сүнсээхэй / сүнсээхий*; в монгольском языке при обозначении утюга используют заимствованное с китайского языка *индуу* ‘утюг’ [БАМРС, 2001: 425]; в бурятском – *элюур* ‘утюжок (маленький литой утюг с длинной железной ручкой)’ [БРС, 2010: 661].

Постройка, сооружение: нов.-барг. *анаг*, стпмя *anaγ-a* ‘остроконечная хижина (шалаш), применяемая при перекочевке’, новые баргуты говорят: «*anaγantai aγan-du yabuqu*» ‘путешествовать с остроконечной хижинкой’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 12], в монгольском языке при передаче слов ‘шалаш, хижина, лачуга, балаган’ используют *алцаг* [БАМРС, 2001: 216]; в бурятском языке не обнаружены однокоренные слова к *анаг / анага, алцаг / алсаг*, в этом случае применяют *булгааһан* ‘1) хлеб; 2) шалаш; 3) *бохан*. юрта, строение’ [БРС, 2010: 150] и *бүхээг* ‘1) навес; 2) *зан.-бур.* шалаш, балаган’ [БРС, 2010: 169].

Нов.-барг. *əldə:*, ст.-барг. *ildə:* [Barγu aman..., 1983: 205], стпмя *eldege* ‘пол’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 28]. Слова *илдээ / элдээ* в бурятском и монгольском языках не существует, вместо него применяется в западнобурятском языке *шала / оёор* ‘пол (в помещении)’ [БРС, 2010: 601, 15]; в монгольском – *шал* ‘пол (в жилище); помост, утрамбованная площадка, мостовая’ [БАМРС, 2001: 1601].

Домашняя утварь, хозяйство, быт: нов.-барг. *a:rsni: tərt*, стпмя *aγarčan-u terte* ‘деревянные палки, к которым подвешивается мешочек для сцеживания арцы’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 16], имя существительное *тэртэ* в бурятском языке означает ‘распорки’ [БРС, II: 280], а также у закаменских, тункинских бурят Республики Бурятия и в сомоне Ташик Булаганского аймака Монголии существует одноименный род *тэртэ* или *дэрт*, который по мнению Т. А. Очир, является монгольским произношением тюркского слова *дертэ ~ дөрөв* (четыре) [Монгольские этнонимы..., 2016: 171–172]. Однако С. П. Балдаев род *тэртэ* относит к обурятившимся тунгусским (эвенкийским) родам [Балдаев, 2010: 134, 313]. Действительно, в эвенкийском языке найдены слова *тырэв-ми* ‘1) быть прижатым; 2) притесняться, быть обижаемым кем-л.’, *тырэв-ки* ‘обидчик, притеснитель’, *тырэвкэ* ‘1) бревна (которыми придавливают крышку на лабазе); 2) нащепы в нарте (продольные боковые доски)’, *тырэт-ми* ‘1) опираться (о балке, придавливающей что-л.); 2) подавлять, притеснять’ [ЭРС, 1958: 415], с корневыми основами *тырэв / тырэт*, при помощи которых можно провести этимологию словосочетания *a:rsni: tərt*, применяемого у новых баргутов по своему прямому значению, как ‘балка, придавливающая что-л.’ и названия бурятского рода *тэртэ* в переносном значении и переводимое с эвенкийского языка как ‘подавляющий, притесняющий’.

Нов.-барг. *barxānag*, стпмя *barqanay* ‘запутанная, с многочисленными узлами веревка’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 73], слово *бархаанаг / барханаг* не найдено в бурятском и монгольском языках. Однако интерес представляет слово *бау* в тюркских языках с несколькими значениями ‘1) оковы, узы; 2) повязка, покрывало; 3) узел товара, кипа, вязанка; 4) ..., 5) ...’ [ДС, 1969: 77], что дает возможность развить тему словообразования на основе тюркских языков в результате контаминации.

Ст.-барг. *gərbə:*, стпмя *gerbege* ‘работа или занятие, которое необходимо сделать’ [Barγu aman..., 1983: 135], слово *гэрбэ / гэрбээ* отсутствует в бурятском и монгольском языках, вместо него используется *ажал / ажил* [БРС, 2010: 41], [БАМРС, 2001: 192]; однако интересна лексема *гэрбэчин* со значением ‘работник’ в эвенкийском языке [ЭРС, 1958: 101].

Нов.-барг. *ᠵаңга*., стпмя *jangγ-a* ‘ватное или меховое одеяло для новорожденных’, у новобаргутов от этого слова образован глагол *ᠵаңга:лах*, стпмя *jangγalaqu* ‘заворачивать новорожденного в ватное или меховое одеяло’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 228]. Слово *жанга / занга / янга* в бурятском и монгольском языках не обнаружено, что сложно установить его происхождение. В этом случае в бурятском языке применяют *хүнжэл* ‘одеяло’: *хүдэһэн хүнжэл* ‘меховое одеяло’, *хүбэн хүнжэл* ‘ватное одеяло’ [БРС, 2010: 494]; в мон-

гольском – *хөнжил* ‘одеяло’: *үстэй хөнжил* ‘меховое одеяло’, *хөвөнтэй хөнжил* ‘ватное одеяло’ [БАМРС, 2001: 1371].

Ст.-барг. *filtʃag*, стпмя *šiltʃegeg* ‘корзинка из плетенных ивовых прутьев’ [Barγu aman..., 1983: 166], слово *шилшээг* / *шэлишээг* в бурятском и монгольском языках отсутствует, вместо него в бурятском языке существует слово *түрсүүг* или *гүрэмэл торхо* ‘корзина’ [БРС, 2008: 269, 233]; в монгольском языке несколько слов-синонимов с данным обозначением, одно из них *шээзгий* ‘плетёнка, корзинка, лукошко’ [БАМРС, 2001: 1670], другое слово имеющее совершенно другое звучание – *сагс* ‘корзинка-плетёнка с ручкой (для чая, зернового хлеба)’ [БАМРС, 2001: 772], заимствованная из маньчжурского языка *саксу* ‘корзина, плетуха из бамбука для чая, бумаги; плетенный из ивняка сусек для зернового хлеба’ [ПМРС, 1875: 558]. В этой связи можно предположить, что лексема *filtʃag*, возможно, заимствована с фонетическими изменениями из маньчжурского языка старыми баргутами, поскольку в маньчжурском языке имеется созвучное слово *шоро* ‘корзина разной величины, плетенная из бамбука, тальника’; *шоро шулху* ‘корзинки и плетенки’ [ПМРС, 1875: 676].

Единицы измерения, условные обозначения: нов.-барг. *altrag*, стпмя *altary-a* ‘единица измерения человеческого роста’ [Norjīn, Čoyidandar, 1992: 17], слово *алтраг* / *алтарга* не зафиксировано в бурятском и монгольском языках; лексема *altrag* у новых баргутов встречается в виде различных словосочетаний, как, *altragγui*, стпмя *altary-a ügei* ‘человек небольшого роста’ [Norjīn, Čoyidandar, 1992: 17]; *altrag dotax*, стпмя *altary-a dutaqui* ‘не хватать роста для того чтобы достать, увидеть что-л.’ [Norjīn, Čoyidandar, 1992: 17]; *altragnī*: *xawiraγ*, стпмя *altaryan-u qabirγ-a* ‘три нижних (коротких) ребра’ [Norjīn, Čoyidandar, 1992: 17].

Одежда, шитье: нов.-барг. *goltāg*, стпмя *γolitay* ‘шов с изнаночной стороны’ [Norjīn, Čoyidandar, 1992: 133], данная лексема не обнаружена в бурятском и монгольском языках, в этом значении употребляется слово *оёдол*, *зүйдэл* ‘шов’ [БРС, 2010: 14, 415], [БАМРС, 2001: 641]. Интересен факт наличия имени существительного в эвенкийском языке *голи* со значением ‘язычок на игле для вязания сетей’ [ЭРС, 1958: 91].

Ст.-барг. *taixar*, стпмя *tayiqar* ‘пуговица, застежка, кнопка, пряжка’ [Barγu aman..., 1983: 174], в бурятском и монгольском языках имя существительное *тайхар* не выявлено, однако в бурятском языке при обозначении этого слова применяют *тээг* ‘пуговица (в виде палочки, привязанной за середину)’ [БРС, 2008: 282] и *шагта* ‘пуговица’ [БРС, 2008: 661]; в монгольском языке *товч* ‘пуговица’ [РМС, 2012: 546]; в бурятском языке *энгэрэй бүтүү*, *тэбхэ* ‘застежка’ [БРС, 2008: 263], в монгольском языке *шилбэ*, *бүч*, *гох* ‘застежка’ [РМС, 2012: 182], *хабхагтай хадааһан*, *дарадаг хадааһан*, *шагта*, *абалсадаг тобио* ‘кнопка’ [БРС, 2008: 310], в монгольском языке *дарадаг товч* ‘кнопка’ [РМС, 2012: 236]; в бурятском языке *горьё* ‘пряжка’ [БРС, 2008: 659]; в монгольском языке *арал*, *гархи* ‘пряжка’ [РМС, 2012: 544].

Группа разных слов: ст.-барг. *bumbe:re*: *bumbe:re*, стпмя *bümbürei* *bümbürei* ‘используется в припеве песни: *бүмбээрээ*, *бүмбээрээ*’ [Barγu aman..., 1983: 82], который в изучаемых языках не имеет применения.

Ст.-барг. *soɭa:ŋ*, стпмя *suliyān* ‘приглашение’ [Barγu aman..., 1983: 157], образован от глагола ст.-барг. *soɭ-*, стпмя *suliqu* ‘просить (кого-л. сделать что-л.), обращаться с просьбой (к кому-л. о чем-л.)’ в бурятском и монгольском языках имя существительное *суляан* / *хуляан* отсутствует, вместо него применяется *урилга* ‘приглашение’ [БРС, 2010: 305], [БАМРС, 2001: 1097].

Ст.-барг. *ʃuŋkrəg*, стпмя *čüŋgkürüg* ‘яма, углубление’ [Barγu aman..., 1983: 205], лексема *шүнхэрэг* / *чүнхэрэг* не обнаружена, вместо нее в бурятском языке используется *нүхэн*, диалект. *зоори*, *сооног*, *хонхор*, *хотогор* ‘яма’ [БРС, 2008: 898], в баргузинском говоре бурятского языка имеется слово *һэнхэрэг* ‘что-л. ненадежное, проваливающееся под ногами’; в монгольском языке *нүх(эн)* ‘отверстие, дыра; щель; брешь; очко’ [БАМРС, 2001: 612]. Нами предполагается, что, возможно, старобаргутское слово *шүнхэрэг* – заимствование из маньчжурского языка: *шунку* ‘ямочка – впадина под нижней губой’ [ПМРС, 1875: 680], получившее определенную семантическую трансформацию при заимствовании.

Имена прилагательные

В состав имен прилагательных, выявленных в группе собственно баргутской лексики, относятся слова, выражающие следующие признаки.

Качественные: ст.-барг. *tə:dəg*, стпмя *tegedeg* ‘низкорослый, низкий, короткий’ [Barγu aman..., 1983: 179], слово *тээдэг* отсутствует в бурятском и монгольском языках, вместо него употребляется в бурятском языке *набтар* ‘низкий, приземистый, невысокий’ [БРС, 2010: 582]; в монгольском – *намхан* ‘низенький, довольно низкий’ [БАМРС, 2001: 563].

Ст.-барг. *tənd*, стпмя *tondu* с соответствующим значением ‘укрошенный, прирученный, смиренный, послушный’ [Barγu aman..., 1983: 183]. У старобаргутов от глагола *təntər-* ‘становиться укрошенным, прирученным, смиренным, послушным’ образовалось имя прилагательное *tənd*, отсутствующее в бурятском и монгольском языках.

Ст.-барг. *унгун*, стпмя *ungqun* ‘большой, крупный, великий, огромный’ [Barγu aman..., 1983: 38], поскольку в рассматриваемых языках не обнаружена лексема *унхун* / *унхан*, по нашему предположению, здесь усматриваются маньчжурские корни: < маньж. *унга* ‘старший в роде, старшее колено в родстве, старшина, начальник, глава рода, старший по рождению’ [ПМРС, 1875: 142], < маньж. *унгу* ‘первый, передний, начальный, глава, главный’ [ПМРС, 1875: 142], значение которых у старобаргутов немного изменилось. Однако эта гипотеза требует подтверждения на обширной источниковой базе. В монгольском языке в подобном значении используются *том*, *их*, *аугаа*, *аварга том*, *асар их* [РМС, 2012: 32, 261, 44, 388]; в бурятском языке – *томо*, *ехэ*, *агуу*, *абарга томо*, *айхабтар ехэ*, *олон* [БРС, 2010: 245, 339, 36, 24-25, 388].

Ст.-барг. *xambal*, стпмя *qambal* ‘умелый, гибкий, точный, оперативный, быстрый’ [Barγu aman..., 1983: 94], слова *хамбал* не имеется в бурятском и монгольском языках, вместо него в монгольском языке используется *уран*, *дадамгай*, *турилагатай*, *чадвартай* ‘умелый’ [РМС, 2012: 718]; в бурятском языке – *шадамгай*, *шадамар*, *шадабаритай*, *уран* ‘умелый’ [РБС, 2008: 849]. Лексема *хамалан* ‘искусный стрелок’ [ЭРС, 1958: 468], обнаруженная в эвенкийском языке позволяет предположить, что старобаргутское имя прилагательное *xambal*, возможно, является результатом заимствования.

Ст.-барг. *хэгд*, стпмя *qongγu* ‘глухой’ [Barγu aman..., 1983: 108], лексема *хонго* не зафиксирована в бурятском и монгольском языках, вместо нее имеет применение в монгольском языке *дүлий* ‘глухой, тугухий, тугой’ [БАМРС, 2001: 758]; в бурятском языке – *дүлии* ‘*прям.* и *перен.* глухой’ [БРС, 2008: 311].

Относительные: ст.-барг. *sontai*, стпмя *suntai* ‘особенный’ [Barγu aman..., 1983: 157], в бурятском и монгольском языках не обнаружено слово *хунтай* / *сунтай*, в этом значении в бурятском языке используется *тусгаар*, *тусгаар ондоо* [РБС, 2008: 480], в монгольском – *онцгой*, *онц*, *гойд*, *гоц* [РМС, 2012: 404].

Глаголы

Глагольные формы собственно баргутской лексики по содержанию позволяют распределить на следующие категории.

Глаголы движения: ст.-барг. (*аба:d*) *tot-*, стпмя (*abuyad*) *tutaqu* ‘взяв, оставить у себя’ [Barγu aman..., 1983: 3], глагол *тутаха* / *тутах* со значением «оставить у себя» не найден в бурятском и монгольском языках, но имеется в древнетюркском словаре лексема *tut-* со множеством значений: ‘1) держать, держаться; 2) брать, хватать, браться; 3) ...; 5) хранить, беречь; 6) держать, иметь при себе’ [ДС, 1969: 591], возможно, проникшая в словарный фонд старобаргутов на определенном этапе их истории.

Ст.-барг. *сул-*, стпмя *suliqu* ‘просить (*кого-л.* сделать *что-л.*), обращаться с просьбой (*к кому-л. о чем-л.*)’ [Barγu aman..., 1983: 157], в изучаемых языках глагола *сулиха* / *хулиха* / *сулих* не обнаружено, вместо него в бурятском языке используются *гуйха*, *уриха*, *дуудаха* ‘просить’ [РБС, 2008: 653]; в монгольском – *гуйх* ‘просить, обращаться с просьбой *к кому-л.*; молить, умолять, заклинать, кланяться *кому-л.*; выпрашивать, вымаливать; просить’ [БАМРС, 2001: 624], *урих* ‘1) приглашать 2) провозглашать, громко читать, объявлять во всеуслышание’ [БАМРС, 2001: 1097], *дуудах* ‘звать; позвать; вызывать; призывать, приглашать’ [БАМРС, 2001: 748].

Ст.-барг. *təntər-*, стпмя *tonturqu* ‘становиться укрощенным, прирученным, смирным, послушным’ [Barγu aman..., 1983: 183], в монгольских и бурятских языках не обнаружено однокоренное слово.

Нов.-барг. *ərdləx*, стпмя *erdelekü* ‘1) выровнить, выпрямить; 2) идти прямо, смотреть прямо’ [Norjīn, Šoyidandar, 1992: 32], этот глагол образован от имени прилагательного *ərdə* ‘прямой, прямо’. Глагол *ərdəlxə* / *ərdləx* в бурятском и монгольском языках не выявлен.

Ст.-барг. *jax-*, стпмя *yakiqu* ‘побелеть, побледнеть, рассветать’ [Barγu aman..., 1983: 220], в рассматриваемых языках не обнаружена лексема *яхаха* / *яхаха*, в этом значениях в бурятском языке используются глаголы *сайха* ‘побелеть’, *хүхэ сагаан болохо*, *сайха*, *сухиша* ‘побледнеть’, *үүр сайха*, *гэгээ орохо*, *үүр хираалха* ‘рассветать’ [БРС, 2010: 573, 118, 689]; в монгольском – *хувхайрах* ‘1) высыхать, засыхать, сохнуть; увядать; 2) побелеть’ [БАМРС, 2001: 1391], *цанхиртах* ‘побелеть, поседеть’ [БАМРС, 2001: 1503], *хяраалах* ‘рассветать’ [БАМРС, 2001: 1486].

Глаголы физиологических действий и психических состояний: нов.-барг. *dəwxər-*, стпмя *dobqurqu* ‘съесть, выпить без остатка’ [Norjīn, Šoyidandar, 1992: 206], в бурятском и монгольском языках глагол *добхорхо* / *довхрох* или *тобхорхо* / *товхрох* не обнаружен. Однако в тюркском языке выявлен глагол *tođ-* со значением ‘насыщаться, пресыщаться’ и форма побудительного залога *tođyurt-* со значением ‘накормить досыта’ [ДС..., 1969: 570]. В бурятском языке вместо *добхорхо* используют *доло эдихэ* ‘все съесть’ [РБС, 2008: 288]; в монгольском – *хуу идэх* [РМС, 2012: 675].

Нов.-барг. *dul-*, стпмя *dülükü* ‘1) долго варить (кипеть) на медленном огне; 2) спокойно уйти; 3) не иметь спутника жизни’ [Norjīn, Šoyidandar, 1992: 214]. в бурятском и монгольском языках лексема *дүлэхэ* / *дөлөх* не зафиксирована.

Нов.-барг. *du:je:lx-*, стпмя *degüyelekü* ‘1) сдружиться, сближаться; 2) любить, влюбляться; 3) питать нежность (о мужских чувствах к женщине)’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 205]. в бурятском и монгольском языках глагол *дүеэлэхэ / дүеэлэх* не обнаружен.

Нов.-барг. *na:jv:l-*, стпмя *naуulaqu* ‘обрести возлюбленного (о женщине)’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 59], лексема *наюулаха / наюулах* в бурятском и монгольском языках не представлена. Глагол *нюкан-ми*, имеющийся в эвенкийском языке со значениями ‘1) поцеловать; 2) уст. приложиться носом (ласкаясь)’ в эвенкийском языке [ЭРС, 1958: 306] позволяет предположить о возможной связи новобаргутского *na:jv:l-* и эвенкийского *нюкан-ми*.

Нов.-барг. *ə:ni-*, стпмя *egenikü* ‘1) не напрягаться, не стараться, не доводить до конца; 2) сомневаться, колебаться’, в рассматриваемых языках не обнаружено слово *ээнихэ / эгэнихэ*, в бурятском языке при выражении этого значения используют *оролдохогүй* ‘не стараться, не напрягаться’ [БРС, 2010: 42], *нэжэглэхэ* ‘сомневаться’ [БРС, 2010: 583], *маргаха, халажа ядаха* ‘1) сомневаться, колебаться, не решаться; 2) зап.-бур. оттягивать, мешкать’ [БРС, 2010: 541]; в монгольском – *оролдохгүй* ‘не стараться, усердно не заниматься’ [БАМРС, 2001: 677], *эргэлзэх* ‘сомневаться, колебаться’ [БАМРС, 2001: 1710].

Ст.-барг. *uβ:l-*, стпмя *übegelekü* ‘плесневеть, зацветать’ [Baγu aman..., 1983: 47], в монгольском языке существует сопоставимый глагол *ваалах* ‘плесневеть, покрываться плесенью’ [БАМРС, 2001: 465], где демонстрируется редукция анлаутной гласной буквы; в бурятском языке – *буритаха* ‘плесневеть’ [РБС, 2008: 571].

Наречия

Формы наречий в собственно баргутской лексике по содержанию можно разделить на следующие ряды.

Времени: нов.-барг. *axi:da:*, стпмя *aquyida* ‘постоянно, непрерывно’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 15], это слово не выявлено в бурятском и монгольском языках.

Ст.-барг. *baγv:t*, стпмя *bariyuta* ‘тотчас, немедленно, скоро, сразу’ [Baγu aman..., 1983: 70]; на наш взгляд, в монгольском и бурятском языках наглядно усматривается глагол *барих / бариха* ‘держат в руках, брать в руки’ [БАМРС, 2001: 386], [БРС, 2010: 119] в форме попутного деепричастия *-нгуут/-нгүүт*, (*-уут/-үүт*), обозначающего действие, которое может происходить одновременно с другим действием, что можно передать значение посредством ‘тотчас, немедленно, скоро, сразу’.

Образ действия: ст.-барг. *əngə:l*, стпмя *engegel* ‘легонько, слегка; тихонько, неслышно, мягко, спокойно’ [Baγu aman..., 1983: 18], в изучаемых языках не зафиксирована лексема *энгээл*, в бурятском языке при обозначении данного наречия используются *хүнгэхэнөөр* ‘легонько, слегка’ [БРС, 2010: 491], *шууяагүйхэн, абяагүйхэн* ‘тихонько, неслышно’ [БРС, 2010: 624, 30]; в монгольском – *хөнгөн* ‘легко’ [БАМРС, 2001: 1369], *чимээгүйхэн* ‘втихомолку, втихую, тихонько’ [БАМРС, 2001: 1580], *аяархан* ‘тихонько, негромко, осторожно’ [БАМРС, 2001: 349], *тайван* ‘мирно, спокойно, тихо, безмятежно’ [БАМРС, 2001: 901].

Нов.-барг. *ərdə*, стпмя *erde* ‘прямой, прямо’ [Norjin, Čoyidandar, 1992: 32], слово *ərdə* не выявлено в изучаемых языках, вместо него в бурятском языке используются 1) *сэхэ, годирдоггүй*; 2) *сэхэ, шууд, дамжаагүй* ‘прямой’ [РБС, 2008: 659]; в монгольском – *шууд* ‘прямо, непосредственно, открыто’ [БАМРС, 2001: 1659].

Выводы

В предложенной статье мы осуществили попытку выявления и анализа исконно баргутской диалектной лексики, не имеющей аналогов в других родственных монгольских языках. Нами рассмотрено всего 147 специфических слов, вызывающих особый интерес, из них исконно баргутских – 53 слова, общемонгольских (баргутско-бурятско-монгольских) – 56 слов, баргутско-бурятских – 16 слов. Предложенный материал лексических соответствий не является исчерпывающим, поскольку их расширение не было основной целью исследования. Явные лексические заимствования из других языков были включены в соответствующие разделы. В данной работе были изучены только те языковые единицы, которые находились под большим вопросом и в результате исследования были обнаружены определенные связи с тюркским, тунгусо-маньчжурским языками, с носителями которых, как известно, баргуты имели контакт в прошлом. На этих примерах видно, что лексический фонд баргу-бурятского диалекта представлен исконными архаичными словами, связанными, в основном, со скотоводческой, бытовой терминологией, но утрачивающими свою значимость в связи с сильным влиянием других монгольских и китайского языков. В результате этого на смену им приходят более современные и созвучные социокультурным процессам и явлениям слова и выражения.

Финансирование

Работа выполнена в рамках государственного задания: «Памятники письменности народов России и Внутренней Азии на восточных языках и архивные документы XVIII – нач. XXI вв. в контексте межкультурного взаимодействия, № 121031000302-9»

Список источников

1. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды. Забайкальские буряты. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2010. 368 с.
2. Baryu aman ayalyun-u üges / Boušiyang, Uuda. Köke qota. 1983. 225 q.
3. Шагдаров Л.Д., Черемисов К.М. БРС – Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Улан-Удэ: Изд-во Республиканская типография, 2010. 1 т. 636 с. 2 т. 708 с.
4. БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: в 4-х т. / ред. А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. Т. I. А-Г. 502 с.; Т. II. Д-О. 536 с.; Т. III. Ё-Ф. 440 с.; Т. IV. Х-Я. 532 с.
5. Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М. ДС – Древнетюркский словарь. Л. 1969. 677 с.
6. ПМРС – Захаров И.И. Полный маньчжурско-русский словарь. СПб. 1875. 1235 с.
7. Бухоголова С.Б., Цыренов Б.Д. КБМБКРС – Краткий баргутско-монгольско-бурятско-китайско-русский словарь / Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госун-та, 2021. 404 с.
8. Norjin Z. Nutuγ-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui. Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1992. 510 q.
9. Очир А. Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: 2016. 286 с.
10. Цэрэн Ц., Сүхбаатар Ц., Бямбажаргал Л., Батзаяа Ц.-О., Батбаяр Д. РМС – Русско-монгольский словарь. Улаанбаатар: Nepko publishing, 2012. 807 с.
11. Василевич Г.М. ЭРС – Эвенкийско-русский словарь. М.: ГИИНС, 1958. 575 с.
12. ЭСМЯ – Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. / Гл. ред. Г.Д. Санжеев, ред. Л.Р. Концевич, В.И. Рассадин, Я.Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. Т. I. А-Е. 2015. 224 с.

References

1. Baldaev S.P. Genealogical traditions and legends. Transbaikal Buryats. Ulan-Ude: BSU Publishing House, 2010. 368 p.
2. Baryu aman ayalyun-u üges. Boušiyang, Uuda. Köke qota. 1983. 225 q.
3. Shagdarov L.D., Cheremisov K.M. BRS - Buryaad-orod toli. Buryat-Russian dictionary: in 2 volumes. Ulan-Ude: Republican Printing House, 2010. 1 volume, 636 pp. 2 vols. 708 pp.
4. BAMRS – Large academic Mongolian-Russian dictionary: in 4 volumes. ed. A. Luvsandendev, Ts. Tseden-damba, G. Pyurbeyev. M.: Academia, 2001. T. I. A-G. 502 pp.; T. II. BEFORE. 536 pp.; T. III. Θ-F. 440 pp.; T. IV. X-Y. 532 pp.
5. Nadelyaev V.M., Nasilov D.M., Tenishev E.R., Shcherbak A.M. DS – Ancient Turkic Dictionary. L. 1969. 677 p.
6. PMRS – Zakharov I.I. Complete Manchu-Russian dictionary. St. Petersburg 1875. 1235 p.
7. Bukhogolova S.B., Tsyrenov B.D. KBMBKRS - Brief Bargut-Mongolian-Buryat-Chinese-Russian Dictionary. Ulan-Ude: Buryat Publishing House. gosun-ta, 2021. 404 p.
8. Norjin Z. Nutuγ-un ayalyun-u üges-ün quriyangyui. Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 1992. 510 q.
9. Ochir A. Mongolian ethnonyms: questions of the origin and ethnic composition of the Mongolian peoples. Elista: 2016. 286 p.
10. Tseren Ts., Sukhbaatar Ts., Byambajargal L., Batzayaa Ts.-O., Batbayar D. RMS – Russian-Mongolian dictionary. Ulaanbaatar: Nepko publishing, 2012. 807 p.
11. Vasilevich G.M. ERS – Evenki-Russian dictionary. M.: GIINS, 1958. 575 p.
12. ESMYA – Etymological Dictionary of Mongolian Languages: in 3 volumes. Ch. ed. G.D. Sanzheev, ed. L.R. Kontsevich, V.I. Rassadin, Ya.D. Leman. M.: IV RAS, 2015. T. I. A-E. 2015. 224 p.

Информация об авторах

Бухоголова С.Б., научный сотрудник, 0000-0001-8121-8906, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, 670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6, sayana050379@yandex.ru, 89834553738

© Бухоголова С.Б., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 654.19

¹ Васильев П.В.

¹ Московский государственный университет им. М.И. Ломоносова

Всемирная Служба Би-би-си: система редакционного манипулирования в документах и эфирах

Аннотация: статья представляет собой анализ основных редакционных документов и производственных практик Би-би-си, подразделением которой является Всемирная служба (далее ВС), по созданию новостных и тематических программ в рамках политического контекста, выработанного «коллективным Западом» по «сдерживанию России», и в сравнении с вещательной моделью ВС в период окончания «холодной войны» (1980-90гг.).

Задачей исследования ставится выявить схожести и различия в принципах редакционного формирования и управления ВС Би-би-си производством новостных и тематических программ (контента) в непосредственной увязке и, более того, в обеспечение британской информационной повестки – внешнеполитического курса в период 1980-90гг. и на современном этапе.

В работе тестируется предположение, что внешнеполитический вещательный механизм, адаптированный к новым средам распространения (онлайн и т.п.), остался по применяемым медиапрактикам механизмом политического влияния с пропагандистскими задачами «обеспечения и продвижения» британских политических и ценностных установок за рубежом.

Ключевые слова: Би-би-си, Всемирная служба, редакционные стандарты, манипуляции в эфире, идеологическое противоборство, холодная война

Для цитирования: Васильев П.В. Всемирная Служба Би-би-си: система редакционного манипулирования в документах и эфирах // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 104 – 112.

Поступила в редакцию: 9 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Vasiliev P.V.

¹ Lomonosov Moscow State University

The BBC World Service: the system of editorial manipulation in documents and broadcasts

Abstract: the article is an analysis of the main editorial documents and production practices of the BBC, a division of which is the World Service (hereinafter referred to as the WS), for the creation of news and thematic programs within the political context developed by the "collective West" to "contain Russia", and in comparison with the broadcasting model of the WS in the period of the end of the Cold War (1980-90).

The aim of the research is to identify similarities and differences in the principles of editorial formation and management of the WS BBC production of news and feature programs (broadcasting mediacontent) in direct connection and, moreover, in ensuring the British information agenda - the foreign policy course in the period 1980-90 and presently.

The study tests the assumption that the foreign policy broadcasting mechanism, adapted to new online distribution media system, remained, according to the media practices used, a mechanism of political influence with propagandistic tasks of "ensuring and promoting" British political and value orientations abroad.

Keywords: BBC, World Service, editorial guidelines, manipulation, ideological confrontation, Cold War

For citation: Vasiliev P.V. The BBC World Service: the system of editorial manipulation in documents and broadcasts. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 104 – 112.

The article was submitted: October 9, 2023; Approved after reviewing: December 10, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Всемирная Служба Би-би-си. Создана 11 ноя. 1927 как Имперская служба р/вещания. ВС Би-би-си – международная служба радио, телевидения и онлайн-вещания на более чем 40 языках [1].

Всемирная служба является частью подразделения глобальных новостей Би-би-си, в которое входят BBC World News television, международная онлайн-служба новостей Би-би-си (bbc.com/news), BBC Monitoring и ряд других подразделений корпорации. Финансируется ВС государством за счет парламентских грантов (не платы за лицензию) в 90 млн. фунтов (+4 млн. с 2022). Штат ВС более 2 тыс. человек [2].

Правление Всемирной службы подотчетно группе директоров Отдела глобальных новостей Би-би-си. С 2021 года правление ВС возглавляет британская журналистка с ливанскими корнями Лилиан Ландор (Lilian Landor). Она отвечает за общее редакционное руководство и менеджмент, входит в группу глобальных новостей Би-би-си [3].

В настоящее время ВС за счет совокупности форматов радиовещания и онлайн платформ охватывает, по разным оценкам, еженедельно свыше 365 млн. чел. в мире, вместе с другими проектами Би-би-си более 500 млн. [4].

ВС транслирует программный контент через аналоговые и цифровые коротковолновые платформы, интернет-поток и спутниковое вещание, подкастинг, ретрансляторы DAB, FM, FM HD, MW. Имеет свою мультимедийную web-платформу в И-нете, аккаунты в СС и т.д. [5].

С 2022 г. корпорация наращивает объемы вещания на проблемные (с позиций британского истеблишмента) территории, в частности, Россию и Сербию, возвращая в строй коротковолновое SW р/вещание [6].

Корпорация неустанно подчеркивает свою независимость от вмешательства государства, считая своей «защитой» – регулярно продлеваемую Королевскую Хартию, которая возлагает на Би-би-си ответственность перед британским парламентом (но не перед правительством), очерчивая контуры её прав и обязанностей. В уставных документах зафиксировано, что определяющим вещательную политику Би-би-си является принцип объективности и непредвзятости (“BBC is committed to achieving due impartiality in all its output” [7].

В декабре 2022 ВС Би-би-си отметила 90-летие. С юбилеем «тетушку Биб» (Beeb or Auntie) поздравили многие политики, отметив её «эталонную роль для международной журналистики» [8].

Редакционные стандарты Всемирной Службы Би-би-си. За 90 лет вещательной деятельности ВС отстроила весьма устойчивую модель управления редакционным производством и распространением контента, умело воплотив в жизнь принцип коммодификации аудитории – ‘audience is your commodity’. Фактически «ваша аудитория – ваше богатство» [9]. Применительно к ВС аудиторная коммодификация находит свое выражение не в рекламно-коммерческих доходах, в аудиторном доверии и степени влияния в мире. В 1999 году, занимавший пост генерального секретаря ООН Кофи Аннан, назвал ВС «возможно, величайшим подарком Британии миру в этом столетии» [10].

Материалы и методы исследований

Для более полного понимания, что же это за «подарок» такой, и как ВС Би-би-си формирует свою вещательную политику, следует кратко пояснить специфику отношений корпорации с истеблишментом. «Теоретически вещательная корпорация независима от государства, но часто сотрудничает с ним», признает Саймон Дж.Поттер, профессор современной истории Бристольского Университета [11]. В статье в журнале Форин Эффэйерз (Foreign Affairs) он раскрывает ряд эпизодов сотрудничества ВС с Форин-офис, рассказывая о том, как и когда корпорация получала прямые или негласные указания от чиновников, а её вещательная деятельность оказывалась синхронизирована с внешнеполитическим курсом Британии [12]. ВС всегда

нервно реагирует на любые намеки на её аффилированность с государством. Недавно корпорация потребовала от Twitter (заблокирован в России) убрать маркировку с её аккаунта о госфинансировании [13].

Результаты и обсуждения

Коридор допустимого в редакционной деятельности для Би-би-си задают два тома Редакционных Правил и Продюсерских Правил (BBC Editorial Guidelines, BBC Producers' Guidelines) – весьма подробные сборники профстандартов по 250 страниц каждый, регулярно обновляются и перевыпускаются. Анализ ряда основных производственных норм, включенных в выпуски 1989, 2000 и 2015 гг., позволяет понять, какими правилами руководствуется Всемирная служба в своей редакционной и вещательной деятельности.

Прежде ВС не опускалась до откровенной дезинформации, фальсификаций или черной пропаганды. Считалось, что это лишь навредит её репутации. Работа ВС в эфире строилась на приемах гораздо более «тонкого» использования фактов в увязке с оценочными мнениями и суждениями. Для этого у ВС имелось апробированное десятилетиями успешной работы редакционное правило – «факты священны, комментирование вольно» [14].

Сегодня, по экспертным оценкам, более 70 % информационных материалов ВС «представляют собой сообщения о разнообразных катастрофах (наводнениях, засухах, землетрясениях, крушениях), террористических атаках и прочих видах насилия, политических и вооруженных конфликтах, антисоциальном поведении и т. д.» [15]. Проверенный способ воздействия на аудиторию – распространение информационного и тематического потока, который обеспечит формирование определенного аудиторного мнения. Нужный эффект достигается за счет «акцентирования внимания на негативных аспектах, преувеличение угроз и преуменьшение достижений оппонентов, использование просодических (Просодия – др.-греч. *προσῳδία* «ударение») средств воздействия – ударения, паузы, акцентные выделения, интонационные конструкции и их модальные реализации, носящие далеко не нейтральную тональность и характер» [16].

ВС активно пользуется приемами так называемого «языкового программирования» – употребление «заряженной» лексики, оказывающей подсознательное воздействие на аудиторию. В новостных и тематических материалах о России ВС постоянно использует негативно окрашенную лексику, формируя в аудиторном восприятии образ «государства-агрессора». «Ярким примером служит использование словосочетания «clear violation of the Constitution», а также «total chaos», «annexation» и «catastrophe» при описании событий, связанных с присоединением Крыма к России» [17].

Приёмы скрытого психолингвистического воздействия, применяются «с целью изменения мнений, воззрений, установок и целей манипулируемого, который под силой оказываемого на него воздействия самостоятельно изъявляет желание их изменить» [18].

Одним из факторов, определивших успешность работы Би-би-си в период «холодной войны» британский историк С.Поттер называет создание «единой радиовещательной компании для осуществления всей своей внутренней и глобальной радиовещательной деятельности», что существенно повышало уровень аудиторного доверия к ней в мире [19]. Ситуация стала меняться с наступлением эпохи тотального Интернета (период после 2014-15 гг.), задавшей тренд на интенсификацию и скорость распространения информационных потоков с одновременной примитивизацией медиаконтента, его «твиттеризацией» – коммуникационной клиповостью, возведенной на уровень одного из важнейших форматов коммуникации [20]. Изменение вещательных моделей привело к тому, что в эфирах Би-би-си появились не только недостоверные сообщения, но и откровенные фейки [21].

Корпорация предприняла попытку подобные новоявленные форматы «вписать» в рамки редакционно-производственных норм в соответствии с новыми политическими задачами «коллективного Запада» по сдерживанию России, сформулированными после 2014 года В своде редакционных правил 2015 читаем: «Любое предложение о выходе за рамки редакционных рекомендаций должно быть обосновано с редакционной точки зрения» [22]. Подобной витиеватой формулировкой корпорация фактически выдала себе индульгенцию на разрушение одного из основополагающих принципов журналистики – достоверности [23].

Принципиальным для деятельности медиакорпорации всегда оказывается вопрос: кто решает, что попадёт в эфир, в каком виде и в какие программы? Свод корпоративных правил дает такой ответ: «Редакционная ответственность лежит на редакционной цепочке управления Би-би-си, от продюсера программы или контента, будь то штатного или независимого, до директора подразделения и генерального директора Би-би-си, который является главным редактором» [24]. Выбор темы, формат материала, расстановка в нем акцентов, место в верстке, чей синхрон (комментарий спикера) пойдет в эфир, а чей нет, как и многое другое – всё на усмотрение редакции. А каким это «усмотрение» будет, нейтрально-объективным или тенденциозно-однобоким, определяет редактор...

Корпоративные стандарты требуют учитывать и представлять в эфирных материалах мнения разных сторон: «Ни одна важная мысль не должна остаться без отражения или недопредставленной на Би-би-си» [25]. Однако компания весьма своеобразно трактует данное требование, утверждая, что «уравновешивание позиций в рамках одной программы вещь абсурдная» [26]. «Программа может выбрать изучение любой темы, в любом моменте спектра дебатов, при условии, что для этого есть веские редакционные причины. Она может выбрать рассмотрение или освещение конкретной позиции одной из сторон» [27].

Уравновешивать спорные позиции Би-би-си предлагает за счет разных программ, особенно, когда те объединены в некий цикл или серию... Корпорацию не смущает, что подход выборочного представления позиции одной стороны не стыкуется с принципом беспристрастности (*impartiality in reporting*), который сама же Би-би-си же провозглашает главенствующим [28]. Столь вольное использование ключевых журналистских норм привело к тому, что «...компания в последние годы стала объектом повышенного внимания из-за несоблюдения этого требования. Некоторые члены парламента Великобритании призвали провести расследование» [29].

В последнее время обвинения в адрес Би-би-си в нарушении своих же профстандартов звучат все чаще. В 2017 году лидер британских лейбористов Джероми Корбин обвинил корпорацию в тиражировании недостоверной информации, основанной на слухах и домыслах [30]. Что это, как не отлаженная система манипуляции, где присутствуют все квалифицирующие её признаки: 1) субъект; 2) объект; 3) предмет; 4) результат (где субъект – манипулятор) [31].

Примеры эфирных манипуляций ВС Би-би-си. В эфирной работе ВС часто использует приём альтернативного информационного и проблемно-тематического программирования, объясняя это «выбором на усмотрение редакции» [32]. Главное «место и внимание» в своих программах компания отводит «правильным» или «важным» в редакционном понимании темам, темы же «неправильные» или «неудобные» фактически «растворяются» в общем информационном потоке или же полностью игнорируются.

Показательным примером такого эфирного подхода стало освещение ВС событий 2 мая 2014 года в Одессе. В тот день украинские националисты зверски расправились с мирными русскоязычными манифестантами. В городском Доме профсоюзов были заживо сожжены 48 человек [33].

В дни одесской трагедии теме гибели манифестантов в эфирах ВС было отведено весьма скромное место, а само преступление названо «пожаром», в котором «были жертвы» [34]. Практически ничего не говорилось о роли украинских неонацистов в том преступлении, ни о попустительстве со стороны официального Киева. ВС Би-би-си представила искаженную картину самого события, его хронологии, пренебрегла уже подтвержденными на тот момент фактами, что было зафиксировано рядом независимых информационных ресурсов, в том числе англоязычных [35].

Жанровые форматы и ток-шоу, выпускаемые ВС, часто оказываются наполнены редакционными штампами, которые повторяют политическую риторику официального Лондона. Правила Би-би-си требует, чтобы редакторский персонал таких программ в своей работе руководствовался: 1) Интересами программы; 2) Интересами приглашенных к участию людей; 3) Интересами аудитории» [36]. Данные критерии позволяют максимально гибко подходить к выбору темы, гостей и аргументации. В «интересах программы» приглашенного гостя могут не вывести в эфир, если он (или она) на пред-программном интервью не озвучивает «правильные в редакционном понимании» тезисы, его заменят на резервного спикера. Или оборвать его на полуслове, предоставив эфир «правильному» оппоненту и т.п. Эти «эфирные хитрости» действуют на ВС еще со времен «холодной войны», в конце 80-х автор не раз с подобным сталкивался.

Весьма своеобразно корпорация трактует понятие «профессионального суждения журналиста», категорически отделяя его от «личного мнения» этого же корреспондента. В редакционных стандартах Би-би-си читаем: «Новостные программы должны предлагать зрителям и слушателям интеллектуальное и информированное изложение проблем, позволяющее им формировать собственные взгляды. Репортер может выражать профессиональное, журналистское суждение, но не личное мнение» [37]. Такая формулировка позволяет представить в программе любое оценочное утверждение под видом «профессионального суждения» журналиста. Еще одна разновидность эфирных манипуляций.

В марте 2022 достоянием гласности стали факты зверских пыток украинскими неонацистами, попавших в плен российских военнослужащих, как и чрезмерное усердие некоторых британских журналистов эти военные преступления оправдать [38]. Преступления украинской военщины изучались, были признаны и осуждены на уровне СБ ООН [39]. Британские СМИ не остались в стороне, выпустив альтернативные материалы, изображающие близкую к идиллической картину содержания российских военнопленных [40]. А вот Русская служба Би-би-си отреагировала ассиметрично и гораздо более цинично, чем можно было предположить. В конце 2022 года, она разместила на платформе Ю-тьюб документальный фильм о насилии в

российских тюрьмах [41]. Есть ли между этими материалами связь? Обращает на себя внимание одно обстоятельство: в поисковой выдаче браузеров они фактически соседствуют друг с другом. Случайно такое совпадение? Вряд ли. Тем более, что сама Британия не скрывает, что ведет против России информационно-пропагандистскую кибервойну [42].

Выводы

Некоторые выводы. Первое. В последнее десятилетие радикально изменилась среда международных коммуникаций, став гораздо более оперативной (скоростной) и общедоступной в плане распространения – получения информации, конкурентной, интерактивной и агрессивной.

Всемирная служба Би-би-си как высокотехнологичная «машина британского иновещания» продолжает в новых условиях решать совокупность задач по оказанию влияния на политику иностранных государств и управлению массовым сознанием, хотя и с большими проблемами.

Второе. Редакционные и продюсерские правила Би-би-си, как видим, позволяют весьма вольно обращаться с фактами: **«мы отразим те события, которые считаем нужным, и так, как считаем нужным, а вы сделаете нужные нам выводы»**. Фактически так формируется редакционная политика ВС Би-би-си.

Третье. ВС, как и корпорацию в целом, в последнее десятилетие преследует череда скандалов. Впору задаться вопросом об эффективности системы корпоративного менеджмента, кадровых и управленческих решениях Би-би-си, «породивших атмосферу страха» и ввергших многих сотрудников, по признаниям британской прессы, «в состояние подавленности и молчаливости» [43]. Чего стоит один самых резонансных в истории компании скандалов с ведущим Джимми Сэвилем (2017 г.), обвиненном в сексуальных домогательствах к 9-летним?! При этом, как отмечала британская же пресса, «... сотрудники Би-би-си якобы знали о сексуальных пристрастиях опального ведущего и скрывали это» [44].

Или из совсем недавних: окутанный флёром таинственности и элитарности департамент Би-би-си по борьбе с дезинформацией – фактически спецотдел британского Форин-офис, который возглавляет сотрудник спецслужб Энди Прайс, был уличен летом 2023 в распространении... дезинформации с целью добиться ослабления или даже смены власти в России [45]. Корпорация уклонилась от любых ответов на предъявленные обвинения [46].

Четвертое. Череда резонансных скандалов и, как следствие, ряда отставок топ-менеджмента пошатнули некогда высоко ценимую репутацию Би-би-си, поставив под вопрос корпоративные стандарты и редакционные правила [47–53]. И если эфирную работу ВС Би-би-си периода окончания «холодной войны» (1980–90) «можно сравнить с выверенными действиями хирурга отточенным скальпелем, то сегодня Всемирная служба напоминает зазубренный топор, который к тому же постоянно соскакивает с рукояти и норовит попасть по ногам тому, в чьих он руках», – считает экс-корреспондент Гостелерадио СССР в Великобритании и ветеран советского Иновещания Сергей Саенко [48–54].

Список источников

1. Британская вещательная корпорация Би-би-си. (Справка). РИА «Новости», 26.02.2010. <https://ria.ru/20100226/211014554.html?ysclid=lqajl7boxo384159248>
2. BBC Британская вещательная корпорация. Большая российская энциклопедия. <https://bigenc.ru/c/bbc-britanskaia-teleradiokompaniia-99fcd3?ysclid=lr4eqc6e13300874377>
3. BroadbandTVNews. May 28, 2021. <https://www.broadbandtvnews.com/2021/05/28/liliane-landor-appointed-as-senior-controller-of-bbc-news-international-services/> См. также bbcworldservice.com
4. Британская вещательная корпорация Би-би-си. (Справка). РИА «Новости». Op. cit. <https://ria.ru/20100226/211014554.html?ysclid=lqajl7boxo384159248>
5. BBC World Service Platform - BBC Studios. <https://bbcnews.bbcstudios.com/platforms/bbc-world-service/>
6. Би-би-си возобновит вещание из России на английском. ТАСС, 8.03.2022. <https://tass.ru/obschestvo/14003755?ysclid=lqeqw5vns101762976>
7. и <https://www.theverge.com/2022/3/4/22961286/bbc-news-blocked-in-russia-ukraine-invasion-shortwave-radio> BBC Editorial Guidelines, 2015, Sec. 4 bbc.co.uk/editorialguidelines/ – доступ в России ограничен РКН.
8. Всемирная служба Би-би-си: 90 лет мягкой силы и твердых принципов. Афиша-Лондон. 12 янв. 2023. <https://afisha.london/2023/01/12/vsemirnaya-sluzhba-bi-bi-si-90-let-myagkoj-sily-i-tvyordyh-printsipov/?ysclid=lqesch7vji721179581>
9. Автор концепции коммодификации аудитории – профессор политэкономии коммуникаций Даллас Смайт / Dallas W. Smythe <https://rwash.wordpress.com/2010/01/09/dallas-w-smythe-audience-commodity-and-its-work/>
10. Всемирная служба Би-би-си: 90 лет мягкой силы и твердых принципов. Op. cit.

11. Поттер Саймон Дж. The BBC and the Decline of British Soft Power. Foreign Affairs, July 31, 2023 <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
12. Ibid., <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
13. Би-би-си потребовала от Twitter убрать маркировку о связях с властями. РБК, 10.04.2023. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/643356999a7947fd841fcff?ysclid=lr7k4q9jw7904585933>
14. Васильев П.В. «Всемирная служба Би-би-си – канал британской внешней политики (История, формы, методы и принципы организации вещания)»: дис. ... канд. филолог. наук. МГУ им. М.В. Ломоносова, М., 1990. С. 141.
15. Василенко Т.С., Белова Е.В., Шеваршинова Е.И. Роль языковых средств в оказании манипулятивного воздействия на аудиторию (на примере радиотекстов Би-би-си) // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019 №1, с. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>
16. Ibid., с. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>
17. Ibid., с. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>
18. Сур Е.И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура. Балтийский федеральный университет им. И.Канта. Cyberleninka. С. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnye-priznaki-i-struktura?ysclid=lra922yu9d261342369>
19. Поттер, Саймон Дж. Op. cit., <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
20. Дзялошинский И.М. Медиаиндустрия как источник угроз: модели защиты. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». С. 3. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1705119279&tld=ru&lang=ru&name=213663731.pdf&text=твиттеризация>
21. Фабрика фейков: как критикуют BBC за распространение ложной информации. RT, 9/02/2017. <https://russian.rt.com/world/article/357506-velikobritaniya-korbin-bbc?ysclid=lqkfc9yio584433423>
22. BBC Editorial Guidelines, 2015. P. 7.
23. Белоедова А.В., Казак М.Ю. Методология описания категории достоверности в теории и практике журналистики. Cyberleninka. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-opisaniya-kategorii-dostovernosti-v-teorii-i-praktike-zhurnalistiki?ysclid=lrbkuho4uk119382976>
24. BBC Editorial Guidelines, 2015, Op. cit., Sec. 2.2.1. P. 7.
25. BBC Producers' Guidelines, 2000, p. 37: "No significant strand of thought should go unreflected or under represented on the BBC."
26. Васильев П.В. Диссертация. Op. cit. С. 143.
27. BBC Producers' Guidelines, 2000, Op. cit. С. 38.
28. BBC Editorial Guidelines, 2015, Sec. 1.2.3. P. 4.
29. Daws, Ryan. The BBC is using AI to improve its content. AI News. Oct. 19, 2017. <https://www.artificialintelligence-news.com/2017/10/19/bbc-ai-improve-content/>
30. Фабрика фейков: как критикуют BBC за распространение ложной информации. Op. cit., <https://russian.rt.com/world/article/357506-velikobritaniya-korbin-bbc?ysclid=lqkfc9yio584433423>
31. Сур Е.И. Манипуляция: понятие, основные признаки и структура. Op. cit.. С. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnye-priznaki-i-struktura?ysclid=lra922yu9d261342369>
32. Васильев П.В. Диссертация. Op. cit.
33. События в Одессе 2 мая 2014 года. Справка РИА «Новости», 4.11.2015. <https://ria.ru/20151104/1313050850.html?ysclid=lqc4yjm2ev684949813>
34. How did Odessa fire happen? BBC News [bbc.co.uk/news/world-europe-27275383](https://www.bbc.com/news/world-europe-27275383)
35. The Odessa massacre: detailed video one month later. Shadowproof.com <https://shadowproof.com/2014/06/01/the-odessa-massacre-detailed-video-analysis-one-month-later/>
- См. также: <http://www.bbc.com/news/world-europe-27275383>
36. Васильев П.В. Диссертация. Op. cit., с. 140. См. также BBC Producers' Guidelines, 2000, Op. cit. P. 51.
37. BBC Editorial Guidelines, 2015, Op. cit. P. 38.
38. В Британии оправдали пытки украинских неонацистов над российскими пленными. Первый русский (Царьград.ТВ), 28.3.2022. https://by.tsargrad.tv/news/v-britanii-opravdali-pytki-ukrainskih-neonacistov-nad-rossijskimi-plennymi_519679?ysclid=lqcxk5w97f308771373
39. Война на Украине: издевательства над военнопленными не должны оставаться безнаказанными. Организация Объединенных Наций. Новости ООН. 15.11.2022. <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434767>

40. The Times: Украина «перепрограммирует» попавших в плен российских военных. Коммерсант, 18.11.2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6349293?ysclid=lqfk432i4w253347244> См. также <https://www.thetimes.co.uk/article/inside-the-pow-camp-where-ukraine-re-educates-russians-gn7hh895c>
41. Документальный фильм Русской службы Би-би-си <https://www.youtube.com/watch?v=yyOGUbxitHs>
42. Лондон подтверждает: против России ведется грязная война. РИА «Новости», 20.10.2020. <https://ria.ru/20201029/kibervoyna-1581973123.html?ysclid=lqcyn3bcly495357602>
43. BBC scandal reveals mainstream media manipulation. The Daily Bell, Feb. 26, 2016. <https://www.thedailybell.com/all-articles/news-analysis/bbc-scandal-reveals-mainstream-media-manipulation/>
44. Daws, Ryan. Op. cit., <https://www.artificialintelligence-news.com/2017/10/19/bbc-ai-improve-content/>
45. Grayzone: Reuters и BBC реализуют секретный британский план по ослаблению России. <https://telegra.ph/Grayzone-Reuters-i-BBC-realizuyut-sekretnyj-britanskij-plan-po-oslableniyu-Rossii-02-27>
46. Zindulka, Kurt. BBC Declines to Respond to Allegations Its Own Disinformation Factcheckers are Spreading Disinformation. Breitbart. June 17, 2023. <https://www.breitbart.com/europe/2023/06/17/exclusive-bbc-disinformation-division-refuses-to-respond-to-claims-of-spreading-disinformation/>
47. Председатель совета директоров BBC подал в отставку. РИА «Новости», 28.04.2023. <https://ria.ru/20230428/bbc-1868410895.html?ysclid=lr7xsuxrra499976675>
48. Эксклюзивное интервью с Саенко С.И., бывшим корреспондентом Гостелерадио СССР в Великобритании, ветераном Иновещания ГКТР СССР, 11.1.2024, Москва. Личный архив автора.

References

1. British Broadcasting Corporation BBC. (Reference). RIA Novosti, 02/26/2010. <https://ria.ru/20100226/211014554.html?ysclid=lqajl7boxo384159248>
2. BBC British Broadcasting Corporation. Great Russian Encyclopedia. <https://bigenc.ru/c/bbc-britanskaia-teleradiokompaniia-99fcd3?ysclid=lr4eqc6e13300874377>
3. BroadbandTVNews. May 28, 2021. <https://www.broadbandtvnews.com/2021/05/28/liliane-landor-appointed-as-senior-controller-of-bbc-news-international-services/> See also bbcworldservice.com
4. British Broadcasting Corporation BBC. (Reference). RIA News". Op. cit. <https://ria.ru/20100226/211014554.html?ysclid=lqajl7boxo384159248>
5. BBC World Service Platform - BBC Studios. <https://bbcnews.bbcstudios.com/platforms/bbc-world-service/>
6. The BBC will resume broadcasting from Russia in English. TASS, 03/8/2022. <https://tass.ru/obschestvo/14003755?ysclid=lqeqw5vns101762976>
7. and <https://www.theverge.com/2022/3/4/22961286/bbc-news-blocked-in-russia-ukraine-invasion-shortwave-radio> BBC Editorial Guidelines, 2015, Sec. 4 [bbc.co.uk>editorialguidelines/](https://bbc.co.uk/editorialguidelines/) – access in Russia is limited to RKN.
8. BBC World Service: 90 years of soft power and hard principles. Poster-London. 12 Jan 2023. <https://afisha.london/2023/01/12/vsemirnaya-sluzhba-bi-bi-si-90-let-myagkoj-sily-i-tyvorydyh-printsipov/?ysclid=lqesch7vji721179581>
9. The author of the concept of audience commodification is Professor of Political Economy of Communications Dallas W. Smythe <https://rwash.wordpress.com/2010/01/09/dallas-w-smythe-audience-commodity-and-its-work/>
10. BBC World Service: 90 years of soft power and hard principles. Op. cit.
11. Potter Simon J. The BBC and the Decline of British Soft Power. Foreign Affairs, July 31, 2023 <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
12. Ibid., <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
13. The BBC demanded that Twitter remove the label about connections with the authorities. RBC, 04/10/2023. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/643356999a7947fdf841fcff?ysclid=lr7k4q9jw7904585933>
14. Vasiliev P.V. "BBC World Service – a channel of British foreign policy (History, forms, methods and principles of broadcasting organization)": dis. ...cand. philologist. Sci. Moscow State University named after M.V. Lomonosova, M., 1990. P. 141.
15. Vasilenko T.S., Belova E.V., Shevarshinova E.I. The role of linguistic means in exerting a manipulative influence on the audience (on the example of BBC radio texts). World of Science. Sociology, philology, cultural studies, 2019 No. 1, p. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>
16. Ibid., p. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>
17. Ibid., p. 5 <https://sfk-mn.ru/PDF/17FLSK119.pdf>

18. Sur E.I. Manipulation: concept, main features and structure. Baltic Federal University. I. Kant. Cyberleninka. P. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnye-priznaki-i-struktura?ysclid=lra922yu9d261342369>
19. Potter, Simon J. Op. cit., <https://www.foreignaffairs.com/western-europe/bbc-and-decline-british-soft-power?ref=mc.news>
20. Dzyaloshinsky I.M. The media industry as a source of threats: protection models. National Research University Higher School of Economics. P. 3. <https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1705119279&tld=ru&lang=ru&name=213663731.pdf&text=twitterization>
21. Fake Factory: How the BBC is criticized for spreading false information. RT, 9/02/2017. <https://russian.rt.com/world/article/357506-velikobritaniya-korbin-bbc?ysclid=lqkfc9yio584433423>
22. BBC Editorial Guidelines, 2015. P. 7.
23. Beloyedova A.V., Kazak M.Yu. Methodology for describing the category of reliability in the theory and practice of journalism. Cybrleninka. <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-opisaniya-kategorii-dostovernosti-v-teorii-i-praktike-zhurnalistiki?ysclid=lrbkuho4uk119382976>
24. BBC Editorial Guidelines, 2015, Op. cit., Sec. 2.2.1. P. 7.
25. BBC Producers' Guidelines, 2000, p. 37: "No significant strand of thought should go unreflected or under represented on the BBC."
26. Vasiliev P.V. Thesis. Op. cit. P. 143.
27. BBC Producers' Guidelines, 2000, Op. cit. P. 38.
28. BBC Editorial Guidelines, 2015, Sec. 1.2.3. P.4.
29. Daws, Ryan. The BBC is using AI to improve its content. AI News. Oct. 19, 2017. <https://www.artificialintelligence-news.com/2017/10/19/bbc-ai-improve-content/>
30. Fake factory: how the BBC is criticized for spreading false information. Op. cit., <https://russian.rt.com/world/article/357506-velikobritaniya-korbin-bbc?ysclid=lqkfc9yio584433423>
31. Sur E.I. Manipulation: concept, main features and structure. Op. cit.. P. 3. <https://cyberleninka.ru/article/n/manipulyatsiya-ponyatie-osnovnye-priznaki-i-struktura?ysclid=lra922yu9d261342369>
32. Vasiliev P.V. Thesis. Op. cit.
33. Events in Odessa on May 2, 2014. Information from RIA Novosti, 4.11.2015. <https://ria.ru/20151104/1313050850.html?ysclid=lqc4yjm2ev684949813>
34. How did Odessa fire happen? BBC News bbc.co.uk/news/world-europe-27275383
35. The Odessa massacre: detailed video one month later. Shadowproof.com <https://shadowproof.com/2014/06/01/the-odessa-massacre-detailed-video-analysis-one-month-later/>
- See also: <http://www.bbc.com/news/world-europe-27275383>
36. Vasiliev P.V. Thesis. Op. cit., p. 140. See also BBC Producers' Guidelines, 2000, Op. cit. P. 51.
37. BBC Editorial Guidelines, 2015, Op. cit. P. 38.
38. In Britain, the torture of Ukrainian neo-Nazis against Russian prisoners was justified. First Russian (Tsargrad.TV), 28.3.2022. https://by.tsargrad.tv/news/v-britanii-opravdali-pytki-ukrainskih-neonacistov-nad-rossijskimi-plennymi_519679?ysclid=lqcxk5w97f308771373
39. War in Ukraine: abuse of prisoners of war should not go unpunished. United Nations. UN News. 11/15/2022. <https://news.un.org/ru/story/2022/11/1434767>
40. The Times: Ukraine is "reprogramming" captured Russian soldiers. Kommersant, 11/18/2023. <https://www.kommersant.ru/doc/6349293?ysclid=lqfk432i4w253347244> See also <https://www.thetimes.co.uk/article/inside-the-pow-camp-where-ukraine-re-educates-russians-gn7hh895c>
41. Documentary film of the BBC Russian Service <https://www.youtube.com/watch?v=yyOGUbxItHs>
42. London confirms: a dirty war is being waged against Russia. RIA Novosti, 10/20/2020. <https://ria.ru/20201029/kibervoyna-1581973123.html?ysclid=lqcyn3bcly495357602>
43. BBC scandal reveals mainstream media manipulation. The Daily Bell, Feb. 26, 2016. <https://www.thedailybell.com/all-articles/news-analysis/bbc-scandal-reveals-mainstream-media-manipulation/>
44. Daws, Ryan. Op. cit., <https://www.artificialintelligence-news.com/2017/10/19/bbc-ai-improve-content/>
45. Grayzone: Reuters and BBC are implementing a secret British plan to weaken Russia. <https://telegra.ph/Grayzone-Reuters-i-BBC-realizuyut-sekretnyj-britanskij-plan-po-oslableniyu-Rossii-02-27>
46. Zindulka, Kurt. BBC Declines to Respond to Allegations Its Own Disinformation Factcheckers are Spreading Disinformation. Breitbart. June 17, 2023. <https://www.breitbart.com/europe/2023/06/17/exclusive-bbc-disinformation-division-refuses-to-respond-to-claims-of-spreading-disinformation/>

47. The chairman of the BBC has resigned. RIA Novosti, 04/28/2023. <https://ria.ru/20230428/bbc-1868410895.html?ysclid=lr7xsuxrra499976675>

48. Exclusive interview with S.I. Saenko, former correspondent of the USSR State Television and Radio Broadcasting Company in the UK, veteran of Foreign Broadcasting of the State Committee for Television and Radio Broadcasting of the USSR, 11.1.2024, Moscow. Personal archive of the author.

Информация об авторе

Васильев П.В., кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.И. Ломоносова

© Васильев П.В., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)

УДК 81'373: 61

¹ Раздорская О.В., ² Джамалдинова Ш.О.

¹ Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации,

² Самаркандский государственный медицинский университет, Узбекистан

Лексикологические аспекты термина «аптека» в английском, узбекском и русском языках

Аннотация: сотрудничество вузов стран СНГ в области обучения студентов-медиков требует от преподавателей языковых дисциплин не только наличия у них этнокультурной компетенции, но и знания лексических и грамматических особенностей родного языка студентов и английского языка как иностранного. Это особенно актуально для преподавателей российских медицинских вузов, обучающих студентов из Узбекистана, а также для узбекских медицинских вузов, студенты которых изучают русский язык. Для оптимизации языковой подготовки студентов предложен всесторонний компаративный анализ профессиональной лексики, представляющей собой вокабуляр по направлению подготовки студентов. Проведён анализ лексических, этимологических и морфемных особенностей лексемы «аптека» в трёх языках – английском, узбекском и русском. Результаты анализа показали наличие различных источников заимствования фармацевтической лексики в трёх языках: в английском и русском языках это греческий или латинский языки, в узбекском – языки иранской группы, в частности, таджикский. Выявлены особенности орфографии фармацевтической лексики в узбекском языке, которые могут послужить источником интерференционных ошибок у студентов-узбеков, изучающих английский язык в группах вместе с российскими студентами. Результаты анализа могут быть полезны для преподавателей языковых дисциплин в медицинских вузах, обучение в которых отличается трилингвальной (русский, родной язык студента, английский как иностранный) образовательной средой.

Ключевые слова: профессиональная лексика, фармацевтические термины, английский язык, узбекский язык

Для цитирования: Раздорская О.В., Джамалдинова Ш.О. Лексикологические аспекты термина «аптека» в английском, узбекском и русском языках // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 113 – 117.

Поступила в редакцию: 14 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 17 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Razdorskaya O.V., ² Dzhamaldinova Sh.O.

¹ Kursk State Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation,

² Samarkand State Medical University, Uzbekistan

Lexicological aspects of the term 'pharmacy' in the English, Uzbek and Russian languages

Abstract: cooperation of the universities of the CIS states in teaching medical students requires the teachers of different languages not only to have ethnic and cultural competence, but also the knowledge of lexical and gram-

matical features of the English as a foreign language, the student's first language and the Russian language. This is especially true for teachers of Russian medical universities who teach students from Uzbekistan, as well as for Uzbek medical universities where the students study Russian. To optimize the language training of the students, a comprehensive comparative analysis of the professional vocabulary of the field of the students' training is proposed. The analysis of lexical, etymological and morphemic features of the lexeme pharmacy in three languages (English, Uzbek and Russian) has been carried out. The results of the analysis showed the various sources of borrowing pharmaceutical vocabulary in three languages: in Russian and English, it is Greek or Latin, in Uzbek these are the languages of the Iranian group, in particular, Tajik. The peculiarities of spelling of the pharmaceutical vocabulary in the Uzbek language have been revealed, which can serve as a source of interference errors in Uzbek students studying English in groups with Russian students. The results of the analysis can be useful for the teachers of different language in medical universities, where education is characterized by trilingual (a student's native language, Russian, English as a foreign language) educational environment.

Keywords: professional vocabulary, pharmaceutical terms, the English language, the Uzbek language

For citation: Razdorskaya O.V., Dzhamaaldinova Sh.O. Lexicological aspects of the term 'pharmacy' in the english, uzbek and russian languages. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 113 – 117.

The article was submitted: October 14, 2023; Approved after reviewing: December 17, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Международное сотрудничество вузов стран СНГ подразумевает использование разных языков представителями администраций вузов, а также преподавателями и студентами в образовательном процессе. Интернационализация образования стимулировала появление многочисленных исследований на тему билингвизма в различных аспектах: культурологическом, педагогическом, филологическом и др. Однако принимаемая во внимание особенности современной образовательной среды неязыковых вузов, можно говорить уже о трилингвизме как объекте всестороннего изучения.

Материалы и методы исследований

Данная работа является результатом практического опыта работы авторов со студентами-билингвами (носителями узбекского и русского языков), обучающимися как на их исторической родине, так и в России. Этимологические, лексикологические и культурно-исторические аспекты терминологической лексики, используемой в процессе обучения студентов-носителей узбекского языка, рассмотрены нами на примере узбекской, русской и английской лексики по теме «Фармация».

Методами исследования явились компаративный анализ лексики трёх языков и педагогические наблюдения за процессом обучения английскому языку студентов-узбеков в КГМУ.

Результаты и обсуждения

И студент (носитель узбекского языка), и преподаватель проводят логические умозаключения в процессе поиска аналогов фармацевтических терминов в родном языке студента, в английском как иностранном и в русском языке. Всё это осуществляется на самом занятии и в процессе внеклассных консультаций. Известно, что работа в малых группах, являющейся одной из самых популярных стратегий в педагогике, даёт всем учащимся возможность участвовать в учебной деятельности, практиковать навыки сотрудничества и межличностного общения [4].

Опыт преподавания английского языка студентам из Узбекистана, обучающимся в группах с российскими студентами, позволил выявить следующие проблемы:

- Преподаватель английского языка не знает узбекского языка, объясняет языковые явления английского языка на русском языке (объяснять грамматику и этимологию английских терминов на английском языке не целесообразно, т.к. российские студенты в неязыковом вузе владеют только разговорным английским языком после обучения в средней школе);
- Возникает необходимость учёта отрицательной интерференции различных языков;
- Появляется необходимость внедрения принципа диалога культур студентов в многонациональной группе.

Практический опыт позволил выявить и следующие преимущества:

- Наличие положительной языковой грамматической интерференции английского и узбекского языков повышает эффективность усвоения английской грамматики носителями узбекского языка;

• Совместная работа преподавателя и студента (компаративный анализ фармацевтической лексики, грамматики и т.д. в разных языках) становится стимулом для вступления студентов в студенческий научный кружок кафедры иностранных языков и проведения многолетних исследований [3].

Имея опыт проведения компаративного анализа преимущественно грамматических особенностей узбекского и английского языков, считаем целесообразным уделить большее внимание профессиональным терминам в рассматриваемых языках.

Актуальность анализа профессиональных терминов связана с новой тенденцией в лингвистике – с переходом от структурной лингвистики к рассмотрению языковых явлений и их связей с практической деятельностью человека [8].

Англоязычная фармацевтическая лексика в целом имеет греческую, латинскую и собственно английскую этимологию. Носитель узбекского языка не всегда может провести аналогию между английским словом и его эквивалентом в родном языке, что требует определённых действий со стороны преподавателя. Представляется эффективным рассмотрение различных лексических особенностей отдельных терминов в трёх языках. Рассмотрим это на примере английского слова *pharmacy*, его узбекского аналога *dorixona* и русского «аптека» (табл. 1).

Таблица 1

Особенности лексемы «аптека» в трёх языках.

Table 1

Features of the lexeme “pharmacy” in three languages.

	Узбекский язык	Английский язык	Русский язык
	<i>dorixona</i>	<i>pharmacy</i>	аптека
Этимология	Существительное имеет таджикское происхождение [9]. <i>Dori</i> означает «лекарство», <i>xona</i> – «каждая часть здания, разделённая стеной», «комната», «каждая отдельная секция жилища», «раздел» [14].	От средневекового латинского <i>pharmacia</i> , от греческого <i>pharmakeia</i> – целебное или вредное лекарство, целебная или ядовитая трава; наркотик, ядовитое зелье; магия, краситель, сырьё для физической или химической обработки [11]. Греческое слово произошло от эпитета египетского бога Тота, обозначавшегося иероглифом, который переводился как <i>pharmaki</i> (фарма-ци) – «защитник», «исцелитель» [2].	Займствовано в XVI в. из польского языка, где <i>apteka</i> через латинское посредство восходит к греческому <i>arothēkē</i> «склад, кладовая» (от <i>arotithēmi</i> «откладываю, прячу») [1].
Морфемный состав	<i>Dori</i> – лекарство, <i>xona</i> – комната	<i>Pharmacy</i> – корень слова (множественное число - <i>pharmacies</i>)	Ап+тэка. «Тэке» по-гречески – «ящик», «ларец»; «тэке» входит как составная часть в слова «библио-тека», «карто-тека», «фильмо-тека», означающая «-хранилище». «Апо-» – приставка со значением «вместе», «со-». «Апотэке» первоначально значило «склад». Перейдя из греческого языка в другие, оно получило значение «склад лекарств», «медицинская лавка» [1].
Наличие синонимов	<i>Apteka</i> [9].	<i>Chemist's, chemist's shop, apothecary's shop, dispensary, apothecary</i> (устаревшее слово).	Прямых синонимов не найдено [6].

Следует отметить, что узбекское слово *apteka* чаще используется в разговорной речи, а в профессиональной коммуникации и на вывесках аптек в Республике Узбекистан чаще используется слово *dorixona*. Премьер-министр Республики Узбекистан Абдулла Арипов поручил всем министерствам, ведомствам и организациям, а также Совету Министров Каракалпакстана, Ташкенту и областным правительствам ускорить переход на узбекский алфавит на основе латиницы. Соответствующий документ подписан 1 июля

2021 года. Решением Кабинета Министров от 10 февраля 2021 года утверждена «дорожная карта» полного поэтапного перехода на латиницу. Согласно ему, все наименования мест и улиц, термины, названия организаций, средства массовой рекламы, реклама и объявления, рабочие документы и различные формы, которые в настоящее время пишутся кириллицей, должны были к декабрю перевести на латиницу [10].

В романе уроженки Ташкента Дины Рубиной «На солнечной стороне улицы» встречаем следующее упоминание аптеки: «Как выросло вдруг на углу старое кирпичное здание аптеки. «Дорихона»! Как я смогла забыть это слово, ведь я с ним выросла, с этим словом, пахнущим йодом и новенькими бинтами, мамиными «каплями Вотчела» и приторными подушечками «гематогена»! [5]

Существительное *dori* первоначально имело звуковую структуру *dogu*, и оно было перенесено в узбекский язык из таджикского путём ошибочного принятия последнего звука «у» за звук «и»; в обоих языках это существительное означает «вещество, используемое для лечения болезни» [12].

С существительным *dori* (лекарство) в узбекском языке образованы различные части речи и словосочетания, например:

- составное существительное *dori-darmon* (лекарственные препараты);
- глагол *dorila* (применение, использование медикаментов) [7];
- словосочетание *suuq dori* – микстура: прилагательное *suuq* (жидкий) происходит от существительного *suv* (вода);
- прилагательное *dorivor* – лекарственный, например, в словосочетании *dorivor o'simliklar* (лекарственные растения).

Словосочетание *dori-darmon sanoati* (фармацевтическая индустрия) начинает замещаться синонимичным словосочетанием *farmatsevtika sanoati*, в котором первое слово является интернационализмом, заимствованным из русского. Слово *farmatsevtika*, как и слово *farmatsevt*, пишется по правилам узбекской орфографии.

Словосочетание *dori qog'ozi* – рецепт (*qog'oz* переводится как «бумага») является устаревшим и разговорным, чаще используется заимствованное из русского языка слово *retsept*.

Терминоэлемент *хона* характеризуется продуктивностью образования от него новых лексических единиц, таких как:

- *Kor/хона* – место работы (слово таджикского происхождения *kor* означает «работа, дело, труд»);
- *Ish/хона* – место работы (узбекское слово *ish* имеет значения «работа, труд, дело»);
- *Boj/хона* – таможня (слово *boj* означает «пошлина»);
- *Хона/don* – семья, семейство.

Можно сделать вывод о развитой синонимичности лексемы *хона* и одновременном функционировании слов-синонимов собственно узбекского (*ish*) и таджикского происхождения (*kor*). Английское слово *workplace* также состоит из терминоэлементов *work* (работа) и *place* (место). В электронном словаре отмечено, что данное слово является «гибридом» от существительных *work* и *place*, и используется с 1828 года [13]. Подобным образом сформированы и другие вышеуказанные лексические единицы в узбекском языке.

Выводы

Анализ лексических единиц показал, что узбекские лексемы *dori* и *хона* имеют значительный словообразовательный потенциал. При этом особенности узбекской орфографии заимствованных интернационализмов могут стать источником интерференционных ошибок у студентов-узбеков в процессе изучения английской профессиональной лексики.

Методика всестороннего анализа профессионализмов, предложенная в данном исследовании, может использоваться преподавателями английского языка, обучающими студентов-узбеков в российских университетах, и преподавателями русского языка, обучающих носителей узбекского языка русскому языку как иностранному. Методика, основанная на принципе диалога культур, направлена на развитие у студентов навыков лингвистической и культурологической рефлексии, на осознание исторических аспектов, влияющих на генезис лексики в языках различных групп и семей. Анализируемые лексические единицы могут варьироваться в зависимости от направления подготовки студента медицинского вуза.

Список источников

1. Аптека. <https://lexicography.online/etymology/a/аптека> (дата обращения: 04.09.23)
2. Как человек аптекарем стал. https://dzen.ru/a/XKTWaxs6bACzKTiE?referrer_clid=1400& (дата обращения: 04.09.23)

3. Маматкулов Б.В. Студент-билингв на языковой кафедре медицинского вуза: опыт обучения и научно-исследовательской работы // Формирование мотивации в изучении иностранных языков в медицинских вузах: Материалы международной научно-практической онлайн конференции (г. Самарканд, 22 сентября 2022 г.) / отв. ред. Ризаев Ж.А. Самарканд: СамГМУ, 2022. С. 7 – 8.

4. Назаров Ж.Э., Ефремова Н.Н. Приемы повышения активизации учащихся с помощью нестандартных вопросов // Коллекция гуманитарных исследований. 2022. № 2. С. 87 – 94. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2\(31\)/13](https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2(31)/13)

5. Рубина Д. На солнечной стороне улицы: роман. Москва: Эксмо, 2022. С. 429.

6. Синонимы к слову аптека. <https://kartaslov.ru/синонимы-к-слову/аптека> (дата обращения: 25.08.23)

7. Толковый словарь узбекского языка / под ред. А. Мадвалиева. Ташкент: Национальная энциклопедия Узбекистана, 2008. – 591 с.

8. Шульга Е.В. Объективация концепта «врач» во фразеологических единицах // Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. 2023. № 2 (35). С. 76 – 81.

9. Apteka (<https://uz.wikipedia.org/wiki/Dorixona>) (дата обращения 25.08.23)

10. Бош вазир лотин ёзувидаги алифбога ўтишни тезлаштириш бўйича топширик берди. <https://www.gazeta.uz/uz/2021/07/05/uzbek-latin/>

11. Pharmacy. <https://www.etymonline.com/search?q=pharmacy> (дата обращения 23.08.23)

12. Rahmatillayev Shavkat. O‘zbek tilining etimologik lug‘ati. 1-jild (turkiy so‘zlar). Toshkent: Universitet, 2000. – 599 s.

13. Workplace <https://www.etymonline.com/search?q=workplace> (дата обращения 25.08.23)

14. Xona. <https://uz.wiktionary.org/wiki/xona> (дата обращения 25.08.23)

References

1. Pharmacy. <https://lexicography.online/etymology/a/pharmacy> (access date: 09/04/23)

2. How a person became a pharmacist. https://dzen.ru/a/XKTWaxs6bACzKTiE?referrer_clid=1400& (access date: 09/04/23)

3. Mamatkulov B.V. Bilingual student at the language department of a medical university: experience of training and research work. Formation of motivation in learning foreign languages in medical universities: Materials of the international scientific and practical online conference (Samarkand, September 22, 2022). resp. ed. Rizaev Zh.A. Samarkand: SamSMU, 2022. P. 7 – 8.

4. Nazarov Zh.E., Efremova N.N. Techniques for increasing student activation using non-standard questions. Collection of Humanitarian Research. 2022. No. 2. P. 87 – 94. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2\(31\)/13](https://doi.org/10.21626/j-chr/2022-2(31)/13)

5. Rubina D. On the sunny side of the street: a novel. Moscow: Eksmo, 2022. P. 429.

6. Synonyms for the word pharmacy. <https://kartaslov.ru/synonyms-by-word/pharmacy> (date of access: 08/25/23)

7. Explanatory dictionary of the Uzbek language. ed. A. Madvalieva. Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan, 2008. 591 p.

8. Shulga E.V. Objectification of the concept “doctor” in phraseological units. Collection of Humanitarian Research. Electronic scientific journal. 2023. No. 2 (35). P. 76 – 81.

9. Apteka (<https://uz.wikipedia.org/wiki/Dorixona>) (date accessed 08/25/23)

10. Bosh vazir lotin yozuvidagi alifboga ўishni tezlashtirish бўйича topshirik berdi. <https://www.gazeta.uz/uz/2021/07/05/uzbek-latin/>

11. Pharmacy. <https://www.etymonline.com/search?q=pharmacy> (access date 08/23/23)

12. Rahmatillayev Shavkat. O‘zbek tilining etimologik lug‘ati. 1-jild (turkiy so‘zlar). Toshkent: Universitet, 2000. – 599 s.

13. Workplace <https://www.etymonline.com/search?q=workplace> (date accessed 08/25/23)

14. Xona. <https://uz.wiktionary.org/wiki/xona> (date accessed 08/25/23)

Информация об авторах

Раздорская О.В., кандидат педагогических наук, доцент, Курский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения Российской Федерации

Джамалдинова Ш.О., кандидат педагогических наук, доцент, зав. кафедрой узбекского языка и литературы с русским языком, Самаркандский государственный медицинский университет, Узбекистан

© Раздорская О.В., Джамалдинова Ш.О., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (филологические науки)

УДК 81.13

¹ Имамипур Сейед Багер, ¹ Хоссейни Амир

¹ Тегеранский университет, Иран

Бессоюзные сложные предложения со значением следствия в русском языке со сравнительным исследованием в персидском языке

Аннотация: в данной статье предпринята попытка раскрыть особенности построения БСП со значением следствия в русском языке с сопоставительным анализом в персидском языке.

До настоящего времени этот вопрос является дискуссионным среди русских и персидских учёных-филологов, поэтому в нашей исследовательской работе рассмотрены структурно-семантические типы бессоюзных сложных предложений в русском языке, используя произведения русских авторов, со сравнительным анализом в персидском языке.

В настоящей статье приведены результаты исследования БСП со значением следствия в русском и персидском языках и обозначены основные факторы связи частей предложения, образующих БСП, как единую, цельную, самостоятельную структуру сложного бессоюзия; рассмотрена синонимичность названных конструкций со сложноподчинёнными предложениями в русском языке и отмечена синонимия таких сложных предложений и их особенности в персидском языке.

Ключевые слова: бессоюзные сложные предложения, значение следствия, интонация, порядок следования частей, русский и персидские языки

Для цитирования: Имамипур Сейед Багер, Хоссейни Амир Бессоюзные сложные предложения со значением следствия в русском языке со сравнительным исследованием в персидском языке // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 118 – 124.

Поступила в редакцию: 14 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Emamipour Seyed Bagher, ¹ Hosseini Amir

¹ University of Teheran, Iran

Asyndetic compound sentences with the meaning of consequence in Russian with a comparative study in Persian

Abstract: in this article, by comparative analysis in the Persian language, it is tried to reveal the features of compound sentences without conjunctions with message meaning in the Russian language.

This issue is discussed by Russian and Persian linguists until today, so our research paper, using the works of Russian authors and with a comparative analysis in Persian language, investigates the structure and meaning of asyndetic compound sentences with consequent meanings in the Russian language.

In this article, the results of the investigation of asyndetic compound sentences with the resulting meanings of the Russian and Persian languages are presented, and also the main factors of connecting the sentence components that form a single, integrated and independent structure of the compound sentence are expressed. Synonymous structures of these types of sentences are mentioned in Russian and Farsi as well as their features in Farsi.

Keywords: *asyndetic compound sentences, meaning of effect, intonation, order of parts, Russian and Persian languages*

For citation: Emamipour Seyed Bagher, Hosseini Amir Asyndetic compound sentences with the meaning of consequence in Russian with a comparative study in Persian. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (1). P. 118 – 124.

The article was submitted: October 14, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

В русском языке широко используются БСП со значением следствия. Особый интерес лингвистов вызывает конструкция таких предложений, их средства связи ввиду отсутствия и союзов, и союзных слов.

Целью работы является всестороннее изучение БСП в русском языке и сопоставление их с персидским языком для более правильного понимания структуры таких сложных бессоюзий и более лёгкого понимания при преподавании БСП, а также при переводах и при чтении текстов.

Актуальность исследования БСП со значением следствия, как одной из важнейших категорий в системе сложных бессоюзий, – одна из важнейших категорий в лингвистической науке. Существует много разногласий филологов, исследующие БСП. Но до сих пор еще не сложился единый подход к квалификации следственных отношений и к оценке средств выражения связи в них, которые не только подчёркивают заложенный первоначальный характер отношений, но и определяют смысловое единство. Поэтому мы и рассматриваем категорию следствия, их средства и способы выражения, как категории следствия в названных языках. Этого раньше не проводилось.

В результате изучения таких сложных бессоюзий со следственными отношениями было определено, что данный тип предложений представляет собой явление синтаксической системы. Однако ещё многое нужно уточнять, исследовать, изучать и проводить сравнительный анализ в персидском языке.

Исследования бессоюзных сложных предложений со следственными отношениями позволяют: а) с уверенностью отметить важность таких сложных конструкций, какими являются БСП, б) подтвердить красоту русского языка, его большое разнообразие и многозначность таких конструкций в описании красоты русской природы, в ярком раскрытии характеров героев, в тонком описании лирических моментов, остро подчеркнуть хитрость героев, различных уловок героев.

Новизна данной работы заключена в том, что впервые были проведены исследования БСП со значением следствия в русском языке и с одновременной оценкой использования этих конструкций в персидском языке, определены основные средства связи и в разговорной речи, и на письме в таких конструкциях.

Установлено, что первая часть является основной, а вторая – раскрывает содержание первой. Такие БСП синонимичны СПП со значением следствия.

Материалы и методы исследований

Методом исследования явилось глубокое изучение БСП со значением следствия в русском языке со сравнительным анализом в персидском. Для проведения исследования БСП со значением следствия было рассмотрено около 400 предложений в литературе советских, русских и персидских авторов.

С теоретической точки зрения в работе использованы методы анализа и системный подход к исследованию таких сложных конструкций в русском языке с сопоставлением с персидским языком.

Практическая значимость работы заключается в широком использовании проведённых исследований при изучении русского и персидского языков.

Объектом исследования является синтаксическая категория следствия в названных языках с целью определения роли всех факторов связи, помогающие учащимся определять даного значения между предкатами бессоюзной конструкции.

Результаты и обсуждения

Системные отношения в синтаксисе сложного бессоюзного предложения всегда были центром исследования русских учёных-филологов, так как эта категория подчёркивает и раскрывает красоту русской природы, ярко выражает и подчёркивает черты героев, их сложные характеры, помогают раскрыть их поступки. В этом тоже заключается интерес филологов к исследованию таких бессоюзий.

«Бессоюзными называются сложные предложения, представляющие собой бессоюзное соединение двух или более предикативных частей, между которыми устанавливаются определенные семантико-синтаксические отношения и которые функционируют как единая коммуникативная единица» [1, с 352].

БСП принято группировать по характеру структурно-семантических отношений между предикативными частями. Принято выделять два типа БСП: первая группа является бессоюзными сложными предложениями с однотипными частями (такие отношения, как перечисления), вторая группа включает в себя бессоюзия разнотипных частей. Значение следствия, которое является темой данной работы, входит во вторую группу таких конструкций; Выражение следствия зависит от лексического наполнения частей простых предложений, входящих в такое бессоюзие.

Опираясь на мнение Е.М. Ширяева, в работе используется понятие дифференцированного (недифференцированного) БСП, имеющих много функциональных особенностей и различных смысловых отношений.

Много фундаментальных исследований проведены Ф.Ф. Фортунатовым, А.М. Пешковским и другими учёными. Но статус БСП до сих пор не определён.

В русской лингвистике одни учёные приравнивают БСП к союзным сложным конструкциям, как, например, А.М. Пешковский, ставя их между ССП и ССП и считая, что интонация компенсирует отсутствие союза. Но соотносить БСП и союзные не во всех БСП, имея разные смысловые решения, возможно.

Другого мнения, используя иной подход к таким сложным бессоюзным предложениям, придерживаются Н.С. Поспелов, Л.Ю. Максимов, В.А. Белошапкова. Они считают, что «БСП нужно рассматривать как полипредикативные единицы, представленные особыми структурными и семантическими разновидностями». Поэтому при отсутствии союзов возрастает роль других формальных показателей, таких, как пауза с использованием правильной интонации в разговоре.

Но существует ещё одна крайность в понимании БСП, как определённой единицы в русском языке, которая представлена в «Русской грамматике» И.Н. Кручининой. Она считает, что «БСП – это текст из двух и более предложений». «Бессоюзие не является грамматической связью, интонационные типы не являются синтаксическим средством оформления связи» [2, с. 325].

Такие противоречивые мнения о БСП только заставляют лингвистов продолжать дальнейшие исследования в этой области, чтобы прийти к единому решению.

1. Сложные синтаксические конструкции. В русском языке различают простые и сложные конструкции предложений, которые широко используются в разговорной речи, в литературе, в газетных материалах и журналах, в источниках информации СМИ.

Сложными синтаксическими конструкциями считаются сложные предложения с разнотипной синтаксической связью. Такие предложения принято называть предложениями смешанного типа.

«БСП называется сложное предложение, предикативные части которого взаимосвязаны по смыслу и строению, а также соединены без помощи союзов или относительных слов ритмомелодическими средствами, порядком следования частей» [3, с. 518].

Современные лингвисты выделяют несколько видов БСП: «...различаются 11 видов БСП и 1 вид БСП сложного состава, когда вторая часть состоит не из одного, а из нескольких простых предложений» [3, с. 522].

Смысловая связь входящих в такое сложное предложение не нарушается в отсутствии союзов или союзных слов, а наоборот, образует целостное единство, полное понимание сказанного.

Рассмотрим факторы связи в БСП следствия и обозначим их роль.

Пример 1. Структура БСП со значением следствия, как БСП неоднородного состава, имеет двухчленное строение, когда предикативные части могут иметь в своём составе и простые, и сложные предложения.

«В тесноте надыхали — с окошек лило ручьями» (А.Н. Толстой).

К перестановке частей нужно подходить осторожно, так как в одном случае перестановка может привести к образованию БСП с новыми отношениями между частями. И из БСП со значением следствия бессоюзие может перейти в БСП с причинным характером отношений.

«С окошек текло ручьями: в тесноте надыхали». Это уже БСП со значением причины, между частями ставится знак «двоеточие». Перестановка частей в БСП привела к образованию БСП со значением причины.

Пример 2. «Мелкий дождик сеет с утра – выйти невозможно» (4, И.С. Тургенев, «Фауст»).

На этом примере видно, что в БСП со значением следствия между частями ставится знак "тире". Знак "тире" указывает на необходимость сделать перед второй частью продолжительную паузу.

Пауза между частями является связующим элементом частей в БСП. Между частями в БСП следственного характера пауза продолжительная, чтобы подчеркнуть вывод содержания в первой части. Это значит, что в бессоюзных сложных предложениях со следственным результатом от первой части делается более длительная пауза, чем обычно.

При рассмотрении возможной синонимии БСП с выражением следствия со сложноподчинённым предложением филологи пришли к выводу, что вместо знака «тире» перед второй частью необходимо поставить подчинительные союзы или слова: *«так что», «поэтому», «поэтому»*, и лексические средства могут усилить значения следствия иногда в этих частях *«вследствие этого», «следовательно»* и др. Постановка следственных союзов переводит БСП следствия в сложноподчинённое предложение со значением следствия: *«мелкий дождик сеет с утра, так что выйти невозможно»*.

Пример 3. Для выражения уровня следствия используются дополнительные средства и они располагаются в начале второй части, например частица *так*, наречия *поэтому, оттого* и другие:

«Я меньше всех: оттого он меня и мучит» (Л. Толстой).

Пример 4. *«Весна выдалась ранняя и дружная – дороги раскисли»*

В данном случае вторая часть БСП содержит следствие, вытекающее из первой. Вместо союза части сложного предложения отделяются знаком «тире». Тире здесь успешно можно заменить на подчинительные союзы «вследствие чего» или «так что».

«Весна выдалась ранняя и дружная, вследствие чего дороги раскисли».

Пример 5. *«К зиме не успели окончить все постройки – отложили свадьбу до лета; летом умер Иван Андреевич – отложили свадьбу до будущей весны»* (И.С.Тургенев).

Роль интонации велика: она помогает раскрыть смысл сложной конструкции, пауза перед второй частью - правильно сделать постановку знака препинания между предикатами. Первая часть читается в повествовательном тоне, а вторая, как следствие первой части, – с некоторым утвердительным повышением голоса, так как во второй части содержится результат.

Интонационные особенности таковы: 1-ая часть произносится обычно, с интонацией повествования, после этого делается длительная пауза:

Пример 6. *«Земля кругла – на ней не скроешь тайны»* (М. Дудин, «Нет у меня пристрастия к покою...»).

Бессоюзия со следственным значением – это предложения неоднородного состава, негибкой структуры, так как в них обычным является определённое соотношение форм сказуемых, при котором выражается следствие. В качестве проверки между частями можно поставить союзы «вследствие чего» и «поэтому», т.е. привести в сравнение со сложноподчинённым предложением. Синонимичное сложноподчинённое предложение: *«Земля кругла, поэтому на ней не скроешь тайны»*.

Пример 7. В дополнение к вышеуказанным факторам, есть вводные слова, как, например, «следовательно», которые могут иметь влияние на выражение значения следствия в русских бессоюзиях.

Я устал, следовательно, отдыхаю.

Дополнительные средства связи в БСП со следственным значением

В сложных конструкциях, кроме интонации, важны и другие дополнительные средства связи, чтобы понять правильность смысла написанного. Это лексическая наполняемость частей.

В сложных союзных предложениях и в БСП смысловые отношения выражаются по-разному. В союзных предложениях в их выражении принимают участие союзы, поэтому смысловые отношения здесь более чёткие.

В бессоюзных сложных предложениях кроме интонации особое значение играют лексическое наполнение частей, лексические элементы, соотносённость видо-временных форм сказуемых и также порядок следования частей [5, с. 134].

По смысловым отношениям, а часто и по интонации, одни бессоюзные сложные предложения приближены к сложносочинённым, а другие – к сложноподчинённым. Но очень часто одно и то же бессоюзное сложное предложение по смыслу можно сблизить и со сложносочинённым, и со сложноподчинённым предложением.

Смысловые отношения в бессоюзных сложных предложениях находятся в зависимости от содержания входящих в них простых предложений, но в устной речи передаются с помощью интонации. Однако, с точки зрения пунктуации, на письме выражается знаком "тире". В устной речи (разговоре) обязательное сохранение паузы: *«Пустил он лошадь назад к солдатам – думал уйти»* [4, Л.Н. Толстой, «Кавказский пленник»].

Бессоюзные сложные предложения с условно-следственным значением бывают двучленными. Для них характерна следующая интонация: первая часть, выражающая условие, произносится с повышением голоса, вторая часть, выражающая следствие, вытекающее из условия, указанного в первой части, произносится с понижением голоса; между частями имеется небольшая пауза [6, с. 139].

Эти предложения отличаются также определённым соотношением модальных форм сказуемых в первой и во второй частях. Данное преимущественно формы будущего времени изъявительного наклонения со

значением реальной возможности или формы сослагательного или повелительного наклонения со значением ирреальной возможности (желательности), например: «Цветок сорви – красота его увянет» или «Молчит Закон – народ молчит».

Бессоюзные сложные предложения со значением следствия в персидском языке

В персидском языке, в отличие от русского, вопросы синтаксиса БСП являются малоизученным объектом. В трудах, написанных иранскими учеными, лишь даются незначительные понятия БСП. А бессоюзная связь не имеет широкого распространения и охватывает лишь определенные типы сложных предложений. Как правило, отношения, выражаемые бессоюзными сложными предложениями, совпадают с соответствующими отношениями сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Изучение структуры бессоюзных сложных предложений в персидском языке затрудняется из-за отсутствия четко разработанной системы пунктуации. Нередко можно встретить отрывки текста, в которых границы между самостоятельными предложениями и предложениями, связанными бессоюзной связью, очень шатки и неопределенны, и в этих случаях не помогает даже более широкий контекст [6, с. 370].

Согласно найденным примерам такого типа, можно делать вывод, что персидские филологи предполагают, что предикативные части в бессоюзиях со значением следствия близки между собой по смыслу, поэтому между ними чаще ставятся запяты.

В персидском языке, как в русском, использование таких бессоюзий намного чаще встречается в разговорной речи между людьми и в пьесах персидских авторов.

В продолжение нашего исследования мы приведем несколько примеров, на основе которых опишем структуру бессоюзных сложных предложений и рассмотрим факторы, влияющие на выражение значения следствия между частями БСП в персидском языке.

Пример 1.

کلام را درست انجام ندادم، کارفرما مرا از کار برکنار کرد.

«Я не выполнял свою работу должным образом, работодатель уволил меня».

Это БСП со значением следствия. В БСП со значением следствия между частями в персидском варианте можно ставить и тире, и запятую, и даже двоеточие.

С точки зрения интонационной структурности первая часть произносится с повышением голоса, вторая – с понижением. Пауза делается короткая. Данная конструкция имеет синонимичное сложноподчинённое предложение в персидском языке с помощью союзов, такие как «به همین دلیل», «به خاطر همین».

کلام را درست انجام ندادم، به همین دلیل کارفرما مرا از کار برکنار کرد.

«Я не выполнял свою работу должным образом, поэтому работодатель уволил меня».

Следует обратить внимание на то, что в таком сложном предложении смена местами частей предложения приводит к преобразованию данного БСП со значением следствия в БСП со значением причины:

کلام را درست انجام ندادم، کارفرما مرا از کار برکنار کرد، چون کلام را درست انجام ندادم.

«Работодатель уволил меня, я неправильно выполнял свою работу».

Это же БСП причины имеет сложноподчинённое предложение, как синонимичное предложение, со значением причины. Тогда вместо знака между частями нужно поставить союзы «потому что» или «так как».

کلام را درست انجام ندادم، چون کلام را درست انجام ندادم.

«Работодатель уволил меня, потому что (так как) я не выполнял свою работу должным образом».

С такой же интонацией читаются обе части в БСП с сохранением короткой паузы, как и БСП со значением следствия: первая часть произносится с некоторым повышением голоса, а вторая часть читается с понижением голоса к концу предложения.

Пример 2. БСП со значением следствия имеет двучленное строение. С предложениями такого типа мы чаще встречаемся в поговорках и фразеологизмах. Даже если мы поменяем местами части в этих предложениях, предложения все равно будут иметь смысл. Следует отметить, что поговорки и фразеологизмы используются в зафиксированной постановке частей, поэтому не рекомендуется менять их частями.

سیر شدی دیگه جفتک ننداز (поговорка)

«Наелся досыта фруктов – не ломай веток».

В персидском языке данное предложение является БСП со значением следствия, при переводе на русский язык эта конструкция тоже перешла в БСП со значением условия.

В персидском языке часто встречаются такие бессоюзия. В этом примере наречие «دیگه» усиливает значение следствия во второй части этого сложного предложения

Пример 3. Предложения такого типа в персидском языке сходны с бессоюзиями в русском по структуре и допустимо менять местами их части.

بلران آمد، ترکها بهم رفت.

«Пошел дождь – трещины в почве исчезли».

Если поменять местами части предложения, можно получить БСП с новым смыслом.

Пример 4. Строгое следование частей для сохранения смыслового характера отношений, хотя в русском языке возможно и менять местами с написанием БСП со значением причины.

نوكه اومد به بازار كهنه شد دل آزار

«Долой старое – стремлюсь к новому».

Постановка знака препинания в таких предложениях зависит от стиля речи. В пьесах или в текстах, которые носят характер разговорной речи, обычно не используется знак препинания, а в текстах книжного и официального характера ставится запятая между частями БСП.

В этом предложении два слова «نو» (новый) и «كهنه» (старый) имеют противоположное значение и являются дополнительными факторами для выражения значения следствия в этом предложении.

Пример 5. В персидском языке такие БСП имеют синонимичные сложноподчинённые предложения. Часто в сложных бессоюзиях, для большего утверждения о том, о чём говорится, используется местоимение «тот» в обоих предикатах или только в первой части, или в обоих частях одновременно.

تخم مرغ نزد شتر نزد میشه

«Тот, кто украдет яйцо, украдет и быка» или «Тот, кто украдет яйцо, тот украдет и быка».

Пример 6. Продолжительность паузы и уровень голоса при интонации важен при чтении текста или в диалекте.

آب به آب بخوره زور برمیداره.

«Ручьи соединяются друг с другом – получается мощная река».

В БСП следствия пауза короткая, а интонация в этом бессоюзии такая: первая часть произносится с повышением голоса, но к концу первой части чуть понижается голос, а вторая часть произносится повелительным, спокойным голосом с понижением к концу второй части. И в литературных текстах, и в разговорном общении сохраняются такими и паузы, и интонация.

Пример 7.

مصالح دیر رسید، نیروی کار نبود؛ اجرای عملیات متوقف شد.

«Материалы доставили с опозданием, рабочей силы не было - выполнение операции остановилось».

В БСП следствия между предикатами можно поставить запятую или точку с запятой, и даже двоеточие, потому что правила персидского языка это допускают. Но длительность паузы и интонация при этом сохраняются. БСП следствия в персидском языке состоит из двух предикативов.

Выводы

1. Смысловые отношения следствия в бессоюзных сложных предложениях в русском и персидском языках очень часто встречается в пословицах и находятся в зависимости от особенностей их выражения в таких конструкциях.

2. Структура категории следствия отражает взаимосвязь лексики и грамматики в языке.

3. В заключение можно сделать вывод, что в русском языке, в сравнении с персидским, постановка знаков препинания между входящими частями в БСП следствия существуют строгие и определенные правила.

4. В результате исследования удалось выявить, что структура бессоюзных сложных предложений может быть открытой и закрытой.

5) Средствами связи, для усиления связи входящих в БСП предикатов, могут являться разные временные формы сказуемых, местоимения, дополнительные союзы, вводные слова. Важна роль наполняемости предикативных частей.

6. Пауза между частями БСП со значением следствия в обоих языках похожа, т.е. мы делаем большую паузу между частями таких предложений.

7. Важным фактором связи предикативных частей в бессоюзиях в названных языках является интонация в диалектах, а на письме - наличие знака "тире" между предикатами в русском языке и поставки запятой в персидском языке.

Список источников

1. Розенталь Д.И., «Практическая стилистика русского языка: учеб. пособие для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1974. 352 с.
2. Антипина И.В. Бессоюзные сложные предложения в современном русском языке, дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2003. 346 с.

3. Розенталь Д.Е., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. Высшая школа, 1991. 559 с.
4. Произведения русских и советских авторов.
5. Новикова Н.И., Средства выражения связей и отношений в БСП: дис. ... канд. филол. наук. 2009. 134 с.
6. Крючков С.Е., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Синтаксис сложного предложения. М.: Просвещение, 1997. 184с.
7. Рубинчик Ю.А. Грамматика современного персидского литературного языка. М.: Изд-во «Восточная литература». М., 2001.

References

1. Rosenthal D.I., "Practical stylistics of the Russian language: textbook. manual for universities. 3rd ed., rev. and additional M.: Higher School, 1974. 352 p.
2. Antipina I.V. Unconjunct complex sentences in modern Russian, dis. ...cand. Philol. Sci. Voronezh, 2003. 346 p.
3. Rosenthal D.E., Golub I.B., Telenkova M.A. Modern Russian language. Higher school, 1991. 559 p.
4. Works of Russian and Soviet authors.
5. Novikova N.I., Means of expressing connections and relationships in the BSP: dis. ...cand. Philol. Sci. 2009. 134 p.
6. Kryuchkov S.E., Maksimov L.Yu. Modern Russian language. Syntax of a complex sentence. M.: Education, 1997. 184 p.
7. Rubinchik Yu.A. Grammar of the modern Persian literary language. M.: Publishing house "Eastern Literature". M., 2001.

Информация об авторах

Имамипур Сейед Багер, аспирант, Тегеранский университет», г. Тегеран, Иран, bagher.emami@ut.ac.ir

Хоссейни Амир, доцент, Тегеранский университет, г. Тегеран, Иран, e-mail: amhoseini@ut.ac.ir

© Имамипур Сейед Багер, Хоссейни Амир, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 316.77

¹ Шахуд Аула

¹ Российский университет дружбы народов

Информационные каналы RT Arabic и Аль-Джазира и их роль в медийном арабоязычном пространстве

Аннотация: проведена оценка современной роли информационных каналов RT Arabic и Аль-Джазира в медийном арабоязычном пространстве. Автор принимает во внимание факт того, что арабское спутниковое телевидение приобретает все большую известность в арабском регионе и на международном уровне, при этом отмечается его роль как противоречивого катализатора процесса демократизации и как влиятельного агента социальных, культурных и политических перемен в регионе, что становится все более важным аспектом в условиях быстро меняющегося мира, который характеризуется демократизацией и глобализацией. Rt Arabic и Аль-Джазира являются современными медийными информационными каналами в арабоязычном пространстве, однако между ними есть существенные концептуальные различия, которые определяют стиль вещания и обращения к аудитории. В то время как RT Arabic языке представляет точку зрения, альтернативную доминирующим западным СМИ, за что его части критикуют как информационный канал, транслирующий пророссийскую позицию, Аль-Джазира получила признание за всестороннее освещение региональных событий и свою критическую позицию по отношению к арабскому статус-кво. Оба канала внесли значительный вклад в арабоязычное медиaprостранство, формируя общественное мнение и играя роль в политических и социальных изменениях в арабском мире.

Ключевые слова: информационный канал, современные медиа, медийное пространство, арабские каналы, глобализация

Для цитирования: Шахуд Аула Информационные каналы RT Arabic и Аль-Джазира и их роль в медийном арабоязычном пространстве // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 125 – 129.

Поступила в редакцию: 14 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Shahod Aula

¹ Peoples' Friendship University of Russia

Information channels RT Arabic and Al-Jazeera and their role in the Arabic-language media space

Abstract: article deals with assessment of the current role of the RT Arabic and Al-Jazeera information channels in the Arabic-language media space. The author takes into account the fact that Arab satellite television is gaining increasing prominence in the Arab region and internationally, while noting its role as a controversial catalyst for the process of democratization and as an influential agent of social, cultural and political changes in the region, which is becoming an increasingly important aspect in a rapidly changing world characterized by democratization and globalization. Rt Arabic and Al Jazeera are modern media information channels in the Arabic-speaking space, but there are significant conceptual differences between them that determine the style of broadcasting and addressing the audience. While RT Arabic presents an alternative point of view to the dominant Western media, for which parts of it have been criticized as a news channel broadcasting a pro-Russian position, Al

Jazeera has received recognition for its comprehensive coverage of regional events and its critical stance towards Arab status-quo. Both channels have made significant contributions to the Arabic-language media landscape, shaping public opinion and playing a role in political and social change in the Arab world.

Keywords: *information channel, modern media, media space, Arabic channels, globalization*

For citation: Shahod Aula Information channels RT Arabic and Al-Jazeera and their role in the Arabic-language media space. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 125 – 129.

The article was submitted: October 14, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность представленной работы определяется тем фактом, что современный этап развития науки характеризуется повышенным вниманием к сфере массовых коммуникаций, потому что одна из ведущих ролей отводится информационным каналам [13]. Параллельно с технологическим развитием, импульс которому дала информационная революция, журналистика претерпела существенные изменения и вышла на новый уровень цифрового пространства [7]. Основное принципиальное отличие между старыми формами и новыми состоит в том, что современные информационные каналы стали осуществлять свою деятельность в интернете. Интернет-культура стала осязаемой реальностью, а медийная журналистика стала новым явлением, которое потребовало детального изучения как со стороны филологов, так и со стороны представителей других научных направлений [5]. Глобализация средств массовой информации стала одним из величайших достижений в науке о современных коммуникациях. Соответственно, работа с новыми медиа стала неотложным вопросом и требует большего внимания, учитывая, что цифровой мир постоянно развивается [11].

Согласно Дж. Корнеру, основной причиной большинства исследований телевидения была тревога по поводу его влияния [8]. Эта тревога вызвана опасениями по поводу воздействия средств массовой информации на современные демократические общества и защиты свободы выбора от внешних влияний, которые формируют как индивидуальное, так и общественное мнение. Причина, вероятно, не слишком очевидна для обычных зрителей и потребителей средств массовой информации, но большую часть того, что мы знаем или думаем, мы никогда не испытывали лично [10]. Мы живем в мире, созданном историями, которые мы слышим, видим и рассказываем, где воздействие средств массовой информации создает и культивирует отношения, более соответствующие версии реальности, созданной средствами массовой информации, чем тому, какова реальность на самом деле [15].

Учитывая эти концепции, влияние средств массовой информации на поведение отдельных лиц и сообществ привлекло серьезное внимание ученых в широком спектре дисциплин [4]. Цель заключалась в том, чтобы понять психологическое, социальное, культурное, экономическое и политическое воздействие средств массовой информации и их последствия не только для демократических и относительно стабильных обществ, но также для развивающихся стран и нестабильных регионов. Арабское спутниковое телевидение в последнее время привлекло большое внимание как в академическом, так и в профессиональном мире, при этом особый интерес вызывают такие информационные каналы как RT Arabic и Аль-Джазира как любопытные явления в арабском регионе [1-11]. По мнению С.В. Вендиктова, деятельность современных информационных каналов в арабоязычном пространстве ведет к политической интеграции азиатского региона, что, безусловно, предопределяет рост исследовательского интереса к данному вопросу, поскольку он характеризуется важной ролью [2].

Цели и задачи исследования состоят в изучении роли информационных каналов RT Arabic и Аль-джазира в медийном арабоязычном пространстве. Принимая во внимание факт того, что сегодня средства массовой информации играют важную и эффективную роль в процессах формирования общественного мнения, манипулирования широкими слоями населения, автор решает задачу, направленную на установление того, под влиянием каких идеологических установок формируется информационный контент двух указанных каналов.

Материалы и методы исследований

Для исследования роли информационных каналов RT Arabic и Аль-джазира в медийном арабоязычном пространстве применялись следующие методы: обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Изучение формирования идеологических установок осуществляется с помощью критического анализа.

Результаты и обсуждения

В конце 2010 и начале 2011 года арабский мир стал свидетелем волны широкомасштабных революций и протестов, охвативших многие страны региона, получивших название «революции арабской весны», волны, направленной против несправедливости, маргинализации и политической коррупции. Активисты требовали справедливости, свободы, прекращения коррупции и улучшения условий жизни. В результате этих событий вспыхнули революции в Египте, Тунисе и Ливии, и эти протесты, призывающие к реформам, распространились на другие страны, такие как Бахрейн, Марокко, Алжир, Ирак и другие, призывая к реформам и политическим изменениям [3]. Средства массовой информации, особенно телевидение, сыграли важную роль в этих событиях и изменениях в регионе. Стоит отметить, что «новые медиа» во время этих революций внесли значительный и эффективный вклад в ежедневную мобилизацию и организацию политических демонстраций и протестов.

На протяжении многих лет арабские СМИ практически полностью контролировались арабскими политическими режимами и правительствами. Они работали над мониторингом и пытались контролировать все, что пишется и транслируется новости и политические программы, чтобы сохранить стабильность этих режимов и обеспечить свою собственную стабильность. Арабская пресса и телевидение были инструментами, служившими интересам этих правительств и правящих режимов. Однако после многих лет такого контроля появился феномен арабских спутниковых каналов [6]. Феномен распространения арабских спутниковых каналов имел большое преимущество для оптимизма, поскольку он нарушил ограничения, наложенные на дискурс арабских правительственных СМИ, и освободился от официальных правительственных ограничений, наложенных на общественное мнение по различным политическим, экономическим и социальным вопросам, которые были наложены. на протяжении многих лет политическими режимами арабского мира [6]. Это явление помогло во второй половине девяностых годов двадцатого века во внедрении новых политических и интеллектуальных форм, которые позволили общественности выражать общественное мнение, а оппозиции позволили выражать свое мнение с меньшими ограничениями.

Многие арабские и международные спутниковые каналы освещали события «арабской весны» во время тунисской революции, которая широко освещалась, особенно в дни, предшествовавшие падению бывшего президента Зина эль-Абидина, а затем последовавшая египетская революция, которая также стала свидетелем обширного освещения многими спутниковыми каналами. Одним из спутниковых телеканалов, которое выделяется на фоне остальных, добиваясь перемен посредством посредничества в реальности, является Аль-Джазира, дебютировавшая в 1996 году с политическими программами без цензуры. Эта спутниковая сеть на арабском языке вызвала шок во всем арабском мире, который до этого не привык к такому конфронтационному, беспрепятственному подходу к политическим и общественным вопросам. Получив известность во всем мире благодаря показу записей с Бен Ладеном, Аль-Джазира намеревалась изменить культуру арабской журналистики, об этом неоднократно заявлял ее генеральный директор Ваддах Ханфар, и встряхнуть арабскую общественность, повышая осведомленность о проблемах, которые никогда раньше не обсуждались по телевидению, бросая вызов давно устоявшимся социальным и культурным ценностям и нормам, одновременно обсуждая истинно проблемы. Работая в метарамке демократии, эта базирующаяся в Катаре сетевая станция была встречена неоднозначной реакцией, варьирующейся от полной поддержки до полного неприятия как на Западе, так и в арабском мире. Кроме того, деятельность Аль-Джазире заложила основу для серьезных преобразований в работе арабских спутниковых каналов. Этот канал отличался во время египетской революции своей ролью, которую он сыграл в интенсивном освещении этой революции посредством длительных и непрерывных часов вещания, а также огромного количества новостей, репортажей, интервью, хостинга и прямого вещания.

Деятельность «Аль-Джазире» легла в основу серьезной трансформации работы арабских спутниковых каналов, поскольку они стали следовать их примеру, появились новые подобные им каналы, способные конкурировать с ними, что также послужило толчком к появлению нового типа каналов и программ [9]. Однако на современном этапе исследователи констатируют, что Аль-Джазира не смогла выполнить обещанные реформы и соответствовать тенденциям открытости. Продолжая поднимать спорные вопросы, Аль-Джазира достигла разочаровывающей развязки, транслируя противоречивые образы и повествования арабскому миру, погруженному в хаос и смятение, и разочарованным зрителям [6].

Таким образом, создание «Аль-Джазире» в 1996 году сыграло важнейшую роль в представлении арабской общественности демократического дискурса со всей смелостью и откровенностью, поскольку оно отошло от традиционного стиля прославления правителей и лидеров, а это, в свою очередь, привело к серьезным проблемам для арабской общественности.

RT Arabic – это новостной канал, играющий значительную роль в арабских СМИ [2]. Он был запущен в 2007 году и призван предоставить альтернативный взгляд на глобальные новости и события. Он управляется правительством России и обеспечивает освещение новостей и анализ с позиции российских интересов. Одна из ключевых ролей RT Arabic на арабском языке – представить альтернативную версию основным арабским СМИ. Он направлен на то, чтобы бросить вызов доминирующим нарративам и предложить иной взгляд на глобальные события, особенно те, которые связаны с Россией, Ближним Востоком и международной политикой. RT Arabic освещает широкий спектр тем, включая политику, экономику, культуру и социальные вопросы. Он предоставляет анализ новостей, интервью с экспертами и комментаторами, а также документальные фильмы и специальные репортажи. Канал также предлагает прямую трансляцию крупных событий, таких как выборы и саммиты. RT Arabic приобрел значительное количество поклонников в арабском мире, особенно среди тех, кто ищет альтернативные точки зрения и критический анализ освещения в основных средствах массовой информации. Он широко представлен в Интернете, имеет веб-сайт и различные платформы социальных сетей, которые позволяют зрителям знакомиться с его контентом и выражать свое мнение.

Критики утверждают, что RT Arabic часто пропагандирует российско-ориентированную риторику и используется в качестве инструмента для продвижения интересов России в регионе [7]. Они также обвиняют канал в распространении дезинформации и пропаганды. Однако сторонники утверждают, что RT Arabic обеспечивает ценное разнообразие в медиа-ландшафте и предлагает платформу для мнений и точек зрения, которые часто маргинализируются или игнорируются основными СМИ [12].

В целом, RT Arabian играет важную роль в арабских СМИ, представляя другой взгляд на глобальные события и предлагая зрителям альтернативный источник новостей и анализа. Его влияние на формирование общественного мнения и вклад в дискурс в арабском мире не следует недооценивать.

И RT Arabic и Аль-Джазира используют различные средства для доставки новостей своей аудитории. У них есть телеканалы, веб-сайты, мобильные приложения и активное присутствие в социальных сетях. Эти платформы позволяют им охватить широкую аудиторию и взаимодействовать со своими зрителями посредством интерактивных функций, прямых трансляций и контента, создаваемого пользователями.

Выводы

В предложенной статье была описана роль информационных каналов RT Arabic и Аль-джазира в медийном арабоязычном пространстве. Можно сделать вывод, что RT Arabian и Аль-Джазира – два влиятельных информационных канала в арабоязычном медиапространстве. Оба канала играют значительную роль в формировании общественного мнения и освещении новостей для арабской аудитории. Однако у них разные подходы и взгляды на различные вопросы. Он охватывает широкий спектр тем, включая политику, экономику, культуру и технологии. RT Arabian подвергся критике за предполагаемую предвзятость по отношению к российскому правительству и распространение государственной пропаганды. Аль-Джазира, с другой стороны, является известной катарской новостной сетью. Она приобрела значительную популярность благодаря широкому освещению региональных событий и своей критической позиции в отношении статуса положения дел в арабском мире. Аль-Джазира имеет более широкую сферу охвата, чем RT Arabian, освещая международные новости с особым акцентом на арабские проблемы.

Список источников

1. Аксенов К.В. Оценка индекса агрессивности по отношению к России во время сирийского кризиса: обобщение результатов контент-анализа по материалам «Аль-Джазира» // Теории и проблемы политических исследований. Ногинск, 2016. № 3. С. 306 – 309.
2. Венидиктов С.В. Информационное взаимодействие в интеграционных формированиях: структурно-функциональная характеристика пространства медиакommunikации: монография. Минск: Учреждение образования «Могилевский институт Министерства внутренних дел Республики Беларусь», 2019. 456 с.
3. Рабельников А.А. Дерхами А. Освещение событий «Арабской весны» телеканалов «Ал-Джазира» // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика, издательство Изд-во РУДН, 2015. № 2. С. 75 – 80.
4. Bednarek M. News Discourse. H. Caple. London / New York: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 39.
5. Berti B., Paris J. Beyond Sectarianism: Geopolitics, Fragmentation, and the Syrian Civil War // The Institute for National Security Studies. 2014. P. 22 – 28.
6. Blumler J., Gurevitch M. The crisis of public communication. London. Routledge, 1995. 451 p.
7. Cihat S.A. A study on states use of media tool within the context of propaganda and soft power: TRT Arabic case, Istanbul Bilgi University, Istanbul, 2017. 75 p.

8. Corner J., Schlesinger P., Silverstone R. International Media Research: A Critical Survey. London: Routledge, 1998.
9. Droz-Vincent P. State of Barbary: From the Arab Spring to the Return of Violence in Syria. The Middle East Journal. 2014. 36 p.
10. Duguid A. Evaluation as Positioning in English Language World News Channels CCTV, France 24, Russia Today, Al Jazeera, Values and Choices in Television Discourse. London. 2015. 34 p.
11. Gher L., Amin H. Civic discourse and digital age communications in the Middle East, Albex Publishing Corporation, Stamford, Connecticut, 2000. 223 p.
12. Humud C.E., Blanchard C.M., Nikitin, M.B. Armed Conflict in Syria: Overview and US Response. Congressional Research Service Washington United States. 2017. 40 p.
13. Kamalipour Y., Mowlana H. Mass media in the Middle East, a comprehensive handbook. London. 1994. 252 p.
14. Kraidy M.M. Satellite Broadcasting from Lebanon: Prospects and Perils, Transnational Broadcasting Studies, 1998. 85 p.
15. Pierce T. An Overview of the Cultivation Theory // Quoted in LeAnn Greunke, "The Cultivation Theory," Cited in Media Influence on the Creation of the Iraqi Stereotype. Meghan Blake (2004). Retrieved 4 August 2007. URL: www.colostate.edu/Depts/Speech/rccs/theory06.htm (дата обращения 07.09.2023)

References

1. Aksenov K.V. Assessment of the index of aggressiveness towards Russia during the Syrian crisis: generalization of the results of content analysis based on Al-Jazeera materials. Theories and problems of political research. Noginsk, 2016. No. 3. P. 306 – 309.
2. Venidiktov S.V. Information interaction in integration formations: structural and functional characteristics of the media communication space: monograph. Minsk: Educational Institution "Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus", 2019. 456 p.
3. Rabelnikov A.A. Derhami A. Coverage of the events of the "Arab Spring" by Al-Jazeera TV channels. Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism, publishing house Publishing house of RUDN University, 2015. No. 2. P. 75 – 80.
4. Bednarek M. News Discourse. H. Caple. London. New York: Bloomsbury Publishing, 2012. P. 39.
5. Berti B., Paris J. Beyond Sectarianism: Geopolitics, Fragmentation, and the Syrian Civil War. The Institute for National Security Studies. 2014. P. 22 – 28.
6. Blumler J., Gurevitch M. The crisis of public communication. London. Routledge, 1995. 451 p.
7. Cihat S.A. A study on states use of media tool within the context of propaganda and soft power: TRT Arabic case, Istanbul Bilgi University, Istanbul, 2017. 75 rub.
8. Corner J., Schlesinger P., Silverstone R. International Media Research: A Critical Survey. London: Routledge, 1998.
9. Droz-Vincent P. State of Barbary: From the Arab Spring to the Return of Violence in Syria. The Middle East Journal. 2014. 36 r.
10. Duguid A. Evaluation as Positioning in English Language World News Channels CCTV, France 24, Russia Today, Al Jazeera, Values and Choices in Television Discourse. London. 2015. 34 p.
11. Gher L., Amin H. Civic discourse and digital age communications in the Middle East, Albex Publishing Corporation, Stamford, Connecticut, 2000. 223 r.
12. Humud C.E., Blanchard C.M., Nikitin M.B. Armed Conflict in Syria: Overview and US Response. Congressional Research Service Washington United States. 2017. 40 r.
13. Kamalipour Y., Mowlana H. Mass media in the Middle East, a comprehensive handbook. London. 1994. 252 rub.
14. Kraidy M.M. Satellite Broadcasting from Lebanon: Prospects and Perils, Transnational Broadcasting Studies, 1998. 85 r.
15. Pierce T. An Overview of the Cultivation Theory. Quoted in LeAnn Greunke, "The Cultivation Theory," Cited in Media Influence on the Creation of the Iraqi Stereotype. Meghan Blake (2004). Retrieved 4 August 2007. URL: www.colostate.edu/Depts/Speech/rccs/theory06.htm (accessed 09/07/2023)

Информация об авторе

Шахуд Аула, аспирант, Российский университет дружбы народов, aula8shahod@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.351.1

¹ Багомедов М.Р., ¹ Джамалдинова И.Х.

¹ Дагестанский государственный университет

Библионимы аварских народных сказок

Аннотация: статья посвящена анализу библионимов аварских народных сказок. Актуальность исследования определяется значительностью освещения библионимов аварских народных сказок, изучение которых дает представление об истории аварцев и аварского языка. Актуальность работы обусловлена также необходимостью проведения лингвистического анализа библионимов аварских народных сказок с целью выявления их структурно-семантических особенностей. Как ономастические единицы библионимы занимают необычное место в ономастическом пространстве. В отличие от большей части имен собственных, служащих цели индивидуализации и идентификации объектов на основе их предметных и конкретных признаков, имена собственные произведений литературы и искусства выражают понятие не о предмете, а об идее, мысли соответствующего литературного текста.

Целью работы является этнолингвистическая характеристика библионимов аварских народных сказок и выявление их структурно-семантических особенностей.

В статье впервые рассматриваются структурно-семантические и функциональные особенности библионимов аварских народных сказок; выявляется национально-культурный компонент исследуемых единиц.

Теоретическая значимость исследования состоит в том, что оно расширяет представление об аварских народных сказках, открывая новые аспекты лингвистического анализа фольклорного текста на аварском языке.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее результаты могут быть рекомендованы для использования при изучении аварского языка и литературы в школах, педагогических колледжах и высших учебных заведениях республики. Материалы исследования могут быть использованы при создании различных типов ономастических словарей аварского языка (словаря антропонимов, словаря топонимов и др.).

Ключевые слова: собственное имя, библионим, устное народное творчество, аварская народная сказка

Для цитирования: Багомедов М.Р., Джамалдинова И.Х. Библионимы аварских народных сказок // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 130 – 134.

Поступила в редакцию: 17 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 20 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bagomedov M.R., ¹ Dzhamaldinova I.Kh.

¹ Dagestan State University

Biblionyms of Avar folk tales

Abstract: the article is devoted to the analysis of biblionyms of Avar folk tales. The relevance of the study is determined by the importance of covering the biblionyms of Avar folk tales, the study of which gives an idea of the history of the Avars and the Avar language. The relevance of the work is also due to the need to conduct a linguistic analysis of the biblionyms of Avar folk tales in order to identify their structural and semantic features. As onomastic units, biblionyms occupy an unusual place in onomastic space. In contrast to the majority of proper names,

which serve the purpose of individualization and identification of objects on the basis of their objective and concrete features, proper names of works of literature and art express the concept not of the object, but of the idea, the thought of the corresponding literary text.

The purpose of the work is to ethnolinguistically characterize the biblionyms of Avar folk tales and to identify their structural and semantic features.

For the first time, the article examines the structural, semantic and functional features of the biblionyms of Avar folk tales; the national and cultural component of the studied units is revealed.

The theoretical significance of the study lies in the fact that it expands the understanding of Avar folk tales, revealing new aspects of linguistic analysis of the folklore text in the Avar language.

The practical significance of the work lies in the fact that its results can be recommended for use in the study of the Avar language and literature in schools, pedagogical colleges and higher educational institutions of the republic. The materials of the study can be used in the creation of various types of onomastic dictionaries of the Avar language (dictionary of anthroponyms, dictionary of toponyms, etc.).

Keywords: proper name, biblionym, oral folk art, Avar folk tale

For citation: Bagomedov M.R., Dzhamaaldinova I.Kh. Biblionyms of Avar folk tales. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 130 – 134.

The article was submitted: October 17, 2023; Approved after reviewing: December 20, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность исследования определяется важностью освещения библионимов устного народного творчества одного из народов полиэтнического Дагестана – аварцев, а именно, названий аварских народных сказок. Это расширяет представление об истории и культуре аварцев, самое главное, их языка. Актуальность обусловлена ещё необходимостью провести анализ названий сказок с целью обнаружения их структурно-семантических особенностей.

Цель исследования – этнолингвистический анализ библионимов аварских народных сказок и выявление их структурно-семантических особенностей.

Для решения этой цели определены следующие **задачи**:

- зафиксировать и систематизировать библионимы аварских народных сказок;
- исследовать их как источник этнокультуры, формирующий языковую картину мира;
- выявить национально-культурный компонент названий исследуемых сказок;
- классифицировать библионимы в призме их структурно-семантических особенностей.

В процессе подготовки статьи опирались на научные концепции, разработанные отечественными ономастами в аспекте научных направлений ономастики.

Материалы и методы исследований

Материалом для исследования явились библионимы аварских народных сказок, почерпнутые из «Свода памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти томах» / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; ИН-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. – М.: Наука: а) Том 1. Сказки о животных / [сост. А.М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. – 2010. – 378 с. [6]; б) Том 2. Волшебные сказки / [сост. А.М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. – 2011. – 653 с. [7]; в) Том 3. Бытовые сказки / [сост. Ф.А. Алиева; отв. ред. А.М. Аджиев]. – 2013. – 566 с. [8].

Методологической базой данного исследования являются концепции, выявляющие проблемы взаимодействия языка и культуры, лексической семантики. В основном использовались метод синхронного анализа, а также описательный и сравнительно-исторический методы.

Результаты и обсуждения

В последние годы на изучение ономастики народов Дагестана обращается особое внимание. «Вопросам литературной ономастики посвящены квалификационные работы С.Х. Гасановой, А.Т. Абдусаламовой» [2, с. 68]. Исследователи дагестанских языков пишут, что невзирая на проведённую определённую работу, «проблема функционирования ономастических единиц в даргинской художественной литературе мало изучена» [1, с. 174]. Это касается и других литератур народов Дагестана, в том числе и устного народного творчества.

В дагестанской ономастике такой разряд онимов как библионим слабо изучен. Библионимы («библионим – название, заглавие любого письменного произведения художественного, религиозного, научного,

политического и т.д. произведений») [5, с. 42] раскрывают кругозор, мировоззрение автора, а в данном случае – целого народа.

В ономастическом пространстве библионимы занимают особое место. В отличие от других онимов, названия произведений литературы выражают понятие не о предмете, а об идее, мысли соответствующего литературного текста, произведения. «Это особая область, которую ... едва ли можно считать предметной» [9, с. 203].

Как и другие объекты ономастической номинации, «названия книг определяются в зависимости от таких компонентов, участвующих в акте номинации, как означаемое, означающее, именующий» [10, с. 15].

Особый интерес представляет ономастикон произведений устного народного творчества Дагестана. В этом ряду библионимы народных сказок представляют интерес не только для ономастологов, но и для фольклористов, историков, культурологов. В сборниках «Свод памятников фольклора народов Дагестана» отмечены библионимы сказок народов Дагестана: первый том «Сказки о животных» – сто пятьдесят один; второй том «Волшебные сказки» – семьдесят три; третий том «Бытовые сказки» – сто двадцать пять.

Из рассмотренных нами ста пятидесяти одной сказок о животных народов Дагестана двадцать две сказки являются собственно аварскими.

Библионимы аварских сказок о животных по своей семантической и структурной функциональности чрезвычайно колоритные и разнообразные: «*ЧухIараб гIункIкI*» – «Возгордившаяся мышь», «*ГьалбацIги гIункIкIги*» – «Лев и мышь», «*ГIункIкIги вараниги*» – «Мышь и верблюд», «*БацIги, церги, циги*» – «Волк, лиса и медведь», «*Церги чакьалги*» – «Лиса и шакал», «*Церги бакьучги*» – «Лиса и барсук», «*ГIанкIил хIила бегиЧIо*» – «Неудавшаяся заячья хитрость», «*Церги хазги*» – «Лиса и гусыня», «*Хераб бацI ил кечI*» – «Песня старого волка», «*ХIамаги бацIги*» – «Осел и волк», «*ЦIцIеги льябго бурутIги*» – «Коза с тремя козлятами», «*БацIил кечI*» – «Песня волка», «*Илагьвала хIинчI*» – «Птица Илагвала», «*Церги хIинчIги*» – «Лиса и птица», «*ХIамаги оци*» – «Осел и вол», «*Гьеду*» – «Ворон», «*Цидул баркала*» – «Благодарный медведь», «*ГIинукьги ЧIинукьги*» – «Гинук и Чинук», «*Царал бох*» – «Лисья ножка», «*Кьвалул хоро*» – «Стебелек земляного орешка», «*Вехьасул цIам*» – «Пастушья соль».

Двенадцать волшебных сказок являются аварскими из семидесяти пяти волшебных дагестанских сказок, включённых в данный сборник: «*ЦигIин*» – «Медвежье ухо», «*ЧегIерав нарт*» – «Черный нарт», «*Ральдал чу*» – «Морской конь», «*Сулайманги Гьадароберги*» – «Сулайман и Гадаробер», «*ГIарабузан*» – «Арабузан», «*Гьорол чу*» – «Ветряной конь», «*Муин*» – Муин, «*Эбелги льябго ясги*» – «Мать и три дочери», «*Гвадарижо*» – «Гвадарижо», «*Гьа, тIилал*» – «Ну-ка палки», «*Хьартги ЧIилбикIги*» – «Чилбик и харт», «*Рахьухьирц*» – «Ракукирц».

И в жанре бытовых сказок представлены аварские сказки. Такими являются двадцать из рассмотренных нами ста двадцати пяти бытовых сказок народов Дагестана: «*Анкьго жаваб*» – «Семь ответов», «*Ахираталдаса чиясул хабар*» – «Рассказ человека с того света», «*БаркалагьечI*» – «Неблагодарный богач», «*БахIарас бече гьаби*» – «Как жених родил теленка», «*Бесдалав*» – «Сирота», «*Бечедав чиясе рагьтIателас гьабураб*» – «Как батрак наказал богача», «*Бологи бегавулги*» – «Боло и старшина», «*Вичарав вас*» – «Проданный мальчик», «*ГIарицI цIураб кьвачIа*» – «Бурдюк, полный серебра», «*ГIачивехь*» – «Пастух», «*Гьабигьанасул лымал*» – «Дети мельника», «*Рекьай яс*» – «Хромая девушка», «*Устарлги*» – «Мастерство», «*Ханасул ясги кьоролалтIул васги*» – «Ханская дочь и сын вдовы», «*Ханги ацIила льябго сон барай ясги*» – «Хан и тринадцатилетняя девочка», «*Хиянатав дибир*» – «Обманщик дибир», «*Хьабчилъ ватарав гIакьыл*» – «Мудрец в овчине», «*ЧегIераб гьамас*» – «Черный сундучок», «*ЧIужуялге дад босизе арасул хабар*» – «Как муж покупал жене кувшин», «*Чумарт*» – «Чумарт».

Известный ономастолог В.М. Калинин пишет, что «... настоящий художник слова вряд ли позволит непродуманное или случайное использование языкового средства в своём произведении» [3, с. 252]. Мы солидарны с мнением учёного, тем более, когда это касается самого авторитетного, требовательного и дальновидного автора – народа.

В названиях аварских народных сказок зафиксированы различные ономастические единицы. Ср.:

а) в двух сказках о животных: «*Илагьвала хIинчI*» – «Птица Илагвала», «*ГIинукьги ЧIинукьги*» – «Гинук и Чинук»;

б) в шести волшебных сказках: «*Сулайманги Гьадароберги*» – «Сулайман и Гадаробер», «*ГIарабузан*» – «Арабузан», «*Муин*» – «Муин», «*Гвадарижо*» – «Гвадарижо», «*Хьартги ЧIилбикIги*» – «Чилбик и харт», «*Рахьухьирц*» – «Ракукирц»;

в) в двух бытовых сказках: «*Бологи бегавулги*» – «Боло и старшина», «*Чумарт*» – «Чумарт».

Анализ показывает, что в количественном соотношении лидируют библионимы волшебных сказок. Данный факт подтверждает специфику этого жанра.

Ономатологи отмечают, что «... имя собственное в художественном тексте не существует само по себе. Оно включается в ономастическую систему каждого художника слова, и, следовательно, должно рассматриваться на фоне этой системы в контексте всего произведения» [4, с. 230].

Подвергнутые анализу названия сказок по своему составу подразделяются на несколько групп:

а) однословные (зафиксировано девять названий): «Гьеду» – «Ворон», «Парабузан» – «Арабузан», «Муин» – «Муин», «Гвадарижо» – «Гвадарижо», «Рахъухъириц» – «Ракукириц», «Гачивехъ» – «Пастух», «Устарлъи» – «Мастерство», «Чумарт» – «Чумарт», «Бесдалав» – «Сирота»;

б) двусловные (тридцать названий): «ЧухIараб гIункIкI» – «Возгордившаяся мышь», «ГьалбацIги гIункIкIги» – «Лев и мышь», «ГIункIкIги вараниги» – «Мышь и верблюд», «Церги чакъалги» – «Лиса и шакал», «Церги бакъучги» – «Лиса и барсук», «Церги хазги» – «Лиса и гусыня», «ХIамаги бацIги» – «Осел и волк», «БацIил кечI» – «Песня волка», «Илагъвала хIинчI» – «Птица Илагвала», «Церги хIинчIги» – «Лиса и птица», «ХIамаги оцги» – «Осел и вол», «Цидул баркала» – «Благодарный медведь», «ГIинукъги ЧIинукъги» – «Гинук и Чинук», «Царал бох» – «Лисья ножка», «Къвалул хоро» – «Стебелек земляного орешка», «Вехъасул цIам» – «Пастушья соль», «ЧегIерав нарт» – «Черный нарт», «Ралъдал чу» – «Морской конь», «Сулайманги Гьадароберги» – «Сулайман и Гадаробер», «Гьорол чу» – «Ветряной конь», «Муин» – «Муин», «Гьа, тIилал» – «Ну-ка палки», «Хьартги ЧилбикIги» – «Чилбик и харт», «Анкъго жаваб» – «Семь ответов», «Рекъай яс» – «Хромая девушка», «Бологи бегаулги» – «Боло и старшина», «Вичарав вас» – «Проданный мальчик», «Хиянатав дибир» – «Обманщик дибир», «ЧегIераб гьамас» – «Черный сундук», «Гьабигъанасул лъимал» – «Дети мельника»;

в) трёхсловные (восемь названий): «БацIги, церги, циги» – «Волк, лиса и медведь», «ГIанкIил хIила бегицIо» – «Неудавшаяся заячья хитрость», «Хераб бацIил кечI» – «Песня старого волка», «ЦIцIеги лъабго бурутIги» – «Коза с тремя козлятами», «Эбелги лъабго ясги» – «Мать и три дочери», «Хьабчилъ ватарав гIакъил» – «Мудрец в овчине», «Ахираталдаса чиясул хабар» – «Рассказ человека с того света», «ГIарицул цIураб къвачIа» – «Бурдюк, полный серебра»;

г) четырёхсловные (два названия): «Бечедав чиясе рагътIателас гьабураб» – «Как батрак наказал богача», «Ханасул ясги къоролалъул васги» – «Ханская дочь и сын вдовы»;

д) пятисловные (пять названий): «Чужуялъе дад босизе арасул хабар» – «Как муж покупал жене кувшин»;

е) шестисловные (три названия): «Ханги аницIила лъабго сон барай ясги» – «Хан и тринадцатилетняя девочка».

В количественном отношении больше всего отмечены двухсловные библионимы – всего тридцать библионимов.

Выводы

Таким образом, проведённый анализ названий аварских народных сказок, ещё раз подтверждает бытующее в ономастике положение о том, что библионим – это особая разновидность имени собственного произведения, исходная эстетическая единица номинации, без которой произведение любого жанра теряет свою самостоятельность и узнаваемость в культурном контексте каждой эпохи. По своей семантической и структурной функциональности библионимы рассмотренных сказок весьма ярки и многообразны.

Список источников

1. Багомедов М.Р. Онимы в даргинской художественной литературе // Антология поэтономологической мысли. Донецк: Юго-Восток, 2008. Т. 1. С. 174 – 182.
2. Багомедов М.Р. Ономастика Северного Кавказа // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. Ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 52 – 81.
3. Калинин В.М. Имя собственное как поэтоним // Теория и практика ономастических и дериватологических исследований: коллективная монография / Науч. Ред. В.И. Супрун, С.В. Ильясова. Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2017. С. 230 – 264.
4. Намитокова Р.Ю., Нефляшева И.А. В мире имён собственных. Лингвистические беседы по краеведению. Майкоп: изд-во АГУ, 2016. 292 с.
5. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1988. 192 с.
6. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; ИН-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2011. Т. 1. Сказки о животных / сост. А.М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев. 2010. 378 с.

7. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; ИИ-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2011. Т. 2. Волшебные сказки / сост. А.М. Ганиева; отв. ред. А.М. Аджиев. 2011. 653 с.
8. Свод памятников фольклора народов Дагестана: в 20-ти т. / под ред. акад. Г.Г. Гамзатова; ИИ-т языка, лит. и искусства им. Г. Цадасы ДНЦ РАН. М.: Наука, 2011. Т. 3. Бытовые сказки / сост. Ф.А. Алиева; отв. ред. А.М. Аджиев. 2013. 566 с.
9. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. 2-е изд., испр. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 368 с.
10. Теория и методика ономастических исследований / Отв. ред. А.П. Непокупный. М., 1986. 254 с.

References

1. Bagomedov M.R. Onims in Dargin fiction. Anthology of poetonymological thought. Donetsk: South-East, 2008. Т. 1. P. 174 – 182.
2. Bagomedov M.R. Onomastics of the North Caucasus. Theory and practice of onomastic and derivativeological research: collective monograph. Scientific. Ed. IN AND. Suprun, S.V. Ilyasova. Maykop: Publishing House "Magarin O.G.", 2017. P. 52 – 81.
3. Kalinkin V.M. Proper name as a poetonym. Theory and practice of onomastic and derivative-logical research: collective monograph. Scientific. Ed. IN AND. Suprun, S.V. Ilyasova. Maykop: Publishing House "Magarin O.G.", 2017. P. 230 – 264.
4. Namitokova R.Yu., Neflyasheva I.A. In the world of proper names. Linguistic conversations on regional studies. Maykop: ASU Publishing House, 2016. 292 p.
5. Podolskaya N.V. Dictionary of Russian onomastic terminology. 2nd ed., revised. and additional M.: Nauka, 1988. 192 p.
6. Collection of monuments of folklore of the peoples of Dagestan: in 20 volumes. ed. acad. G.G. Gamzatova; Institute of Language, lit. and art to them. G. Tsadasy DSC RAS. M.: Nauka, 2011. Т. 1. Tales of animals. comp. A.M. Ganieva; resp. ed. A.M. Adzhiev. 2010. 378 p.
7. Collection of monuments of folklore of the peoples of Dagestan: in 20 volumes. ed. acad. G.G. Gamzatova; Institute of Language, lit. and art to them. G. Tsadasy DSC RAS. M.: Nauka, 2011. Т. 2. Fairy tales. comp. A.M. Ganieva; resp. ed. A.M. Adzhiev. 2011. 653 p.
8. Collection of monuments of folklore of the peoples of Dagestan: in 20 volumes. ed. acad. G.G. Gamzatova; Institute of Language, lit. and art to them. G. Tsadasy DSC RAS. M.: Nauka, 2011. Т. 3. Everyday tales. comp. F. Alieva; resp. ed. A.M. Adzhiev. 2013. 566 p.
9. Superanskaya A.V. General theory of proper names. 2nd ed., rev. M.: LKI Publishing House, 2007. 368 p.
10. Theory and methodology of onomastic research. Rep. ed. A.P. Not purchased. M., 1986. 254 p.

Информация об авторах

Багомедов М.Р., доктор филологических наук, профессор, Дагестанский государственный университет, b_musa@mail.ru, 8 (8722) 68-23-26; тел. моб. 8 928 5267076

Джамалдинова И.Х., Дагестанский государственный университет

© Багомедов М.Р., Джамалдинова И.Х., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.9. Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки)

УДК 070.1

¹ Ли Дунцзэ

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Специфика международной журналистики и ее основные черты

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы, связанные с спецификой международной журналистики и ее основными чертами. Цель исследования – изучить специфику международной журналистики, выявить основные особенности и черты. Основные методы исследования: метод анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие. Определено понятие «международная журналистика». Рассмотрены основные задачи международной журналистики на современном этапе развития. Основной задачей международной журналистики является освещение важной общественной информации, привлечение внимания зрителей, обсуждение основных проблем посредством комментариев. Среди других основных задач автор отмечает: формирование общественного мнения по той или иной проблеме, содействие международному диалогу и пониманию, защита прав и свобод человека, отстаивание справедливости в современном быстроменяющемся мире и т.д. Автором подчеркивается важность работы журналиста-международника. Рассмотрены ценности, лежащие в основе специфики международной журналистики. Изучена специфика международной журналистики через ее основные жанры. Считаем, что существуют огромные перспективы для дальнейшего совершенствования и развития международной журналистики на основе внедрения инноваций, новых идей, творческих решений. Автором статьи подчеркивается важность роли и значения международной журналистики в современном постоянно меняющемся мире.

Ключевые слова: международная журналистика, специфика, основные черты, обсуждение, мировое сообщество, события

Для цитирования: Ли Дунцзэ Специфика международной журналистики и ее основные черты // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 135 – 140.

Поступила в редакцию: 17 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Li Dongze

¹ St. Petersburg State University

The specifics of international journalism and its main features

Abstract: the article discusses issues related to the specifics of international journalism and its main features. The purpose of the study is to study the specifics of international journalism, to identify the main features and traits. The main research methods are the method of analysis, comparison, logical reasoning and many others. The concept of “international journalism” is defined. The main tasks of international journalism at the present stage of development are considered. The main task of international journalism is to cover important public information, attract the attention of viewers, and discuss major issues through comments. Among other main tasks, the author notes: formation of public opinion on a particular issue, promotion of international dialogue and understanding, protection of human rights and freedoms, upholding justice in today’s rapidly changing world, etc. The author emphasizes the importance of the work of an international journalist. The values underlying the specifics of interna-

tional journalism are considered. The specifics of international journalism through its main genres are studied. We believe that there are huge prospects for further improvement and development of international journalism based on the introduction of innovations, new ideas, and creative solutions. The author of the article emphasizes the importance of the role and importance of international journalism in today's constantly changing world.

Keywords: international journalism, specifics, main features, discussion, world community, events

For citation: Li Dongze The specifics of international journalism and its main features. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 135 – 140.

The article was submitted: October 17, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования заключается в том, что в условиях глобализации экономических процессов значение международной журналистики значительно возрастает, поскольку возникает необходимость осведомленности и доступности получения информации, касающейся различных сфер и направлений жизнедеятельности общества [4, с.38]. Так, средства массовой информации почти мгновенно предоставляют актуальную информацию о всех происходящих событиях в мире, рассматривая их влияние и последствия. Важно отметить, что международная журналистика включает в себя большое количество разнообразных направлений, тематик для обсуждения, разговорных тем. В последнее время роль международной журналистики особенно возрастает в связи с нарастанием геополитической напряженности и конфликтностью между странами. Международная журналистика имеет также свои специфические черты и выполняет определенные задачи в современном мире. Специфика международной журналистики заключается в решении различного круга задач, отвечающих потребностям мирового общества и ряда государств.

Основными задачами международной журналистики являются следующие:

- 1) освещение событий, происходящих в мире;
- 2) анализ влияния международных событий на жизнь общества и государства;
- 3) изучение отдельных международных аспектов деятельности по различным направлениям, а также работу средств массовой информации (СМИ) и журналистов;
- 4) обеспечение непрерывного информационного обмена между всеми участниками процесса;
- 5) осуществление межкультурной коммуникации в мировом сообществе и т.д.

Считаем, что существуют огромные перспективы для долгосрочного развития международной журналистики и выхода ее на новый уровень развития.

Материалы и методы исследований

При проведении исследования использовались труды российских и зарубежных ученых. При проведении данного исследования были использованы следующие методы: анализа, сравнения, логического рассуждения и многие другие.

Вопросы, касающиеся международной журналистики и ее основные черты рассматривали многие ученые такие, как К.А. Антонова, Ю.С. Любанов, А.В. Якубов и другие. Считаем, необходимым продолжить исследование в данном направлении и более подробно изучить отдельные вопросы темы.

Результаты и обсуждения

Под международной журналистикой следует понимать раздел журналистики, который изучает международные отношения между всеми участниками мирового пространства, международные связи, работу СМИ и журналистов, а также осуществляет сбор, анализ, систематизацию, обработку и передачу информации по различным каналам коммуникации и связи [10, с. 99].

Роль международной журналистики в современном мире проявляется через реализацию нескольких основных задач:

- 1) информирование общества – работа международного журналиста заключается в сборе актуальной информации, касающейся происходящих событий и доведение их до целевой аудитории;
- 2) формирование общественного мнения среди массы людей – международные журналисты побуждают общественность к критическому мышлению, дебатам, высказыванию различных мнений и точек зрения на те или иные проблемы;
- 3) содействие международному диалогу и пониманию – международные журналисты, освещая события, мировые проблемы и ценности стремятся, чтобы общественность пришла к единому мнению, пониманию, устранению конфликтов и разногласий, уважению друг друга;

4) защита прав человека – международные журналисты в своей профессиональной работе выполняют контрольно-аналитическую функцию. Они расследуют различные события, выявляют факты нарушения действий, коррупции, информируют общественность и призывают к ответственности;

5) продвижение мира и справедливости – международные журналисты в своих выступлениях освещают не только не только проблемы, носящие глобальный характер, но и стимулируют общественное сознание к продвижению мира и справедливости [5, с. 19].

Кроме того, международная журналистика выполняет этическую функцию в обществе путем предоставления достоверной информации, касающейся культуры, образования, традиций, обычаев в обществе, формируя таким образом общественное мировоззрение и ценности.

Таким образом, международная журналистика помогает лучше понять процессы и события в мировом масштабе и найти эффективный и грамотный подход к их решению.

К основным чертам международной журналистики можно отнести следующие:

- 1) измеримость;
- 2) пространственность – предполагает широкий круг охвата информационных событий, происходящих в мире;
- 3) взаимосвязанность – отражает тесную связь между различными участниками информационного международного пространства;
- 4) интерактивность – предполагает характер и степень взаимодействия между различными участниками мирового пространства;
- 5) открытость (публичность) – возможность открытого и легкого доступа для широкого круга пользователей информации;
- 6) мгновенность – предполагает высокую скорость получения международной информации;
- 7) экономичность – предполагает краткое и сжатое освещение тематики международных событий;
- 8) персональный подход – раскрытие информации для конкретной целевой аудитории;
- 9) масштабность – раскрытие информации мирового масштаба;
- 10) инфоцентричность – предполагает концентрацию внимания на самых главных международных событиях или информации и т.д. [7, с. 108].

Особая роль в международной журналистике принадлежит непосредственно журналисту, как лицу выполняющему поставленные перед ним задачи. Основные требования, предъявляемые к журналисту: коммуникабельность, находчивость, эрудиция, грамотность, понимание и т.д. Кроме того, журналист должен быть одновременно социологом, историком, искусствоведам, дипломатом. Журналист должен показать целевой аудитории материал на основе произошедших событий с полным отражением картины всех моментов, подробно разъяснить его и прокомментировать. Каждое слово, сказанное журналистом-международником, имеет огромное значение для широкой публики, так как неправильное толкование может нанести урон и снизить репутацию страны. В функции журналиста не входит принятие решений, выдвижение идей. Поэтому можно сказать, что он освещает темы происходящих событий «со стороны» (с позиции наблюдателя).

К специфическим особенностям международной журналистики в современных условиях можно отнести следующие ценности:

- 1) этноцентризм – большинство международных журналистов видят картину происходящих событий в мире глазами соотечественников и, следовательно, это также отражается на характере передачи основных новостей;
- 2) альтруистическая демократия международной журналистики – это критика со стороны приверженцев демократической формы управления, которые выступают против других форм государственного строя;
- 3) «ответственный капитализм» – в основе данной ценности лежит понимание и убеждение журналиста о том, что бизнесмены, как правило, не ставят своей основной целью получение высокой прибыли, а наоборот, стремятся создать условия для общественного процветания и роста;
- 4) провинциальные пасторали – журналисты романтизируют сельскую жизнь, основываясь на том, что там преобладает покой, размеренность. В отличие от крупных городов в которых существует суета, спешка, проблемы и т.д.;
- 5) индивидуализм – акцентирование внимания со стороны международного журналиста на конкретных личностях, которые способны преодолевать проблемы, невзгоды, трудности;
- 6) умеренность – в большинстве случаев международные журналисты придерживаются практики умеренности при освещении материалов, событий;

7) общественный порядок – данная ценность в международной журналистике при освящении основных материалов и событий, носящих, как правило, отрицательный характер (войны, землетрясения, пожары, катаклизмы и т.д.) рассматривается, не как основной призыв к беспорядку, а наоборот, к его обеспечению;

8) престиж власти – согласно данной ценности в международной журналистике основной акцент делается на рассмотрении личностей, занимающих руководящие посты, поскольку именно они способны повлиять и изменить ход основных событий в той или иной стране.

Важно отметить жанровую специфику международной журналистики, которая заключается в большом многообразии тематических направлений, средств выразительности и охвату действий. В международной журналистике самыми распространенными жанрами являются: аналитические, информационные, художественно-публицистические. Рассмотрим более подробно каждый из жанров. К аналитическим жанрам относятся международные обзоры, комментарии журналистов, письмо, рецензия и т.д. Они имеют широкий масштаб освещения событий по времени и территориальным границам [2, с. 177].

Информационные жанры отличаются высокой степенью информативности, скоростью передачи информации. Это, прежде всего, заметка, репортаж, интервью. И наконец, художественно-публицистический жанр раскрывает тематику основных событий через высокую степень эмоциональности. Здесь используются понятийные и образно-выразительные средства. К такому виду жанра можно отнести очерк, памфлет, фельетон. На рис. 1 представлены основные жанры, используемые в международной журналистике.

Рис. 1. Основные жанры, используемые в международной журналистике.

Fig. 1. The main genres used in international journalism.

Следует отметить, что при всем жанровом многообразии на практике может использовать целая совокупность жанровых характеристик и подходов для освещения информационного материала и событий.

Основными проблемами, с которыми может столкнуться международная журналистика могут стать следующие:

1) ограничение свободы слова и прессы – со стороны общественности могут возникать различные разногласия на те или иные проблемы, вопросы, поэтому, чтобы избежать последствий существуют запреты со стороны правительства и других организаций, что может затруднять работу международных журналистов;

2) безопасность и возможные риски – работа международных журналистов часто сопряжена со сложными и опасными ситуациями, которые могут нанести непоправимый ущерб здоровью и жизни человека. Как следствие, могут существовать препятствия для получения достоверной информации от первоисточника;

3) языковые и культурные барьеры – международные журналисты, пребывая в различных странах в рамках своей профессиональной деятельности могут столкнуться с языком, традициями, культурой других

народов. Поэтому необходимо быть готовым взаимодействовать с местным населением, принимать их обычаи, менталитет;

4) доступ к информации – международные журналисты часто сталкиваются с проблемой доступа к информации в тех случаях, когда она является закрытой или ограниченной;

5) дезинформация и фейки – в современном информационном пространстве существуют недостоверные каналы и источники информации, которые путем предоставления ложных сведений могут также затруднять работу международных журналистов.

Наличие данных проблем не снижает ценность международной журналистики во всем мире, а наоборот открывает огромные перспективы для ее дальнейшего развития.

Международная журналистика продолжается активно развиваться в настоящее время. Существует огромное количество успешных международных проектов, внедряются инновации. Основными перспективами развития международной журналистики являются: формирование мультимедийного контента, использование широкомасштабной сети Интернет, развитие новых форматов и жанров, распространение информации посредством использования социальных сетей, развитие мобильной журналистики и т.д. Все эти и другие возможности позволяют выйти на новый уровень развития, преодолеть глобальные проблемы, найти эффективные пути выхода из сложившихся ситуаций, внедрить новые идеи и международные проекты.

Выводы

Можно сделать вывод, что международная журналистика играет очень важную роль в информационном обмене между различными народами, культурами, странами. Она участвует в формировании общественного мнения, освящает основные проблемы и тенденции развития в мировом сообществе. Масштабность охвата носит различный характер, начиная от мелкого, детального рассмотрения вопросов на уровне отдельной личности, города, отдельной страны, заканчивая мировым уровнем. При этом в международной журналистике используются различные формы преподнесения того или иного материала: интервью, обзор событий, репортажи, новости. Данная информация может касаться культуры, политики, медицины, образования и т.д. Международная журналистика также играет важную роль в защите прав и свобод человека, столкнувшихся с трудностями и проблемами в той или иной области деятельности.

Список источников

1. Антонова К.А. Международная журналистика. М.: ИНФРА-М, 2022. 297 с.
2. Землянова М.Л. Модернизация современного журналистского образования. М.: Наука, 2021. 285 с.
3. Ким М. Основы теории журналистики. СПб.: Питер. 2013. 288 с.
4. Ковалев И.В. Проблемы международной журналистики. М.: Наука, 2021. 381 с.
5. Лобанов Ю.С. Основы журналистики. М.: Флинта, Наука, 2019. 184 с.
6. Мочалова Я.В. Влияние образования на формирование личности // Актуальные проблемы развития науки и современного образования. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ». 2017. С. 246 – 247.
7. Михайлов С.А. Современная зарубежная журналистика. СПб.: Изд-во Михайлова В.А. 2005. 340 с.
8. Якубов А.В. Международная журналистика в современное время. М.: Наука. 2020. 150 с.
9. Aronson J. Packaging the news. A critical survey of press, radio, TV. New York. 1971. 300 p.
10. Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L. 1993. 160 p.

References

1. Antonova K.A. International journalism. M.: INFRA-M, 2022. 297 p.
2. Zemlyanova M.L. Modernization of modern journalistic education. M.: Nauka, 2021. 285 p.
3. Kim M. Fundamentals of the theory of journalism. SPb.: Peter. 2013. 288 p.
4. Kovalev I.V. Problems of international journalism. M.: Nauka, 2021. 381 p.
5. Lobanov Yu.S. Fundamentals of journalism. M.: Flinta, Nauka, 2019. 184 p.
6. Mochalova Y.V. The influence of education on the formation of personality. Current problems of the development of science and modern education. Belgorod: Publishing House "Belgorod" National Research University "BelSU". 2017. pp. 246 – 247.
7. Mikhailov S.A. Modern foreign journalism. St. Petersburg: Publishing house of Mikhailov V.A. 2005. 340 p.
8. Yakubov A.V. International journalism in modern times. M.: Science. 2020. 150 p.

9. Aronson J. Packaging the news. A critical survey of press, radio, TV. New York. 1971. 300 p.
10. Dordick H.S., Wang G. The Information Society: A Retrospective View. Newbury Park-L. 1993. 160 p.

Информация об авторе

Ли Дунцзэ, Санкт-Петербургский государственный университет, st084602@student.spbu.ru

© Ли Дунцзэ, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-26

¹ Садыгова Нигяр Фируз гызы

¹ Бакинский славянский университет, Азербайджан

К некоторым аспектам азербайджанского языка в XI веке

Аннотация: цель исследования заключается в определении круга авторов, историков и поэтов, писавших об азербайджанском языке в 11-м столетии. В данной статье рассмотрены ценные мысли таких философов и поэтов, как Ягут Хамави, С.Кесреви, Гасаноглу и т.д., подчеркнута всевозрастающая роль азербайджанского языка, как в народе, так и в форме арабской письменности.

В научной статье автор обращается к бессмертному эпосу тюркских народов – «Китаби-Деде Горгуд», относящимся к 11 веку и представляет на обзор читателя факт наличия Азербайджанского языка не только в качестве универсальной площадки для общения, но и как художественную форму.

В статье приведены поэтические примеры из поэзии азербайджанских поэтов и мыслителей той исторической эпохи, которые мыслили и творили свои труды по арабскому алфавиту на азербайджанском диалекте тюркского языка.

Научная новизна работы заключается в представлении признанных фактов, подчеркивающих формирование азербайджанско-тюркского языка независимо от влияния персидского культурного пространства.

В результате выявлен факт наличия независимого от влияния фарси колоритного и полностью автономного народного языка азербайджанцев, в последствии украсившего семью тюркских языков на Ближнем и Среднем Востоке.

Статья предназначена как для специалистов по языку и литературе народов Южного Кавказа и Ближнего Востока, так и для широкой аудитории читателей.

Ключевые слова: азербайджанский язык, тюркский язык, азербайджанские поэты, эпос, стихотворение, средние века

Для цитирования: Садыгова Нигяр Фируз гызы К некоторым аспектам азербайджанского языка в XI веке // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 141 – 148.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Sadygova Nigyar Firuz gyzy

¹ Baku Slavic University, Azerbaijan

To some aspects of the Azerbaijani language in the XI century

Abstract: purpose of the study is to determine the circle of authors, historians and poets who wrote about the Azerbaijani language in the 11th century. This article examines the valuable thoughts of such philosophers and poets as Yagut Hamawi, S. Kesrewi, Gatran Tabrizi, Hasanoglu, etc., emphasizing the increasing role of the Azerbaijani language, both among the people and in the form of Arabic writing.

In the scientific article, the author refers to the immortal epic of the Turkic peoples, Kitabi-Dede Gorgud, dating back to the 11th century and presents for the review to the reader the fact of existence of the Azerbaijani language not only as a universal platform for communication, but also as an art form.

The article provides poetic examples from the poetry of Azerbaijani poets and thinkers of that historical era, who thought and created their works in the Arabic alphabet in the Azerbaijani dialect of the Turkic language.

Scientific novelty of the paper lies in presentation of recognized facts emphasizing the formation of the Azerbaijani-Turkic language regardless of the influence of the Persian cultural space.

As a result, there was revealed the fact of existence of a colorful and completely autonomous folk language of Azerbaijanis, independent of the influence of Farsi, which subsequently adorned the family of Turkic languages in the Near and Middle East.

The article is intended both for specialists in the language and literature of the peoples of the South Caucasus and the Middle East, and for a wide audience of readers.

Keywords: the Azerbaijani language, the Turkic language, Azerbaijani poets, epic, poem, the Middle Ages

For citation: Sadygova Nigyar Firuz gyzy To some aspects of the azerbaijani language in the XI century. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 141 – 148.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 14, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Понимание национальной принадлежности Гатрана и связи его поэзии с Азербайджаном во многом зависит от правильного осознания данного вопроса. Трактовка вопроса важна также и для пояснения некоторых моментов, которые мы оставили открытыми в предыдущих разделах (Насир Хосров о Гатране, язык, использовавшийся в Азербайджане в X-XI веках и др.). Арабские географы X-XIII веков отмечают, что население Азербайджана говорит на особом языке, совершенно отличном от арабского и персидского (языкдари) языков, и этот язык называется «азерийя» или «азери». В первой половине X века Масуди, побывавший в городах Ирана и Азербайджана, пишет, что наряду с официальным языком иалфавитом, в разных вилятахиспользуются разные языки: «пехлеви», «дари», «азери» и другие. Известный путешественник и учёный Абу Абдулла Башшари аль-Мукаддаси (ал-Макдиси) в своей книге «Ахсанул-Тагасим» (985 г.) отделяет язык, на котором говорят азербайджанцы, от «аджами» (персидского) языка и говорит:

«**لغتهم عكس**» («Язык у них сложный, трудный»). Ибн Ховгаль (977г) подтвердил, что официальным языком в Азербайджане является персидский и арабский, и написал: «Однако очень мало людей общается по-арабски. Но купцы и землевладельцы свободно говорят на этом языке. У черни места свои языки. Например, арабская община говорит по-арабски, а община Барды – на арранском» [4, с. 250].

Материалы и методы исследований

Этой проблеме посвящено множество работ [1, 2, 3, 4, 5, 6]. В основном мы опирались на работы М. Махмудова, Ягут Хамави, М.Кашгари, Е.Бертельса и др., анализировавших историю азербайджанского языка. В ходе исследования были использованы материалы Национальной библиотеки Азербайджана, сделаны выводы на основе их анализа.

В статье использован метод лингвокультурологического анализа, сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

Арабский автор из более поздней эпохи Ягут Хамави (1179-1229) поддерживает Мугаддаси в вопросе азербайджанского языка. Ягут Хамави указывает, что «азербайджанский народ имеет свой язык и никто, кроме них, не понимает этот язык, называемый «азерийя» [10, с. 160].

По сведениям Ягута Хамави становится очевидно, что азербайджанский язык был не только разговорным языком, но и назывался арабами «азербайджанским» или «азарией» в период его использования в качестве литературного языка (VIII век)! Это явно опровергает мнение исследователей (С.А. Кесреви, В.Б. Миллер и др.), объявивших азербайджанский язык «мертвым языком» в трудах арабских ученых.

Подобно тому, как арабские географы, говоря об Аране, называли язык населения «аррани» (по-аррански), они также называли язык населения Азербайджана «азери» или «азерийя» по названию местности. Именно это наблюдается у большинства средневековых авторов, и не только у арабских.

В работах арабских учёных даны специфические особенности азербайджанского языка: он совершенно отличен от арабского, пехлевидского и аджамиского (персидского или дари) языков, он непонятен тем, кто знает эти языки, это очень сложный язык (Ибн Фавгал)

Язык, названный арабскими авторами «азери», есть не что иное, как азербайджанский тюркский. Знаменитая запись Хатиба Тебризи – яркое тому доказательство. Запись Хатиба является ценнейшим документом, показывающим, что азербайджанский язык был разговорным языком народа на большой территории в 50-х годах XI века, примерно 1000 лет назад. Информация, предоставленная Насиром Хосровым о Гатране, дает возможность сделать однозначный вывод о нем. То, что Гатран «пишет хорошие (прекрасные) стихи на персидском языке, но плохо знает персидский язык», не подлежит сомнению, что родным языком поэта является азербайджанский. «Персидский язык он знал не очень-то хорошо» – выражение должно относиться к разговорному языку. Хотя бы потому, что это противоречит первой части утверждения. Однако имеющийся у нас Диван поэта подтверждает, что Гатран действительно является «исключительным мастером слога на фарси».

В стихах поэта встречаются такие азербайджанские слова, как «даш (камень)» и «су (вода)».

حدث ابو سعد السمعاني في كتاب النسب وقد ذكر المعري فقال بعد وصفه
وذكر تلميذه ابو زكريا التبريزي انه كان تاعدا في مسجد بمصر النعمان بين
يدي ابي العلا يقرأ عليه شيئا من تصانيفه قال وكنت قد اقامت عنده سنين ولم ارا
احدا من اهل بلدي فدخل المسجد مخافا بحضرة جيراننا للصلاة فترابته وعرفته
فتشيت من الفرج فقال لي ابو العلا ايضا صابك فحكيت له اني رايت جارا لي بعد ان لم
القي احدا من اهل بلدي سنتين فقال لي ثم وكلته فقلت حتى اتم السبق فقال ثم
انا انتظرك فقلت وكلته بلسان الاندية شيئا كثيرا الى ان سالت عن كل ما اردت فلما
رجعت وتعدت بين يديه قال لي اي لسان هذا قلت هذا لسان اهل آذربايجان فقال
لي ما عرفت اللسان ولا فهمته غير اني حفظت ما قلتما ثم اعاد علي اللفظ بعينه من
غير ان ينقص عنه او يزيد عليه جميع ما قلت وقال جاري فتعجب غايبة
التعجب كيف حفظ ما لم يفهمه .

(перевод с оригинала) Абу Саид Самани восхваляет Маарри и его ученика Абу Закарию Тебризи в «Китаб аль-Ансаб» и говорит, что однажды он «сидел перед Абул-Ала в мечети в Маарратун Немане и читал его произведения. Хатиб рассказывает, что я несколько лет пребывал у Абул-Ала. За это время я не видел ни одного из своих соотечественников. Вдруг один из наших соседей вошел в мечеть помолиться. Я узнал его, как только увидел, и настроение у меня поднялось от радости. Абул-Ала спросил: «Что с тобой случилось?» Я ответил, что уже два года, как не видел никого из своего города, и вот только что приехал один из моих соседей. Он сказал: «Иди, поговори с ним!» Я сказал: «После занятий поговорю». Он сказал: «Ступай, я тебя подожду». Я подошел к своему, много говорил с ним по-азербайджански, спросил, что хотел. Когда вернулся и сел перед учителем, он спросил у меня: «Что это за язык?» Я ответил: «Это язык азербайджанцев». Он сказал: «Я не знаю этого языка, ничего не понял из вашего разговора. Но я запомнил то, что вы говорили друг другу». Затем он повторил то, что сказали я и мой сосед, ничего не добавляя и не убавляя, буквально слово в слово. Я был крайне удивлен, как он запомнил то, чего не понимал» [8, с. 137].

Неудивительно, что поэт не владеет разговорным персидским языком. Даже сейчас, в Тебризе, у нас есть много ученых и поэтов, которые пишут свои произведения на персидском языке, но поскольку они не относятся к числу людей, которые общаются на этом языке, они не могут хорошо говорить по-персидски. Таким был и сам С.А. Кесреви...

Другим фактором, который сковывал речевые способности Гатрана в беседах с Насиром Хосровым, был его хорасанский диалект. Ю.Д. Бертельс справедливо пишет: «Теперь очевидно, что персидский язык Хорасана не был родным языком Гатрана, уроженца Тебриза, и поэтому ему было не так легко общаться с Насиром Хосровым, говорившим на хорасанском языке. Гатран изучал тот литературный язык, на котором сам писал...» [2, с. 30].

С.А. Кесреви пытается обосновать свои ошибочные суждения об азербайджанском языке и приводит некоторые примеры из источников XIV-XV веков. Рубаи (четверостишия), приведенные историком в качестве примера, копируем и сюда (с сохранением порядкового номера).

II	
هرا واسان بروران اوریری خونیم زانیر کورو او زاکیری	هرکه بالایوان دوست اکیری من جو مالایوان زره با و
شوو رو بسته داری کامرو بند خداوند بنده بی بنده خداوند	هرکه اورا منه بنام بخوند کاریا میرسی جهانم داران

Кроме указанных рубаи, даны также четыре короткие фразы, содержащие несколько слов, лексически тождественных им [3, с. 45]. Согласно преданиям, двенадцать из рубаи (I, IV-XIV) принадлежат Шейху Сафи. По словам Кесреви, это на языке «азери». Рубай II – по одному из уст Халхами, а рубай III – из уст женщины, которая работает в саду недалеко от Ардебилля (оказывается, это было на языке пехлеви!). Если бы примеры, приведенные Кесреви, относились к языку «азери» в том смысле, который он понимал, арабские ученые должны были понимать этот язык. Потому что эти примеры более или менее понятны любому, кто знаком с персидским языком! Мы затрудняемся объяснить желание до такой степени унижить язык азе-ри. Литературному сообществу известен беспрецедентный вклад в персидский альманах азербайджанских поэтов, писавших по дворцовой традиции на фарси. Ставить под сомнение язык, мышление, образ жизни, обычаи и художественные навыки миллионного народа, проживающего на большой территории, и предста-вить народ, говорящий на азербайджанском турецком языке, как не имеющего корней, - проявление безраз-личия к литературному наследию большого народа с тюркскими корнями.

III	
دیره کین سر بسودای تو کیچی خوه نواجی کو روختی جو کیچی	دیره کین سر بسودای تو کیچی دیره کین سر باستانه اج ته دارم
بدل درد زیم تن بی دوایم از به نیستی جو یاران خاکبایم	صنم صانم کنجان نمایم کس نیستی نیره ره باویان
XIII	
رنده باشان بزم جون خاک جون کرد ره باویان بهمراهی شرم برد	بنده درد زران از بو جینم درد مرک زبیرم بهمان دردندان بزم
احو (۴) اوایان خاصان بشتی زورم سلطان شیخ زاهدی جوکانی کوئیم	مواجه ازجه اوایان مانده دورم وهشم روش باعرش و بکمرسی
وفا درایم بی وفایان بهشتیم جغمم آتشم دیکم نوشتیم	شاهبازیم جمله ماران بکشتیم تدرتی زنجیریم بدست استاد
همان کوشن همان دشت همان کوی بهر شهری شرم هی هوی هی هوی	همان هوی همان هوی و همان هوی آز وایم اوایان تنها جوم بزم
دل زنده بنام محظی بهر هر دو دستم بدامن نرفتگی بهر	بشتو برآیم حاجت روا بهر اهرا دوار بهر دایم بهر
تم بوری عشقم آتش کی نیسی شخم سر بهلوانی از خبر نیسی	شیخه شیخی که احسانش باهی نی تلم شام و شیراز آز نو بهر

Наглядно, что рубаи, как и выражения, относящиеся к разговорной речи, ни по языковому материалу, ни по грамматической структуре не имеют ничего общего с упоминаемым в арабских, турецких и азербайджанских источниках языком азе-ри-азербайджанским языком. По своему лексическому и грамматическому строению они относятся к диалектам персидской группы, и это признает сам Кесреви.

Что касается использования языка «азери» в том смысле, который Кесреви понимал в Маранде, Зунузе, Гарадаге и Халхале, то надо сказать, что жители этих мест говорят на том же языке, что и такие города Азербайджана, как Ардебиль, Тебриз, Нахчыван, Гянджа, Шамаха. В Гелингае, в Гасанлы (Гасанлу) действительно живут таты.

بمن نطقی بده تادم اور بم	بمن جانی بده از جانور بم
هرآنکه وانکه بواز آخیر بم	بمن کوشی بده آرجشی نوا بم
عشترجوشی که وریان بسته نه بور	دلر کوهی سراو ونده نه بور
روحربازی به پرواز ونده نه بور	حلمرباغ شریعت مانده زیمران
دو کاتب نشسته دائم بدوشم	سخن اهل دلان دری بکوشم
بنخیراز تو بجای جشش نروشم	سوگندم هرده بدل جوموردان
ازان بوری به بحر اویانی رانم	اویانی بنده ایم اویانی خوانم
اتنک زنده ایم چه عشق نالم	اویانی عشق شوری در دل من

Поэтические примеры, относимые Кесреви к языку «азери», также основаны на источниках XIV и XV веков («Нужатул-гулуб», «Сафватус-сафа», «Силсильей-насаба»), и всем известно, что в этот период азербайджанский язык был не только разговорным языком, но также имеет богатые традиции письменной литературы. Например, шейх Сафи (Сафиеддин Ардабили), которому относят рубаи, сам писал стихи на азербайджанском языке в XIV веке [7, с. 44].

В настоящее время в Азербайджане есть не только персоязычные, но и арабоязычные села. Кому не известно о политике расселения и переселения Сасанидов, арабов, а затем и Сэфевидов? Охарактеризовать данных переселенцев, поселившихся в Азербайджане в средние века и чуждых местному этническому составу населения, как древних жителей Азербайджана, распространить на всю страну и народ язык горстки приезжих – это, безусловно, не научный путь. Цель и намерения Кесреви и его коллег, взгляды которых поддерживались правящими кругами в Персии, были совершенно ясны:

• آذربایجان همیشه بخشی از ایران میبوده * * * مردم باستان آذربایجان
جزاز نژاد ایران یا آریان نبوده اند * * * در آن زمانها زبان یا نیم زبانی که در
آذربایجان سخن گفته میشده شاخه ای از فارسی بود و آنرا آذری می نامیدند * *

(«Азербайджан всегда был частью Ирана. Древнее население Азербайджана было не чем иным, как иранской или арийской расы». В то время (во времена арабских географов) язык или диалект, на котором говорили в Азербайджане, был одним из ответвлений персидского языка и назывался «азери») [6, с. 10].

Такая постановка вопроса о происхождении азербайджанского народа и азербайджанского языка была связана с влиянием на историка паниранистских взглядов.

По словам Кесреви, после прихода сельджуков в Азербайджан власть и управление оказались в руках турок, поэтому местные жители постепенно привыкали к турецкому языку в результате общения с ними, и все выучил разные предложения на турецком языке. Чуть ниже автор связывает возникновение азербайджанского тюркского языка с правлением шаха Исмаила Хатаи и утверждает, что азербайджанский язык ослаб и пришел в упадок с падением этой династии.

Судя по всему, автор готов исказить и изменить свои предвзятые представления и факты вместо того, чтобы делать выводы из конкретных исторических фактов. Он не собирается видеть и признавать, на какой высокий уровень поднялся азербайджанский язык в произведениях таких поэтов, писателей и мыслителей,

как Гази Бурханеддин, Насими, Хатаи, Физули, Говси, Вагиф, Мирза Фатали, Джалиль Мамедгулузаде (Молла Насреддин), Сабир. Называя написание книг на азербайджанском языке просто «страстью», мы игнорируем богатые традиции литературы, которые зародились и развивались на азербайджанском языке на протяжении более тысячи лет со времен «Китаби-Деде Горгуд».

Идиоматические выражения и фразеологизмы, относящиеся к образу мышления азербайджанцев, дают нам право сказать, что наш язык был основным средством общения масс людей, проживавших на территории Азербайджана, не только в X-XII веках, но, возможно, много ранее. Об этом свидетельствует наличие на этом языке народных стихотворений, отражающих особенности доисламского периода (до VII века) – огнепоклоннических верований, обрядов и ритуалов, а также существование пословиц, поговорок, анекдотов и сказок, которые мудро обобщают богатые и красочные области материальной и духовной жизни.

Мы не сомневаемся, что такие пословицы, как «Араб умер, пролилась кровь», «Ни лица араба, ни молока верблюда», «Чистый счет вернется из Багдада» являются продуктами VII-IX веков.

Наличие эпоса «ДедеГоргуд» в X-XI веках наглядно подтверждает сказанное. Разделы «Деде Горгуд» пришли в Азербайджан не в XI веке, а гораздо раньше, и возродились среди огузских племен, смешавшихся с местным населением.

«Китаби-Деде Горгуд» является бесценным памятником, который учит не только жизни и быту, обычаям и традициям, мировоззрению и искусству азербайджанского народа, но и истории языка. Чтобы узнать состояние азербайджанского языка в указанный период и ранее, этот памятник дает широкое представление. Эпос «Деде Горгуд» свидетельствует о том, что азербайджанский язык был одним из самых богатых и великих языков Востока в X-XI веках:

*«Мертвец не воскреснет,
Душа, покинувшая тело, не возвращается...
Если воды наполнятся, море не наполнится.
У воина с великой душой не будет богатств.
Зола не станет холмом (трус не станет сыном)
Сколько бы снега ни шло, к весне растает.
От старого хлопка ткань не получишь,
Старый враг другомне будет.
Мой снег не вернется, пока не ударит черный стальной меч.
Девочке наставления не помогут, пока она не увидит у своей матери».*
*«Сын – потомок отца,
Он один из двух его глаз.
Что делать сыну, если отец умер и не оставил наследства?
Какой прок от отцовского наследства, если нет ума?
Караван знает, куда вчера шел...
Мул знает, что такое тяжесть,
Мозг знает, зачем болит голова.
Озан знает и храбреца, и подлеца! [5, с.12]*

В период создания эпоса «Деде Горгуд» существовала не только универсальная форма азербайджанского языка, но даже художественная форма (художественный язык). Каждый из поэтических примеров в разделах является ярким примером этого:

*«Что ты говоришь, что ты рассказываешь,
О том, кого я видел, открыв взоры,
Любимец мой, кому я душу отдал!
Храбрец мой отважный!
Тот, у кого спрашивал,
Тот, с кем я голову клал на подушку
Зачем мне горы черные,
Которые стоят перед нами?
Что я буду делать после тебя?
Пусть мне могилой будут эти равнины!
Холодные, холодные воды
Если вылью, пусть кровьюбудет моей!
Если я потрачу золото твое,*

*Пусть моим саваномбудет!
Если я стану скакать на коне твоём,
Пусть могилой будет моей!
Если полюблю после тебя
Кого-то, и спать с ним буду,
Пусть змеей станет и ужалит меня!
Почему твой отец и дед
Пожалели душу свою?
Пусть трон Господень будет свидетелем!
Пусть земля будет свидетелем, пусть небо будет свидетелем!
Всемогуций Бог будет свидетелем
Пусть моя жизнь будет принесена в жертву ради жизни твоей!» [7, с.12-13]*

Как иначе должно стихотворение, перешагнувшее через тысячелетие и дошедшее до нашего времени, провожавшее и приветствовавшее поколения?! Понятно, что даже в X-XI веках азербайджанский язык был мощным языком с большими возможностями для передачи глубоких философских вопросов, жизненной мудрости, выводов о человеке и природе, сложных психологических ситуаций. Для существования такого богатого инструмента коммуникации он должен был иметь прочную основу. Язык не похож на гриб, внезапно появившийся после дождя!

Как и любой язык, азербайджанский язык создавался вместе с народом, которому он принадлежит, был связан с его бытовой и культурной историей, развивался в борьбе с арабским и персидским влиянием, а сегодня достиг уровня самого изящного, самого богатого и самого мощного языка среди тюркских языков.

Несколько пословиц и поговорок из «Дивани-лугати-тюрк»:

1. У вороны ноги переломаются, если станет подражать гусю.
2. Сломанная ложка не входит в уста, а сухое слово не входит в ухо.
3. Слово дальних мест приносит караван.
4. Если врага недооценить, то на голову взберется.
5. В воде известна даже дырка.
6. Воин в строю, учёный в собрании.
7. Хорошо обходись с гостем и он разнесет твое имя всем.
8. Свой окровавленный кулак лучше, чем кусок хлеба чужого.
9. Не смотрите на лицо, ищите ум.
10. Умом можно ловить льва, а силой даже мышь не поймает.
11. Не сдирайте кожу и не ломайте нож на хвосте [5, с. 201].

Выводы

Турецкий язык и литература получили большое развитие не только в Средней Азии и Восточном Туркестане, но и в Азербайджане. Самым убедительным доказательством этого является тот факт, что «Китаби-Деде Горгуд», являющийся одним из редчайших, а может быть, и первыми образцов языка и литературы тюркских народов, зародился в Азербайджане.

Тюркский язык азербайджанцев с древних времен использовался в народе. Образ мышления, взгляды на жизнь, обычаи и традиции народа в пословицах и идиомах служат тому подтверждением. Этот язык, прошедший через фильтр веков и сохранившийся как зеница ока, стал богатым художественным инструментом народного творчества – старинными поговорками, пословицами, песнями и сказками и постепенно готовился к переходу в письменную литературу.

Список источников

1. Абдуллаева К.А. Бытовая и диалектная лексика в азербайджанском литературном языке XVII века // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2, Гуманитарные науки. 2017. Т. 32. Вып. 4. С. 47 – 54.
2. Бертельс Е. Избранные труды. Низами и Фузули. Москва: Издат. Восточной литературы, 1962. 554 с.
3. Джафар А. Научно-теоретические основы аруза: дис. ... докто. филолог. наук. Баку, 1966. 415 с.
4. Ибн Ховгелъ. Эл-Малик ва-эль-Мамалик. Лейден. 250 с.
5. Кашгари М.Х. Дивани-лугатит-турк. Стамбул, 1333. 320 с.
6. Кесреви С. А. Шахрияране-гомнан. II том. Тегеран. 1335 (хиджри), 120 с.
7. «Китаби-Деде Горгуд». Баку, Гызыл Шарг, 1962, 170 с.

8. Махмудов М. Пешком от Тебриза до Дамаска. Баку, Язычы, 1982. 208 с.
9. Махмудова Г.Ч. Место и роль сложносочиненных глаголов в синтаксическом словообразовании в тюркских языках // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 293 – 296.
10. Хамави Я. Муджаму-ль-Бульден. Т. 1. Египет. 160 с.

References

1. Abdullaeva K.A. Everyday and dialect vocabulary in the Azerbaijani literary language of the 17th century. Bulletin of the Dagestan State University. Series 2, Humanities. 2017. T. 32. Issue. 4. P. 47 – 54.
2. Bertels E. Selected works. Nizami and Fuzuli. Moscow: Publishing house. Eastern literature, 1962. 554 p.
3. Jafar A. Scientific and theoretical foundations of aruz: dis. ...docto. philologist. Sci. Baku, 1966. 415 p.
4. Ibn Hovgel. El-Malik wa-el-Mamalik. Leiden. 250 s.
5. Kashgari M.Kh. Divani-lugatit-Turk. Istanbul, 1333. 320 p.
6. Kesrevi S. A. Shakhriyaran-gomnan. II vol. Tehran. 1335 (Hijri), 120 p.
7. “Kitabi-Dede Gorgud.” Baku, Gyzyt Sharg, 1962, 170 p.
8. Makhmudov M. On foot from Tabriz to Damascus. Baku, Yazichy, 1982. 208 p.
9. Makhmudova G.Ch. The place and role of compound verbs in syntactic word formation in Turkic languages. Baltic Humanitarian Journal. 2019. Vol. 8. No. 2 (27). P. 293 – 296.
10. Hamawi Ya. Mujamu-l-Bulden. T. 1. Egypt. 160 p.

Информация об авторе

Садыгова Нигяр Фируз гызы, доктор философии по филологии, старший преподаватель, Бакинский славянский университет, Азербайджан

© Садыгова Нигяр Фируз гызы, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 070.448.1

¹ Янь Кунь

¹ Пекинский университет иностранных языков, Китай

Эхо Серебряного века: традиции акмеизма в поэзии Арсения Несмелова

Аннотация: статья исследует творчество русскоязычных писателей, эмигрировавших в Китай, и аргументирует, что эта литература является временным продолжением и литературным наследием эпохи Серебряного века. Профессоры Цицикарского университета Ли Яньлин и Ван Яминь поддерживают эту точку зрения и утверждают, что творчество этих писателей сохраняет черты российской литературы Серебряного века, при этом отображая китайскую культуру и особенности региональной литературы.

Статья также рассматривает литературную группу "Чураевка" в Харбине и ее связь с литературными течениями Серебряного века. Особое внимание уделяется творчеству писателя Арсения Ивановича Несмелова, который был признан и оценен великими поэтами того времени. В статье упоминаются литературная группа "Акме" и "Круг поэтов", созданные в Харбине по образцу Гумилёва. Несмелов, как последователь Гумилёва, также поддерживал идею мастерства в поэзии.

Ключевые слова: творчество А.И. Несмелова, литература Серебряного века, литература восточной эмиграции, акмеизм

Для цитирования: Янь Кунь Эхо Серебряного века: традиции акмеизма в поэзии Арсения Несмелова // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 149 – 156.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Yan Kun

¹ Beijing Foreign Studies University, China

Echo of the Silver Age: the traditions of acmeism in the poetry of Arseniy Nesmelov

Abstract: this article examines the works of Russian-speaking writers who emigrated to China and argues that this literature represents a temporary continuation and literary legacy of the Silver Age. Professors Li Yanlin and Van Yamin of Tsitsikar University support this view, asserting that the works of these writers retain the characteristics of Russian literature from the Silver Age while also reflecting Chinese culture and the unique features of regional literature.

The article also examines the literary group "Churaevka" in Harbin and its connection to literary movements of the Silver Age. Special attention is given to the works of writer Arseniy Ivanovich Nesmelov, who was recognized and esteemed by prominent poets of the time. The article mentions the literary group "Akme" and the "Circle of Poets," both established in Harbin following the example of N.S. Gumilev. Nesmelov, as a follower of Gumilev, also upheld the idea of craftsmanship in poetry.

Keywords: Arseniy Ivanovich Nesmelov, Silver Age literature, literature of Eastern emigration, acmeism

For citation: Yan Kun Echo of the Silver Age: the traditions of acmeism in the poetry of Arseniy Nesmelov. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 149 – 156.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Профессор Цицикарского университета Ли Яньлин, изучая русскую литературу дальневосточных эмигрантов, считает, что эта литература часть корпуса российской литературы принадлежит к эпохе Серебряного века. И представляет собой временное продолжение Серебряного века и литературных течений той эпохи [8]. Профессор Ван Яминь также поддерживает эту точку зрения, утверждая, что творчество русскоязычных писателей в Китае "сохраняет яркие черты российской литературы Серебряного века, одновременно несет отпечаток китайской культуры, включая в себя особенности, которые редко встречаются в других литературных формах. Это явление представляет собой не только региональный литературный феномен, но и пример транснациональной и транскультурной литературы." [8]. "Чураевка", крупнейшая литературная группа русской дальневосточной эмиграции в Харбине, объединила большинство поэтов-эмигрантов, которые усердно изучали теорию российской поэзии, в том числе работы В.Я. Брюсова «Основы стиховедения», Б.В. Томашевского «Теория литературы», В.М. Жирмунского «Теория стиха» и А. Белого «Символизм», стремясь наладить связь с направлениями российской поэзии. В результате, достижения поэтов русской дальневосточной эмиграции вдохновлены литературными течениями Серебряного века. А.С. Алымов, как верный последователь футуризма, создал сборник стихов «Киоск Нежности» в духе этого направления. Е.Е. Яшнов испытал влияние Блока. В.Ф. Перелешин склонялся к поэтическим идеалам акмеизма. А в произведениях таких поэтов, как Л. Хайндрова и Н. Резникова, присутствуют классические темы и методы творчества А.А. Ахматовой.

Материалы и методы исследований

Материалы и методы для статьи представлены следующими категориями:

1. Изучение полной коллекции стихотворений Арсения Несмелова для выявления акмеистских тем, мотивов и стилистических особенностей.
2. Анализ стихотворений, в которых можно обнаружить присутствие центральных тем акмеистского движения, таких как преображение мира, стремление к объективации и точности выражения, отказ от лирического «Я» в пользу объективного повествования.
3. Сравнительный анализ поэтических приемов Арсения Несмелова с традициями акмеистского движения, включая работы других акмеистов, таких как Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам и других.
4. Изучение критических рецензий и литературных исследований, посвященных поэзии Арсения Несмелова, чтобы выявить традиции акмеизма в его творчестве и оценить влияние данного движения на его поэтический стиль.
5. Исследование литературных и культурных контекстов, в которых развивалось акмеистское движение, чтобы понять его значение для формирования поэтического языка и тематики Арсения Несмелова.

Также материалы и методы для статьи включали в себя анализ текстов, сравнительное исследование литературных источников, а также контекстуальный анализ, чтобы прояснить связь между его поэтическим стилем и акмеистским движением.

Результаты и обсуждения

Арсений Иванович Несмелов (1889-1945, настоящее имя А.И. Митропольский), представитель литературы русской дальневосточной эмиграции, тесно связан с поэтами Серебряного века. Творчество Арсения Несмелова знали и оценивали Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Асеев, Леонид Мартынов. В его поэзии характерны глубина, образность и метафоричность, постоянное обращение к русской истории, тоска по утраченной Родине. Одна из страниц биографии – переписка с Мариной Цветаевой. Цветаева, прочитав стихотворение «Переходя границу», выразила восхищение его талантом. Несмелов также обогащал стихи, включая в них строки Александра Блока, Марины Цветаевой, Бориса Пастернака и Николая Асеева в качестве эпиграфов. Ещё до начала изгнания в Китай, Несмелов утвердился как зрелый писатель и поэт. Первый сборник стихов «Стихи» был опубликован в 1921 году во Владивостоке. В 1924 году, в связи с драматическими изменениями в России и как преданный офицер Белой армии, Несмелову пришлось оставить Родину, начиная путь изгнанника. Двадцать с лишним лет, проведенных в Харбине, открыли новую страницу в творчестве, где достиг вершины мастерства. В этот период стиль Несмелова обрел зрелость

и устойчивость, отличаясь многообразием и включая в себя элементы модернистских течений, что сделало его поэзию поистине уникальной.

В Харбине русские поэты-эмигранты в значительной степени были под влиянием акмеизма и считали Н.С. Гумилёва, представителя акмеистов, духовным лидером. В конце 1920-х создали литературную группу "Акмэ" и опубликовали сборник стихов «Лестница в облака», посвящённый Гумилёву. Также основали в Харбине "Круг поэтов", по образцу "Цеха поэтов", созданного Гумилёвым в Санкт-Петербурге, и регулярно встречались для обсуждения техник поэтического творчества. Гумилёв рассматривал поэзию как ремесло, подчеркивая значение мастерства в поэтической работе. Эту точку зрения разделял и Несмелов, «поэзию Несмелов называл ремеслом, а себя – ремесленником» [7]. Гумилёв в 1918 году издал сборник стихов «Костёр», который Несмелов ценил и восхищался. Прочитав сборник во Владивостоке, Несмелов записал впечатления в стихотворении: «Я уйду: у меня на полке, / Как Евангелие – «Костер» ... / Если сердце тоска затянет / Под ленивый наважий клев – / Словно оклик вершины грянет / Грозным именем: Гумилёв!» («Я живу в обветшалом доме...») [11]. Несмотря на то, что разница в возрасте между поэтами составляла три года, Несмелов считал Гумилёва предшественником и наставником на пути поэзии.

Для Несмелова поэтический голос Гумилёва звучит как зов трубы: «И голосом трубы, военной и суровой, / Его призыв воспрянул в этот миг, / И к небесам подъятый, тонкий лик / Овеян был блистаньем силы новой.» («Гумилев») [11]. В стихотворении автор критикует символизм за погружение в нигилизм и мистицизм: «Блок забывал о доблести и славе / И к чертовщине влекся Сологуб.» [11], выражая желание последовать за Гумилёвым назад в осязаемый мир. Конец этого стихотворения буквально повторяет строки из стихотворения Николая Гумилёва «Наступление»: «Золотое сердце России / Мерно билось в груди его.» Это немного отличается от оригинальных строк Гумилёва: «Золотое сердце России / Мерно бьется в груди моей.»

Акмеизм стремился отделиться от мистицизма символизма и вернуться к явной реальности материального мира, искать красоту в образах, конкретности и человечности. Поэты этого течения часто создавали стихи, обладающие "скульптурной красотой", превращая в искусство с весомым содержанием. Арсений Несмелов проявил исключительную способность к ассимиляции экзотичной действительности Китая, демонстрируя творческий подход к включению её элементов в свою литературную практику. Работы Несмелова отражают «тоску по мировой культуре» – понятие, введённое Осипом Мандельштамом в контексте акмеизма, однако Несмелов перенёс акцент с классической культуры античной Афины на ткань китайского культурного наследия

В стихотворении «В Китае» Несмелов описывает: «Узкие окна. Фонарика / Продолговатый лимон, / Выжженный в мреющем паре - как / Вызолоченное клеймо. / Думаешь: тщательно вырисуи/Загнутых кровель углы, / Звезд лиловатые ирисы/Синее марево мглы. / Небо... Не медными горами / Над перевалом веков - / Храм с девятнадцатью буддами / Медленных облаков.» [11]. Этот стих написан в трехсложном дактильном метре с преобладанием многосложных слов, что придаёт ему особый ритм и музыкальность. Несмотря на краткость, три строфы, автор создаёт множество образов через сопоставление картин, достигая лаконизма и ясности. В стихотворении отражены уникальность китайской архитектуры и загадочность древней культуры, включая узкие окна, уличные фонари в форме продолговатого лимона, угловые крыши со стрёмёнками, храм с девятнадцатью архатами. Произведение также наполнено богатством цвета: Вызолоченное клеймо, лиловатые ирисы, Синее марево, медные рудники и плывущие облака, создавая яркие визуальные образы. Стих написан чётким, конкретным и точным языком, ярко воплощает образы, язык прост и непритязателен, с характерной для акмеизма чёткостью и весомостью.

Николай Гумилёв испытывал страстное увлечение экзотическими странствиями и питал неподдельную страсть к далёкому Китаю. Перевёл множество шедевров древнекитайской поэзии которые включил в сборник, под названием «Фарфоровый». Проникновение китайской атмосферы в творчество Гумилёва началось в 1909 году со стихотворения «Путешествие в Китай», адресованного русскому художнику С. Судейкину: «Только в Китае мы якорь бросим, / Хоть на пути и встретим смерть!» [5]. Для поэта Китай становится символом возвышенного райского уголка, идеализированной проекции гармоничного мирового устройства, своеобразным «убежищем от бурь», стремлением души к другому берегу, пропитанным восточным экзотизмом и ореолом тайны. Следуя стопам «Путешествия в Китай», Гумилёв создаёт лирическое полотно «Китайская девушка», где с изысканной чуткостью передаёт тонкие переживания героини, образ которой сравнивает с соловьём в клетке. Несмотря на тягу к Китаю, физически Гумилёв не ступал на его землю, китайский образ в произведениях размывается до границ утопии, становясь носителем романтических иллюзий и мистической недостижимости.

В произведениях Несмелова, Китай также представлен как сказочная страна, и гармоничный мир с древней культурой. Однако романтический образ Китая вскоре уступает место реальному Китаю, вглубь культурного пространства которого погружаются русско-китайские поэты-эмигранты. Под влиянием китайской культуры и философии в творчестве находят отражение чувства ко «второй родине». Произведения оживляют описания природных красот Китая, местных обычаев, праздников, музыки, легенд, религиозных обрядов и заклинаний. Традиционная тема "маленького человека" также присутствует в работах. В стихотворении «Около Цицикара» Несмелов с использованием четырехстопных ямбов и парных рифм описывает изображение пастуха и быка: «По дороге, с ее горба, / Ковыляя, скрипит арба. / Под ярмом опустил кадык / До земли белолобый бык. / А за ним ускоряет шаг / И погонщик, по пояс наг. / От загара его плечо / Так коричнево-горячо.» [11]. Строки текста оживляют картину жизни в сельской местности на северо-востоке Китая в конце 1930-х годов с поразительной достоверностью. Вожаки скота, борясь с жгучим солнцем, вынуждены терпеть тяжелый труд, и даже быки прилагают силу, чтобы упорно тянуть телегу. Паузы в ритме, имитирующие тяжелое дыхание, в стихотворениях Несмелова китайцы часто изображаются в бронзовом цвете, что символизирует тяжелый труд фермеров в жаркое лето. Как в стихотворении «Юли-Юли», где описывается кожа цвета бронзы: «Ты бронзовый с синевою, / Ты с резкою тенью слит» [11]. И в стихотворении «Гряды», где полуголый китаец описывается как «Китаец, до пояса голый. / Из бронзы загара литой» [11]. Бронзовый цвет кожи символизирует усердие и стойкость китайского народа, подчеркивает простодушие китайцев и привязанность к земле, выражая сочувствие автора к судьбе китайского народа. Для поэта сцены сельскохозяйственного труда в этом экзотическом культурном пространстве и пейзажи сельской местности также являются символом спокойной и мирной жизни, которой стремится достичь человек, попавший в чужую страну. Поэтому Несмелов в «Грядке» называет такой труд «сладким игром».

Кроме крестьян, Несмелов также изображает рабочих, баркасников и других представителей низших слоев китайского общества. Через эти стихи Несмелов открывает понимание национального характера Китая. Отображает положение китайских крестьян, и в каждой строке присутствует гуманитарное видение, преодолевающее этнические и национальные барьеры, а также размышления о сущности человечества.

В творчестве русских поэтов, Китай часто предстает в качестве символа удаленной страны, основанного на коллективных представлениях. Эти произведения олицетворяют Китай как культурно отсталый "другой", служащий инструментом для акцентирования достоинств и недостатков собственного мира поэта. В контрасте с этим, личные обстоятельства Несмелова, как человека, пережившего изгнание, формируют взгляд на Китай как на «вторую родину», что находит отражение в собственных поэтических работах. Это представление подрывает традиционные «восточнические» стереотипы. Как утверждал Эдвард Саид, «каждый текст существует в определенном контексте и, даже будучи максимально непредвзятым, все равно подвергается влиянию своего окружения, времени, места и социального контекста» [12]. Двухлетнее пребывание Несмелова на чужбине позволило проникнуться китайской культурой и ценностями, почувствовать сопричастность к социальному укладу Китая. Харбин предоставил относительную свободу и "поэтическое убежище". В условиях принудительного изгнания поэт с ностальгией и благодарностью отзывается о Китае: «И парк ночью жизнью ожил, / Полночный час легко вошел... / Как на Россию непохоже, / Но как чудесно хорошо!» («Как на Россию не похоже») [11].

В таких стихотворениях, как «Тайфун», «Хунхуз» и «Из китайского альбома», Несмелов передает изображения общественных потрясений современного Китая, воссоздавая атмосферу средневековых трактиров, зеленых полей, священных святилищ, ночей наводнений и ужасов эпидемий холеры. В эпоху зарождения национально-освободительного движения Китая, в таких произведениях, как «Легенда о драконе» и «Азия и Европа», прослеживается сочувствие к испытаниям, выпавшим на долю китайского народа, что отражает способность автора к эмпатии и пониманию.

В стихотворении «Азия и Европа» автор сравнивает два континента с двумя сестрами, подчеркивая, что они являются справедливым творением Бога с одинаковыми телами, но с разными судьбами и лицами. Европа изображена как «красавица с лицом патрицианки», «насилия цитадель» и произносящая «гордые слова» в адрес своей сестры. Азия же предстает тихой младшей сестрой, окруженной злаками и ягодами. Поэт ярко описывает китайскую сельскую культуру, используя рифму «труд – пруд – ягод – пагод». Противопоставление Востока и Запада было классической темой дискуссий в русской философии XIX века. В отличие от западных мыслителей XIX века, которые сравнивали прогресс Европы с застоём Китая, автор рассматривает Запад и Восток как равные сестры, осуждая европейскую агрессию и грабеж в Китае: «Как двух сестер задумал их Господь. Но разны лики и различен жребий.» [11]. Автор выражает искреннее восхищение борьбой Китая за свободу и освобождение: «В пределе тяжкого долготерпенья, / Вонзается небесная стрела – / Мысль о свободе, об освобожденье. / Так детонатор вызывает взрыв, / Так молния раскалывает сосны, / И

вздыбливает Азию порыв / Освободительный, победоносный!» [11]. Это стихотворение, созданное в поздний период жизни поэта, ясно отражает глубокую религиозную веру и стремление к универсальной человечности, любви и справедливости.

Если для Несмелова Китай – это, прежде всего, биографическая реальность, то для Гумилева – это реальность духовная [12]. Описывая китайскую тематику, два поэта отличаются в выборе образов, лирическом подходе и художественных особенностях. Гумилёв не посещал Китай, но творчество представляет собой путешествие воображаемого, с внешним взглядом на древний Восток, что влечёт за собой односторонность, элементы ориентализма и постколониального мышления. Хотя в стихах Несмелова о Китае присутствуют некоторые стереотипы, в сравнении с субъективным изображением Гумилёва, Несмелов попав в Китай приобретает более реалистичное, не зрелищное и не воображаемое видение, осязаемо ощущая землю Китая. В поздних работах образ Китая в стихах становится разнообразнее, что является результатом всестороннего наблюдения за китайским обществом. Несмелов, находясь в изгнании, оказывается на грани выживания, страдая от отсутствия идентичности, что является глубинной психологической причиной ослабления ориентализма. С одной стороны, Несмелов продолжает создавать образы, с прототипическим значением Востока, до некоторой степени сохраняя чуждость, отсталость и экзотику Востока, укрепляя отношения между доминирующей и подчиненной культурами в рамках ориентализма, но, в то же время, из-за культурного и географического несоответствия, также некоторым образом ослабляет и размывает высокомерие ориентализма.

В творчестве Гумилёва тема войны занимает особое место. Поэт, охваченный романтической страстью «завоевателя», бросил перо и отправился на фронт с началом Первой мировой войны. Описывал войну в романтическом ключе, иногда даже идеализировал, но в то же время раскрывал жестокость и нечеловечность, что принесло ему славу «поэта-войны». Несмелов, родившийся в семье московского чиновника пятого класса и учившийся во Второй московской военной школе, участвовал в Первой мировой войне и гражданской войне. Псевдоним "Несмелов" был выбран в память о друге, погибшем под Тюменью во время гражданской войны. В глазах современников Несмелов выглядел серьезным и педантичным, замкнутым и малословным, спокойным и собранным – это распространенные отзывы о нем среди знакомых. Жесткий характер поэта нашел отражение в стихах, что делает его схожим с «поэтом войны» Гумилёвым. Несмелов в произведениях описывает страдания, трагедии и мрак войны. Также написал ряд военных рассказов, таких как «Полковник Афонин», «Рассказы о войне», «Богоискатель» и «Военные странички: стихи и рассказы», что ярко отражает следы восьмилетней военной жизни.

А. Ганкин и Р. Янгиров в статье указывается важность темы войны в стихотворениях Несмелова, обращается внимание на образ поэта-воина: «Поэзия Несмелова прежде всего поэзия военного человека» [4]. Бывший офицер Белой армии, Несмелов, переживший ужасы войны, в стихах понимает абсурдность и боль войны. Герои поэзии часто обладают смелостью и непоколебимой стойкостью. В сборнике «Кровавый отблеск» представлена антивоенная идея, на титульном листе которого красуются строки Блока: «От дней войны, от дней свободы / Кровавый отблеск в лицах есть.» Коллекция создает атмосферу боли и напряженности войны с помощью холодного оружия и ослепительной крови, как в «Разведчике», где «И рухнули, обрушившись в огонь, / Который вдруг развеял ветер рыжий» [9], или в «Стихи о револьверах», где «Он пламя стволом лакал, / Ему незнакома скорбь...» [9] – это глубокое желание поэта о мире.

В период Первой Мировой войны, с августа 1914 года Арсений Митропольский воевал на австрийском фронте – поручик 11-го гренадерского Фанагорийского полка. За исключительное бесстрашие был награжден четырьмя боевыми орденами. Славная история этого полка начиналась ещё во времена русско-турецких войн, Потёмкина и Суворова. Неслучайно родилось и само стихотворение Несмелова «Суворовское знамя»:

*Отступить! – и замолчали пушки,
Барабаничик-пулемёт умолк.
За черту пылавшей дереvушки
Отошел Фанагорийский полк.
В это утро перебило лучших
Офицеров. Командир сражён.
И совсем молоденький поручик
Наш, четвёртый, принял батальон.
А при батальоне было знамя,
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалилось над нами,*

*Чтобы Бог святыню нашу спас.
Но уж слева дрогнули и справа, –
Враг наваливался, как медведь,
И защите знамени – со славой
Оставалось только умереть [6].*

Как видим, Арсению Несмелову свойственно правдивое описание военных событий в стиле балладных поэм. «Несмелов принадлежит традиции поэтов-воинов, где в едином строю – Денис Давыдов, Бестужев-Марлинский, Лермонтов, Гумилёв и ещё многие.

Акмеизм, пропагандирующий уважение к человеческому достоинству и искренности выражения внутреннего мира, находит отражение в творчестве А. Несмелова. Принципы этого литературного течения прослеживаются в способности изображать непосредственные душевные переживания. Анализируя стихотворение Несмелова «Ночью я размышляю о том и о сём...», обнаруживаем приверженность поэта точному и детальному воплощению эмоциональных состояний, что созвучно идеалам акмеистов.

*...За окном же весенний дворик,
И над двориком - синева.
Зыбь на лужах подобна крупам
Бриллиантовым – глаз рябит.
И задорно над сердцем глупым
Издеваются воробы.
Печью истопленной воздух согрет
Пепел бесчисленных сигарет.
Лампа настольная. Свет ее рыж.
Рукопись чья-то с пометкой: Париж.
Связанный с тысячью дальних сердец,
Да почему ж я один, наконец?
Участь избранника? Участь группа?
Утро в окне, как лицо мертвеца [10].*

В стихотворении А. Несмелова акмеистический поиск искренности выражается в точных образах весеннего дворика и игривых воробьев, подчеркивающих диссонанс между внутренними переживаниями и внешним миром. "Печью истопленной" и "свет ее рыж" создают атмосферу интимного пространства, в то время как задумчивый вопрос о судьбе и одиночестве отражает акмеистическую тему личной истинности. Заключительный образ "Утро в окне, как лицо мертвеца" выражает внутреннюю пустоту на фоне нового дня, исследуя дилемму индивидуальности.

Творческий метод Несмелова, воплощающий принципы акмеизма, находит отражение в умении изображать пейзажи и личные переживания, напоминающие поэзию Анны Ахматовой. Примером может служить её стихотворение "Дверь полуоткрыта", где физическое пространство становится продолжением внутреннего мира, создавая тем самым портрет души с помощью предметной визуализации и психологической насыщенности.: «Дверь полуоткрыта, / Веют липы сладко. / На столе забыты / Хлыстик и перчатка. / Круг от лампы желтый. / Шорохам внимаю. / Отчего ушел ты? / Я не понимаю.» [1]. Такой подход призван вызывать у читателя эмоциональный резонанс, делая ландшафт не просто фоном, а активным участником в передаче переживаний поэта.

Любовная поэзия Ахматовой отличается конкретностью, тонкостью и скрытностью внутренних чувств и эмоциональных конфликтов. Она искусно использует психоанализ, драматические сюжеты, кульминации и монологи, а также уникальные образы и описания окружающей среды для подчеркивания настроения персонажей. Поэзия Несмелова в жанре любовной лирики также демонстрирует эти характеристики, обладая Ахматовским нарративом и тонкими эмоциональными описаниями. Однако, в отличие от Ахматовой, лирический герой Несмелова – это мужчина-поэт с автобиографическими чертами: «На много лет, увы, я старше Вас, / Я тяжелей, а старость не ходатай/ В делах любви... Пишу, а в этот час/За поцелуй, за потемневший взгляд, /За то, что ты лицом к груди прижалась, / Благодарю, – но страшен мне пожар, / Тобой зажженный, может быть, как шалость. / Простимся же, простимся хорошо, / Не опустившись до уколов быта.../ Я удаляюсь... В темный капюшон / Отчаянья – лицо мое укрыто...» [11]. В этом любовном лирическом стихотворении «На много лет, увы, я старше Вас...» автор использует метод самоанализа глубоких психологиче-

ских состояний, через тщательное изображение и передачу психологии лирического героя, отражая сдержанную страсть мужского персонажа и его запутанные чувства любви и неразделенности. «В темный капюшон Отчаянья — лицо мое укрыто.» — этот момент описания деталей сходен с знаменитым стихом Ахматовой: «Я на правую руку надела. / Перчатку с левой руки.» Описания объектов и внутренних переживаний героев сливаются, придавая стихотворению напряжение между любовью и сдержанностью, оставляя в конце поэтическое пространство для размышлений читателя.

Любовная поэзия Несмелова часто отличается скрытым описанием любовных переплетений, используя символизм и аллегорические приемы, что выявляет уникальные навыки и творческий стиль поэта. Конечно, нельзя утверждать, что Несмелов имитирует стиль Ахматовой в изображении любовной тематики, но благодаря такому сравнению и исследованию можем увидеть всесторонний поэтический характер Несмелова. Он может быть как поэтом, живописующим кровавые войны с мужественной решимостью, так и тонко описывать любовные печали, подобно женщине, без диссонанса включая различные стили в своем творчестве. Несмелов является истинным литературным мастером, его стихи отражают гармоничное сочетание разнообразных стилей.

Выводы

Арсений Несмелов является выдающимся представителем русской эмигрантской литературы в Китае, получившим признание как "первый поэт русской дальневосточной миграции". Прожив более двадцати лет в изгнании в Китае, создал обширное и тематически разнообразное поэтическое наследие, в котором отразились сложные переплетения чувств любви и ненависти к родине, тоска по земле предков, теплые чувства и восхищение страной пребывания, горечь личной участи и стремление к духовному освобождению, размышления о исторических переменах и беспокойство о будущем нации. С одной стороны, творчество Несмелова продолжает русскую литературную традицию, наследуя стилистические особенности нескольких литературных направлений Серебряного века, с другой — поэзия отмечена культурным влиянием страны эмиграции, что придает ей отпечаток изгнания и создает уникальный «метис» в литературе, демонстрирующий выразительные индивидуальные черты поэтического мастерства.

Выдающийся поэт не только обладает врожденным талантом, но и неотделим от питания, которое предоставляет национальная литература. Русские поэты-эмигранты, переехавшие в Харбин, были осведомлены о литературе Серебряного века и в своем творчестве часто демонстрировали отголоски модернизма, сохраняя при этом национальные корни и личную идентичность на основе драгоценного литературного наследия. Трагичная судьба изгнания не лишила их основы для творчества; наоборот, эти жизненные испытания стали источником вдохновения для их искусства, проникнутого искренностью и свободного от излишеств. В поэтическом мире Несмелова напротив жестоких и кровавых образов войны стоят свежие стихи, пронизанные духом стремления и поиска истины, где он изображает лучшие черты человека и человечность повседневной жизни, выражая серьезные стремления человеческой природы поэтическим языком. Обладая стойкостью воина и нежностью женщины, поэт сохранял оптимистический дух даже в условиях заключения. Произведения Несмелова не ограничиваются имитацией какого-либо стиля, но отличаются оригинальностью мысли и стиля, превосходя общепринятые нормы. Его работы являются выражением жизненной философии и эстетических идеалов. Почти столетие спустя, стихи Несмелова получают признание и подвергаются дальнейшему изучению, завоевывая любовь всё большего количества читателей в России и Китае, в то время как многие аспекты его творчества ещё предстоит исследовать и интерпретировать.

Список источников

1. Ахматова А. Анна Ахматова: собрание сочинений в 6 т. / Сост. Н.В. Королевой. М.: Моск. Эллис Лак, 1998. Т. 1. 966 с.
2. Борисова А.Б. Творчество Арсения Несмелова в литературоведческом освещении: история и перспективы исследования // Критика и семиотика. 2019. № 1. С. 254 – 274.
3. Ван Я. Литература русских эмигрантов в современной литературе Китая. Вестник Шанхайского педагогического университета (философия и социальные науки), 2010. № 39 (06). 56 с.
4. Ганкин А.М., Янгиров Р.М. «Неизбытен горечи родник» // Юность. 1988. № 9. С. 80 – 82.
5. Гумилёв Н.С. Жемчуга. Шанхай: Дракон, 1940. 135 с.
6. Крейд В., Бакич О. Русская поэзия Китая: Антология. М.: Время, 2001. 718 с.
7. Крузенштерн-Петерс Ю. Чураевский питомник (О дальневосточных поэтах) // Возрождение. 1968. No 204. 78 с. URL: <https://www.russianshanghai.com/hi-story/now/post560>
8. Ли Я. Харбин – моя колыбель. Харбин: Издательство Северной литературы и искусства в соавторстве с издательством образования Хэйлуцзян, 2002. 324 с.

9. Несмелов А.И. Кровавый отблеск: стихи / Арсений Несмелов. Харбин: [б. и.], 1928. 32 с.
10. Несмелов А.И. Без Москвы, без России: Стихотворение. Поэмы. Рассказы / Сост. и коммент. Е.В. Витковского и А.В. Ревоненко. М.: Моск. рабочий, 1990. 461 с.
11. Несмелов А. Собрание сочинений. Т. 1: Стихотворения и поэмы. 2006. Т. 1. 558 с.
12. Царегородцева Т.И. Гумилевский текст в эмигрантской поэзии А. Несмелова // Дергачевские чтения. 2000. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности: материалы международной научной конференции, Екатеринбург, 10-11 октября 2000 г. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2001. Ч. 2. С. 346 – 353.
13. Чжан Ц. Традиции серебряного века в поэзии Арсения Несмелова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2023. № 1. С. 178 – 185.

References

1. Akhmatova A. Anna Akhmatova: collected works in 6 volumes. Comp. N.V. Queen. M.: Moscow. Ellis Lak, 1998. T. 1. 966 p.
2. Borisova A.B. The work of Arseny Nesmelov in literary criticism: history and research prospects. Criticism and semiotics. 2019. No. 1. P. 254 – 274.
3. Wang Ya. Literature of Russian emigrants in modern literature of China. Bulletin of Shanghai Normal University (philosophy and social sciences), 2010. No. 39 (06). 56 p.
4. Gankin A.M., Yangirov P.M. “The spring of bitterness is inevitable”. Youth. 1988. No. 9. P. 80 – 82.
5. Gumilev N.S. Pearls. Shanghai: Dragon, 1940. 135 p.
6. Kreid V., Bakich O. Russian poetry of China: Anthology. M.: Vremya, 2001. 718 p.
7. Kruzenshtern-Peterets Yu. Churaevsky nursery (About the Far Eastern poets). Revival. 1968. No. 204. 78 p. URL: <https://www.russianshanghai.com/hi-story/now/post560>
8. Lee Ya. Harbin is my cradle. Harbin: Northern Literature and Art Publishing House in collaboration with Heilongjiang Educational Publishing House, 2002. 324 p.
9. Nesmelov A.I. Bloody reflection: poems. Arseny Nesmelov. Harbin: [b. i.], 1928. 32 p.
10. Nesmelov A.I. Without Moscow, without Russia: Poem. Poems. Stories. Comp. and comment. E.V. Vitkovsky and A.V. Revonenko. M.: Moscow. worker, 1990. 461 p.
11. Nesmelov A. Collected Works. T. 1: Poems and poems. 2006. T. 1. 558 p.
12. Tsaregorodtseva T.I. Gumilyov's text in the emigrant poetry of A. Nesmelov. Dergachev readings. 2000. Russian literature: national development and regional characteristics: materials of the international scientific conference, Ekaterinburg, October 10-11, 2000. Ekaterinburg: Ural University Publishing House, 2001. Part 2. pp. 346 – 353.
13. Zhang Q. Traditions of the Silver Age in the poetry of Arseny Nesmelov. Bulletin of the State University of Humanities and Technology. 2023. No. 1. P. 178 – 185.

Информация об авторе

Янь Кунь, аспирант, Пекинский университет иностранных языков, Китай

© Янь Кунь, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'367.625.41

¹ Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид

¹ Государственный университет просвещения

Трудности машинного перевода текстов разных стилей с русского языка на арабский

Аннотация: в статье исследуются основные трудности машинного перевода с русского языка на арабский. Кратко представлена история возникновения машинного перевода, определены достоинства и недостатки этого метода. Рассмотрены особенности машинного перевода при использовании программы «гугл переводчик» в рамках сравнительного анализа исходного и переводного текста на всех уровнях русского и арабского языков. Уточняется, что арабский язык является сложным для машинного перевода из-за его морфологических, грамматических и семантических особенностей, которые отличаются от других языков. Это обусловлено наличием в арабском языке огласовок над и под словами, которые важны для определения грамматики и произношения. В целом по итогам анализа текста на основе машинного перевода с русского языка на арабский можно сделать следующие выводы. В результате машинного перевода теряются лингвокультурные и эмоциональные особенности исходного текста. Отмечена неспособность машинного перевода сохранять смысл идиоматических выражений, метафор и некоторых грамматических конструкций эквивалентно, поскольку они переводятся буквально. Программа «Гугл переводчик» часто переводит слова без сохранения точного смысла. При использовании машинного перевода наблюдается большое количество орфографических и грамматических ошибок. Также можно отметить нарушение грамматической структуры целевого языка. Программа машинного перевода передает слова, не имеющие эквивалента, по транслитерации, что часто приводит к разрыву сюжетной линии произведения и потере смысла исходного текста.

Ключевые слова: машинный перевод, арабский язык, русский язык

Для цитирования: Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид Трудности машинного перевода текстов разных стилей с русского языка на арабский // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 157 – 164.

Поступила в редакцию: 11 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Al-Dulaimi Ahmed Abdulkarim Hamid

¹ State University of Education

Difficulties of machine translation of texts of different styles from Russian into Arabic

Abstract: the article examines the main difficulties of machine translation from Russian into Arabic. The history of the emergence of machine translation is briefly presented, the advantages and disadvantages of this method are identified. The features of machine translation when using the Google Translator program are considered in the framework of a comparative analysis of the source and translated text at all levels of Russian and Arabic languages. It is clarified that the Arabic language is difficult for machine translation due to its morphological, grammatical and semantic features that differ from other languages. This is due to the presence of vocalizations above and below words in the Arabic language, which are important for determining grammar and pronunciation. In

general, based on the results of the analysis of the text based on machine translation from Russian into Arabic, the following conclusions can be drawn. As a result of machine translation, the linguistic, cultural and emotional features of the source text are lost. The inability of machine translation to preserve the meaning of idiomatic expressions, metaphors and some grammatical constructions is noted equivalently, since they are translated literally. The Google Translator program often translates words without preserving the exact meaning. When using machine translation, there is a large number of spelling and grammatical errors. It is also possible to note a violation of the grammatical structure of the target language. The machine translation program transliterates words that have no equivalent, which often leads to a break in the storyline of the work and loss of the meaning of the source text.

Keywords: machine translation, Arabic, Russian

For citation: Al-Dulaimi Ahmed Abdulkarim Hamid Difficulties of machine translation of texts of different styles from Russian into Arabic. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 157 – 164.

The article was submitted: October 11, 2023; Approved after reviewing: December 10, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность данной работы обусловлена изучением совершенствования методов машинного перевода текстов разносистемных языков. Интерес к этой проблеме в отечественной и зарубежной лингвистике не угасает уже несколько десятков лет. Идея использовать компьютеры для автоматического перевода человеческих языков впервые появилась в начале 1950-х годов, но этот процесс требовал длительного времени для обработки и хранения данных. В начале 21 века компьютерное программное обеспечение, данные и оборудование стали способны осуществлять элементарный машинный перевод.

Машинный перевод – это новый вид перевода, используемый с помощью компьютеров и приложений для смартфонов без прямого вмешательства человека в процесс [4, с. 41]. Этот перевод не требует времени, усилий и является бесплатным. Вам просто нужно ввести текст в поле перевода и выбрать два языка, и он будет переведен немедленно и автоматически. Этот перевод может быть полезен в простых случаях, например, при изучении значения слова или предложения, а также при переводе текста, с помощью которого заявитель просто пытается понять значение слова. Этот тип перевода широко используется из-за его простоты и возможности без труда передать готовое содержание, но его недостатки очевидны, особенно в области грамматики языков разных систем. Машинный перевод работает посредством ввода текста в программу [2, с. 9]. Эта специализированная программа включает в себя грамматику целевого языка и тысячи двуязычных словарей. Программа анализирует исходный текст и переводит его с исходного языка на целевой язык в том виде, в котором он есть.

Цель данной статьи – выявить и охарактеризовать основные проблемы машинного перевода текстов разных функциональных стилей с русского языка на арабский.

Машинный перевод совершается очень быстро, позволяя мгновенно перевести миллионы слов. Эта технология может переводить большие объемы данных, а также обрабатывать их на иностранном языке, искать подходящие термины, запоминать эти термины для дальнейшего использования и производить переводы или готовые языковые шаблоны [6, с. 50]. Машинный перевод поддерживает большое количество языков и может переводить несколько дей одновременно, просто меняя языковую функцию, в отличие от переводчика-человека, который ограничен только теми языками, которые он знает [9].

В нашей работе мы рассматриваем машинный перевод при использовании программы «гугл переводчик» в рамках сравнительного анализа.

Гугл переводчик – это бесплатная служба, разработанная Google в апреле 2006 года, которая переводит множество текстов и медиафайлов, таких как слова, фразы и т.д. Гугл переводчик изначально был выпущен как технология статистического перевода. Первый перевод осуществлялся на английском языке и на ограниченном количестве языков, постепенно добавлялись и другие языки. Первыми языками были: английский, немецкий, французский и испанский, а количество языков в гугл перевод теперь доступен на 109 языках. Важность гугл переводчика не ограничивается переводом только между двумя языками, а, скорее, помогает лучше понимать родной язык, поскольку он поддерживается хорошим словарем, который можно использовать для лучшего понимания незнакомых слов.

Можно отметить в русском языке образование глагола и существительного от слова «Google», которого нет в арабском языке.

Гуглить и гуглить несов, неол., разг. – искать информацию при помощи поисковой системы Гугл или, расширительно, с помощью любого другого аналогичного средства. Гугление ср, разг.

Гугл переводчик позволяет переводить текст с максимальным количеством символов менее 3900. Каждый веб-сайт и приложение, существующие в настоящее время, имеют свои особенности, преимущества и недостатки.

Благодаря использованию гугл переводчика мы замечаем широко распространенные ошибки на вывесках библиотек в арабских странах. Все библиотеки используют слово «библиотека» для обозначения публичной библиотеки, хотя на самом деле библиотека предназначена для продажи книг, и по-английски это «Bookstore (книжный магазин)». Причина в том, что человек, который ввел неправильное слово с помощью Google Translate, не знал разницы в использовании: он просто выбрал значение слова, не сверяясь со специалистом по английскому языку.

В нашем исследовании мы анализируем и сравниваем перевод с арабского на русский и наоборот на сайте «гугл переводчик», а также показываем на примерах ошибки, обнаруженные в этом переводе:

- Неправильный выбор слова в целевом языке. В предложении как: Ассирийцы живут на севере Ирака. يعيش السريانيون في شمال العراق, гугл переводчик перевел слово «ассирийцы» в слово «сирийцы», а это явная ошибка. Слово «ассириец», «ассирийцы», не может быть введено в данные гугл переводчика, поэтому он не может подобрать правильное значение.

- Перевод имен собственных. Мы заметили, что имена распространенных русских людей в мире, в том числе и на арабском языке, существуют на обоих языках, например: Пушкин, Чехов, при этом некоторые имена были неточно переведены программой «гугл переводчик», например: Мы поставили имя Георгий غيورجي на русском и сайт перевел на арабский как "Джорджи" جورجى, а имя Дмитрий – Димитрий ديميتري, Елена – Илена ايلينا, Жанна جانا перевела Зана زانا, а мы поставили название города типа Воронеж فارونيش, перевел Воронидж فارونيج.

- Отметим перевод слова «ректор» رئيس الجامعة с арабского языка на русский будет «президент университета», поскольку слово в арабском языке состоит из двух частей «президент» и «университет», а гугл переводчик соединил два слова. Мы вставили слово «президент университета» в предложение, например:

Ректор университета принял участие в международной конференции, состоявшейся недавно в Китае. شارك رئيس الجامعة في المؤتمر الدولي الذي اقيم في الصين مؤخراً

При переводе слово «университет» будет лишним, и его необходимо удалить, поскольку слово «ректор» только в арабском языке означает «ректор университета».

- Слово «декан» عميد в арабском языке имеет два значения: первое — (декан факультета عميد الكلية) и второе — бригадный генерал عميد (в армии и полиции, что представляет собой звание между полковником и генерал-майором). Заметим, что гугл переводчик переводит декан факультета с арабского на русский «декан колледжа». Гугл переводчик представил вариант «декана полиции», и мы выбрали его, чтобы показать нам декана, а не бригадный генерал.

- Мы замечаем, что гугл переводчик перевел слово «девушка» فتاة с русского на арабский как «молодая женщина» شابة, а мы вставили слово «девушка» в предложение, и автоматический переводчик перевел его точно, например:

Девушка пошла на вечеринку с студентками. ذهبت الفتاة إلى الحفل برفقة الطالبات

Но если мы добавим слово «школьницы», то получится предложение

Девушка пошла на вечеринку со школьницами. ذهبت الفتاة إلى الحفل برفقة طالبات المدرسة

К слову «студентки» автоматически добавится слово «школа».

- При машинном переводе гугл переводчик не перевел аббревиатуру ВДНХ فندخا на арабский, а перевел VDNH на английский, перевел РУДН رودن на арабский «университет рудн», перевел МГУ на «Московский университет» جامعة موسكو и удалил слово «государственный», что указывает на то, что записи в значениях сокращения неточны и дело ограничилось вводом их группы. По этой причине гугл переводчик не может перевести его точно или так же хорошо, как переводчик-человек.

В процессе экспериментов в Гугл переводчик мы также заметили, что перевод осуществляется с русского или английского на арабский без указания одного из двух языков. Выбирается перевод с английского на арабский и в поле перевода вводится русское предложение, при использовании значка «английский язык». Можно заметить, что гугл переводчик переведет предложение на арабский непосредственно с без выбора языка:

Я живу в Москве [через язык-посредник арабский] переводится I live in Moscow.

Заметим, что при переводе с арабского языка на английский машинный перевод предлагает одно значение, а ниже могут быть даны другие значения. Если мы попробуем тот же метод, переводя с арабского языка на русский, машинный переводчик выдаст нам только одно значение, например:

с арабского языка на английский رأيت = I saw (consider, sight, conceive и др.).

с арабского языка на русский رأيت = я видел (только одно значение).

Арабский язык является сложным для машинного перевода из-за его морфологических, грамматических и семантических особенностей, которые отличаются от других языков. Арабский язык характеризуется наличием огласовок над и под словами, и эти огласовки важны для определения грамматических падежей и произношения. Машинный перевод его не показывает и в то же время не занимается им, поэтому смысл кажется непонятным, в отличие от остальных языков, опирающихся на ясный и известный морфологический аспект и огласовки в арабском языке: дамма الضمة (ُ), фатха الفتحة (َ), кесра الكسرة (ِ), сукун السكون (ْ). Без огласовок некоторые слова были бы похожи по написанию, но различны по значению, а огласовки определяли бы их значения, например: Слово «хамам» حمام без огласовок будет иметь два значения: «хамам» (баня, ванная) и второе «хамам» — это множественное число от «хамама» (голубь), если огласовки поместить в первом слове (хамам) حَمَام и во втором слове (хамам) حَمَام. В прошедшем времени глагол написал كتب без огласовок, разницы мы не заметим, а при их наличии замечаем следующее:

كَتَبَ كَرِيمُ الدَّرْسَ (Карим написал урок)

كَتَبَ الْكِتَابَ فِي الْقَرْنِ الْعِشْرِينَ (Книга была написана в XX веке)

Эти огласовки также способствуют определению значения из-за схожести некоторых слов, если из них убрать огласовки, а арабы знают смысл предложения и без них. Однако в машинном переводе эти огласовки задают точное значение, но они в нем отсутствуют, и буквы слов читаются без них. Если взять текст, слова которого содержат огласовки, и поместить его в Гугл переводчик, то мы заметим следующее:

Текст, переведенный переводчиком-человеком с огласовкой

«خبأ الضوء الساقط على الأوراق المطبوعة للنص. وصمّنت المرأة الشابة الجالسة على الكرسي أمام الميكروفون وهمت على شكل من الأشكال أيضاً. خرجت من الشخصية وتحولت حالاً من نجمة السينما الروسية، والحسنة، وأحلام أجيال عدة من الرجال السوفييت إلى موظفة متواضعة تعمل في محطة إذاعية مشهورة. إنها امرأة اعتيادية للغاية عمرها قرابة خمس وثلاثين عاماً، متوسطة الطول، تميل قليلاً إلى السمينة ومظهرها غير لافت للنظر بشيء. جلست منحنية الرأس وقد تعلق نظرها في الأوراق التي كانت موضوعاً أمامها فلا تكاد ترى غيرها، وشعرت بنفسها خائفة القوى».

Оригинальный текст

«Свет, падавший на распечатку текста, потух. Молодая женщина в кресле перед микрофоном замолчала и как-то тоже погасла. Она вышла из образа и мгновенно превратилась из звезды русского кино, красавицы, мечты нескольких поколений советских мужчин в скромную сотрудницу популярной радиостанции. Теперь это была самая обычная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, слегка склонная к полноте и внешне ничем не примечательная. Она сидела, опустив голову, уставившись невидящим взором в лежавшие перед ней листы, и чувствовала себя опустошенной». (роман Олега Роя «Мужчина в окне напротив»).

Текст, переведенный гугл переводчиком, арабский текст которого содержал огласовки.

«Свет, падающий на распечатанные листы текста, был скрыт. Девушка, сидевшая на стуле перед микрофоном, замолчала и тоже как-то загудела. Она вышла из образа и мгновенно превратилась из звезды российского кино, красавицы и мечты нескольких поколений советских мужчин в скромную сотрудницу известной радиостанции. Она самая обычная женщина лет тридцати пяти. лет, среднего роста, слегка полновата, и внешность ее не представляет собой ничего примечательного. Она сидела, опустив голову, устремив взгляд на лежавшие перед ней бумаги, так что почти ничего не могла видеть и чувствовала, что теряет силы».

Мы перевели текст, который гугл переводчик перевел с арабского на русский, на этот раз с русского языка на арабский, и он оказался без огласовок, а переводчик представлял собой дословный перевод, с лишними словами и отсутствием порядка в структуре предложений.

«تم إخفاء الضوء الساقط على الأوراق المطبوعة من النص. صمّنت الفتاة التي كانت تجلس على الكرسي أمام الراديو وبدأت تنندن بطريقة ما. لقد خرجت عن الشخصية وتحولت على الفور من نجمة سينمائية روسية، جميلة وحلم عدة أجيال من الرجال السوفييت، إلى موظفة متواضعة في محطة إذاعية شهيرة، إنها امرأة عادية في الخامسة والثلاثين تقريباً. سنة، متوسطة الطول، ممثلة قليلاً، ومظهرها لا يمثل أي شيء مميز. جلست ورأسها إلى الأسفل، ونظرتها مثبتة على الأوراق التي أمامها، بحيث لم تعد ترى شيئاً تقريباً، وشعرت أنها بدأت تفقد قوتها».

Мы проанализировали и сравнили два текста: оригинальный русский текст и русский текст, переведенный гуглом переводчиком, и отметили следующее:

В начале предложения гугл переводчик выбрал причастие в настоящем времени «Свет, падающий...», в то время как в исходном тексте причастие стоит в прошедшем времени «Свет, падавший...», а вместо существительного «на распечатку текста» он выбрал прилагательное «на распечатанные листы текста» и добавил слово «листы». Изменил глагол «потух» на «был скрыт», т. е. «свет был скрыт». Изменил композицию

с «молодой женщины» на «девушку». «Сидевшая» добавление человека-переводчика, а гугл переводчик выбрал слово «стул» вместо «кресло». Гугл переводчик изменил глагол «погасла» на «загудела». Выбрал «известная радиостанция» вместо «популярная радиостанция». Слово «лет» повторилось дважды. Он не выбрал точное значение в слове «полновата», хотя в оригинальном тексте писатель описывает персонажа «слегка склонная к полноте». Изменил наречие «внешне» в существительное «внешность». Добавил «представляет собой» в предложение. Выбрал деепричастие, отличное от того, что есть в тексте «устремив» вместо «установившись». И также изменил слово «листы» на «бумаги». И замечаем добавление человека-переводчика «так что почти ничего не могла видеть». Наконец, выбрал гугл переводчик глагол и дополнение «теряет силы» вместо прилагательного «опустошенной».

Материалы и методы исследований

Для изучения существующих на сегодняшний день приемов машинного перевода, его достоинств и недостатков, был осуществлен обзор, изучение и анализ научных работ отечественных и зарубежных исследователей по обсуждаемому вопросу. Для исследования ошибок машинного перевода русского художественного текста на арабский язык были использованы методы сравнительно-сопоставительного и лингвокультурологического анализа разносительных языков.

Результаты и обсуждения

Для определения эффективности использования машинного перевода русских художественных текстов был проведен сравнительно-сопоставительный анализ машинного и авторского переводов произведений Олега Роя на арабский язык. Эксперты по языкам постоянно разрабатывают комбинированные грамматики и двуязычные словари, добавляя грамматические и семантические структуры для нескольких областей или тем [5, с. 68], [10]. Машинный перевод, основанный на правилах этих словарей, используется для точного перевода конкретного контента. Машинный перевод предсказуем, однако он будет плохим, если исходный текст содержит ошибки или использует слова, которых нет во встроенных словарях. Улучшить перевод можно только путем регулярного обновления словарей вручную. Нейронные сети на устройстве учитывают все предложение, подлежащее переводу, на каждом этапе подготовки целевого предложения, в то время как другие модели машинного перевода разбивают предложение, подлежащее переводу, на группы слов и фраз и связывают его со словом или фразой в целевом языке [11]. Многоязычные системы нейронного машинного перевода могут преодолеть ограниченные возможности других методов и зачастую обеспечивать более качественный перевод. Нейронный машинный перевод опирается на правила и методы, используемые в его программах, основанные на нескольких принципах, которые способствуют улучшению результатов перевода.

Машинный перевод выполняет широкий и быстрый процесс, который обрабатывает данные в нескольких аспектах: во-первых, грамматический аспект [7]. Этот перевод опирается на лингвистические правила при переводе текста и анализирует его в соответствии с правилами языка оригинала. После этого текст подвергается грамматическому анализу целевого языка и, наконец, создается переведенный текст. Во-вторых, статистический аспект. Этот перевод зависит от определенных статистических моделей, присутствующих в данных, сохраненных в программе, и связывает слова, фразы и предложения на исходном и целевом языках [8]. Этот метод связан со случайным выбором, поэтому встраивается в грамматическую структуру переведенного текста. В-третьих, смешанный перевод сочетает в себе два предыдущих метода и его качество лучше, поскольку он обрабатывает данные, опирается на правила и выбирает наиболее релевантную лексику, но при этом не лишен ошибок и требует постоянных модификаций текста. В-четвертых, перевод с использованием искусственного интеллекта. Этот метод характеризуется обучением искусственного интеллекта постоянному изучению и развитию языков, при этом текст обрабатывается разумно и лучше переводится.

Определены основные достоинства машинного перевода:

- Простота использования.
- Процесс перевода происходит мгновенно и быстро.
- Большое количество слов можно перевести за считанные секунды, введя текст напрямую.
- Поддерживает большое количество различных языков.
- Выявление новых значений лексики, не упомянутых в словарях.

Недостатки машинного перевода:

- Низкое качество перевода. Машинный перевод не может оформить переведенный текст с высокой точностью, и мы замечаем низкое качество текста, который он переводит, из-за наличия некоторых фиксированных терминов и выражений, которые не обрабатываются должным образом во время перевода.

- Неточность перевода: машинный перевод не обеспечивает такой же точный перевод, как переводчики-люди. Человек-переводчик хорошо понимает текст еще до перевода, поэтому он может перевести его максимально точно, сохраняя его смысл и концепцию, в отличие от машинного перевода, при котором смысл текста может быть искажен, а слова и предложения буквально переводятся с одного языка на другой.

- Наличие ошибок: Мы замечаем наличие множества грамматических ошибок в машинном переводе, и конечно эти ошибки влияют на содержание, восприятие текста читателем, и не сохраняют основную концепцию текста.

- Проблемы со структурой предложений: Каждый язык имеет свои особенности грамматического строя, и чтобы перевод был точным, структуры предложений должны быть правильными. При использовании машинного перевода можно заметить, что предложение переводится без изменения места глагола, существительного и других его элементов, и в результате возникают трудности с пониманием смысла.

- Машинный перевод не может передать чувства и эмоции в литературных и поэтических текстах.

- При машинном переводе некоторые предложения могут быть сокращены или удалены.

- Семантическая множественность существует в большинстве языков и считается одной из проблем, стоящих перед переводчиками и самим машинным переводом. Одно слово имеет много значений и может не иметь эквивалента, и здесь программа выбирает значение случайным образом [3, с. 404].

- Орфографические ошибки: Одной из проблем машинного перевода является наличие орфографических и грамматических ошибок, которые допускают программы при машинном переводе, которые свидетельствуют о недостаточном качестве перевода.

- Дословный перевод. Дословный перевод является одной из важнейших проблем машинного перевода. Этот перевод не меняет структуры и слова соответствующим образом, а сохраняет их такими, какие они есть, и существуют словарный запас и структуры, которые различаются в разных функциональных стилях.

- Использование неподходящей терминологии. Известно, что перевод терминологии занимает у переводчиков много времени, и переводчики часто стремятся подобрать подходящий эквивалент, но при машинном переводе этого нет, поэтому процесс подбора перевода терминологии является неточным, либо он переводится буквально или переводится по транслитерации.

- Не принимаются во внимание различия менталитетов и культур народов-носителей языков. Машинный перевод не учитывает особенности транскультурного перевода, поэтому может не соответствовать замыслу текста целевого языка.

- Трудности с переводом знаков препинания и пунктуации. В каждом языке существуют свои знаки и условия их употребления в тексте. Особенно это касается авторских знаков препинания, которые помогают передать эмоциональное содержание текста.

- Отсутствие объяснений и уточнений в машинном переводе.

Недопустимо прибегать к машинному переводу во всех случаях и во всех областях, поскольку он приводит к буквальному переводу и иногда является неточным. Мы не можем сравнивать машинный перевод с человеческим переводом, поскольку они сильно различаются по объему работы и результатам [1, с. 181].

Выводы

В целом по итогам анализа текста на основе машинного перевода с русского языка на арабский можно сделать следующие выводы. В результате машинного перевода теряются лингвокультурные и эмоциональные особенности исходного текста. Отмечена неспособность машинного перевода сохранять смысл идиоматических выражений, метафор и некоторых грамматических конструкций эквивалентно, поскольку они переводятся буквально. Программа «Гугл переводчик» часто переводит слова без сохранения точного смысла. При использовании машинного перевода наблюдается большое количество орфографических и грамматических ошибок. Также можно отметить нарушение грамматической структуры целевого языка. Программа машинного перевода передает слова, не имеющие эквивалента, по транслитерации, что часто приводит к разрыву сюжетной линии произведения и потере смысла исходного текста.

Список источников

1. Абросимова Н.А., Щелокова Е.А. Пред- и постредактирование машинного перевода медицинских текстов // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 4 (95). С. 178 – 181. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pred-i-postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-meditsinskih-tekstov?ysclid=ldw44lkycw553753824>. (дата обращения: 15.09.2023)
2. Беляева Л.Н. Машинный перевод в работе переводчика: практический аспект // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2019. № 2. С. 8 – 20.

3. Ермаков А.Е. Язык семантических трансформаций для компьютерной интерпретации текста // Информационные технологии. 2017. Т. 23. № 6. С. 403 – 412.
4. Камшилова О.Н., Беляева Л.Н. Машинный перевод в эпоху цифровизации: новые практики, процедуры и ресурсы // Terra Linguistica. 2023. Т. 14. № 1. С. 41 – 56.
5. Нечаева Н.В., Светова С.Ю. Постредактирование машинного перевода как актуальное направление подготовки переводчиков в вузах // Вопросы методики преподавания в вузе. 2018. Т. 7. № 25. С. 64 – 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewe> (дата обращения 24.08.2023)
6. Стариченко Б.Е. Цифровизация образования: иллюзии и ожидания // Педагогическое образование в России. 2020. № 3. С. 49 – 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-illyuzii-i-ozhidaniya?ysclid=ldvzz4y1cs241893073> (дата обращения 15.09.2023)
7. Koponen M., Sulubacak U., Vitikainen K., Tiedemann J. MT for subtitling: User evaluation of post-editing productivity // EAMT-2020, Proceedings of the 22nd Annual Conference of the European Association for Machine Translation. Lisboa, Portugal, 2020. P. 115 – 124. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348688005> (дата обращения 12.09.2023)
8. Toral A., Castilho S., Hu K., Way A. Attaining the Unattainable? Reassessing Claims of Human Parity in Neural Machine Translation, 2018. URL: <https://arxiv.org/abs/1808.10432> (дата обращения: 22.08.2023)
9. Toral A., Oliver A., Ribas-Bellestín P. Machine Translation of Novels in the Age of Transformer // Maschinelle Übersetzung für Übersetzungsprofis, edited by Jörg Porsiel. Berlin: BDÜ Fachverlag, 2020. P. 276 – 296. URL: <https://www.researchgate.net/publication/346557116> (дата обращения: 22.08.2023)
10. Steinberger R. Language Engineering Technologies and their use for TF-UCLAF: A Report on JRC's Institutional Support Activities [Электронный ресурс]. URL: http://langtech.jrc.it/Documents/Report-98_Steinberger_LangTech4OLAF.pdf (дата обращения: 20.04.2019)
11. Vieira L.N. Post-Editing of Machine Translation // M. O'Hagan (Ed.), The Routledge Handbook of Translation and Technology. Routledge, 2019. P. 319 – 335. URL: <http://www.routledge.com/9781138232846>. (дата обращения: 12.09.2023)

References

1. Abrosimova N.A., Shchelokova E.A. Pre- and post-editing of machine translation of medical texts. World of science, culture, education. 2022. No. 4 (95). P. 178 – 181. URL: <https://cyber-leninka.ru/article/n/pred-i-postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-meditsinskih-tekstov?ysclid=ldw44lkycw553753824>. (date of access: 09/15/2023)
2. Belyaeva L.N. Machine translation in the work of a translator: a practical aspect. Bulletin of PNIPU. Problems of linguistics and pedagogy. 2019. No. 2. P. 8 – 20.
3. Ermakov A.E. Language of semantic transformations for computer interpretation of text. Information technologies. 2017. T. 23. No. 6. P. 403 – 412.
4. Kamshilova O.N., Belyaeva L.N. Machine translation in the era of digitalization: new practices, procedures and resources. Terra Linguistica. 2023. T. 14. No. 1. P. 41 – 56.
5. Nechaeva N.V., Svetova S.Yu. Post-editing of machine translation as a current direction in training translators in universities. Questions of teaching methods in universities. 2018. T. 7. No. 25. P. 64 – 73. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/postredaktirovanie-mashinnogo-perevoda-kak-aktualnoe-napravlenie-podgotovki-perevodchikov-v-vuzah/viewe> (access date 08/24/2023)
6. Starichenko B.E. Digitalization of education: illusions and expectations. Pedagogical education in Russia. 2020. No. 3. P. 49 – 58. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovizatsiya-obrazovaniya-illyuzii-i-ozhidaniya?ysclid=ldvzz4y1cs241893073> (access date 09/15/2023)
7. Koponen M., Sulubacak U., Vitikainen K., Tiedemann J. MT for subtitling: User evaluation of post-editing productivity. EAMT-2020, Proceedings of the 22nd Annual Conference of the European Association for Machine Translation. Lisboa, Portugal, 2020. P. 115 – 124. URL: <https://www.researchgate.net/publication/348688005> (accessed 09/12/2023)
8. Toral A., Castilho S., Hu K., Way A. Attaining the Unattainable? Reassessing Claims of Human Parity in Neural Machine Translation, 2018. URL: <https://arxiv.org/abs/1808.10432> (access date: 08/22/2023)
9. Toral A., Oliver A., Ribas-Bellestín P. Machine Translation of Novels in the Age of Transformer. Maschinelle Übersetzung für Übersetzungsprofis, edited by Jörg Porsiel. Berlin: BDÜ Fachverlag, 2020. P. 276 – 296. URL: <https://www.researchgate.net/publication/346557116> (access date: 08/22/2023)

10. Steinberger R. Language Engineering Technologies and their use for TFLUCLAF: A Report on JRC's Institutional Support Activities [Electronic resource]. URL: http://langtech.jrc.it/Documents/Report-98_Steinberger_LangTech4OLAF.pdf] (access date: 04/20/2019)

11. Vieira L.N. Post-Editing of Machine Translation. M. O'Hagan (Ed.), The Routledge Handbook of Translation and Technology. Routledge, 2019. P. 319 – 335. URL: <http://www.routledge.com/9781138232846>. (date of access: 09/12/2023)

Информация об авторе

Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид, аспирант, Государственный университет просвещения

© Аль-Дулейми Ахмед Абдулкарим Хамид, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81.11

¹ Лю Ди, ^{1,2} Сюй Хунлян

¹ Хэйхэский университет, Китай,

² Пекинский педагогический университет, Китай

О переводе заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях

Аннотация: данная работа посвящена изучению перевода заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях. Цель исследования заключается в пояснении стратегий перевода указанной микроструктуры словаря. Наблюдение и сравнение главных девяти словарей и пособий по синонимам русского языка, изданных в Китае, показали, что в отношении представления переводческих вариантов заголовочных слов существует три приёма: общий перевод, частный перевод, нулевой перевод. Три стратегии почти одновременно используются в первых русско-китайских синонимических словарях, которых были изданы в конце 50-х годов прошлого века. В последующих словарях такого рода общий перевод для заголовочных слов-синонимов употребляется чаще всего, а частный перевод, также имеющий важное значение для различения смысла слова, применяется в крупнейшем русско-китайском синонимическом словаре – «Словарь синонимов русского языка» (1986 год). Сопоставление переводов заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях и в русско-китайских лексических словарях, опубликованных в одно время, показало, что переводческих вариантов слов в первом издании, в целом, меньше, чем в последнем. Это можно объяснить тем, что словари двух типов имеют разную функцию: в словаре синонимов частные переводческие варианты слов в той или иной степени выполняют дифференциальную функцию среди синонимического разряда, а в двуязычном словаре переводы слов представляются с учётом наиболее употребительных языковых соответствий. Данное исследование способствует обогащению двуязычной лексикографии, повышению эффективности использования словарей.

Ключевые слова: русско-китайский словарь, синонимы русского языка, микроструктура словаря, перевод заголовочных слов-синонимов, сравнительная лексикография, китайская русистика

Для цитирования: Лю Ди, Сюй Хунлян О переводе заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 165 – 172.

Поступила в редакцию: 11 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 10 ноября 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Liu Di, ^{1,2} Xu Hongliang

¹ Heihe University, China,

² Beijing Normal University, China

On the translation of headline words in Russian-Chinese synonymous dictionaries

Abstract: this work is devoted to the study of the translation of headline words in Russian-Chinese synonymous dictionaries. The purpose of the study is to explain the translation strategies of the specified microstructure of the dictionary. Observation and comparison of the main nine dictionaries and manuals on synonyms of the Russian language published in China showed that there are three methods for presenting translation versions of headline words: general translation, private translation, zero translation. Three strategies are used almost simultaneously in

the first Russian-Chinese synonymous dictionaries, which were published in the late 50s of the last century. In subsequent dictionaries of this kind, a general translation for headline synonyms is used most often, and a private translation, which is also important for distinguishing the meaning of a word, is used in the largest Russian-Chinese synonymic dictionary - Dictionary of Synonyms of the Russian Language (1986). Russian dictionary comparison of translations of headline words in Russian-Chinese synonymic dictionaries and in Russian-Chinese lexical dictionaries published at the same time showed that there are fewer translation variants of words in the first edition, in general, than in the last one. This can be explained by the fact that dictionaries of the two types have different functions: in the dictionary of synonyms, private translation versions of words perform a differential function among the synonymic category to one degree or another, and in a bilingual dictionary, translations of words are presented taking into account the most common linguistic correspondences. This research contributes to the enrichment of bilingual lexicography, increasing the effectiveness of the use of dictionaries.

Keywords: Russian-Chinese dictionary, synonyms of the Russian language, microstructure of the dictionary, translation of headline synonyms, comparative lexicography, Chinese Russian studies

For citation: Liu Di, Xu Hongliang On the translation of headline words in Russian-Chinese synonymous dictionaries. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 165 – 172.

The article was submitted: October 11, 2023; Approved after reviewing: December 10, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Культурный обмен между Китаем и Россией имеет длительную историю и отражается во многих областях знаний, в том числе и в двуязычной лексикографии. После образования КНР процесс составления и издания русско-китайских словарей шёл относительно динамично. Китайская русистика ценится типологией, содержанием и объёмом составленных русско-китайских словарей.

Русский язык богат синонимическими словами, и это, в свою очередь, вызывает определённые трудности у иностранных учащихся. Для того, чтобы помочь изучающим русский язык различать синонимы, китайские русисты попытались создать русско-китайский синонимический словарь и добились немалых успехов в этой области. Первые такие словари появились в конце 50-х годов прошлого века. До настоящего времени были изданы разные по содержанию, структуре, объёму, адресату русско-китайские синонимические словари.

Как общеизвестно, одним из важнейших аспектов для двуязычной лексикографии является подбор переводческих вариантов к языковой единице в словаре. Что касается стратегии подачи переводов заголовочных слов в двуязычном словаре синонимов, то она имеет своеобразную картину, отличаясь от двуязычных словарей других типов. Имеющийся анализ и оценка русско-китайских словарей синонимов связаны с проблемами выбора синонимических слов и толкования семантического различия между членами разряда [14].

Данное исследование способствует обогащению теории двуязычной лексикографии, позволяет практикам повысить точность употребления русских слов в учебной и переводческой деятельности.

Материалы и методы исследований

В настоящей работе исследовательским материалом служат данные русско-китайских словарей синонимов и справочных пособий для изучения синонимов русского языка, которые были написаны китайскими русистами и изданы в Китае. Они были перечислены в табл. 1.

Таблица 1

Словари и пособия по синонимам русского языка, изданные в Китае.

Table 1

Dictionaries and manuals on synonyms of the Russian language, published in China.

	Словарь (пособие)	Год издания
1	《简明俄语同义词辞典》(«Краткий словарь синонимов русского языка», в дальнейшем – «КССРЯ-1958»)	1958
2	《俄语词汇辨析》(«Пособие для различения близких по значению слов русского языка», составленное специалистами Пекинского института русского языка, в дальнейшем – «Пособие-1959-а»)	1959

Продолжение таблицы 1
Continuation of Table 1

3	《俄语词汇辨析》(《Пособие для различения близких по значению слов русского языка», составленное специалистами Хэйлунцзянского университета, в дальнейшем – «Пособие-1959-б»)	1959
4	《俄语常用同义动词辨析》(《Пособие для различения наиболее употребительных синонимических глаголов русского языка», в дальнейшем – «Пособие-1964»)	1964
5	《俄语同义近义词辨析》(《Пособие для различения синонимов и приблизительных по смыслу слов», в дальнейшем – «Пособие-1985»)	1985
6	《俄语同义词词典》(《Словарь синонимов русского языка», в дальнейшем – «ССРЯ-1986»)	1986
7	《现代俄语同义词辨析》(《Пособие для различения синонимов в современном русском языке», в дальнейшем – «Пособие-1987»)	1987
8	《现代俄语常用同义词解析》(《Пособие для различения наиболее употребительных синонимов и близких по значению слов в современном русском языке», в дальнейшем – «Пособие-2005-а»)	2005
9	《大学俄语同义词辨析》(《Пособие для различения синонимов и близких по значению слов в русском языке для студентов», в дальнейшем – «Пособие-2005-б»)	2005

Надо отметить, что в Китае издан ещё один известный словарь, который называется «Сокровищница синонимов русского языка» [15]. Но, по сути, это русско-китайский словарь, характеризующийся тематической или идеографической, а не собственной синонимической особенностью, поэтому он находится вне поля зрения нашей работы.

В процессе данного исследования используются методы: наблюдение, сопоставление и классификация. На основе наблюдения словарных статей из вышеуказанных работ и сопоставления данной в них информации определены сходство и различие в переводах заголовочных слов в рассмотренных словарях, классифицированы и описаны их особенности.

Кроме сравнения переводов заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях между собой, в работе был использован приём сопоставления их с переводческими вариантами в русско-китайских лексических словарях, изданных наряду с первыми почти в одно и то же время, чтобы указать присущие русско-китайскому синонимическому словарю особенности. Таким образом, ещё были использованы некоторые русско-китайские словари, которые были перечислены в табл. 2.

Таблица 2

Русско-китайские лексические словари, используемые в работе.

Table 2

Russian-Chinese lexical dictionaries used in the work.

Словарь	Год издания
《俄汉大辞典》(《Большой русско-китайский словарь», в дальнейшем – «Словарь-1960»)	1960
《新俄汉词典》(《Новый русско-китайский словарь», в дальнейшем – «Словарь-1984»)	1984
《大俄汉词典》(《Большой русско-китайский словарь», в дальнейшем – «Словарь-1985»)	1985

Результаты и обсуждения

Наблюдение и сопоставление переводов заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях позволяют определить три типа подачи переводческих вариантов.

1. Тип заголовочных слов с частным переводом.

В 1958 году в Китае вышел в свет первый русско-китайский синонимический словарь – «Краткий словарь синонимов русского языка» [2], по сути, это перевод «Краткого словаря синонимов русского языка» [1], который был составлен В.Н. Ключевой и издан в Москве в 1956 году. В данном издании каждому слову из синонимических разрядов дан частный перевод. Например, каждому слову из группы синонимов «зритель,

наблюдатель, очевидец, созерцатель, свидетель» представлен отдельный перевод: 观众, 观察员, 目睹者, 洞察者, 见证人. Переводческие варианты заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях не являются полной копией переводов заголовочных слов в русско-китайских словарях. Наблюдение и сравнение переводов заголовочных слов в «КССРЯ-1958» и в русско-китайском словаре того времени «БРКС-1960» [11] показали, что переводческих вариантов слов в первом издании, в целом, меньше, чем в последнем. Посмотрим табл. 3 и сравним переводческие варианты указанных слов в «КССРЯ-1958» и «БРКС-1960».

Таблица 3

Данные синонимического разряда «зритель, наблюдатель, очевидец, созерцатель, свидетель» в «КССРЯ-1958» и «БРКС-1960».

Table 3

Data from the synonymous category “spectator, observer, eyewitness, contemplator, witness” in “KSSR-1958” and “BRKS-1960”.

Синонимы	«КССРЯ-1958»		«БРКС-1960»
	Частный перевод	Пример-предложение	Перевод заголовочного слова
Зритель	观众	1) Это была пора, когда никто из сознательных людей не мог оставаться безучастным зрителем (<i>Н. Пр.</i>). 这个时候是任何一个有觉悟的人都不会袖手旁边的了。	观者, 看...的人; 眼见者, 目睹者
Наблюдатель	观察员	2) Он решился досидеть до конца, уже совершенно замолчать и оставаться лишь наблюдателем, что, конечно, и требовалось его достоинством (<i>Дост.</i>). 他决心做到最后, 并完全保持沉默, 只作个观察者。这当然也是他的人格所要求的。	观察人, 观察员; 视察员; 监视人
Очевидец	目睹者	3) Если два очевидца видели одно и то же событие, то каждый из них расскажет то же самое событие по-разному (<i>Б.Л.</i>). 如果两个目睹者看到同一件事情, 那么他们让讲述这件事情会各不相同。	目击者, 目睹者, 眼见者
Созерцатель	洞察者	4) Созерцатель тайн природы. 大自然秘密的洞察者。	① 〈讽, 不赞〉袖手旁观者, 消极的旁观者. ② 〈旧〉观察者
Свидетель	见证人	5) Живому человеку трудно ограничиться ролью свидетеля, когда жизнь кругом кипит борьбой (<i>Кор.</i>). 当周围生活沸腾着斗争的时候, 一个活生生的人很难限制在见证人的作用上。 6) Он был свидетель умиленный её младенческих забав (<i>П.</i>). 他是她童年游戏动容的看客和感动者。	见证 (人), 目观者; 作证的人; 〈法〉证人

Такая концепция выбора переводческих вариантов также отражается в «Словаре синонимов русского языка» [7], который был издан в 1986 году и считается одним из наилучших русско-китайских синонимических словарей. Посмотрим табл. 4 и сравним переводческие варианты слов из синонимического разряда – «владелец, обладатель, собственник, хозяин, владетель» в «ССРЯ-1986» и русско-китайских словарях того периода – «Новом русско-китайском словаре» [12], изданном в 1984 г., и «Большом русско-китайском словаре» [13], изданном в 1985 г.

Таблица 4

Переводные варианты синонимического разряда «владелец, обладатель, собственник, хозяин, владетель» в «ССРЯ-1986», «НРКС-1984» и «БРКС-1985».

Table 4

Translated versions of the synonymous category “owner, holder, proprietor, owner, possessor” in “USSR-1986”, “NRKS-1984” and “BRKS-1985”.

Синонимы	«ССРЯ-1986»	«НРКС-1984»	«БРКС-1985»
Владелец	占有者, 物主	物主, 主 (人), 占有者; 业主	占有者; 业主, 物主
Обладатель	享有者, 拥有者	〈书面语〉享有者, 占有者, 拥有者	〈文语〉享有者, 拥有者, 占有者
Собственник	所有者, 私有者	所有者; 私有者	所有者; 私有者
Хозяин	主人, 老板	①主人, (财物的)所有者②雇主, 东家 ③当家人, 管家 ④主人, 东道主 ⑤主人翁, 主宰者	主人, 东家, 雇主; 老板; 主人翁
Владетель	所有者, 占有者	〈古〉物主, 主 (人), 占有者; 业主	〈旧〉所有者, 占有者, (某物的)主人

Причина «сокращения» переводческих вариантов в русско-китайских словарях синонимов по сравнению с переводами в русско-китайских лексических словарях, на наш взгляд, состоит в том, что словари двух типов имеют разную функцию: в словаре синонимов частные переводческие варианты слов в той или иной степени выполняют дифференциальную функцию среди синонимического разряда, а в двуязычном словаре переводы слов представлены с учётом наиболее употребительных языковых соответствий.

В редких случаях частные переводы членов группы синонимов совпадают. С нашей точки зрения, синонимы-слова в этом случае по семантике значительно близки, представленный в словаре частный перевод занимает абсолютно приоритетное место среди всех переводческих вариантов (табл. 5).

Таблица 5

Переводные варианты синонимического разряда «метель, буран, вьюга, метелица, пурга» в «КССРЯ-1958», «БРКС-1960».

Table 5

Translated versions of the synonymous category “blizzard, blizzard, blizzard, blizzard, blizzard” in “KSSR-1958”, “BRKS-1960”.

Синонимы	«КССРЯ-1958»	«БРКС-1960»
Метель	暴风雪	雪暴, 暴风雪, 大风雪, 旋风雪
Буран	暴风雪	(平地的)大风雪, 风搅雪
Вьюга	暴风雪	暴风雪
Метелица	暴风雪	〈方, 诗〉= метель
Пурга	暴风雪	暴风雪, 雪暴

Переводы синонимов-слов в примерах-предложениях из двух синонимических словарей не обязательно являются частными переводческими вариантами, которые следуют за заголовочным словом. Посмотрим табл. 3 и сравним переводческие варианты заголовочных синонимов-слов и переводы примеров-предложений. Можно заметить, что они могут быть разными. Это, определённо, соответствует общей закономерности данных словаря: переводческие варианты слова как заголовочного в словаре могут отличаться от его переводов в контексте. А с позиции двуязычного словаря синонимов он может показывать больше синонимических связей. Посмотрим примеры-предложения со словом «обладатель» и их переводы в «ССРЯ-1986».

Обладатель плаща с капюшоном был молодой человек, ... роста немного повыше среднего, очень белокур и густоволос.

这件带风帽的斗篷的主人是个年轻人.....个子略高于中等身材, 头发是很淡很淡的黄色, 非常厚。

Он, Клим Самгин, еще в детстве был признан обладателем исключительных способностей, об этом он и не забывал и не мог забыть.

他，克利姆·萨姆金，很小就被公认为具有特殊才能，这一点他没有忘记，也不可能忘记。

В первом предложении слово «обладатель» переведён как «主人», а во втором – «具有……（的人）», два перевода отличаются от переводческих вариантов в «ССРЯ-1986», «НРКС-1984» и «БРКС-1985».

2. Тип заголовочных слов с общим переводом

В 1959 году в Китае было издано «Пособие для различия близких по значению слов русского языка» («Пособие-1959-а») [3], составленное преподавателями из Пекинского института русского языка с участием советских специалистов. В этом издании каждая группа слов снабжена общим переводом. Например, для синонимического разряда «военный, солдат, боец, воин, борец» представлен один китайский перевод «战士». Хотя в этой группе слов для объяснения каждого члена ещё даётся отдельный перевод: военный – 军人, солдат – 士兵, боец – 战士, воин – 战士, борец – 战士, но этого приёма не существует во всех синонимических разрядах. Например, у группы слов «вождь, глава, руководитель, главарь» есть только общий перевод «领袖, 领导人, 首脑», а нет частного перевода. Поэтому тип представления перевода заголовочных слов в данном пособии мы определяем как общий перевод.

Такая модель перевода заголовочных слов получила своё развитие. В «Пособии для различения синонимов и приблизительных по смыслу слов» («Пособие-1985») [6], «Пособии для различения синонимов в современном русском языке» («Пособие-1987») [8], «Пособии для различения наиболее употребительных синонимов и близких по значению слов в современном русском языке» («Пособие-2005-а») [9] и «Пособии для различия синонимов и близких по значению слов в русском языке для студентов» («Пособие-2005-б») [10] устанавливают общий перевод для групп слов.

Вариантов общего перевода для каждой группы слов, в принципе, немного. Такой тип перевода заголовочных слов характеризуется доминантой перевода синонимических разрядов. Посмотрим табл. 6 и сравним общий перевод группы со словом «государство» и переводы членов синонимического разряда в контексте в четырёх работах.

Таблица 6

Синонимический разряд со словом «государство» и его переводы в «Пособие-1959-а», «Пособие-1985», «Пособие-1987», «Пособие-2005-а» и «Пособие-2005-б».

Table 6

Synonymous category with the word “state” and its translations in “Manual-1959-a”, “Manual-1985”, “Manual-1987”, “Manual-2005-a” and “Manual-2005-b”.

Словарь (пособие)	Синонимы	Перевод в контексте	Общий перевод
«Пособие-1959-а»	государство	国家; 国 (境)	国家
	держава	(各) 国, (我) 国; 国家; (工业) 国; 强国	
	отечество	祖国; 故国	
	отчизна	祖国; 祖邦	
	республика	共和国	
	родина	祖国	
	страна	国家; 祖国; (两) 国, (我) 国	
«Пособие-1985»	государство	国家; (附属) 国	国家
	страна	(全) 国; 国家	
	держава	强国; (大) 国	
«Пособие-1987»	государство	国家	国家
	страна	国家	
«Пособие-2005-а»	государство	国家; (大) 国, 国 (体)	国, 国家
	держава	列强; 强国	
	страна	(大) 国, (全) 国, (祖) 国	

Продолжение таблицы 6
Continuation of Table 6

«Пособие-2005-б»	государство	国家; (附属) 国	国家
	страна	国家; (祖) 国; (全) 国	
	держава	(大) 国, (强) 国; 强国	

3. Тип заголовочных слов без перевода

В 1959 году в Китае ещё вышла в свет учебная работа, которая также называется «Пособие для изучения близких по значению слов русского языка» («Пособие-1959-б») [4], оно было составлено специалистами Хэйлунцзянского университета. В этом издании после заголовочных слов перевод отсутствует. При объяснении одних групп слов может быть использован перевод, в этом случае формулировка такова – «все они могут быть переведены на ...», а при интерпретации других – общее толкование, тогда формулировка такова – «все они имеют значение ...» или «все они могут обозначать ...». Для третьих только описывается их различие без опоры на общий перевод или толкование.

Такая установка в двуязычных словарях, по нашему мнению, объясняется тем, что пользователи словарей в определённой степени знают главное значение и переводческие варианты групп слов, для них более важно различие членов синонимического разряда. Модель без перевода заголовочных слов в дальнейшем используется мало, и, как мы считаем, она ещё нашла применение в «Пособии для изучения наиболее употребительных синонимических глаголов русского языка» [4], изданном в 1964 году.

Выводы

Проведённое нами исследование позволяет прийти к таким следующим выводам:

1. В отношении переводческих вариантов заголовочных слов в русско-китайских синонимических словарях используются три стратегии: общий, частный и нулевой переводы.

2. Три стратегии перевода заголовочных слов-синонимов появились в первых русско-китайских синонимических словарях. В последующих словарях такого рода общий перевод для заголовочных слов-синонимов употребляется чаще всего, а частный перевод, также имеющий важное значение для различения смысла слова, применяется в крупнейшем русско-китайском синонимическом словаре – «ССРЯ-1986».

3. Частный перевод в русско-китайском синонимическом словаре не является копией перевода заголовочных слов в русско-китайском лексическом словаре. Переводческих вариантов слов в первом издании, в целом, меньше, чем в последнем.

Финансирование

Статья выполнена за счет гранта «Научно-исследовательский фонд для вузов провинции Хэйлунцзян», проект № 2022-KYYWF-0384. (Хэйлунцзян – Heilongjiang)

Список источников

1. Ключева В.Н. Краткий словарь синонимов русского языка. М.: Учпедгиз, 1956. 280 с.
2. Ключева В.Н. 编, 张惠、蒙贡译, 简明俄语同义词辞典, 北京俄语学院教材出版科, 1958 年, 418 页.
3. 北京俄语学院词汇教研组编, 俄语词汇辨析, 1959 年, 424 页.
4. 黑龙江大学编译室编, 俄语词汇辨析, 商务印书馆, 1959 年, 117 页.
5. 华英, 俄语常用同义动词辨析, 商务印书馆, 1964 年, 102 页.
6. 《俄语同义近义词辨析》编写组, 俄语同义近义词辨析, 哈尔滨船舶工程学院出版社, 1985 年, 267 页.
7. 王超尘等, 俄语同义词词典, 高等教育出版社, 1986 年. 1516 页.
8. 吴代生, 现代俄语同义词辨析, 延边大学出版社, 1987 年, 248 页.
9. 陈国亭等, 现代俄语常用同近义词解析, 哈尔滨工业大学出版社, 2005 年, 398 页.
10. 姜娟, 大学俄语同义词辨析, 哈尔滨地图出版社, 2005 年, 142 页.
11. 刘泽荣, 俄汉大辞典, 商务印书馆, 1960 年, 1384 页.
12. 辽宁大学外语系《新俄汉词典》编写组编, 新俄汉词典, 辽宁人民出版社, 1984 年, 2095 页.
13. 黑龙江大学俄语系词典编辑室编, 大俄汉词典, 商务印书馆, 1985 年, 2737 页.

14. 高静, 评介《俄语同义词词典》, 中国俄语教学, 1988 年第一期, 11-13 页.
15. 竺一鸣等, 俄语同义词词林, 商务印书馆, 1991 年, 923 页.

References

1. Klyueva V.N. A brief dictionary of synonyms in the Russian language. M.: Uchpedgiz, 1956. 280 p.
2. Klyueva V.N. 编, 张惠、蒙贡译, 简明俄语同义词辞典, 北京俄语学院教材出版科, 1958 年, 418 页.
3. 北京俄语学院词汇教研组编, 俄语词汇辨异, 1959 年, 424 页.
4. 黑龙江大学编译室编, 俄语词汇辨异, 商务印书馆, 1959 年, 117 页.
5. 华英, 俄语常用同义动词辨析, 商务印书馆, 1964 年, 102 页.
6. 《俄语同义近义词辨异》编写组, 俄语同义近义词辨异, 哈尔滨船舶工程学院出版社, 1985 年, 267 页.
7. 王超尘等, 俄语同义词词典, 高等教育出版社, 1986 年, 1516 页.
8. 吴代生, 现代俄语同义词辨析, 延边大学出版社, 1987 年, 248 页.
9. 陈国亭等, 现代俄语常用同近义词解析, 哈尔滨工业大学出版社, 2005 年, 398 页.
10. 姜娟, 大学俄语同近义词辨析, 哈尔滨地图出版社, 2005 年, 142 页.
11. 刘泽荣, 俄汉大辞典, 商务印书馆, 1960 年, 1384 页.
12. 辽宁大学外语系《新俄汉词典》编写组编, 新俄汉词典, 辽宁人民出版社, 1984 年, 2095 页.
13. 黑龙江大学俄语系词典编辑室编, 大俄汉词典, 商务印书馆, 1985 年, 2737 页.
14. 高静, 评介《俄语同义词词典》, 中国俄语教学, 1988 年第一期, 11-13 页.
15. 竺一鸣等, 俄语同义词词林, 商务印书馆, 1991 年, 923 页.

Информация об авторах

Лю Ди, доцент, кандидат филологических наук, Хэйхэский университет, Китай, Llsh352@yandex.ru, 08613029936531

Сюй Хунлян, старший преподаватель, докторант, Хэйхэский университет, Китай; Институт истории, Пекинский педагогический университет, Китай, корреспондирующий автор

© Лю Ди, Сюй Хунлян, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81:25

¹ Кравчунас М.Б.

¹ Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина

Английский язык профессионального общения в обучении студентов творческих вузов

Аннотация: владение иностранным языком способствует не просто налаживанию конструктивной коммуникации с зарубежными партнерами – он помогает решать профессиональные задачи. Обучающиеся специальностей творческой направленности в силу специфики своей образовательной деятельности и типа мышления наиболее склонны и замотивированы эффективно осваивать материал, имеющий «эмоциональный окрас». А именно, изучать и анализировать учебную информацию, разнообразную по своей структуре и содержанию, насыщенную любопытными фактами по профильной дисциплине, требующую креативного подхода и самостоятельности в решении поставленных задач. При этом процесс обучения рекомендуется выстраивать модульно – каждый блок должен содержать вариативные упражнения и быть сконцентрированным на профессионально ориентированной тематике, коррелирующий с будущей трудовой деятельностью учебной группы. Очевидно, что язык профессионального общения дуален по своей природе, так как, с одной стороны, он ограничивает спектр лингвистического минимума для студентов конкретных неязыковых специальностей, однако, с другой – позволяет углублять знания по иностранному языку, совершенствовать навыки иноязычной и межкультурной компетенций в контексте той или иной сферы деятельности, тем самым, повышая ценность потенциального сотрудника на международном рынке труда и его конкурентоспособность как узкопрофильного специалиста.

Ключевые слова: английский язык, иностранный язык, профессиональное общение, профессиональная переподготовка, творческий вуз, высшая школа, лингвистический минимум, теория и история искусства, язык профессионального общения

Для цитирования: Кравчунас М.Б. Английский язык профессионального общения в обучении студентов творческих вузов // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 173 – 177.

Поступила в редакцию: 11 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 12 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Kravchunas M.B.

¹ St. Petersburg Academy of Arts named after Ilya Repin

English is the language of professional communication in teaching students of creative universities

Abstract: knowledge of a foreign language contributes not only to establishing constructive communication with foreign partners, but also helps to solve professional problems. Students of creative specialties, due to the specifics of their educational activities and type of thinking, are most inclined and motivated to effectively master the material that has an "emotional color". Namely, to study and analyze educational information, diverse in its structure and content, full of interesting facts about the relevant discipline, requiring a creative approach and independence in solving tasks. At the same time, it is recommended to build the learning process modularly – each block should contain variable exercises and be focused on professionally oriented topics that correlate with the future work of the study group. It is obvious that the language of professional communication is dual in nature, since, on the one

hand, it limits the range of linguistic minimum for students of specific non-linguistic specialties, however, on the other hand, it allows them to deepen knowledge of a foreign language, improve skills of foreign language and intercultural competencies in the context of a particular field of activity, thereby increasing the value of a potential employee in the international labor market and his competitiveness as a narrow-profile specialist.

Keywords: English, foreign language, professional communication, professional retraining, creative university, higher school, linguistic minimum, theory and history of art, language of professional communication

For citation: Kravchunas M.B. English is the language of professional communication in teaching students of creative universities. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 173 – 177.

The article was submitted: October 11, 2023; Approved after reviewing: December 12, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Язык профессионального общения постоянно видоизменяется, дополняясь неологизмами и утрачивая неактуальную лексику, что обусловлено активными цифровизацией и информатизацией общества. По этой причине, как подчеркивает Т. Омеляненко (Т. Omelyanenko, 2020), необходимо долгосрочное и регулярное сотрудничество факультетов иностранных языков с выпускниками высших школ, чтобы была возможность учитывать их мнение при составлении релевантной программы [10, p. 485-486; 5, с. 80] – опыт молодых специалистов следует обязательно принимать во внимание при разработке учебных курсов по английскому, ориентированных на соответствующую подготовку обучающихся, а также на становление их способности успешно коммуницировать с иностранными партнерами в профессиональной среде, в том числе, для межкультурного общения как в официальной (формальной), так и в неофициальной (неформальной) среде [10, p. 485-486].

Материалы и методы исследований

В данной статье использовались такие методы, как теоретическое исследование научной литературы по обозначенной проблематике и смежным наукам, педагогическое наблюдение, контент-анализ учебно-методической литературы.

Результаты и обсуждения

В основу модульного учебного процесса, согласно исследованиям Т. Омеляненко (2020), должны быть заложены [10, p. 487]:

- (а) принципы непрерывного языкового образования (специалитет → аспирантура → докторантура);
- (б) модульность (профессионально ориентированные междисциплинарные языковые модули);
- (в) маневренность и вариативность [8, с. 107] (формирование собственного образовательного маршрута с выбором языковых модулей в соответствии со специальностью) [8, p. 487].

Согласно исследованиям В.А. Ямшановой (2006) [4, с. 6], С.А. Морозовой, Н.В. Мироновой, М.Н. Лопиновой (2015) [3, с. 60-61], М.С. Каганинеджад (M.S. Khaghaninejad, 2016) [9] модульное обучение иностранному языку должно быть адаптировано под конкретную профессию, включать в основу учебного материала больше «аутентичных текстов предметной области» [1, с. 621] и, соответственно, иметь возможность декомпозироваться на внутренне связанные между собой модули (табл. 1):

Таблица 1

Модульное обучение английскому как языку профессионального общения.

Table 1

Modular training in English as a language of professional communication.

Темы для изучения	Учебные блоки (говорение, аудирование, чтение и письмо)	Аспекты языка (лексика, грамматика)	Уровни владения иностранным языком
Теоретическая часть	(a) Reading; (b) Word study: Pronunciations, definitions and examples; (c) Open questions (Based on the text you have read, an-	(a) Comprehension check (Read each statement and decide whether it is true or false); (b) Multiple choice questions; (c) Synonym finding (Find a single word in the passage which means); (d) Matching; (e) Word formation (Fill in the	The first – reproductive level; The second level – adaptive; The third level – creative. Учебный материал, предлагаемый разным группам обучающихся (продвинутые, академические и группы выравнивания).

	swer the following questions orally).	blanks with the appropriate words); (f) G. Cloze test (There are some missing words in the following text. Find the best choice for each blank and mark it in your book) [Ошибка! Источник ссылки не найден.].	
Практическая реализация	(a) Read the text: «What is art?»; «History of art»; «Romanticism»; «Forms, genres, media and style»; «Value judgment»; «Eastern Art»; «Art controversies»; (b) Adornment (n.) /əˈdɔːnm(ə)nt/ A decoration of color or interest that is added to relieve plainness. Wealth and children are an adornment of the life of this world. Colloquial (adj.) /kəˈləʊkwɪəl/ (Of language) Used in ordinary conversation; not formal or literary. They do not use a formal language but very colloquial words. (c) 1. What is your personal definition of 'art'? 2. What was the definition of 'art' in Medieval Ages? 3. How did the definition of 'art' differ after the 17th century? [Ошибка! Источник ссылки не найден.] etc.	(a) 1. Architecture cannot be considered as one of the visual arts. 2. Until the 17th century, art referred to any skill or mastery and was not differentiated from crafts or sciences. 3. Artistic works have existed for almost as long as human history. (b) Which one of the followings cannot be considered as 'art'? A) architecture; B) Music; C) A natural landscape; D) poetry. (c) 1) probable (para.1) 2) contain (para.1) 3) various (para.2) (d) Match the words in column I with their appropriate equivalents in column II. Insert the letters in the parentheses provided. There are more choices in column II than required. (e) 1) Due to some financial, I cannot help you more than that. 2) She speaks so that no one can reject her viewpoints. She is a good lawyer. 3) Having a strong body he had no trouble climbing the mountain. (f) Few modern scholars have been more divided than Plato and Aristotle on the question (1)... the importance of art, with Aristotle strongly supporting art in general and Plato generally being(2). to its relative importance [9].	1. Иноязычная коммуникативная компетенция носит неопределенный характер. При наличии познавательного интереса к предмету знание иностранного языка считается необязательным. Интерес возникает изредка, в зависимости от информационной ценности изучаемого материала и эмоционального состояния обучающихся. 2. Студенты изучают иностранный язык с большим интересом в вузе, чем в школе. Полагают, что знание английского может пригодиться в повседневной жизни и в профессиональной среде. Признают важность иностранного языка как источника дополнительной информации по специальности, но не осознают его иных возможностей в профессиональном обучении, в т.ч., как источника контент-анализа, обобщения, компаративистики и т.д. Стараются развивать и совершенствовать знания по предмету и речевые навыки. 3. Иноязычная коммуникативная компетенция важна для будущей профессии – обучающиеся полагают, что владение английским способствует общему развитию. Изучение языка рассматривается как неотъемлемая часть будущей профессии. Студенты настойчиво осваивают иностранный язык, принимают участие в научных конференциях, олимпиадах, конкурсах; посещают дополнительные языковые курсы. Знание английского носит системный характер. Предпочитают творческие виды работы и задания, требующие самостоятельности [7, p. 303-304].

Так, согласно вышепредставленной табл. 1 и исходя из исследований Е.А. Данилиной и И.И. Казиевой (2019), чтобы организовать процесс обучения профессионально ориентированному языку в рамках модульного подхода, необходимо последовательно включать в учебную деятельность четыре взаимосвязанных этапа: (1) проектный (плановый), (2) процессный, (3) кумулятивный и (4) рефлексивно-аналитический [2, с. 60].

Важно подчеркнуть, что, как отмечают М. Farokhi, М. Hashemi (2012), в сочетании с чтением, письмом, говорением и аудированием, изучение искусства позволяет открыть двери для высокого уровня анализа, а

также побудить обучающихся исследовать свою профессиональную деятельность в контексте межкультурного общения и перенятия опыта зарубежных коллег, таким образом, найти пути для углубленного изучения профессиональной лексики [6, p. 923-924].

Как подчеркивают в своих научных исследованиях И. Гритченко, И. Нестеренко (I. Ghritchenko, I. Nesterenko, 2016) [8] и З.Р. Дзугаева, Ж.Д. Бисенбаева, И.А. Кизи. Кузибаева (Z.R. Dzugaeva, J.D. Bisenbaeva, I.A. Kizi. Kuzibaeva, 2019) [5], основными критериями определения содержания обучения иностранному языку профессионального общения являются:

(а) проведение анализа потребностей обучающихся, целевой ситуации и дискурса путем опроса слушателей курса, специалистов, работодателей, учителей-предметников и преподавателей английского языка для специальных целей (АСП, на англ. яз., ESP – English for Specific Purposes);

(б) тестирование (а именно, обеспечение оценки успеваемости обучающихся и определения уровня владения иностранным языком профессионального общения слушателей курса);

(в) собеседование и мониторинг должностных инструкций;

(г) разработка курса, выбор и/или подготовка учебных материалов, проведение предпроектной подготовки учебного материала по английскому языку для профессионального общения и т.д. [8, с. 105; 5, с. 80].

В том числе, принимаются во внимание особенности ESP, в частности, необходимость учитывать потребности слушателей курса в их будущей трудовой деятельности и целесообразность включения в курс дисциплин общей направленности (профессионального, академического, ситуационного содержания). Также делается акцент на достижении международного уровня владения английским языком, который разработан, в первую очередь, для общего английского языка [8, p. 105].

Выводы

При изучении английского языка наиболее релевантно использовать модульное обучение, адаптированное под конкретную специальность. Между тем, целесообразно включать аутентичные тексты из конкретной предметной области, которой уделяет основное внимание группа студентов в рамках учебного курса.

Список источников

1. Воинова В.В., Скрипкина Е.А. Обучение студентов-историков англоязычной искусствоведческой терминологии на основе аутентичных художественных текстов по тематике «Живопись» // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2020. Т. 5. Вып. 5. С. 621 – 626.
2. Данилина Е.А., Казиева И.И. Stages of developing foreign language profession-oriented communicative competence // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2019. № 4. С. 58 – 68.
3. Морозова С.А., Миронова Н.В., Лопинова М.Н. Модульное обучение иностранному языку // Известия Великолукской государственной сельскохозяйственной академии. 2015. № 3. С. 60 – 65.
4. Ямшанова В.А. Переход на модульное обучение иностранным языкам как реализация идей Болонской декларации // Иностранные языки в экономических вузах России: Всероссийский научно-информационный альманах. 2006. № 5. С. 6 – 22.
5. Dzugaeva Z.R., Bisenbaeva J.D., Kuzibaeva I.A. Kizi. What is the role of the esp teacher (practitioner)? // European science. 2019. № 3 (45). P. 80 – 81.
6. Farokhi M., Hashemi M. The impact/s of using art in English language learning classes // Procedia – Social and Behavioral Sciences. 2012. № 31. P. 923 – 926. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.12.170>
7. Galiullina E., Kondrateva I., Madyakina N. Level and Criteria of Students' Foreign-Language Communicative Competence. May 2015 // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2015. № 6 (3). <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s1p301>
8. Ghritchenko I., Nesterenko I. (2016) Innovative Approaches to Teaching English Language to Artists. <https://doi.org/10.20535/2410-8286.85954>.
9. Khaghaninejad M.S. (2016) English for the Students of Art. Publisher: Shiraz University Press. ISBN: 9789644626636
10. Omelyanenko T. Professionally Oriented Foreign Language: Interdisciplinary Teaching. Conference: Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication. 2020. P. 485 – 491. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.65>

References

1. Voinova V.V., Skripkina E.A. Teaching history students English-language art terminology based on authentic artistic texts on the topic "Painting". *Pedagogika. Questions of theory and practice*. 2020. T. 5. Issue. 5. P. 621 – 626.
2. Danilina E.A., Kazieva I.I. Stages of developing foreign language profession-oriented communicative competence. *Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*. 2019. No. 4. P. 58 – 68.
3. Morozova S.A., Mironova N.V., Lopinova M.N. Modular teaching of a foreign language. *News of the Velikolukskaya State Agricultural Academy*. 2015. No. 3. P. 60 – 65.
4. Yamshanova V.A. The transition to modular teaching of foreign languages as the implementation of the ideas of the Bologna Declaration. *Foreign languages in economic universities of Russia: All-Russian scientific and information almanac*. 2006. No. 5. P. 6 – 22.
5. Dzugaeva Z.R., Bisenbaeva J.D., Kuzibaeva I.A. Kizi. What is the role of the esp teacher (practitioner)? *European science*. 2019. No. 3 (45). P. 80 – 81.
6. Farokhi M., Hashemi M. The impact/s of using art in English language learning classes. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2012. No. 31. P. 923 – 926. <https://doi.org/10.1016/j.sbspro.2011.12.170>
7. Galiullina E., Kondrateva I., Madyakina N. Level and Criteria of Students' Foreign-Language Communicative Competence. May 2015. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. 2015. No. 6 (3). <https://doi.org/10.5901/mjss.2015.v6n3s1p301>
8. Ghritchenko I., Nesterenko I. (2016) Innovative Approaches to Teaching English Language to Artists. <https://doi.org/10.20535/2410-8286.85954>.
9. Khaghaninejad M.S. (2016) *English for the Students of Art*. Publisher: Shiraz University Press. ISBN: 9789644626636
10. Omelyanenko T. Professionally Oriented Foreign Language: Interdisciplinary Teaching. Conference: Topical Issues of Linguistics and Teaching Methods in Business and Professional Communication. 2020. P. 485 – 491. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.12.02.65>

Информация об авторе

Кравчунас М.Б., кандидат искусствоведения, заведующая кафедрой иностранных языков, Санкт-Петербургская академия художеств имени Ильи Репина, Mariakravchunas@mail.ru

© Кравчунас М.Б., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.112.2

¹ Дорошенко Н.С., ¹ Паульзен Н.С.

¹ Байкальский государственный университет

Словообразование в немецком языке на примере феминитивов профессий

Аннотация: начиная с 20-го столетия, число женщин в мире труда и занятости неуклонно увеличивалось. Данный процесс связан прежде всего с развитием общества, науки, экономики, с изменением социальных норм. Для женщин многих стран уже давно стало возможным получать образование и развиваться профессионально наравне с мужчинами. Сегодня немецкие женщины успешно реализовывают себя почти во всех сферах профессиональной деятельности. По данным немецкого Федерального статистического управления, Германия занимает третье место по уровню занятости женщин по сравнению с другими странами ЕС. Все это не может не отражаться в языковой картине мира, поскольку язык есть форма отражения человеческой жизни, его деятельности, опыта, различных достижений, явлений действительности. В данной статье описывается процесс феминизации в современном немецком языке, связанный с возрастанием количества женщин в каких-либо социальных, экономических или политических отраслях. В статье рассматриваются способы образования наименований женских профессий в немецком языке такие как суффиксация, лексико-семантические средства на примере композитов, грамматические средства на основе субстантивированных причастий, слова-заимствования, анализируется сфера их употребления.

Ключевые слова: феминитивы, феминизация, словообразование, гендер

Для цитирования: Дорошенко Н.С., Паульзен Н.С. Словообразование в немецком языке на примере феминитивов профессий // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 178 – 183.

Поступила в редакцию: 15 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Doroshenko N.S., ¹ Paulzen N.S.

¹ Baikal State University

Word formation in the German language by the example of feminines of professions

Abstract: since the 20th century, the number of women in the world of work and employment has increased steadily. This process is primarily associated with the development of society, science, the economy, and changes in social norms. It has long been possible for women in many countries to receive education and develop professionally on an equal footing with men. Today, women successfully realize themselves in almost all spheres of professional activity. According to the German Federal Statistical Office, Germany has the third highest rate of female employment compared to other EU countries. All this cannot but be reflected in the linguistic picture of the world, since language is a form of reflection of human life, its activity, experience, various achievements, and phenomena of reality. This article describes the process of feminization in modern German, associated with the increase in the number of women in any social, economic or political sector. The article discusses the ways of forming the names of women's professions in the German language, such as suffixation, lexical and semantic means on the example of composites, grammatical means based on substantive participles, borrowing words, and analyzes the scope of their use.

Keywords: feminine, feminization, word formation, gender

For citation: Doroshenko N.S., Paulzen N.S. Word formation in the German language by the example of feminines of professions. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 178 – 183.

The article was submitted: October 15, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Язык является одним из важнейших социальных условий, в которых мы живем. С помощью языка мы создаем контекст нашей жизни, нашей реальности, нашего взгляда на мир. Так в современном немецком языке процесс феминизации в сфере труда и занятости – явление распространённое и очень активное. Ежегодно в Германии федеральный институт профессионального образования и обучения (BIBB) объявляет о новых или модернизированных профессиях, обучение которым доступно абсолютно всем и мужчинам, и женщинам равноправно. Сегодня немецкие женщины успешно реализовывают себя почти во всех сферах профессиональной деятельности. По данным немецкого Федерального статистического управления, Германия занимает третье место по уровню занятости женщин по сравнению с другими странами ЕС. Немецкий язык мгновенно отзывается на данный процесс, создавая в своем вокабулярии новые лексемы, обозначающие номинации лиц женского пола в мире профессий, должностей, званий и занятости в целом.

Цель данной статьи проанализировать способы словообразования современных немецкоязычных феминитивов в сфере наименования профессий, описать сферу их употребления.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили немецкоязычные феминитивы, отобранные методом сплошной выборки из лексикографических источников, на сайтах немецких рекрутинговых агентств www.arbeitsagentur.de, www.karriere-jet.de, www.jobware.de и на сайте немецкого федерального института профессионального образования и обучения (BIBB) www.bibb.de, а также текстовые фрагменты из объявлений о найме на работу и данные Интернет. В ходе исследования использовался метод лексикографического анализа, описательный метод и метод обобщения.

Результаты и обсуждения

Исторически, названия профессий в немецком языке происходят из тех времен, когда женщины не работали, а вели домашнее хозяйство и воспитывали детей, поэтому преимущественно существовали только мужские профессии, должности и звания.

В таком случае в немецком языке мужской род как грамматический род (gender) присваивался естественному мужскому полу (sexus): der Müller – мельник, der Bauer – фермер, der Schmied – кузнец, der Schneider – портной, der Kaufmann – купец, der Amtmann – судебный пристав, der Schreiber – приказчик, der Arzt врач, der Lehrer – учитель. Такие лексемы как die Amme / Hebamme – медсестра/акушерка, die Gebälerin – роженица, die Stillamme – кормилица грудью, die Kartenlegerin гадалка, естественным образом служили для обозначения представительниц слабого пола или их типичного рода деятельности, но не профессий. Однако значимые реорганизации в жизни общества, прежде всего возрастание количества женщин в каких-либо социальных, экономических или политических процессах, или сферах, а также появление присущих женщинам характеристик, способствовало развитию процесса феминизации [1, 2, 3, 4, 5].

В данной статье мы придерживаемся следующего определения феминитивов: феминативы (от лат. femina – «женщина»; также феминитивы от англ. feminine) – имена существительные женского рода, которые обозначают лица профессий женского пола, их социальный статус и род деятельности.

Одним из способов графического обозначения этого явления в современном немецком языке является гендерная звездочка – das Gendersternchen (gendern mit *).

Следующий пример наглядно иллюстрирует употребление гендерной звездочки в современной немецком языке – “Vor rund zehn Jahren wurde die Villa Kamogawa als Künstler*innen-Residenz in den Räumen des Goethe-Instituts in Kyoto eröffnet. Seitdem sind rund 130 Künstler*innen aus Deutschland nach Japan gekommen» [8].

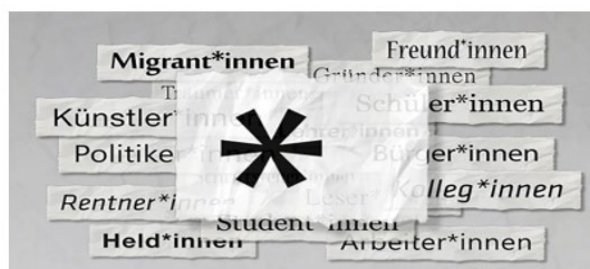

Рис. 1. Графическое обозначение подразделения профессий для женского и мужского рода.
Fig. 1. Graphic designation of occupational divisions for feminine and masculine genders.

Вместе с тем грамматический род не имеет ничего общего с общественно-политическими темами, которые, в свою очередь, являются дискуссионными. Язык влияет на восприятие. По этой причине языковое равенство мужчин и женщин является основным условием обеспечения равноправия в обществе. Женщины должны быть визуализированы с точки зрения языка.

Рассматривая средства спецификации признаков пола в номинациях лиц профессий, А.В. Неупокоева в качестве продуктивного способа выделяет мовирование, которое, в свою очередь, представляет собой эксплицитную деривацию или суффиксальную модель [5]. В качестве производящего слова для образования лиц названий профессий женского пола выступает мужская форма с преобладанием суффикса – *er*. Так в названиях профессии чаще всего в качестве производящей основы выступает глагольная (*Lehrer* – *lehren*) основа или основа, представленная прилагательным (*Krankenschwester* – *krank*) или существительным (*Musiker* – *Musik*).

Безусловно самый распространённый способ образования феминитивов в сфере именования профессий в немецком языке является присоединение артикля *die* и суффикса женского рода *in* почти ко всем мужским названиям профессий и должностей: *der Lehrer* – *die Lehrerin*, *der Verkäufer* – *die Verkäuferin*, *der Professor* – *die Professorin*, *der Jurist* – *die Juristin*, *der Wirt* – *die Wirtin*. Однако следует отметить, что суффикс женского рода *in* существовал в немецком языке уже с незапамятных времен. В книге немецкой исследовательницы S. Eisermann „Berufsbezeichnungen für Frauen vom 16. - 19. Jahrhundert“, изучающей историю возникновения женских профессий с 16 по 19 вв. отмечается, что в церковных книгах 16-17 столетий, где регистрировали смерть прихожан были засвидетельствованы женские имена с родом их деятельности, содержащие суффикс *in* – „*Fleischerin in der Meinergasse*“ (1694 in Erfurt), „*die Fischerin im briel*“ und „*die Schneiderin hinder aller Heiligen*“ (1674 in Erfurt) [7]. Однако, как утверждает автор, данные лексемы обозначают не названия женских профессий того времени, а принадлежность к мужчине (мужу), который занимался этой профессией и которая была в принципе типично мужским видом деятельности, то есть „*Fleischerin in der Meinergasse* – жена мясника“ *die Fischerin im briel* – жена рыбака“ und „*die Schneiderin hinder aller Heiligen* – жена портного“. Очевидно, что данная тенденция в дальнейшем распространилась на обозначение женских профессий и типично женского рода деятельности. Так в церковных книгах 19 столетия зафиксированы лексемы, обозначающие типично женские профессии все с тем же суффиксом *in* – *Näherin* швея, *Köchin* повариха, *Handarbeiterin* рукодельница, *Wäscherin* прачка, *Weberin* ткачиха, *Obsthändlerin* продащица фруктами. С развитием общества возрастает потребность в женской профессиональной занятости, женщины активно осваивают мужские профессии и достигают значительных высот на профессиональном поприще, что приводит к образованию таких лексем с маркером женского рода суффиксом *in* как *Lehrerin*, *Tag(e)löhnerin*, *Bäckerin*, *Apothekerin*. Таким образом суффикс женского рода *in* в немецком языке уже давно является не только грамматическим показателем и маркером женского рода, но и значимым индикатором профессиональной интеграции женщин в немецком сообществе.

Лексико-семантические средства словообразования могут быть рассмотрены на примерах композит, содержащих лексемы, характеризующие в языке лица женского пола. Многие номинации женских профессий содержат компонент – *frau* (женщина). Данные наименования представлены почти во всех сферах профессиональной деятельности. Самое большое количество лексем с компонентом – *frau* приходится на область торговли, финансов и налогообложения и прежде всего представлена лексемой *Kauffrau* в значении специалист по торговле, коммерсант, делопроизводитель. Данная лексема обладает большим потенциалом для создания многих других женских профессий: *Bankkauffrau*, *Reiseverkehrskauffrau*, *Einzelhandelskauffrau*, *Fachkauffrau*, *Großhandelskauffrau*, *Industriekauffrau*, *Marketingfachfrau*, *Sparkassenkauffrau*, *Verlagskauffrau*, *Versicherungskauffrau* – банковский служащий, туристический агент, розничный торговец, оптовый тор-

говец, промышленный коммерсант, специалист по маркетингу, клерк сберегательной кассы, издательский агент, страховой агент. Наименования женских профессий с самостоятельным компонентом – *frau* часто относятся к сфере профессий, изначально типичных для мужчин: *Kamerafrau* женщина – оператор, *Portiersfrau* женщина-портье, *Feuerwehrfrau* женщина-пожарный, *Wachfrau* женщина – охранник, *Barfrau* – женщина бармен. Все эти лексемы в немецком языке имеют парные лексемы с компонентом – *mann*. В свою очередь следует отметить, что компонент – *frau* также довольно активно используется в наименованиях женских профессий, обозначающих прежде всего женский вид деятельности: *Reinemachefrau* – уборщица, *Aufwartefrau* – домработница, приходящая домашняя прислуга, *Kinderfrau* – няня, *Kräuterfrau* – травница. Кроме этого хотелось бы отметить и лексему *Fachfrau*, которая также содержится в сложных словах, обозначающих женские профессии. В отличие от лексемы *Kauffrau* настоящая лексема указывает на более узкие специальности и подчеркивает профессионализм и экспертность в какой-либо области, на русский язык чаще всего переводится как специалист, эксперт: *Kommunikationsfachfrau* – специалист по коммуникациям, *Restaurantfachfrau* – специалист ресторанного бизнеса, *Museumsfachfrau* музейный работник, *Werbefachfrau* – эксперт по рекламе, *Hotelfachfrau* – специалист гостиничного бизнеса. Также особую группу феминитивов в сфере профессий представляют лексемы с компонентом – *schwester*. Они как правило используются в медицинском дискурсе и представлены следующими наименованиями: *Krankenschwester*, *Gemeindeschwester*, *Kinderschwester*, *Nachtschwester*, *Narkoseschwester*, *Oberschwester*, *Rotkreuzschwester*, *Stationsschwester* – медсестра, участковая медсестра, детская медсестра, ночная медсестра, анестезиолог, старшая медсестра, медсестра Красного Креста, палатная медсестра [6].

Грамматические возможности словообразования также являются способом создания феминитивных форм в профессиональной сфере. В немецком языке они представлены на примерах субстантивированных причастий, подчиняющимся правилам аналогичным склонению прилагательных: *die/eine Angestellte* – служащая, *die/eine Deputierte*, *die/eine Abgeordnete* – депутатка, *die/eine Abgesandte* – женщина-эmissар, *die/eine Delegierte* – делегатка, *die/eine Beschäftigte* – сотрудница, *die/eine Vorsitzende* – председатель. Примечательно, что при субстантивации данные лексемы с определенным артиклем в единственном числе имеют схожую форму для обоих родов (*der/die Angestellte*). Гендерную конкретизацию в данном случае выполняет определенный артикль. Однако использование данных лексем с неопределенным артиклем приводит к изменению их форм и соответственно различию их рода (*ein Angestellter* – *eine Angestellte*). Данную группу лексем составляют преимущественно наименования лиц по принадлежности к партийным, политическим, общественным, фондовым организациям. Субстантивированные причастия и прилагательные, служащие для номинации лиц женского пола, их социального статуса и рода деятельности также способны образовывать новые лексемы путем словосложения, что приводит к возникновению новых номинаций в корпусе феминитивов в сфере профессий. Так в словаре Universal-Lexikon зафиксированы такие номинации женских профессий в форме композитов с компонентом – *Vorsitzende*: *Aufsichtsratsvorsitzende* – председатель наблюдательного совета, *Ehrevorsitzende* – почетный председатель, *Fraktionsvorsitzende* – председатель парламентской группы, *Vorstandsvorsitzende* – председатель правления [6].

Также одним из способов пополнения номинаций женских профессий является процесс проникновения в современный язык слов иностранного происхождения. Со стремительным развитием интернета, социальных сетей и информационных технологий в немецком языке зафиксировано огромное число заимствований, прежде всего англицизмов, служащих для обозначения лиц в сфере профессии. Так в современном немецком языке за последние десятилетия появились такие лексемы как *Blogger* – блогер, *Freelancer* – фрилансер, *Designer* – дизайнер, *Allrounder* – специалист-универсал, *Produkt Owner* – разработчик продукта, *Software-Developer* – разработчик программного обеспечения. Как показывает анализ следующих примеров, в которых многие заимствования, обозначающие наименования профессий, подчиняются грамматической структуре немецкого языка и принимают категорию рода, что не является типичным для грамматики английского языка. Следующие примеры ярко демонстрируют как англицизмы *Blogger*, *Freelancer*, *Designer*, *Allrounder*, *Produkt Owner*, *Software-Developer* с помощью суффикса женского рода *in* становятся гендерно-маркированными и обозначают названия женских профессий в немецком языке. Это позволяет сделать вывод о том, что процесс феминизации в современном немецком языке стремителен, он задевает почти все сферы профессиональной деятельности.

1. **Bloggerinnen** wie Leil Zahra Mortada nahmen große Risiken auf sich, um die Welt täglich über die Ereignisse auf dem Tahrir-Platz und anderswo zu informieren [10].

2. Jemand, der hier gearbeitet hat, eine **Freelancerin** [10].

3. Ja, ich bin **Designerin** für Sportkleidung hier in New York [10].

4. *Daher bin ich an einer Mitarbeit als **Allrounderin** mit Personalverrechnungskennntnissen in Ihrem Unternehmen sehr interessiert* [9].

5. *Als **Product Owner:in** arbeiten Sie mit Vorliebe agil und schauen gern über den Tellerrand* [11].

6. *Gerade der Beruf des Software-Developers ist in vielen Köpfen rein „männlich“ besetzt. Aber auch Frauen können natürlich als **Software-Developerinnen** arbeiten. Es existiert kein Grund, der dagegenspricht* [10].

Выводы

Таким образом, несмотря на богатые языковые традиции, современный немецкий язык постоянно претерпевает изменения, активно реагируя на происходящие в обществе события и явления. Анализ примеров позволил выявить такие способы образования феминитивов в профессии как: суффиксация, словосложение, грамматические средства на основе субстантивированных причастий, заимствования. Анализ языкового материала также показал, что образование феминитивов в немецком языке продолжает оставаться актуальным и важным языковым процессом, поскольку является плодотворным в плане создания существительных женского рода, обозначающих социальный и профессиональный статус женщин в немецком сообществе.

Список источников

1. Баклашкина О.Н., Суслова А.В., Сергеева А.В. Процессы феминизации и нейтрализации во французском языке на примере объявлений о найме на работу // Известия Байкальского государственного университета. 2022. Т. 32. № 4. С. 793 – 800.
2. Баклашкина О.Н., Суслова А.В., Сергеева А.В. Корреляция феминизации в профессиональной сфере и феминизации во французском языке Известия Байкальского государственного университета. 2023. Т. 33. № 2. С. 441 – 452.
3. Кожанова Н.В. Этногендерные особенности обозначения лиц по профессии в объявлениях о вакансии (на материале немецкого языка) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. № 6. С. 193 – 196.
4. Неупокоева А.В. Спецификация признака пола в номинациях лиц в типе текста «объявление о приеме на работу» (на материале немецкого и русского языков) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 58. С. 212 – 218.
5. Шемчук Ю.М. Феминизация лексических изменений современного немецкого языка // Вестник московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова/Филологический науки. 2010. № 2. С. 82 – 87.
6. Academic [Электронный ресурс]. URL: https://universal_lexikon.de-academic.com/58627/Vorsitzende (дата обращения: 6.09.2023)
7. Eisermann S. M.A. Berufsbezeichnungen für Frauen vom 16. – 19. Jahrhundert: eine sprachhistorische Untersuchung insbesondere des In-Derivationsmorphems unter Berücksichtigung prototypensemantischer Aspekte beim Bedeutungswandel [Электронный ресурс]. S. Eisermann. дата обращения – 27.08.2023 <https://oops.uni-oldenburg.de>
8. Jobsuche [Электронный ресурс]. URL: www.arbeitsagentur.de Englischlehrer*in an Waldorfschulen m/w/d (дата обращения: 17.04.2022)
9. Karriere-jet [Электронный ресурс]. URL: <https://www.karriere-jet.de/vorlagen/initiativbewerbung/details/allrounderin> (дата обращения: 6.09.2023)
10. Reverso [Электронный ресурс]. URL: <https://context.reverso.net> (дата обращения: 6.09.2023)
11. Jobware [Электронный ресурс]. URL <https://www.jobware.de/job/informatiker-m-w-d-als-senior-product-owner-gis-m-w-d.1390101085.html> (дата обращения: 6.09.2023)

References

1. Baklashkina O.N., Suslova A.V., Sergeeva A.V. Processes of feminization and neutralization in the French language using the example of job advertisements. News of the Baikal State University. 2022. T. 32. No. 4. P. 793 – 800.
2. Baklashkina O.N., Suslova A.V., Sergeeva A.V. Correlation of feminization in the professional sphere and feminization in the French language Proceedings of the Baikal State University. 2023. T. 33. No. 2. P. 441 – 452.
3. Kozhanova N.V. Ethno-gender features of designating persons by profession in job advertisements (based on the material of the German language). News of the Volgograd State Pedagogical University. 2019. No. 6. P. 193 – 196.

4. Neupokoeva A.V. Specification of gender in nominations of persons in the text type “job advertisement” (based on the material of German and Russian languages). News of the Russian State Pedagogical University named after. A.I. Herzen. 2008. No. 58. P. 212 – 218.
5. Shemchuk Yu.M. Feminization of lexical changes in the modern German language. Bulletin of the Moscow State University for the Humanities. M.A. Sholokhova/Philological Sciences. 2010. No. 2. P. 82 – 87.
6. Academic [Electronic resource]. URL: https://universal_lexikon.de-academic.com/58627/Vorsitzende (access date: 09/06/2023)
7. Eisermann S. M.A. [Electronic resource]. S. Eisermann. date of access – 08.27.2023 <https://oops.uni-oldenburg.de>
8. Jobsuche [Electronic resource]. URL: www.arbeitsagentur.de Englischlehrer*in an Waldorfschulen m/w/d (access date: 04/17/2022)
9. Karriere-jet [Electronic resource]. URL: <https://www.karriere-jet.de/vorlagen/initiativbewerbung/details/allrounderin> (access date: 09/06/2023)
10. Reverso [Electronic resource]. URL: <https://context.reverso.net> (access date: 09/06/2023)
11. Jobware [Electronic resource]. URL <https://www.jobware.de/job/informatiker-m-w-d-als-senior-product-owner-gis-m-w-d.1390101085.html> (access date: 09/06/2023)

Информация об авторах

Дорошенко Н.С., кандидат психологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, ndor0shenko@yandex.ru

Паульзен Н.С., кандидат филологических наук, доцент, Байкальский государственный университет, ala_po@mail.ru

© Дорошенко Н.С., Паульзен Н.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.1/.2

¹ Саушева Е.В.

¹ Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Эллипсис как прием трансформации пословиц в заголовках СМИ

Аннотация: статья посвящена исследованию эллипсиса как приема трансформаций пословиц в заголовках средств массовой информации. Целью исследования ставится выявление воздействующего потенциала заголовка, содержащего устойчивый оборот, трансформированный приемом сокращения компонентного состава. Комплексный лингвистический анализ медиатекстов остается актуальным для понимания современных социальных и политических процессов и позволяет получить ценные знания о том, как СМИ через язык оказывают воздействие на общественное сознание и мировосприятие аудитории. Модификации пословиц рассматриваются как разновидность языковой игры, направленной на привлечение внимания аудитории, которая способствует восприятию и запоминанию информации, а также формирует нужную эмоциональную реакцию на сообщения СМИ. Отмечается, что сокращение компонентного состава пословицы является одним из продуктивных приемов фразеологических трансформаций в СМИ, позволяющим сохранить образность и экспрессивность фразеологизма при редукции его речевого оформления и привлечь внимание массовой аудитории. В статье делается вывод о том, что использование эллипсиса не только делает возможным более экономное использование языковых средств, но и усиливает прагматический потенциал высказывания. Обращение к приему эллипсиса в языке СМИ обусловлено комплексом прагматических функций, связанных с привлечением внимания, выражением оценочного отношения, юмористическим, воздействующим и манипулятивным потенциалом.

Ключевые слова: трансформация, пословица, заголовок, языковая игра, эллипсис, модификация

Для цитирования: Саушева Е.В. Эллипсис как прием трансформации пословиц в заголовках СМИ // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 184 – 189.

Поступила в редакцию: 15 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 18 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Sausheva E.V.

¹ Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry
of Defense of the Russian Federation

Ellipsis as a technique for transforming proverbs in media headlines

Abstract: the article is devoted to the study of ellipsis as a technique of transformations of proverbs in media headlines. The aim of the study is to identify the influential potential of a headline containing a stable turn of phrase transformed by the reduction of the component composition. Complex linguistic analysis of media texts remains relevant for understanding modern social and political processes and provides valuable knowledge about how the media through language influence the public consciousness and worldview of the audience. Modifications of proverbs are considered as a kind of language game aimed at attracting the attention of the audience, which contributes to the perception and memorization of information, as well as forms the necessary emotional reaction

to media messages. It is noted that the reduction of the component composition of the proverb is one of the productive methods of phraseological transformations in mass media, which allows to preserve the imagery and expressiveness of the phraseologism at the reduction of its speech design and to attract the attention of mass audience. The article concludes that the use of ellipsis not only makes possible a more economical use of language means, but also enhances the pragmatic potential of the statement. The use of ellipsis in the language of mass media is conditioned by a complex of pragmatic functions connected with attracting attention, expression of evaluative attitude, humorous, influencing and manipulative potential.

Keywords: transformation, proverb, title, language game, ellipsis, modification

For citation: Sausheva E.V. Ellipsis as a technique for transforming proverbs in media headlines. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 184 – 189.

The article was submitted: October 15, 2023; Approved after reviewing: December 18, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Ведущую роль в современном мире играют средства массовой информации (далее – СМИ), специфика функционирования которых привлекает внимание представителей разных отраслей научного знания. К *актуальной* задаче лингвистов относится выявление специфики используемых в медиадискурсе языковых средств и их потенциал в выполнении одной из важнейших функций СМИ – воздействия на сознание адресата.

Реализации прагматического потенциала медиатекстов служат языковые средства на всех уровнях языковой системы – от фонетического до семантического. Важное значение среди этих средств отводится фразеологии. Фразеологические ресурсы языка с априорно присутствующей у любого устойчивого оборота эмоционально-экспрессивной, оценочной и культурной коннотацией способствуют оказанию воздействия на общественное мнение и формированию у адресата определенной картины мира [8, с. 125].

Другим важным средством речевого воздействия в СМИ признается языковая игра [1, 4, с. 12]. Под языковой игрой понимается определённый тип речевого поведения, основанный на намеренном нарушении системных отношений языка с целью создания экспрессивных языковых форм и структур, вызывающих у адресата эстетический и стилистический эффект [9, с. 657].

Возможности двух эффективных приемов речевого воздействия – фразеологии и языковой игры – объединяются и удваиваются в феномене трансформации фразеологизма, под которым понимается прием, состоящий в изменении структуры и / или семантики фразеологизма с целью усиления выразительности и достижения комического эффекта [14, с. 188].

Лингвисты, занимающиеся разработкой проблемы функционирования трансформированных фразеологизмов в СМИ, отмечают количественное преобладание в медиадискурсах разных стран таких приемов, как замена одного или нескольких компонентов фразеологизма, а также расширение и сокращение компонентного состава (эллипсис) [7, 10, 13].

В рамках данной статьи сфокусируемся на приеме эллипсиса. *Целью* исследования ставится выявление воздействующего потенциала заголовка, содержащего трансформированную приемом эллипсиса пословицу.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования послужили тексты современных англоязычных и русскоязычных интернет-СМИ, на основе которых была составлена картотека заголовков, содержащих пословицы, трансформированные приемом сокращения компонентного состава. Исследование проводится частными методами, такими как контекстуальный, количественный анализ. В работе нашли применение метод стилистической интерпретации и метод коммуникативно-прагматического анализа трансформированных пословиц.

Результаты и обсуждения

Под эллипсисом в лингвистике подразумевается стилистический прием, представляющий собой намеренный пропуск члена предложения в целях, диктуемых условиями языкового общения [2, с. 19].

В феномене эллипсиса наиболее полно проявляется действие закона языковой экономии – лингвистического закона, согласно которому в процессе развития и функционирования языка происходит стремление к экономии речевых усилий. Закон экономии демонстрирует тенденцию языка к оптимизации формы для облегчения процесса речепроизводства и коммуникации.

Эллиптические конструкции разных типов выступают отличительной особенностью заголовков и заголовочных комплексов прессы. В модификациях методом сокращения компонентного состава выделяется однокомпонентный и многокомпонентный эллипсис. Приведем примеры:

На ловца и зверь: как работают фотоловушки в заповеднике "Присурский" [23];

Where there's a will: Recent New Pal grad self-published his first book and song [16].

В вышеприведенных примерах эллиптированию подвергается один компонент русской пословицы *на ловца, и зверь бежит* и несколько компонентов английской поговорки *where there is a will, there is a way* ~ 'было бы желание, а способ найдется'. Приведем еще примеры:

Старый друг лучше? В МИДе изложили Концепцию внешней политики России [26];

Thicker Than Water [21].

Суть трансформаций пословиц – в инновационном, креативном использовании ресурсов языка для создания необычных экспрессивно-прагматических контекстов. Она носит экспериментальный характер и нацелена на достижение определённого стилистического воздействия. Трансформация приемом эллипсиса пословиц *старый друг лучше новых двух* и *blood is thicker than water* ~ 'кровь – не водица' позволяет привлечь внимание читателя к заголовку и сделать его более запоминающимся. Нестандартное преобразование устойчивого выражения действует как стимул, активизируя внимание и когнитивную деятельность адресата.

Эллипсис части фразеологизма признан универсальной формулой в заголовках прессы, в которых невозможно опущение какой-либо информации без предварительных сведений. Устойчивый оборот, утратив один или несколько своих компонентов, все равно остаётся узнаваемым для читателя и легко воспринимается им за счет прежнего концептуального опыта и информационного тезауруса [11, с. 19].

Язык заголовков, помимо лаконичности и информативности, отличает образность. Достижению метафоричности и экспрессивности служат художественно-изобразительные средства, важное место среди которых отводится фразеологии, способной выразительно, эмоционально характеризовать предмет или явление на основании переносных значений слов и нестандартности сочетаний.

Частым явлением в заголовках медиатекстов выступает антонимический эллипсис, который проявляется в изменении семантики пословицы за счет удаления из ее оригинальной формы отрицательной частицы. Приведем примеры:

О вкусах спорят: как развить художественный вкус школьников, рассказала педагог [27];

CNBC Daily Open: All that glitters is gold – and bitcoin [15].

Противопоставление оригинальной формы устойчивых оборотов и их модификаций в примерах усиливает эмоционально-выразительные свойства поговорки *о вкусах не спорят, all that glitters is not gold* ~ 'не все то золото, что блестит' за счет опровержения общеизвестной истины и буквализации всего устойчивого оборота.

Использование приема эллипсиса в медиадискурсе продиктовано закономерностями организации текста, под действием которых во внутренней форме текста реализуется необходимая для понимания информация, не выраженная во внешней форме. Эллиптированная часть высказывания слабее контролируется сознанием читателя и часто используется авторами сообщений для воздействия и манипулирования [5, с. 240].

Эллипсис, по М.Н. Кожиной, входит в многообразие стилистических приемов и композиционных возможностей, используемых в заголовках для привлечения внимания широкой аудитории и сохранения информативности высказывания при его минимальной длине [6, с. 175].

Для заголовков медиатекстов типичен эллипсис части пословицы, имеющей двусоставную структуру:

Одна голова – хорошо. Руководителей у Мурманска станут меньше, а депутатских округов – больше [20];

С глаз долой: Минздрав предложил спрятать алкоголь от покупателей [25];

Out of Sight: Fishing industry ignored in County's Official Plan [22];

When in Rome: 15 things you must do in the capital of Italy [28].

Трансформированные приемом эллипсиса пословицы *одна голова – хорошо, а две – лучше, с глаз долой, из сердца вон* и ее английский эквивалент *out of sight, out of mind, when in Rome do as the Romans do* ~ 'в чужой монастырь со своим уставом не ходят' являются эффективным средством комментирования и оценки сообщаемой информации. За счет игры с канонической формой выражения журналист может высказать имплицитную позицию, иронию или критику.

Модификация фразеологизма эллиптированием одной из его частей выступает одним из приемов проблемной сегментации заголовочных конструкций, под которой понимается сверхфазовое единство в начальной позиции заголовка, в котором обозначаемая проблема выдвигается на передний план [3, с. 37].

Как в шелках: Германия не может позволить себе новых долгов [19];
Не поле перейти: сельское хозяйство отстает в логистике [18];
A Penny saved: Memphis hoops coach Anfernee Hardaway is spared by NCAA investigation [17];
'A good beginning': Ribbon cut at new Community Resource Centre and men's shelter [24].

В примерах заголовков эллиптированные модификации пословиц *в долгах как в шелках*, *жизнь прожить – не поле перейти*, *a penny saved is a penny earned (gained)* ~ ‘копейка рубль бережет’, *a good beginning makes good ending* ~ ‘все хорошо, что хорошо кончается’ основаны на буквализации и привлекают внимание к освещаемым в статьях проблемам, связанным с семантикой пословиц, хорошо известных читателям.

Выводы

Эллипсис пословицы, или сокращение ее компонентного состава, является одним из продуктивных приемов фразеологических трансформаций в СМИ, позволяющим сохранить образность и экспрессивность фразеологизма при редукции его речевого оформления. Использование эллипсиса не только делает возможным более экономное использование языковых средств, но и усиливает прагматический потенциал высказывания. Обращение к приему эллипсиса в языке СМИ обусловлено комплексом прагматических функций, связанных с привлечением внимания, выражением оценочного отношения, юмористическим, воздействующим и манипулятивным потенциалом.

Список источников

1. Денисова Е.П. Языковая игра как средство воздействия на избирателей (на материале предвыборных плакатов на немецком языке) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2020. № 4 (67). С. 116 – 121.
2. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Эдиториал, 2005. 144 с.
3. Гусейнова Т.С. Проблемная сегментация как способ создания фразеологических трансформ // Chronos: общественные науки. 2020. № 2 (19). С. 37 – 38.
4. Исмаилова О.И. Речевые стратегии и тактики манипулятивного воздействия в массмедиа на основе языковой игры (на примере английского и русского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 12 (78): в 4-х ч. Ч. 1. С. 95 – 98.
5. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2001. 832 с.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. М., 1977. 223 с.
7. Куранова Т.П. Способы трансформации фразеологических единиц в современных газетных заголовках (на материале печатных изданий "Аргументы и факты", "Правда") // Верхневолжский филологический вестник. 2023. № 2 (33). С. 97 – 105.
8. Лупанова Е.В. Фразеология военного происхождения как оружие информационно-психологической войны // Политическая лингвистика. 2021. № 5 (89). С. 122 – 127.
9. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожин; члены редколлегии: Е.А. Баженова, М.П. Котюрова, А.П. Сковородников. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта: Наука, 2011. 696 с.
10. Пискарева А.В. Способы модификации фразеологизмов в русском и немецком языках (на материале текстов СМИ) // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 4 (793). С. 199 – 210.
11. Птушко С.В. Окациональные актуализации пословиц в заголовках англоязычной газетно-журнальной публицистики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2006. 26 с.
12. Пыстина О.В. Языковая игра как прием в заголовочных комплексах региональных изданий // Вестник Сыктывкарского университета. Серия гуманитарных наук. 2014. № 3. С. 203 – 212.
13. Шашкова О.В. Структурная трансформация фразеологизмов в заголовках современных СМИ // В сборнике: Пушкинские чтения-2013. Художественные стратегии классической и новой литературы: жанр, автор, текст. Материалы XVIII международной научной конференции. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. 2013. С. 328 – 333.
14. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / под ред. А. П. Сковородникова. М.: Флинта, 2011. 480 с.
15. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2023/12/05/cnbc-daily-open-all-that-glitters-is-gold-and-bitcoin-.html> (дата обращения: 26.08.2023)
16. Green field reporter. URL: <https://www.greenfieldreporter.com/2023/07/21/where-theres-a-will-recent-new-pal-grad-self-published-his-first-book-and-song/> (дата обращения: 26.08.2023)

17. Dailymail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/sportsnews/article-11255297/A-Penny-saved-Memphis-hoops-coach-Anfernee-Hardaway-spared-NCAA-investigation.html> (дата обращения: 29.08.2023)
18. Dzen. URL: https://dzen.ru/news/search?issue_tld=ru&text= (дата обращения: 26.08.2023)
19. EAdaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/27/kak-v-shelkah-germaniya-ne-mozhet-pozvolit-sebenovyyh-dolgov> (дата обращения: 26.08.2023)
20. Mvestnik. URL: <https://www.mvestnik.ru/politics/odna-golova-horoshho/> (дата обращения: 29.08.2023)
21. Newyorker. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/02/10/thicker-than-water> (дата обращения: 29.08.2023)
22. Pictongazette. URL: <https://pictongazette.ca/2023/10/17/out-of-sight-fishing-industry-ignored-in-countys-official-plan/> (дата обращения: 29.08.2023)
23. Prisursky. URL: <https://www.prisursky.ru/organizatsiia/novosti/660-na-lovca-i-zver-kak-rabotayut-fotolovushki-v-zapovednike-prisurskiy.html> (дата обращения: 26.08.2023)
24. Sootoday. URL: <https://www.sootoday.com/local-news/a-good-beginning-ribbon-cut-at-new-community-resource-centre-and-mens-shelter-7691479> (дата обращения: 26.08.2023)
25. Sostav <https://www.sostav.ru/publication/s-glaz-doloy-minzdrav-predlozhl-spryatat-alkogol-ot-pokupatelej-29350.html> (дата обращения: 27.08.2023)
26. Topwar. URL: <https://topwar.ru/24556-v-mide-izlozhili-koncepciyu-vneshney-politiki-rossii-staryy-drug-luchshe-novyyh-dvuh.html> (дата обращения: 26.08.2023)
27. UG. URL: <https://ug.ru/o-vkusah-sporyat-kak-razvit-hudozhestvennyj-vkus-shkolnikov-rasskazala-pedagog/> (дата обращения: 26.08.2023)
28. Yardbarker. URL: https://www.yarbarker.com/lifestyle/articles/when_in_rome_15_things_you_must_do_in_the_capital_of_italy_101223/s1__37929306 (дата обращения: 29.08.2023)

References

1. Denisova E.P. Language game as a means of influencing voters (based on election posters in German). Bulletin of Tver State University. Series: Philology. 2020. No. 4 (67). P. 116 – 121.
2. Galperin I.R. Text as an object of linguistic research. M.: Editorial, 2005. 144 p.
3. Guseinova T.S. Problem segmentation as a way to create phraseological transformations. Chronos: social sciences. 2020. No. 2 (19). P. 37 – 38.
4. Ismailova O.I. Speech strategies and tactics of manipulative influence in mass media based on the language game (using the example of English and Russian languages). Philological Sciences. Questions of theory and practice. 2017. No. 12 (78): in 4 parts. Part 1. P. 95 – 98.
5. Kara-Murza S.G. Manipulation of consciousness. M.: Eksmo, 2001. 832 p.
6. Kozhina M.N. Stylistics of the Russian language. M., 1977. 223 p.
7. Kuranova T.P. Methods of transformation of phraseological units in modern newspaper headlines (based on the material of the printed publications “Arguments and Facts”, “Pravda”). Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2023. No. 2 (33). P. 97 – 105.
8. Lupanova E.V. Phraseology of military origin as a weapon of information-psychological warfare. Political linguistics. 2021. No. 5 (89). P. 122 – 127.
9. Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language. ed. M.N. Kozhina; members of the editorial board: E.A. Bazhenova, M.P. Kotyurova, A.P. Skovorodnikov. 2nd ed., stereotype. M.: Flinta: Nauka, 2011. 696 p.
10. Piskareva A.V. Methods for modifying phraseological units in Russian and German (based on media texts). Bulletin of MSLU. Humanitarian sciences. 2018. Vol. 4 (793). P. 199 – 210.
11. Ptushko S.V. Occasional actualizations of proverbs in the headlines of English-language newspaper and magazine journalism: abstract. dis. ... cand. Philol. Sci. Nizhny Novgorod, 2006. 26 p.
12. Pystina O.V. Language game as a device in the headline complexes of regional publications. Bulletin of Syktyvkar University. Humanities Series. 2014. No. 3. P. 203 – 212.
13. Shashkova O.V. Structural transformation of phraseological units in the headlines of modern media. In the collection: Pushkin Readings-2013. Artistic strategies of classical and new literature: genre, author, text. Materials of the XVIII international scientific conference. Under the general editorship of V.N. Skvortsova. 2013. p. 328 – 333.
14. Encyclopedic dictionary-reference book. Expressive means of the Russian language and speech errors and shortcomings. ed. A. P. Skovorodnikova. M.: Flinta, 2011. 480 p.

15. CNBC. URL: <https://www.cnbc.com/2023/12/05/cnbc-daily-open-all-that-glitters-is-gold-and-bitcoin-.html> (access date: 08/26/2023)
16. Green field reporter. URL: <https://www.greenfieldreporter.com/2023/07/21/where-theres-a-will-recent-new-pal-grad-self-published-his-first-book-and-song/> (date access: 08/26/2023)
17. Dailymail. URL: <https://www.dailymail.co.uk/sport/sportsnews/article-11255297/A-Penny-saved-Memphis-hoops-coach-Anfernee-Hardaway-spared-NCAA-investigation.html> (accessed 29.08 .2023)
18. Zen. URL: https://dzen.ru/news/search?issue_tld=ru&text= (access date: 08/26/2023)
19. EAdaily. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/08/27/kak-v-shelkah-germaniya-ne-mozhet-pozvolit-sebe-novyh-dolgov> (access date: 08/26/2023)
20. Mvestnik. URL: <https://www.mvestnik.ru/politics/odna-golova-horoshho/> (access date: 08.29.2023)
21. Newyorker. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2014/02/10/thicker-than-water> (access date: 08/29/2023)
22. Pictongazette. URL: <https://pictongazette.ca/2023/10/17/out-of-sight-fishing-industry-ignored-in-countys-official-plan/> (access date: 08/29/2023)
23. Prisursky. URL: <https://www.prisursky.ru/organizatciia/novosti/660-na-lovca-i-zver-kak-rabotayut-fotolovushki-v-zapovednike-prisurskiy.html> (access date: 08/26/2023)
24. Sootoday. URL: <https://www.sootoday.com/local-news/a-good-beginning-ribbon-cut-at-new-community-resource-centre-and-mens-shelter-7691479> (accessed: 08/26/2023)
25. Sostav <https://www.sostav.ru/publication/s-glaz-doloj-minzdrav-predlozhil-spryatat-alkogol-ot-pokupatelej-29350.html> (date of access: 08/27/2023)
26. Topwar. URL: <https://topwar.ru/24556-v-mide-izlozhili-koncepciyu-vneshney-politiki-rossii-staryy-drug-luchshe-novyh-dvuh.html> (access date: 08/26/2023)
27. UG. URL: <https://ug.ru/o-vkusah-sporyat-kak-razvit-hudozhestvennyj-vkus-shkolnikov-rasskazala-pedagog/> (date of access: 08/26/2023)
28. Yardbarker. URL: https://www.yarbarker.com/lifestyle/articles/when_in_rome_15_things_you_must_do_in_the_capital_of_italy_101223/s1__37929306 (access date: 08/29/2023)

Информация об авторе

Саушева Е.В., кандидат филологических наук, доцент, Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, sausheva_helen@rambler.ru, 89853870909

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 81-23

¹ Брагина О.А.

¹ Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина Министерства обороны Российской Федерации, филиал в г. Челябинске

Общие и индивидуальные тенденции развития английского языка

Аннотация: в представленной статье проведено исследование современного английского языка на предмет определения тех изменений, которые в наибольшей степени оказывают влияние на его развитие. Анализ показал, что данные изменения могут носить как общий, так и индивидуальный характер. Общие тенденции изменения обусловлены развитием в целом языковой картины мира, теми особенностями, которые оказывают влияние на язык, коммуникацию в целом. Индивидуальные же особенности характеризуют специфику изменений непосредственно только в английском языке.

Исследование научных трудов, словарей, Британского национального корпуса показало, что изменения, как общие, так и индивидуальные, обусловлены изменениями в самой коммуникативной среде, расширением процессов и способов коммуникаций, глобализацией языкового взаимодействия, использованием английского языка не только как средства международного общения, но и как способа взаимодействия между различными структурами в разных сферах.

В статье показано, как именно изменения, происходящие на современном этапе, оказывают влияние на различные аспекты функционирования английского языка. Приведены соответствующие примеры. Обозначены перспективы возможных изменений в дальнейшем.

Ключевые слова: развитие языка, изменение коммуникации, грамматические изменения, фонетические изменения, унификация, упрощение, снижение требований

Для цитирования: Брагина О.А. Общие и индивидуальные тенденции развития английского языка // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 190 – 194.

Поступила в редакцию: 8 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Bragina O.A.

¹ Military Science Research Centre of the Military Air Forces Higher Military Aviation School of Navigators in honor of the professor N.E. Zhukovsky and Yu.A. Gagarin in Chelyabinsk

General and individual trends in the development of the English language

Abstract: the article presents a study of the modern English language in order to determine those changes that have the greatest impact on its development. The analysis showed that these changes can be both general and individual in nature. The general trends of change are due to the development of the linguistic picture of the world as a whole, those features that affect language and communication in general. Individual features characterize the specifics of changes directly only in the English language.

A study of scientific papers, dictionaries, and the British National Corpus has shown that changes, both general and individual, are due to changes in the communicative environment itself, the expansion of communication processes and methods, globalizations of language interaction, the use of English not only as a means of international communication, but also as a way of interaction between different structures in different spheres.

The article shows exactly how the changes taking place at the present stage affect various aspects of the functioning of the English language. Relevant examples are provided. The prospects of possible changes in the future are outlined.

Keywords: *language development, communication changes, grammatical changes, phonetic changes, unification, simplification, reduction of requirements*

For citation: Bragina O.A. General and individual trends in the development of the English language. *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (1). P. 190 – 194.

The article was submitted: October 8, 2023; Approved after reviewing: December 5, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Современный мир характеризуется стремительным развитием. Это касается не только технологий, цифровизации или иных технических достижений. Развитию подвергаются все сферы жизни. В том числе, и язык. Английский язык в этом контексте является особенным, поскольку он интенсивно используется не только непосредственно носителями, причем в разных вариантах: британский, американский, новозеландский и т.д., но также и неносителями, поскольку английский язык на данный момент является не просто международным, но и приобрел статус так называемого «глобального языка» (global language) [1]. Как и любая другая языковая система, английский язык подвержен разного рода изменениям. Но поскольку сам язык имеет ряд особенностей, то и тенденции изменений также имеют свою специфику.

Цель исследования: анализ и выявление тенденций развития современного английского языка с точки зрения из общих и индивидуальных особенностей.

Материалы и методы исследований

Для проведения анализа и выявления современных тенденций развития английского языка были использованы материалы, содержащие в себе языковые единицы. Прежде всего, современные тексты на английском языке художественного, публицистического и научного характера. Кроме того, использовались материалы Британского национального корпуса на предмет изучения новых лексических, стилистических, культурных, морфологических и синтаксических проявлений. Активно использовались различные словари для проведения лексического анализа.

При проведении исследования использовались такие методы, как анализ (литературы, научных трудов, лингвистический, культурно-исторический). Применялись элементы системного анализа для обозначения порядка исследования и изложения его итогов. Функциональный метод был применен при характеристике отдельных изменений языка.

Результаты и обсуждения

Изменение языка, его лексических норм, форм выражения является естественным процессом, который протекает на постоянной основе. Прежде чем обозначить конкретные языковые изменения отметим, что согласны с классификацией изменений языка, предложенной А.А. Лариной. Данный автор предлагает разделять изменения на общие и индивидуальные [5]. Под общими в данном случае подразумеваются те изменения, которые характерны для любого языка. Индивидуальные же изменения характеризуют конкретный язык, его нормы, лексику, стилистику и культуру.

Остановимся подробнее непосредственно на самих изменениях. При проведении аналогичных исследований разные авторы выделяют различные типы изменений языка. Так, К.М. Стешин утверждает, что в качестве одного из изменений, характерных для языков в целом, можно обозначить *унификацию и упрощение языка*. Данная тенденция характерна для большинства языков мира [6]. Полагаем, с этим утверждением необходимо согласиться, поскольку современный ритм жизни, вовлеченность большинства стран мира в международные отношения, требуют формирования наиболее эффективных средств коммуникации и унификация и упрощение языка в данном случае являются одним из способов достижения этих целей. В контексте английского языка унификация и упрощение подразумевают:

- тенденцию к сокращению материала лексики, а также упрощению грамматики;
- унификацию различных диалектов (региональных, культурных);

- появление вариативности в области фонетики;
- изменения в сторону облегчения в сфере произношения.

Анализ материалов Британского национального корпуса [11] позволил выявить еще одну тенденцию, которая может быть отнесена к числу общеязыковых, и которая активно проявляется в современном английском языке – *активное использование сокращений*. Считаем, данный тренд обусловлен все больше увеличивающимся ритмом современной жизни, активным использованием различных цифровых технологий, наличием избыточной информации. При этом необходимо отметить, что данная тенденция может быть разделена на две составляющие:

- все большее использования аббревиации. При этом в языке «приживаются» как благозвучные аббревиатуры, произносить которые вполне удобно, как, например, *Pa system* (public address system), *RAM* (random-access memory), *SWAT* (special weapons and tactics) употребляются в юриспруденции; *MEDLORS* (Medical Literature Analysis and Retrieval System) в медицине, так и совершенно неудобные для произношения, как, например, *IATEFL* (International Association of Teachers of English as a Foreign language);
- сокращение слов для быстроты общения. Мы используем *pop* вместо popular; *op* вместо operation, а также *op* вместо opportunity; *up* вместо promote, *lab* вместо laboratory, *pic* вместо picture, *photo* вместо photograph.

Еще в качестве одной тенденции можно обозначить *наличие демократизации в области нормирования литературно-письменного языка*. Стоит согласиться с С.В. Феопентовой в том, что на язык, в том числе, английский, влияние оказывают различные слои населения. При этом влияние это осуществляется не только на общую или специализированную лексику, но и на сам процесс осуществления коммуникации [9]. Это приводит не только к появлению сленга или жаргоизмов, но и к изменению языковых норм. То, что раньше нельзя было использовать в литературном языке, сегодня не считается нарушением. Более того, наблюдается тенденция к не только к снижению количества норм литературно-письменного языка, но и их наличию в целом. В английском языке эта тенденция проявляется особенно сильно, поскольку, как уже отмечалось, языком пользуется огромное количество людей, не только носителей, которые вносят свои вехи, в том числе, находящие свое отражение в системе нормирования литературно-письменного английского языка. При этом, Э.А. Сухарева считает, что тенденция к демократизации литературно-письменного языка в большей степени характерна для «колонизированных территорий», то есть, для разных типов и вариантов английского языка, но не для британского [7]. Мы не согласны с данным утверждением, поскольку считаем, что снижение требований к нормам литературно-письменного языка является особенностью и британского английского языка тоже, что подтверждается текстами как художественных, так и публицистических текстов на британском английском.

Помимо прочего, появление Интернета и развитие различных форм общения посредством его использования повлияло на особенности письменной коммуникации. Ж.А. Исингалиева в этой связи даже отмечает *появление новой разновидности письменного языка* – «new mode» [4]. Данную разновидность нельзя отнести к числу литературных, но тем не менее, именно такая форма использования языковых норм на сегодняшний день является наиболее интенсивной и оказывает влияние на другие формы языка в процессе осуществления коммуникации.

Таким образом, мы видим, что общие изменения в английском языке обусловлены общемировыми тенденциями и характерны для большинства языков, включенных в процесс международной коммуникации. В тоже время в развитии английского языка можно выделить целый ряд индивидуальных особенностей, обусловленных именно спецификой языка, его норм и форм. Рассмотрим некоторые тенденции индивидуального характера.

Прежде всего, можно отметить *наличие изменений в области фонетики*. Ю.А. Федькина утверждает, что в скором времени звук «th» перестанет существовать и будет заменен в соответствии с тем или иным словом на «f», «d» или «v» [8]. В дальнейшем это окажет влияния не только на произношение, но и на правописание. По нашему мнению данная тенденция обусловлена наличием уже обозначенной выше нами общей тенденцией к упрощению. Данное изменение приведет к появлению других, таких как:

- исчезновение при написании или произношении отдельных букв или звуков, например, в слове “text” исчезнет последняя “t” и слово превратится в “tex”;
- появление новых слов и вариантов из написания, что обусловлено развитием Интернет-общения, например, появились такие слова, как «LOL» или слово «Emojis»;
- использование в сфере электронного общения собственной системы языковых норм. Так, например, вместо “hashtag laugh out loud” и “totally chilled” будет распространено “tagLOL” и “toteschill”.

Упрощение и унификация, как общие тенденции в изменении языка, оказывают влияние и на грамматические нормы. Д.А. Величко отмечает, что *наблюдается снижение использования лондонского варианта* и стремление к унификации разных типов языковых норм в области грамматического построения как фраз и предложений, так и правописания [3]. Грамматические изменения в языке являются различными. В качестве наиболее ярких можно отметить такие, как:

- стремление к опущению артиклей. При этом смысловое содержание остается неизменным. Например, *I am in _ seventh grade; I like _ hamburger*;
- изменения в структуре конструкций, например: «she started to dance» вместо «she started dancing»;
- появление расширенных форм. Например, «She is relaxing» вместо «She relaxes»;
- использование пассивного залога, модальных глаголов при применении continuous. Например, *should, would, might*, с глаголом «be». «Shall» и «ought» заменили конструкциями «going to», «have to», «need to», «want to». Все это привело к изменениям также и в части письменной формы языка.

Еще одну тенденцию изменения современного английского языка в своих исследованиях обозначила С.С. Эмирасанова. Данный автор выявил, что *наблюдается склонность к использованию фразовых глаголов, которые по своему смысловому содержанию выполняют функцию существительных*. В качестве примеров _____ приводит следующие: *outcast* – «изгой»; *underpass* – подземный переход; *intake* – потребление; *onset* – начало; *closing-down* – закрытие; *hand-me-downs* – поношенная одежда; *pick-me-up* – энергетический напиток, тоник; *knockdown prices* и т.п. [10]. Это обусловлено тем, что указанные слова являются более популярными по сравнению с ранее устоявшимися и используются чаще в связи с их большей яркостью и убедительностью.

Выводы

Изменения, происходящие в общественной жизни, оказывают непосредственное влияние на развитие языка, его форм и норм. Проведенное исследование показало, что тенденции изменения английского языка могут быть классифицированы на общие и индивидуальные. К числу общих тенденций, которые характерны для большинства языков мира, можно отнести следующие:

- склонность к унификации, упрощению как грамматических конструкций, так и лексических и фонетических норм;
- снижение уровня требований к литературно-письменному языку, демократизация литературно-языковых норм;
- склонность к сокращениям, аббревиации;
- появление новой «электронной» формы речи.

Помимо общих для английского языка характерно наличие и индивидуальных особенностей развития. К числу таких можно отнести:

- фонетические изменения;
- грамматические изменения;
- склонность к использованию фразовых глаголов, которые по своему смысловому содержанию выполняют функцию существительных.

Полагаем, данные изменения не последний, поскольку язык живой и его развитие осуществляется постоянно. На изменения в английском языке будут оказывать влияние не только носители, но и все мировое сообщество, осуществляющее на нем международную коммуникацию.

Список источников

1. Антоненко С.С. Современные тенденции и перспективы развития английского языка // Форум молодых ученых. 2019. № 3 (31). С. 103 – 106.
2. Беспалова А.И. Основные тенденции развития современного английского языка // Научные достижения студентов и учащихся. Сборник статей II Всероссийского научно-исследовательского конкурса. 2020. С. 99 – 102.
3. Величко Д.Р. Основные тенденции развития современного английского языка (на примере неологизмов) // Теория и практика лингвистики и иноязычного образования. Сборник тезисов по итогам преддипломной практики "Выпускник 2021". Ростов-на-Дону, 2021. С. 12 – 13.
4. Исингалиева Ж.А. Тенденции развития английского языка // Тенденции развития науки и образования. 2018. № 35-2. С. 57 – 60.
5. Ларина А.А. Современные тенденции в развитии английского языка // XI Авдеевские чтения: Сборник статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции. Пенза, 2023. С. 62 – 65.

6. Стешин К.М. Современные тенденции развития английского языка на примере аббревиации // Глобальный научный потенциал. 2023. № 5 (146). С. 227 – 229.
7. Сухарева Э.А. Современные тенденции развития английского языка // Семиотика волонтерства как социокультурный феномен. материалы межвузовской научно-практической конференции. Кубанский государственный аграрный университет. 2019. С. 174 – 177.
8. Федькина Ю.А. Современные тенденции и перспективы развития английского языка // Дискуссии в области гуманитарных, естественно-научных аспектов современности. материалы XXXV Всероссийской научно-практической конференции. Ростов-на-Дону, 2022. С. 28 – 30.
9. Феопентова С.В. Современные тенденции развития языковой игры в английском языке (по материалам англоязычной прессы) // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 11. С. 187 – 190.
10. Эмирасанова С.С. Основные факторы и тенденции развития национальных вариантов английского языка // Молодая наука: Сборник научных трудов научно-практической конференции для студентов и молодых ученых. 2018. С. 424 – 425.
11. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/BNC/>

References

1. Antonenko S.S. Modern trends and prospects for the development of the English language. Forum of young scientists. 2019. No. 3 (31). P. 103 – 106.
2. Bepalova A.I. Main trends in the development of modern English. Scientific achievements of students and students. Collection of articles of the II All-Russian Research Competition. 2020. P. 99 – 102.
3. Velichko D.R. Main trends in the development of modern English (using the example of neologisms). Theory and practice of linguistics and foreign language education. Collection of theses based on the results of pre-diploma internship "Graduate 2021". Rostov-on-Don, 2021. P. 12 – 13.
4. Isingalieva Zh.A. Trends in the development of the English language. Trends in the development of science and education. 2018. No. 35-2. P. 57 – 60.
5. Larina A.A. Modern trends in the development of the English language. XI Avdeevsky Readings: Collection of articles based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Penza, 2023. P. 62 – 65.
6. Steshin K.M. Modern trends in the development of the English language using the example of Pbreivation. Global scientific potential. 2023. No. 5 (146). P. 227 – 229.
7. Sukhareva E.A. Modern trends in the development of the English language. Semiotics of volunteering as a sociocultural phenomenon. materials of the interuniversity scientific and practical conference. Kuban State Agrarian University. 2019. P. 174 – 177.
8. Fedkina Yu.A. Modern trends and prospects for the development of the English language. Discussions in the field of humanitarian, natural and scientific aspects of modernity. materials of the XXXV All-Russian scientific and practical conference. Rostov-on-Don, 2022. P. 28 – 30.
9. Feopentova S.V. Modern trends in the development of language games in the English language (based on materials from the English-language press). Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2020. No. 11. P. 187 – 190.
10. Emirasanova S.S. Main factors and trends in the development of national varieties of the English language. Young Science: Collection of scientific papers of a scientific-practical conference for students and young scientists. 2018. P. 424 – 425.
11. British National Corpus (BNC). URL: <https://www.english-corpora.org/BNC/>

Информация об авторе

Брагина О.А., кандидат филологических наук, Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», Министерства обороны Российской Федерации в г. Челябинске, Sunset3105@mail.ru, 89220134755

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 811.161.1

¹ Майтиева Р.А., ¹ Зайдиева Л.М.,

¹ Дагестанский государственный университет
народного хозяйства

Междометные фразеологические единицы в русском и английском языках

Аннотация: в статье проводится анализ междометных фразеологических единиц в русском и английском языках. Это особый разряд устойчивых сочетаний в русском и английском языках. Данные ФЕ широко распространены в устной речи. Выражают эмоциональную реакцию говорящего на определенную ситуацию или же на поведение другого субъекта. Являются коммуникативно-значимыми единицами языка. Передают всю гамму эмоций, сообразно реагируя на любые жизненные обстоятельства. Это богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, служащих для выражения эмоциональных реакций в коммуникативной действительности. Широко развиты синонимия, полисемия. В обоих языках их функции в устной речи примерно одинаковые. Они служат для выражения различных оттенков чувств и состояний. Это достигается ситуативной и контекстуальной обусловленностью. Рассматриваемые формулы речи, возникая в речевой сфере, связаны с лаконичными репликами и в диалогах художественных произведений.

Ключевые слова: русский язык, английский язык, междометные фразеологизмы, модально-оценочный, эллиптированные, структурно-грамматический, эмоции, импреативные, коммуникативная речевая деятельность

Для цитирования: Майтиева Р.А., Зайдиева Л.М. Междометные фразеологические единицы в русском и английском языках // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 195 – 199.

Поступила в редакцию: 8 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 5 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Maytieva R.A., ¹ Zaydieva L.M.,

¹ Dagestan State University of National Economy

Interjective phraseological units in Russian and English

Abstract: the article analyzes interjective phraseological units in Russian and English. This is a special category of stable combinations in Russian and English. These PE are widely used in oral speech. They express the speaker's emotional reaction to a certain situation or to the behavior of another subject. They are communicatively significant units of the language. They convey the whole range of emotions, responding appropriately to any life circumstances. This is a rich layer of purely subjective speech signs that serve to express emotional reactions in the communicative reality. Synonymy and polysemy are widely developed. In both languages, their functions in oral speech are approximately the same. They serve to express different shades of feelings and states. This is achieved by situational and contextual conditioning. The considered formulas of speech, originating in the speech sphere, are associated with concise replicas and in the dialogues of works of art.

Keywords: Russian, English, interjective phraseological units, modal-evaluative, elliptical, structural-grammatical, emotions, improvative, communicative speech activity

For citation: Maytieva R.A., Zaydieva L.M. Interjective phraseological units in Russian and English. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 195 – 199.

The article was submitted: October 8, 2023; Approved after reviewing: December 5, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Статья представляет собой анализ междометных фразеологических единиц в русском и английском языках. Рассматриваемая категория фразеологизмов актуальна для носителей обоих языков. Данные единицы широко распространены в коммуникативной речевой деятельности.

Дать характеристику междометным фразеологическим единицам исследуемых языков.

Задачи:

-провести семантический анализ междометных ФЕ исследуемых языков;

-дать оценку их функционированию в речевой коммуникации.

В полном объеме проведен анализ рассматриваемых фразеологических единиц в исследуемых языках.

Материалы и методы исследований

Материалы работы могут быть использованы в дисциплине «Культура речи», а также при написании учебных пособий по сопоставительной грамматике данных языков.

Междометные фразеологические единицы выражают эмоциональную реакцию говорящего на определенную ситуацию или же на поведение другого субъекта. Являются коммуникативно-значимыми единицами языка. Они передают всю гамму эмоций, сообразно реагируя на любые жизненные обстоятельства. Могут выразить настоящую оценку событий, поступков и характера человека.

Эмоции выражаются разноуровневыми средствами: интонацией, лексическими средствами (междометия), специализированными типами предложений (эмотивные предложения) [2, с. 288].

Эмоциональная разговорная речь может возникнуть в обстановке, когда логических аргументов не хватает. Эмоциональная сфера личности многогранна, многофункциональна, так как через призму переживаний и чувств человека проходит множество событий и впечатлений [7, с. 2].

Эмотивные глаголы обозначают различные аффективно-эмоциональные состояния субъекта и имеют отчетливо выраженную оценочную окраску, позитивную или негативную [9].

Со стилистической точки зрения понятие эмоциональность также имеет разные определения.

В лингвистике имеются попытки анализа рассматриваемых единиц. Существуют различные взгляды на природу данных единиц.

Междометные фразеологизмы выполняют ту же функцию, что и междометия – выражают эмоции. Как и междометие, они не являются членами предложения, занимая обособленную позицию [6].

Рассматриваемые фразеологизмы, как и междометия вообще, семантически не соотнесены с предметно-логическим содержанием, они лишь выражают различные волеизъявления.

Эмотивные фразеологизмы представляют собой обширный и высоко употребительный разряд русской фразеологии [1].

Они образуются на базе междометных слов или на базе существительных и местоимений в их различности и сочетаемости [3].

Междометные фразеологизмы представляют собой особый разряд фразеологии русского языка – они устойчивы в языке, воспроизводимы в речи, обладают целостным значением, придают речи живость и образность [8].

Анализируя данные ФЕ, А.В. Кунин пишет, что «необходимо рассматривать с точки зрения их семантики, подчеркивая в особенности их диффузный характер» [4, с. 102]. В числе структурно-грамматических особенностей этих ФЕ он выделяет то, что они имеют тенденцию выступать в качестве повелительных предложений.

Результаты и обсуждения

Рассматриваемые ФЕ могут вступать в различные семантические отношения. Среди них отмечается развитая синонимия. Так, одно и то же чувство или эмоция могут выражаться различными фразеологизмами. Такие междометные фразеологизмы, которые выражают такие чувства, как удивление, волнение, гнев, возмущение широко распространены в исследуемых языках.

Например, удивление:

русс. Ради бога!

англ. For God's sake! «Ради бога!»

русс. Господи! Боже!

англ. God! «Боже!»

Волнение:

русс. Все образуется.

англ. Everything will work out. «Все будет хорошо»

русс. Не бойся!

англ. Keine Angst! «Смелее!»

Гнев, возмущение:

русс. Иди к черту!

англ. Go to hell!

русс. Катись отсюда!

англ. Get out of here!

Одна и та же ФЕ способна выражать различные оттенки чувств, чем вызывают полисемию. Это наблюдается в ситуативных, контекстуальных высказываниях. Все приведенные примеры междометных фразеологизмов выражают эмоции различного характера. В отдельных случаях полисемия приводит к расщеплению значения фразеологической единицы, что приводит к омонимии. В ряде случаев междометные фразеологизмы образуют синонимичные отношения. Так, весь спектр оттенков чувств – дифференциация значений достигается в непосредственной связи с ситуацией и контекстом.

При исследовании МФЕ особое внимание необходимо уделять коннотации их значения, оценочного отношения к высказываемому [5].

В английском такие фразеологические единицы заключают в себе мгновенные и непосредственные реплики-оценки высказывания оппонента или оценки какой-нибудь ситуации, явления, действия. Они содержат в себе подведение итогов, оценку высказывания: God knows! he devil knows! To be offended by God! Poor guy!

Приведенные фразеологизмы относятся к модально-оценочным. Они как в английском, так и в русском широко функционируют в устной речи.

По своим семантическим характеристикам модально-оценочные и междометные фразеологические единицы близки. Модально-оценочные ФЕ отличаются более ограниченным эмоционально-чувственным звучанием, импрессией, а также наличием интеллектуальных факторов. Междометные фразеологические единицы в определенных контекстах могут лишаться своей императивности и яркой эмоциональности. В таких случаях, они могут функционировать в значении модально-оценочных: русс. Слава богу! англ. Thank god!

И междометные и модально-оценочные фразеологизмы связаны одной единой сферой – устной разговорной. Устная речевая коммуникация, как известно, обладает специфическими особенностями с точки зрения их структуры и грамматических связей.

Структура фразеологизмов, относящихся к устной речи представляет собой разнообразие. Это самостоятельные, синтаксические конструкции, предложения, выражающиеся завершенностью структуры. Наиболее часто отмечаются среди них междометно-восклицательные, императивные конструкции. Они отличаются своей императивностью и интонацией:

русс. Живи хорошо!

англ. Live well!

русс. Увы!

англ. Alas!

русс. Боже, помилуй!

англ. God have mercy!

В разговорной речи широко отмечается различные усечения, эллиптирования, фонетического, морфологического и лексического плана.

Лексическое эллиптирование представляет собой лингвистическое явление. Оно достаточно активно в английской и русской разговорной речи. В составе разговорных фразеологизмов отмечается наиболее часто усечение целых лексем. В этом случае происходит сведение целой единицы к одному слову. Оставшееся слово собирает в себе значения всех компонентов и таким образом образует целое словосочетание. семантически одно слово равно целому фразеологизму.

Морфологическое эллиптирование в английском языке наиболее часто сопровождается опущением личного окончания у глагольного компонента фразеологических единиц всех разговорных видов, в том числе и междометных, модально-оценочных.

В русском данные сочетания «в той же мере выполняют функции эмотивного каузатива, как и лексический или аналитический каузатив, однако здесь мы имеем дело с «выкристаллизованным» с течением времени устойчивым оборотом» [6]. Например: англ. Raise your head! Always with you! Only courage!

русс. Ни пуха, ни пера! Собери силы в кулак! Держи хвост пистолетом! Не бойсь!

Выводы

Таким образом, проведенный анализ показал, что междометные фразеологические единицы – это живой богатый пласт чисто субъективных речевых знаков, которые служат для выражения эмоциональных реакций в коммуникативной действительности.

Среди них широко развита синонимия, полисемия, то есть одно и то же чувство (удивление, возмущение, гнев, волнение) может передаваться различными междометными ФЕ.

В исследуемых языках их функции в устной речи примерно одинаковые. Они служат для выражения различных оттенков чувств и состояний. Это достигается ситуативной и контекстуальной обусловленностью.

В ряде случаев наблюдается противоречие между структурой и семантикой рассматриваемых единиц, то есть, они могут по своему характеру являться и обращением.

Список источников

1. Волкова Н.Н. Русская эмотивная фразеология в языке и тексте: автореф. дис. ... канд. фил. наук. Воронеж, 2005. 20 с.
2. Гак В.Г. Языковые преобразования. Виды языковых преобразований. Факторы и сферы реализации языковых преобразований. 2 изд., испр. М.: Книжный дом «Либроком», 2010. 408 с.
3. Егорова Н.Б., Пяо Мэйшань. Междометные фразеологизмы как способ выражения экспрессивности в русском и китайском языках // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 4А. С. 259 – 267.
4. Кунин А.В. Английская фразеология. М.: Высшая школа, 2000. 381 с.
5. Сабирова Д. Репрезентация структурных особенностей междометных фразеологических единиц в английском языке // Экономика и социум. 2020. № 11. С. 1243 – 1246.
6. Сюткина Н.П. Междометные фразеологические единицы в ситуации эмоциональной модификации // Евразийский гуманитарный журнал. 2019. № 1. С. 38 – 43.
7. Шишимер Л.Ф. Междометные фразеологизмы в русском языке: монография. Пятигорск: ПГУ, 2020. 161 с.
8. Шишимер Л.Ф. О лингвистическом статусе междометных фразеологических единиц // Материалы научно-методических чтений ПГЛУ. Пятигорск: Изд-во «Пятигорский государственный лингвистический университет», 2016. С. 125 – 129.
9. Шустова С.В., Ошева Е.А. Актуализация эмоциональной модификации // Историческая и социально-образовательная мысль. 2015. Т. 7. № 1. С. 127 – 134.

References

1. Volkova N.N. Russian emotive phraseology in language and text: abstract. dis. ...cand. Phil. Sci. Voronezh, 2005. 20 p.
2. Gak V.G. Language transformations. Types of language transformations. Factors and areas of implementation of language transformations. 2nd ed., rev. M.: Book house “Librokom”, 2010. 408 p.
3. Egorova N.B., Piao Meishan. Interjection phraseological units as a way of expressing expressiveness in Russian and Chinese languages. Pedagogical Journal. 2023. T. 13. No. 4A. P. 259 – 267.
4. Kunin A.V. English phraseology. M.: Higher School, 2000. 381 p.
5. Sabirova D. Representation of structural features of interjectional phraseological units in the English language. Economy and Society. 2020. No. 11. P. 1243 – 1246.
6. Syutkina N.P. Interjective phraseological units in a situation of emotional modification. Eurasian Humanitarian Journal. 2019. № 1. P. 38 – 43.
7. Shishimer L.F. Interjective phraseological units in the Russian language: monograph. Pyatigorsk: PGU, 2020. 161 p.
8. Shishimer L.F. On the linguistic status of interjectional phraseological units. Materials of scientific and methodological readings of PSLU. Pyatigorsk: Pyatigorsk State Linguistic University Publishing House, 2016. P. 125 – 129.
9. Shustova S.V., Osheva E.A. Updating emotional modification. Historical and social-educational thought. 2015. T. 7. No. 1. P. 127 – 134.

Информация об авторах

Майтиева Р.А., кандидат филологических наук, доцент? Дагестанский государственный университет народного хозяйства, nurselin7@mail.ru

Зайдиева Л.М., старший преподаватель, Дагестанский государственный университет народного хозяйства nurselin7@mail.ru.

© Майтиева Р.А., Зайдиева Л.М., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'373.72:81'246.2

¹ Таджибова З.Т.

¹ Дагестанский государственный университет
народного хозяйства

Отражение концепта хлеб в зеркале языковой картины мира (на материале лезгинских и русских паремий)

Аннотация: статья посвящена сравнительно-сопоставительному анализу концепта ХЛЕБ в паремиологической картине мира русского и лезгинского языков. Целью данного исследования является сопоставление паремиологических единиц, отражающих концепт ХЛЕБ в лезгинском, и русском языках, выявление общего и специфичного в языках разных культур. Научная новизна заключается в комплексном анализе концепта ХЛЕБ на материале языков разных структур, что позволяет глубже раскрыть особенности каждого языка. Задачами исследования явились интерпретация и дифференциация лезгинской и русской паремиологии, в которой дается характеристика хлебу, также установление сходств и различий в семантической организации паремий. Практическая значимость исследования заключается в возможности использовать полученные результаты в практике

преподавания межкультурной коммуникации, контрастивной лингвистики, лексикологии лезгинского и русского языков, а также страноведения. Практическая значимость также определяется возможностью использования материалов исследования для составления двуязычного русско-лезгинского сборника паремий и корпусов паремиологических единиц.

Ключевые слова: концепт, сравнительно-сопоставительный анализ, лингвокультура, паремиологическая картина мира, пословицы и поговорки, русский язык, лезгинский язык

Для цитирования: Таджибова З.Т. Отражение концепта хлеб в зеркале языковой картины мира (на материале лезгинских и русских паремий) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 200 – 204.

Поступила в редакцию: 8 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 8 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Tadzhibova Z.T.

¹ Dagestan State University of National Economy

Reflection of the concept BREAD in the mirror of the linguistic picture of the world (based on Lezgin and Russian proverbs)

Abstract: the article is devoted to a comparative analysis of the concept BREAD in the paremiological picture of the world of the Russian and Lezgin languages. The purpose of this study is to compare paremiological units reflecting the concept of BREAD in the Lezgin and Russian languages, to identify what is common and specific in the languages of different cultures. The scientific novelty lies in the comprehensive analysis of the concept BREAD on the material of languages of different structures, which allows us to further reveal the characteristics of each language. The objectives of the study were the interpretation and differentiation of Lezgin and Russian paremiology, which characterizes bread, as well as the establishment of similarities and differences in the semantic organiza-

tion of paroemias. The practical significance of the study lies in the ability to use the results obtained in practice teaching intercultural communication, contrastive linguistics, lexicology of the Lezgin and Russian languages, as well as regional studies. Practical significance is also determined by the possibility of using research materials to compile a bilingual Russian-Lezgin collection of paremias and corpora of paremiological units.

Keywords: concept, comparative analysis, linguistic culture, paremiological picture of the world, proverbs and sayings, the Russian language, the Lezgin language

For citation: Tadzhibova Z.T. Reflection of the concept BREAD in the mirror of the linguistic picture of the world (based on Lezgin and Russian proverbs). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 200 – 204.

The article was submitted: October 8, 2023; Approved after reviewing: December 8, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Концепт является базовым понятием, особой формой человеческой ментальной деятельности, благодаря которой мы можем понимать, структурировать и транслировать свой опыт. С точки зрения различных дисциплин, концепт следует понимать как наименьшую логическую единицу познания.

Базовые концепты фактически предвзвешивают изучение любого понятия, так как в дальнейшем объединяются в более сложные знания. Концепт является не только результатом деятельности человеческого разума, но и способом познания категорий посредством языка.

Согласно Лихачеву Д.С. «Концептосфера какого-либо национального языка есть “calalogue raisonne” всего умственного духовного богатства нации. По концептосфере национального языка мы можем судить о культуре нации» [4].

Концепты по своей сути являются ничем иным, как ментальным образом реальности. Они связаны и с когнитивной, и психологической и с лингвокультурологической составляющей жизни человека. Отражая окружающую действительность сквозь призму культуры того или иного народа, концепт раскрывает отличительные особенности языковой картины мира.

Изучение базовых концептов в сопоставительном аспекте помогает лучше понять культуру, историю и традиции того или иного народа, выявить его уникальность и вместе с тем найти общечеловеческие ценности и способы категоризации окружающей действительности.

Русский народ отличается особой любовью к хлебу, и более того традиционно предпочитает черный хлеб, что отражается в народной мудрости, например «Гречневая каша – матушка наша, а хлебец ржаной – отец родной»; «Хлеб наш насущный: хоть черный, да вкусный». До середины XX века под словом «хлеб» подразумевался именно ржаной хлеб. Например, в Толковый словарь живого великорусского языка В. Даля (впервые издан в 1863-65 гг) дает следующее определение: «Хлеб – черный, ржаной; а пшеничный - белый, калач, пирог, булка и пр.». [3] В русском сознании хлеб играет важную сакральную роль, так как по древним поверьям Бог определяет пропитание, т.е. хлеб для каждого человека: «На всякую душу (на долю всякого) Бог хлеб зарождает»; «Родись человек – и краюшка хлеба готова»; «Родится роток – родится и кусок». Поэтому очень важно уважительное, бережливое отношение к хлебу.

В лезгинской культуре хлеб имеет ключевое значение и почет, например, «Фу жеда – бул жеда» («Хлеб будет – изобилие будет»), «Кьуркьан галачиз яшамиш жеда, фу гаячиз – ваъ» («Без Корана жить можно, а без хлеба – нет»). На хлебе гадали и клялись (фал вегьин, фал кьин кьун), хлебом проклинали («Ви фу кьакьожрай!», – «Да перестанет расти твой хлеб»). На Кавказе принято поднимать хлеб на улице, дороге и положить его так, чтобы никто не мог наступить на него.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования явились пословицы и поговорки лезгинского и русского языков, репрезентирующие понятие «хлеб» и отобранные методом сплошной выборки из словарей В. И. Даля, В. М. Огольцева, Д. Н. Ушакова, М. Фасмера, К.Х. Акимова [1,2,5,6,7]. В работе использовались описательный метод и метод компонентного анализа.

Результаты и обсуждения

В данном исследовании предпринята попытка культурологического анализа паремий лезгинского и русского языков, содержащих компонент «хлеб». Сравнительно-сопоставительный анализ позволил объединить паремии в семантические группы по сходству признаков, лежащих в основе исследуемых единиц.

В русском и лезгинском языках хлеб сравнивается с богатством, например, в лезгинском – «Фу вирида-лайни члехи берекач я» («Хлеб самое большое благополучие»); «Фу девлет я» («Хлеб – это богатство»); в русском языке – «Хлеб – наше богатство», «За хлебом все добро».

Хлеб признается главной составляющей в жизни человека. Например, «Хлеб всему голова», «Рыба – вода, ягода – трава, а хлеб – всему голова» - в русском языке, «Фу хьайила, дуьнья риклелай алатда» («Когда получишь хлеб, забудешь все на свете»); «Фу суфрадин шагъ я» («Хлеб – шах на столе»), «Фу хуьрекрин агъа я» («Хлеб главное еды») – в лезгинском языке.

Особая важность хлеба характерна для русской культуры. Например, «Без ума проколотишься, а без хлеба не проживёшь», «Без хлеба все приестся», «Без хлеба и медом сыт не будешь», «У кого хлебушко, у того и счастье»; «Без хлеба и у воды жить худо», «Не красна изба углами, а красна пирогами». Из этих пословиц следует, что отсутствие хлеба несет за собой нехорошие последствия, и даже красота жилища не поможет, если нет основного составляющего.

В обоих исследуемых культурах хлеб является главным источником сил, пропитания. Например, «Фу хьайила, къафун тахьайтлани жеда» («Если есть хлеб, другое блюдо/еда необязательно»); «Фу вичикай сад-рани рикл агъ тийидай нямет я» («Хлеб – это фрукт, который никогда не надоест»), а также примеры в русском – «Без соли, без хлеба – половина обеда», «Без соли невкусно, а без хлеба несытно»; «Редька да репа – животу не укрепа, всему держава – хлеб». В данном аспекте интересно сопоставить лезгинскую пословицу «Фу тинедайдавай кваллахни жедач» («Кто не ест хлеб, тот и работать не сможет») и русскую «Хлеб в человеке воин». Обе пословицы о том, что хлеб придает силу, но в лезгинском языке акцент сделан на необходимость есть хлеб, так как он придает силу и работоспособность, а в русском языке – форма выражения пословицы содержит олицетворение хлеба и основной упор в сторону придания силы.

Прежде чем хлеб попадет на стол, необходим большой труд по выращиванию, сбору, приготовлению. Это знают призывают ценить и русские, и лезгины, например, «Фу тлуьн патални зегьмет герек я» («Чтобы добыть хлеб, надо трудиться»); «Хуьре хьана артель, фу атана метлеп» («В селе построили артель, на коленах появился хлеб (т.е. работа-пропитание)») в лезгинском и «Горька работа, зато хлеб сладок»; «Пот на спине, так и хлеб на столе»; «В поле – по хлеб, в лес – по дрова»; «Полениться – и хлеба лишиться»; «Работай до поту, поешь хлеба в охоту»; «Пролениться – и хлеба лишиться». В этих пословицах народная мудрость призывает ценить тех, кто работает, что добыть хлеб, а также трудиться, чтобы заработать на хлеб.

Особая группа объединяет пословицы, в которых проводится параллель между хлебом-пропитанием и словом-честностью. Здесь русский и лезгинский народы связывают хлеб, как наивысшее средство пропитания и блага на столе со словом, честностью, правдивостью, совестью человека. Отсюда и возникли такие пословицы-пожелания «Хлеб соль ешь, а правду режь»; «Блюда хлеб на обед, а слово – на ответ» в русском языке и «Фу вилик хьуй, намерд – къулухъ» («Хлеб пусть будет впереди, злодей – позади»), «Къелни фу неъ, гъахълувал хуьхъ» («Ешь хлеб с солью, и честность не теряй») - в лезгинском языке.

Во многих лезгинских селах было тяжелое положение, когда люди терпели голод и лишения и понимали, что необходимо бережно относиться к хлебу, например, «Фу къенятдайди гишила рекьидач» («Кто экономит хлеб – от голода не умрет»). Также был сильный контраст между богатым и бедным слоями общества, поэтому великодушные и щедрость особо ценились – «Фу гайи кас халкъдин риклелай садрани алатдач» («Народ никогда не забудет того, кто дал хлеб»); «Фу гудай касдиз буба лугьуда» («Кто кормит, того называют отцом»); «Халкъдиз фу гайиди гьуьляйни ахкъатда» («Кто накормил народ, тому вернется добро. (досл. из моря выйдет это добро)»); «Чарадаз фу гун суваб я» («Накормить чужого – это благое дело»).

Интересно также наблюдать в данном аспекте за отношением к наличию или отсутствию хлеба в доме, на столе. Например, в лезгинском языке говорят: «Фу хьайила, манини жеда» («Если есть хлеб, будет и песня»); «Фу хьайила, чуьнгур риклел къведа» («Когда есть хлеб, чунгур вспоминают»). Обе пословицы близки по значению, так как «чунгур» – это струнный народный музыкальный инструмент, а музыка – результат игры на нем. Таким образом, для лезгин наличие хлеба сродни музыке и веселью. В русском языке говорят: «За хлебом-солью всякая шутка хороша»; «И год хорош, коли уродилась рожь». Здесь наличие хлеба поднимает настроение и создает веселое настроение, а также подчеркивается важность урожая. Также в исследуемых пословицах присутствует лексема «вода», что отражает русский быт и культуру «Без соли, без хлеба худая беседа»; «Покуда есть хлеб да вода, все не беда»; «Без хлеба – смерть, без соли – смех».

Отсутствие хлеба имеет только негативные стороны в исследуемых культурах. Так, в лезгинском языке пословицы «Фу тахьайла, шуьрбетдини тлеам гудач» («Если хлеба нет, шербет не вкусный»); «Фу тахьайла, рахазни клан жедач» («Если нет хлеба, то и разговаривать не хочется»); «Фу авачир квалле къал жеда» («Без хлеба в доме будет ссора») отражают важные культурно-ценностные аспекты лезгин. Без хлеба остальная

еда и напитки не имеют вкус, в данном случае употреблено слово «шербет», что является традиционным сладким напитком среди южных народов Кавказа, также отмечается такой аспект как разговор, то есть общение становится неинтересным, и даже может быть ссора при отсутствии хлеба. Русские пословицы «Без хлеба куска везде тоска»; «Если хлеба не куска, так и в тереме тоска»; «Палата бела, а без хлеба беда»; «Хлеба ни куска – и в горле тоска» делают уклон на тоскливое настроение и печаль при отсутствии хлеба, а также на то, что неважно как выглядит жилище, если хлеба нет. При этом русские пословицы учат не унывать – «Будет день – будет и хлеб».

В отдельную группу можно включить пословицы о хлебе, отражающие быт и образ жизни лезгин. Например, пословица «Фуни ниси, нисини фу» («Хлеб с сыром, сыр с хлебом») отражает вкусовые предпочтения лезгин. Также пословица «Хъра чрай фу арадал хкведач» («Хлеб из лезгинской печи больше не вернется») подразумевает, что хлеб из печи настолько вкусный, что его сразу же съедают. Также лексема «хъра чрай фу» несет в себе отражения быта лезгин, их национальной кухни, в которой хлеб готовится особым образом в специально оборудованном помещении с печкой («хъар») для приготовления хлеба по особому рецепту и своеобразной формы. Часто приготовив хлеб в такой печи, женщины раздавали первую лепешку прохожим или детям, отсюда можно объяснить пословицу «Фу-фу лагъайдаз са фуни кылеллаз» («Кто будет говорить хлеб-хлеб, тому дадут еще один»). Как известно, на Кавказе приветствуются многодетные семьи, и дети в селах привыкли кушать достаточное количество хлеба, поэму пословица «Гъаф аялар авай квале суфрадик фу жадач» («В доме, где много детей, хлеб не остается») полностью отражает бытовую лезгинскую семью. Пословица «Фу хуърерай, яд хуълерай» («Хлеб из села, вода из речки/канавы») говорит о простом укладе сельской жизни и отражает мировидение лезгинского народа.

Аналогичную группу паремий можно объединить и в русском языке. Здесь мы наблюдаем такие традиционно русские продукты питания, как квас, гречка, калач. Например, «Хлебушка – калачу дедушка»; «Гречневая каша – матушка наша, а хлеб ржаной – отец родной»; «Калач приестся, а хлеб никогда»; «Как хлеб да квас, так и все у нас». В русских пословицах прослеживается определенная связь воды и хлеба как элементов питания, например, «Хлеб – батюшка, водица – матушка»; «Хлеб да вода – наша мужицкая еда»; «Хлеб да вода – крестьянская еда»; «Хлеб да вода – крестьянская (мужицкая, солдатская) еда».

Выводы

Таким образом, каждая выделенная группа пословиц ярко отражает традиции и быт исследуемых культур. Так как рассматриваемый концепт «хлеб» относится к категории питания, то из этих пословиц мы можем судить о гастрономических предпочтениях, пищевой культуре и мировосприятии русских и лезгин. Тут возможны и противопоставления – для русских предпочтительнее традиционная для русского народа еда – хлеб, вода, квас, соль – «Как хлеб да квас, так и все у нас»; «Без хлеба – смерть, без соли – смех», «Сколько ни думай, а лучше хлеба-соли не придумаешь» при этом важно упомянуть о русской традиции встречать «хлебом и солью»; для лезгин – это традиционная лезгинская лепешка и сыр – «Фуни ниси, нисини фу» («Хлеб с сыром, сыр с хлебом»). Также есть и общие представления, точнее – наизидания будущему поколению – «Пакамахъ фад фу тлурдини фад эвлемиш хъайиди садрани пашман жадач» («Кто утром рано кушает хлеб, и кто рано женится никогда не будет печалиться») в лезгинском языке и «Кто рано встает, тому бог подает» в русском языке.

В результате исследования были выявлены общие и специфичные черты у рассматриваемых лингвокультур. Специфичные отличия в лезгинском языке представлены следующим образом: 1) хлеб воспринимается настолько важной составляющей жизни, что его ставят наравне с верой – «Фу инсандин иман я» («Хлеб – это вера человека»); 2) только в лезгинской культуре встретились пословицы, отмечающие важность кормить бедняков, угощать хлебом – «Фу гайи кас халкъдин риклелай садрани алатдач» («Народ никогда не забудет того, кто дал хлеб»). В русской лингвокультуре можно выделить следующие специфичные черты: 1) идея бережливого отношения к хлебу – «Ешь пироги, а хлеб вперед береги»; 2) особая ценность своего, родного хлеба, где лейтмотивом мелькает любовь к родной земле – «Свой сухарь милее чужих пирогов».

Общими для русских и лезгин явились следующие представления о хлебе: 1) важность хлеба как средства пропитания – «Фу девлет я» – Хлеб – наше богатство; 2) хлеб как результат труда; 3) присутствие поднимает настроение, отсутствие угнетает – «Покуда есть хлеб да вода, все не беда»; «Фу хъайила, манини жада» («Если есть хлеб, будет и песня»).

Таким образом, концепт «хлеб» отражается в русском и лезгинском сознании, как важный продукт питания, дающий силу и благо человеку. В исследуемых культурах народная мудрость призывает беречь хлеб, делиться с бедняками, ценить и уважать труд, необходимый для выращивания и приготовления хлеба. Хлеб также влияет на общую атмосферу в доме и семье, когда его отсутствие наводит печаль, а наличие приносит радость и поднимает настроение.

Список источников

1. Акимов К.Х. Пословицы лезгинского народа. Махачкала: Мавел, 2013. 396 с., на лезг. яз.
2. Волошин Ю.К. Актуализация концепта ХЛЕБ // Вестник самарского университета. История, педагогика, филология. 2017. Т. 23. № 1.1. С. 72 – 76.
3. Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа. Издательство: Рипол-Классик, 2021. 352 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Издательство: Тип. М.О. Вольфа. СПб.-М., 1880. 812 с.
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Д.С. Лихачев. Раздумья о России. СПб.: LOGOS, 2001. С. 493 – 505.
6. Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка. М.: Русские словари. АСТ. Астрель, 2001. 799 с.
7. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. М.: Вече. Мир книги, 2001. Т. 3. 481 с.
8. Гусейнова У.Г. Хлеб в картине русского народа // Вестник ТГПУ. 2019. № 2 (199). С. 28 – 33.
9. Федорова А.А. Аксиологический потенциал паремиологического фонда русского языка (на примере пословиц и загадок) // Наука через призму времени. 2018. № 1 (10). С. 121 – 123.
10. Евдокимова Л.В. Специфика отражения менталитета русского народа в малых жанрах русского фольклора (пословица и поговорка) // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2018. № 2 (22). С. 40 – 45.
11. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин. Махачкала, 2010.
12. Кадачиева Х.М. Абдулкадырова А.Б. Системные и структурные характеристики концептосферы // Вестник ДГУ. Сер.: Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3. С. 65 – 70.

References

1. Akimov K.X. Proverbs of the Lezgin people. Makhachkala: Mavel, 2013. 396 pp., in English. language
2. Voloshin Yu.K. Updating the concept of BREAD. Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2017. T. 23. No. 1.1. P. 72 – 76.
3. Dal V.I. Proverbs and sayings of the Russian people. Publisher: Ripol-Classic, 2021. 352 p.
4. Dal V.I. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. Publisher: Type. M.O. Wolf. SPb.-M., 1880. 812 p.
5. Likhachev D.S. Conceptosphere of the Russian language. D.S. Likhachev. Thoughts about Russia. SPb.: LOGOS, 2001. p. 493 – 505.
6. Ogoltsev V. M. Dictionary of stable comparisons of the Russian language. M.: Russian dictionaries. AST. Astrel, 2001. 799 p.
7. Ushakov D. N. Explanatory dictionary of the Russian language. M.: Veche. World of Books, 2001. T. 3. 481 p.
8. Guseinova U.G. Bread in the picture of the Russian people. Bulletin of the TSPU. 2019. No. 2 (199). P. 28 – 33.
9. Fedorova A.A. Axiological potential of the paremiological fund of the Russian language (using the example of proverbs and riddles). Science through the prism of time. 2018. No. 1 (10). P. 121 – 123.
10. Evdokimova L.V. Specifics of reflection of the mentality of the Russian people in small genres of Russian folklore (proverb and saying). Scientific review of Sayano-Altai. 2018. No. 2 (22). P. 40 – 45.
11. Ganieva A.M. Lezgin proverbs and sayings. Makhachkala, 2010.
12. Kadachieva Kh.M. Abdulkadyrova A.B. Systemic and structural characteristics of the concept sphere. Vestnik DSU. Ser.: Humanities. 2019. Vol. 3. P. 65 – 70.

Информация об авторе

Таджибова З.Т., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, sainab@mail.ru, 89034777860

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 81'373

¹ Чжао Цихан

¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Комплекс отличительных признаков термина (на материале терминов биомедицинской инженерии)

Аннотация: данная статья посвящена выявлению комплекса основных отличительных признаков, присущих научно-техническим терминам. Материалом для исследования послужили терминологические единицы биомедицинской инженерии, отобранные из учебного пособия по данной области (на русском языке). Анализ проведен с применением метода систематизации, метода обобщения, метода моделирования, а также приема направленной выборки материала. Термины представляют собой специальную лексику, отличающуюся от общеупотребительных слов рядом признаков. В данной статье сопоставляются различные мнения исследователей, высказанные при изучении отдельных терминосистем, а также в специальных работах, направленных на выявлении дифференциальных свойств терминологических единиц. Рассматриваются 15 признаков, которые систематически называются учеными при изучении сущности терминологической единицы; изучается их роль в становлении терминов биомедицинской инженерии. Результаты исследования показали, что признак «краткость» для термина не является обязательным; «номинативность» и «динамичность дефиниции» термина относятся к основным и природным, но не отличительным. Важнейшим признаком термина из всех анализируемых считаем признак «принадлежность к системе понятий специальной области знаний», который, во-первых, обуславливает «логическую системность» в терминах, во-вторых, обеспечивает признак «ограниченность сферы употребления»; в-третьих, обуславливает свойства «конвенциональность» и «наличие научной дефиниции», которые, в свою очередь, определяют «стремление к однозначности», «информативную насыщенность», «экспрессивную нейтральность», «контекстуальную независимость», «терминологическую мотивированность», тенденцию к отсутствию вариативности и синонимии термина и др. Иерархия признаков должна учитываться при составлении многоязычного терминологического словаря биоинженерии.

Ключевые слова: двойная системность, комплекс признаков термина, конвенциональность, термин, терминология, терминосистема, термины биомедицинской инженерии.

Для цитирования: Чжао Цихан Комплекс отличительных признаков термина (на материале терминов биомедицинской инженерии) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 205 – 216.

Поступила в редакцию: 10 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 8 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Zhao Qihang

¹ Saint Petersburg State University

The complex of the term's distinctive features (based on the terms of biomedical engineering)

Abstract: *this article deals with the basic distinctive features of the scientific and technical terms based on the terms of biomedical engineering. The material for this study was the terms of biomedical engineering that are selected from the Russian textbook of this field. Terms are special vocabularies that are different from commonly used words in the daily life, they have a number of distinctive features. Therefor in this article we listed and compared various opinions of different linguists when identifying the differential characteristics of the terms, we discussed and analyzed 15 characteristics that are often mentioned by different researchers, provided the terms of biomedical engineering as examples of our research. According to the results of the analysis, we could come to the conclusion that among all the analyzed characteristics brevity of the term is not the necessary one; the features like nominativeness and dynamism of the definition of the term are basic and natural ones, but they also belong to the normal words, therefor they are not distinctive features; the most important one is belonging to the conceptual system of a special scientific field, which, firstly, determines the logical systematic character of the terms, and secondly, ensures the feature limitation of the applicable fields; thirdly, determines the features conditionality and the presence of the definition, which determine the other characteristics like desire for single meaning, informative saturation, expressive neutrality, contextual independence, terminological motivation and tendency to avoid variability and synonymy of the term.*

Keywords: *double systematic character, complex of the term's features, conventionality, term, term system, terminology, terms of biomedical engineering*

For citation: Zhao Qihang The complex of the term's distinctive features (based on the terms of biomedical engineering). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 205 – 216.

The article was submitted: October 10, 2023; Approved after reviewing: December 8, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Ряд лингвистов [1-4] исследует терминологическую единицу как предмет научной дисциплины терминоведения, установление отличительных признаков единицы представляется им важнейшей проблемой при изучении, систематизации, классификации и употреблении термина.

Термину дает определение КНТТ (Комитет научно-технической терминологии): «слово (или словосочетание), являющееся единством звукового и соотнесенного (связанного) с ним соответствующего понятия в системе понятий данной области науки и техники» [5, с. 34], важно, что в самой дефиниции присутствует указание на принадлежность термина к определенной научно-технической области.

О базисных признаках термина ведется многолетняя дискуссия, и между учеными до сих пор нет единого мнения. Так, Е.В. Якимович и А.А. Опара отмечают, что к основным признакам терминов следует причислить наличие научной дефиниции, однозначность, информационную насыщенность, системность, экспрессивную нейтральность и краткость [6, с. 72]; П.И. Шлейвис обозначает такие лингвистически релевантные характеристики термина, как моносемичность, системная принадлежность, соотнесенность с определенным специальным понятием, ограниченность сферы употребления, мотивированность, конвенциональность и стилистическая нейтральность [3, с. 25]; с точки зрения С.Н. Афанасьевой, основными базисным признакам термина являются конвенциональность, наличие научной дефиниции и нереферентность употребления [4, с. 200].

Следует признать, что термин имеет разные особенности в зависимости от его функциональной области [7], в связи с этим в данной статье будем рассматривать и анализировать актуальность характеристик термина по отношению к терминам биомедицинской инженерии (далее: БМИ).

Материалы и методы исследований

Материалом для настоящего исследования, стали 215 терминологических единиц БМИ, отобранных из учебного пособия «Биомедицинская инженерия: проблемы и перспективы» [8], двух выпуск журнала «Биотехносфера» в 2022 г., четырех выпуск журнала «Биомедицина» в 2022 г., двух выпуск журнала «Современные вопросы биомедицины» в 2023 г., сборника научных трудов по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции «Биотехнология и биомедицинская инженерия» с международным уча-

стием, посвященной 87-летию Курского государственного медицинского университета в 2022 г., сборников материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием «Наука СПбГУ – 2020», «Наука СПбГУ – 2021» и «Наука СПбГУ – 2022».

Основные применяемые для их анализа методы: метод систематизации, метод обобщения, метод моделирования и прием направленной выборки материала.

При анализе дифференциальных свойств термина мы придерживаемся, во-первых, согласно Н.Н. Лантюховой, О.В. Загоровской и Т.А. Литвиновой, основной задачей ученых является исследование естественного состояния терминосистемы, а не жесткое искусственное её регулирование, поскольку нормативные ограничения, налагаемые на термины, скорее тормозят и ограничивают развитие терминосистемы, чем способствуют её улучшению. [9, с. 44], следовательно, мы будем лишь описывать состояние анализируемых единиц, избегая введения ограничений; во-вторых, в связи с тем, что термин имеет разные особенности в зависимости от его функциональной области [7], мы не будем предпринимать попытку объединить все его разнохарактерные признаки, а постараемся выявить характеристики, существенные с научно-технической позиции на примере БМИ.

Результаты и обсуждения

Рассматриваем следующие признаки, которые часто перечисляются учеными при исследовании сущности и существенных свойств термина:

1. Наличие научной дефиниции.

По мнению М. В. Белякова, дефиниция представляет собой необходимую принадлежность термина, отличая термин от общеупотребительной лексики языка [10, с. 89]. Важность наличия дефиниции можно видеть в определениях термина, данных разными учеными: «Термин – это слово (или словосочетание), являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции» [11, с. 2]; «Языковой знак, выражающий понятие какой-либо области знания и в силу этого имеющий дефиницию, на которую сознательно ориентируются использующие этот языковой знак, является термином» [12, с. 796]; «Термин – это слово или словосочетание, соотнесенное с понятием определённой области знания, требующее дефиницию и являющееся элементом определённой терминосистемы» [13, с. 452], и др. В связи с тем, что дефиниция часто отождествляется с определением, которым обладает и общеупотребительное слово, следует уточнить, что дефиниция термина представляется именно научной.

Научная дефиниция дается специалистами соответствующей научной области, а не лингвистами. Так, например, *Биосенсор / БС* – аналитическое устройство, преобразующее «информацию о составе исследуемой среды в электрический сигнал посредством биологических веществ, избирательно реагирующих на компоненты этой среды, и измеряющие концентрацию вещества без добавления в биопробу дополнительных реагентов» [8, с. 64].

Являясь одним из базисных свойств термина, наличие научной дефиниции тесно связано с другими свойствами (например: контекстуальной независимостью, точностью, однозначностью и т.д.) [14, с. 18].

2. Динамичность дефиниции.

Наука непрерывно развивается, в рамках каждой научной сфере осуществляются новые открытия, которые влекут за собой не только появление новых понятий и новых предметов, следовательно, новых терминов, но и обновление дефиниций старых терминов, как известно, термин *атом* изначально дефинировался как «неделимая чистота» [15, с. 51], что позже признано неверным, поскольку были открыты субатомные частицы в конце XIX в. В гуманитарной науке тоже обнаруживаются изменения плана содержания специальной лексики, например народный учитель изначально понимается как учитель начальной школы, затем – советский учитель, затем – заслуженный учитель [16, с. 143]. А в БМИ как молодой быстро развивающейся науке дефиниции терминов тоже не всегда устойчивы. Например, биотехнология сначала определяется как совокупность методов и приемов, используемых для получения полезных для человека продуктов и явлений при взаимодействии с биологическими агентами [17, с. 8], затем понимается как особая социальная деятельность, ориентированная на практическое изменение окружающего мира и собственного организма человека через применение биологических процессов и агентов [18, с. 252], а затем

данный термин воспринимается как технологии, основанные на использовании живых организмов или их компонентов с целью создания различных продуктов [19, с. 26].

Вышеперечисленные примеры доказывают то, что дефиниция характеризуется динамичностью, которая является одной из основных характеристик дефиниции термина, но, на наш взгляд, не отличительной, поскольку значение общеупотребительных слов тоже не устойчиво, оно изменяется в связи с динамичностью человеческого мышления.

3. Конвенциональность.

Согласно В.В. Виноградову, терминологической единице придается определение сознательно и искусственно, связанное с научным понятием [20, с. 89]. Поскольку каждая терминологическая единица функционирует в определенной области науки, специалисты данной области договариваются о дефинициях, стремясь к их точности и моносемичности. В связи с этим данное свойство также называется «договоренностью» [4, с. 199].

Конвенциональность рассматривается как основное отличительное свойство термина в работах Н.З. Кателовой, которая пишет о двойной конвенциональности термина. По мнению Н.З. Кателовой, конвенциональность – это основная отличительная характеристика терминологических единиц [21, с. 124]. Можно говорить о двойной конвенциональности – конвенциональности наименования и конвенциональности содержания, т.е. понятие можно именовать согласно умыслу говорящего, и наоборот можно устанавливать конвенциональное содержание соответствующего знака-термина [21, с. 124]. Другими словами, специалисты могут и предоставить содержание существующему знаку-термину по конвенции, и именовать существующее понятие. Конвенциональность содержания обуславливает однозначное употребление терминологической единицы, которая, следовательно, избегает полисемии и омонимии [4, с. 199]. Частично соглашаясь с М.В. Носковой в том, что конвенциональность обеспечивает моносемичность терминологической единицы, отрицаем отождествление конвенциональности с принадлежностью к определенной научной области. Хотя признаки тесно связаны друг с другом, мы предпочитаем описывать их отношение таким образом: существование конвенциональности обусловлено тем, что термин принадлежит к определенной научной сфере.

С.Н. Афанасьева указывает на то, что конвенциональность содержания термина оформляется вербально выраженной дефиницией, кроме того, дефиниция и конвенциональность тесно связаны друг с другом и предопределяют характеристику «контекстуальная независимость» [4, с. 199]. Придерживаясь такой же точки зрения, считаем логичным добавить также стремление к однозначности, точность и экспрессивную нейтральность в те признаки, которые предопределены признаками «наличие научной дефиниции» и «конвенциональность», предопределенными, в свою очередь, принадлежностью к специальной области знания.

4. Контекстуальная независимость.

Термин отличается контекстуальной независимостью, поскольку план содержания нетермина включает в себя и его значение, зафиксированное в словаре, и смысл говорящего, требующий соответствующего контекста для уточнения, а план содержания термина – лишь значение, данное специалистами по конвенциональности. Как утверждает Д.С. Лотте, термин отличается от общеупотребительного слова тем, что он зарождается в терминосистеме и обладает четко установленным, неподвижным содержанием, которое сохраняется независимо от контекста [14, с. 18]. Однако вероятно, что все терминологические единицы зарождаются в терминосистеме в силу того, что большое количество общеупотребительных слов входит в терминосистему через терминологизацию. Следовательно, мы частично согласны лишь с тем, что термины живут в определенной терминосистеме, тесно связаны лишь друг с другом, а никак не с контекстом. Ср.: (1) «Важнейшей задачей *бионанотехнологии* является создание средств доставки терапевтических препаратов в определенные виды клеток» [8, с. 27]; (2) «будущее искусственного сердца связано с достижениями *бионанотехнологий*» [8, с. 122]; (3) «Так, *бионанотехнологии* успешно применяются для молекулярной диагностики различных заболеваний» [8, с. 214].

Как видно, контексты никак не влияют на восприятие термина *бионанотехнология*, который понимается как «сочетание методов и объектов нанотехнологии, биотехнологии и биомедицины для решения интегральных научно-технических задач данных направлений с учетом принципов биологической безопасности» [22].

5. Однозначность.

П.И. Шлейвис перечисляет наряду с другими такие требования к идеальным варианту термина, как наличие только одного значения в отдельном языке и в определенной научной сфере, ограничение областей и лиц употребления [3, с. 25]. Л.А. Гусева относит к ярким и запоминающимся характеристикам термина его моносемичность [23, с. 10]. Данный признак относят к отличительным свойствам термина и поддерживают такие исследователи, как Е.В. Якимович и А.А. Опара [6, с. 72], А.А. Яковлева [24, с. 94], С.И. Маджаева [25, с. 86] и др.

Однако отметим наличие и другого мнения, которое указывает на существование полисемии и омонимии термина, что «объясняется тем, что дефиниция <...> варьируется в зависимости от принадлежности исследователя к определённой школе, от методики классификации, абсолютности/относительности знания предмета исследования и т.п.» [4, с. 198]. М.В. Беляков дает объяснение данного явления: многие совре-

менные термины обладают свойствами полисемии и омонимии в силу того, что они возникают на стыке разных дисциплин и обслуживают более одной научной или практической сферы [10, с. 88].

Полагаем, что нужно формулировать признак «однозначность» более осторожным способом – «стремление к однозначности». Однако на основании полученных данных отметим, что среди 215 изучаемых терминов БМИ не наблюдается ни одного термина, обладающего больше чем одним значением, что свидетельствует о том, что полисемия и омонимия терминологической единицы существуют как исключение, другими словами, такие феномены представляются нежелательными и отрицательными.

6. Точность.

Под данным признаком как одним из важных свойств термина понимается четкость, ясность, ограниченность и строгость его содержания [10, с. 90]. Как полагают такие ученые, как Л.А. Гусева [23, с. 15], Н.В. Клепиковская [2, с. 35], М.В. Беляков [10, с. 90], чёткость значения термина помогает устанавливать его дефиниция.

С точки зрения П.И. Шлейвиса, однозначность термина тождественна «содержательной точности» или «точности семантики термина» [3, с. 25]. Однако, на наш взгляд, это не совсем так, ибо однозначность понимается как отсутствие омонимии и полисемии, в то же время точность термина отличается включением всей необходимой информации в его дефиницию. В силу этого мы склонны согласиться с мнением учёных, которые называют этот признак «информационной насыщенностью» [6, с. 73] или «полнозначностью» [24, с. 94; 13, с. 453].

7. Экспрессивная нейтральность.

Хотя ученые в последние годы доказывают существование как полисемии и омонимии, так и эмоционально-стилистической маркированности в терминологии [25, с. 86], тем не менее они считаются отрицательными моментами: присутствие стилистической окраски в терминологической единице является нежелательным компонентом её семантики, поскольку такая окраска несет дополнительные оттенки значения, «которые могут исказить изначальный понятийный заряд термина» [3, с. 25].

Некоторые авторы используют название «отсутствие экспрессивности, эмоциональности, модальности» или «эмоциональная нейтральность» [4], поскольку стилистическая нейтральность термина подразумевает отсутствие в нем элементов эмоциональности [2, с. 36].

На наш взгляд, следует учитывать исследуемую научную сферу при выделении данной характеристики, поскольку данный признак не присущ всем терминосистемам, например, оценочность характерна для литературоведческих терминов, но не свойственна терминам технологии [26, с. 185]. В связи с тем, что у всех дефиниций 215 отобранных терминов БМИ отсутствуют и функционально-стилистическая, и эмотивно-оценочная маркированность, выделяем экспрессивную нейтральность как одно из базовых свойств термина в БМИ и в целом в научно-технических сферах. См. *Биохимический элемент распознавания* – это составляющий элемент биосенсора, реагирующий с определяемыми веществами и находящийся в непосредственном контакте с трансдюсером. В Б. входят клетка, фермент, ДНА, и др.

8. Принадлежность к системе понятий специальной области знания.

П.И. Шлейвис считает связанность термина с определенным научным или техническим понятием его отличительным свойством, определяя термин как имя понятия [3, с. 25]. Безусловно, термин и научное понятие тесно связаны друг с другом, в силу этого, термин характеризуется «соотнесённостью с определенным специальным понятием» [3, с. 25], но считаем формулировку признака «принадлежность термина к системе понятий специальной области знания» более подходящей, поскольку она отражает отношение не только между термином и означаемым понятием, но и между термином и целой понятийной системой данной области: термин включается в общую систему понятий определённой научной области [27, с. 14]. Важность данного признака признается С. И. Маджаевой: вне терминосистемы термин теряет свою терминологическую характеристику, он всегда является членом определенной терминологической системы определенной области науки, в чем состоит важное отличие термина от общеупотребительного слова [25, с. 86]. Подробный анализ и примеры данного признака показываем в разделе «двойная системность».

9. Ограниченность сферы употребления.

С предыдущим признаком тесно связана ограниченность сферы употребления, которую мы считаем одной из основных отличительных особенностей термина. Согласно П. И. Шлейвису, термин используется лишь специалистами связанной научной сферы в определённой профессиональной сфере [3, с. 25]. Так, например, термин *иммобилизация* в области медицины определяется как установление полной неподвижности или сниженной подвижности одной или нескольких частей тела [28, с. 484], а в научной сфере БМИ, именно в направлении биосенсорики, он обладает такой дефиницией: «метод перевода биополимера в нерастворимую форму путем включения в состав инертного носителя или в результате физического или хи-

мического связывания на поверхности преобразователя сигнала» [29, с. 12]. Таким образом, терминологическая единица живет, функционирует в определённой области знаний и ограничена соответствующей терминосистемой, и, следовательно, мы не подвергаем сомнению важность данного признака как природного и отличительного.

10. Двойная системность.

Сущность данного термина состоит в том, что «зная термин, знаешь место в системе, зная место в системе, знаешь термин» [30, с. 77]. Выделяются лексико-терминологическая системность термина и его логическая системность [4, с. 199]: первая системность связана с пониманием термина как лексической единицы, которая непосредственно взаимосвязана с другими единицами в одной и той же терминосистеме, вторая непосредственно связана с определением термина как языкового знака, выражающего научное понятие и показывающего его место в соответствующей понятийной системе специальных знаний.

Проанализировав термины «Исследования биологических волновых воздействий» как фрагмента терминосистемы БМИ, представляем двойную систему в виде схемы для наглядности. См. рис. 1 и 2.

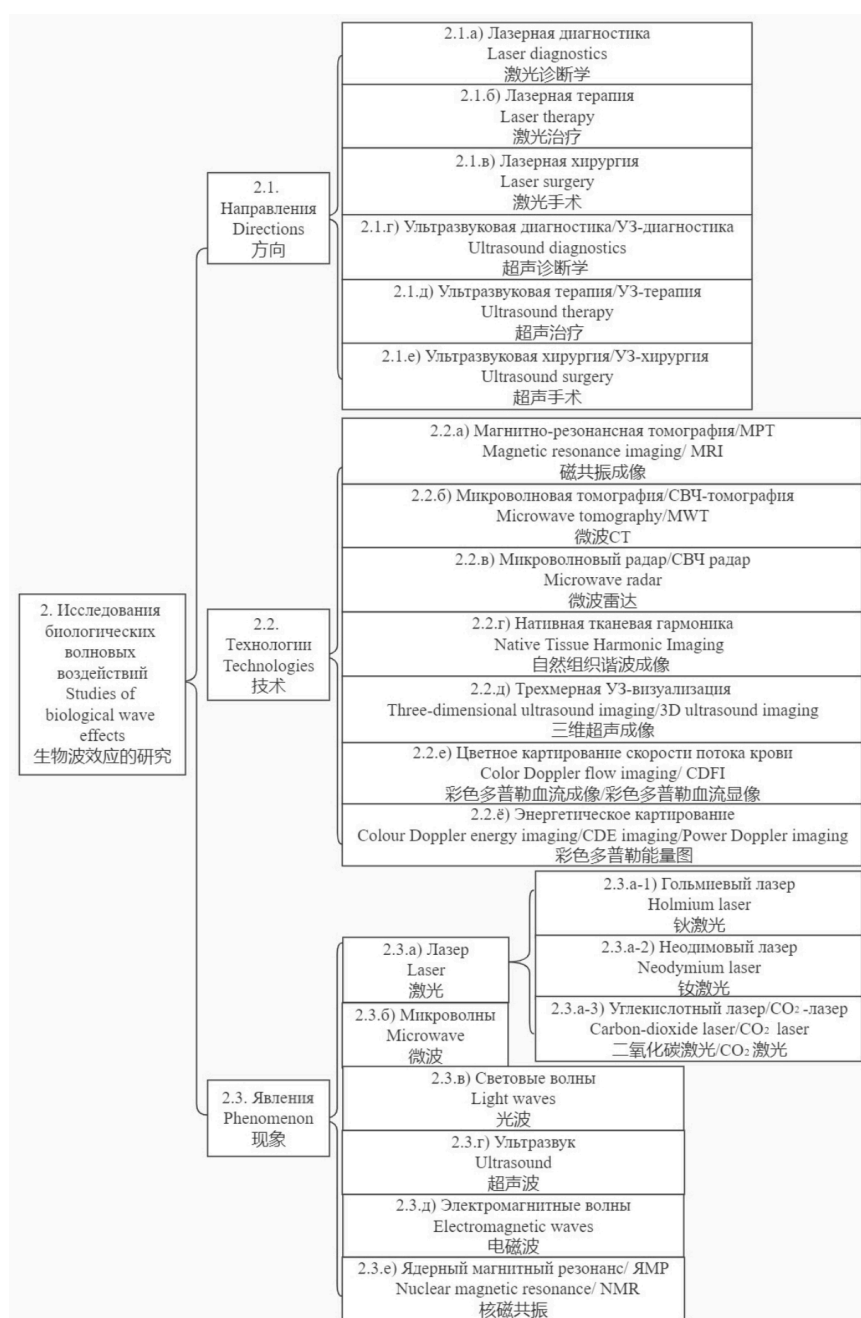

Рис. 1. Лексическая системность терминов «Исследования биологических волновых воздействий».
Fig. 1. Lexical system of the terms «Studies of biological wave effects».

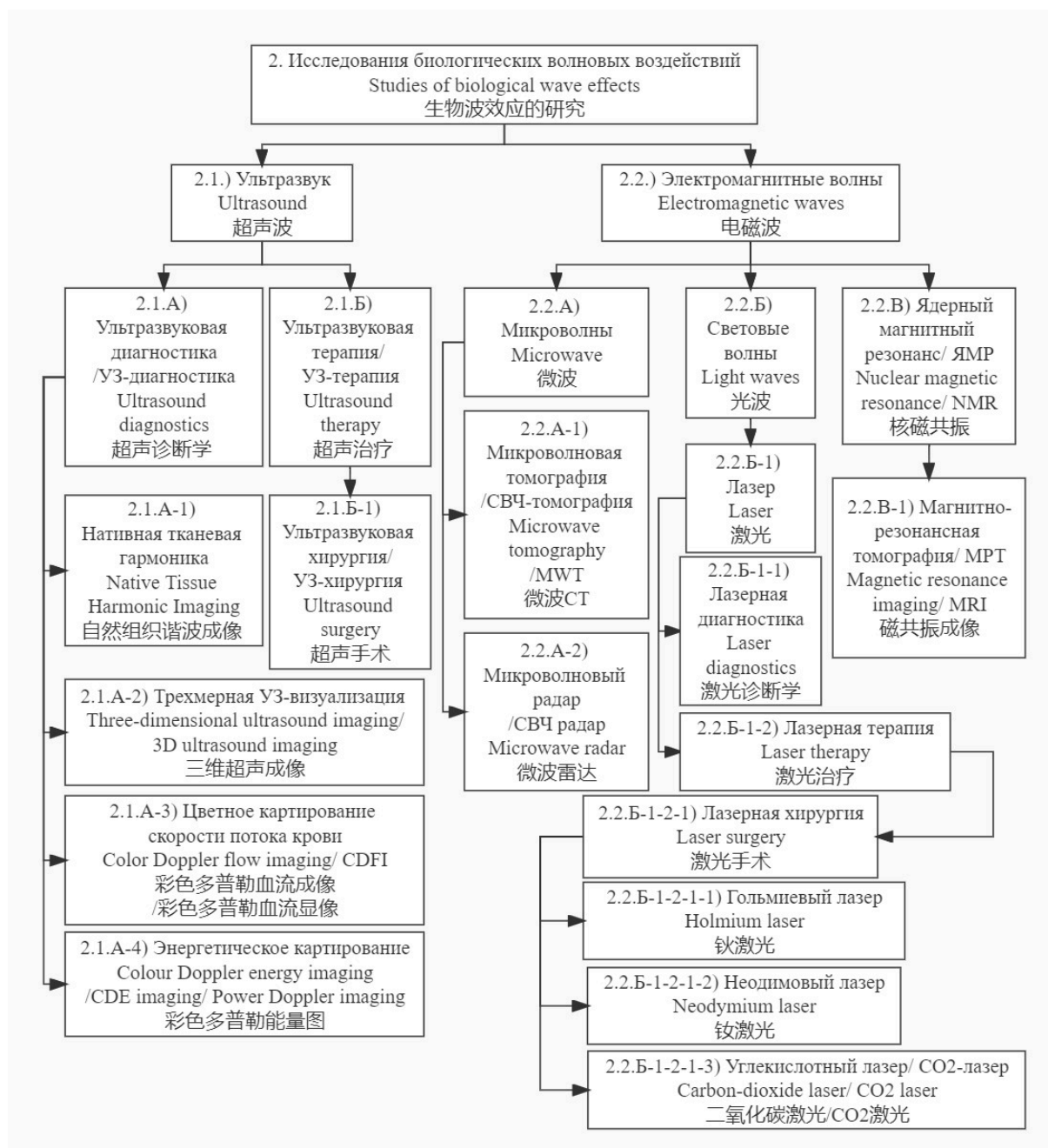

Рис. 2. Логическая системность терминов «Исследования биологических волновых воздействий».
Fig. 2. Logical system of the terms «Studies of biological wave effects».

Рис. 1 является результатом проведенного лексико-семантического анализа, т.е. термины подразделяются по общим семантическим чертам на четыре лексико-семантических группы, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие группы. Рис. 2 показывает логическую системность терминов, выявленную путем фреймового моделирования, при котором определяются внутренние отношения между научными понятиями, представленными терминами, на основании их экстралингвистических характеристик.

11. Краткость.

С точки зрения Д. С. Лотте, отличие терминологической единицы состоит в том, что она обозначает строго фиксированное понятие и должна быть кратка [14, с. 18-36]. Краткость термина выделяют и другие ученые как один из его признаков, например, Н.В. Юшманов утверждает: «термин должен быть кратким» [30, с. 35]; Термин, как номинативная единица, обладает характеристиками, такими, как однозначностью, информационной насыщенностью, наличием научной дефиниции, системностью, экспрессивной нейтраль-

ностью и краткостью.[6, с. 72]; Дифференцировать термин от нетермина можно по его однозначности, краткости и точности [25, с. 86].

Однако такие исследователи, как А.В. Суперанская, Н.В. Подольская, Н.В. Васильева [27, с. 131], Н.Н. Лантюхова, О.В. Загоровская, Т. А. Литвинова [9, с. 42-45], подвергают сомнению важность данной особенности, полагая, что многословность термина не является его недостатком: «если какое-либо понятие обозначено с помощью фразы, состоящей из группы хорошо согласующихся друг с другом слов, это и обеспечивает системность термина, и показывает связь данного понятия с другими» [27, с. 131].

Действительно, в области БМИ сталкиваемся с такими терминами, содержащими много компонентов, например: термин *цветное картирование скорости потока крови* имеет 5 компонентов. Однако мы не можем квалифицировать «длинность» как отрицательную черту данного термина, поскольку такая длительность представляется оптимальной для наименования соответствующего научного понятия. Поэтому следует обсуждать не столько краткость термина, сколько его оптимальную длину, которая связана с оптимальным набором терминологических элементов [1, с. 50]. Соглашаясь с В.М. Лейчиком, придерживаемся мнения о том, что термин стремится представить обозначаемое понятие минимальными языковыми средствами, например, термины *иммунологический биосенсор* и *иммуносенсор* представляют собой два варианта одного и того же понятия, при этом, по нашему наблюдению, второй вариант, который использует меньше языковых средств, употребляется чаще, чем первый, что соответствует принципу экономии языковых средств. Краткость не представляется отличительным признаком для термина, а присуща всем словам языка.

12. Терминологическая мотивированность/понятность.

Если говорить о мотивированности термина как лексической единицы какого-либо естественного языка, то мотивированность у него точно такая же, как и у любой лексической единицы. У некоторых терминов отсутствует взаимно-однозначное соответствие между их означающими и означаемыми [25, с. 84], но в рамках терминоведения понятность следует воспринимать по-другому: она понимается не в сравнении с компонентами термина, а в сравнении с элементами общеупотребительного языка. Мотивированность может присуща только термину, поскольку она базируется на том, что терминологическая система представляет собой вторичную структуру в сравнении с естественным языком. Слово, лишенное мотивированности в общеупотребительном языке, приобретает ее, став термином [31, с. 22]. Мотивированность термина с позиции терминоведения определяется как обоснованность выбора данной формы языковым субстратом термина [1, с. 39].

13. Номинативность.

Одна из спорных отличительных характеристик термина – номинативность. Некоторые ученые определяют её как одну из его базисных функций. Действительно, «в процессе познания объективной действительности и совместной деятельности люди неизбежно должны называть так или иначе предметы, их признаки, операции, осуществляемые с этими предметами» [1, с. 63], и, в связи с этим, терминологическая единица, как и другие лексические единицы, выполняют номинативную функцию. В связи с этим номинативность, хотя является основным признаком термина, не считается его отличительной особенностью, она присуща всем существительным. Следует также подчеркнуть, что специфика терминологической номинации заключается в том, что в процессе создания терминов используются и экспертные знания, а также практический опыт.

14. Тенденция к избежанию вариативности и синонимии.

Вариативность представляет собой характеристику языковой модификации – результаты эволюции употребления различных языковых средств для обозначения идентичных или сходных явлений [32, с. 494]. Как понимает Г.В. Демидова, в широком смысле понятие «вариативность» включает в себя «синонимии» [32, с. 495], которая, по определению С. А. Кузнецова, – «сходство или тождество слов по значению при различии их звучания» [15, с. 1187], другими словами, в понятие «синонимия» входит «вариативность». В нашем исследовании мы понимаем данные понятия как разные явления: под вариативностью в терминосистеме понимаем употребление разных лексических единиц для обозначения одного и того же понятия, а синонимия означает употребление разных языковых средств, которые имеют очень близкие лексические значения. Наблюдаются некоторые термины БМИ, обладающие больше, чем одним вариантом, например, в одном из направлений БМИ «бионанотехнология» термины, обладающие вариативностью, занимают 26,3 % (*бионанотехнология/нанобиотехнология, наноструктурированный материал/наноматериал, атомно-силовой микроскоп/АСМ*, и др.) [33, с. 145]. Несмотря на большое количество терминов БМИ, имеющих варианты, вариативность понимается нами как нежелательный момент, так как языковое средство (т.е. термин) в принципе взаимно-однозначно соответствует и означаемому понятию. Следовательно, причисляем признак «тенденция к избежанию вариативности и синонимии» к отличительным признакам термина.

Выводы

Итак, на основании вышесказанного делаются следующие выводы:

1. Термины представляет собой отличающуюся от общеупотребительных слов специальную лексику, которая имеет ряд специфических признаков. Все они в той или иной степени должны учитываться как при научном описании терминосистемы БМИ, так и при составлении терминологических словарей БМИ, в частности, трехязычного словаря БМИ (на русском, английском, китайском языках). Среди перечисленных исследователями дифференциальных свойств считаем краткость для термина необязательной; номинативность и динамичность дефиниции термина – основными и природными, но не отличительными.
2. Комплекс отличительных признаков термина и отношения между ними представляются на рис. 3.

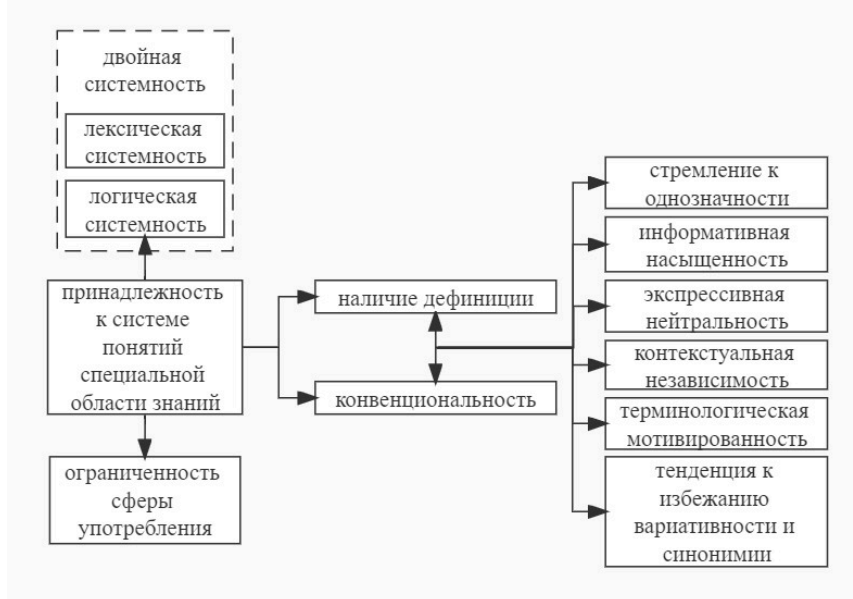

Рис. 3. Комплекс признаков термина.

Fig. 3. A set of features of the term.

Можно видеть, что важнейшим признаком термина из всех вышеперечисленных представляется «принадлежность к системе понятий специальной области знаний», которая, во-первых, обуславливает логическую системность в терминах, тесно связанную с понятийной системой соответствующей определенной научной сферы, с которыми неотъемлемо связаны термины, во-вторых, обеспечивает признак «ограниченность сферы употребления»; в-третьих, обуславливает свойства «конвенциональность» и «наличие научной дефиниции», другими словами, специалисты той или иной сферы научной деятельности на основании своего опыта и специальных знаний дают дефиниции терминам. Эти два признака, в свою очередь, определяют «стремление к однозначности», «информативную насыщенность», «экспрессивную нейтральность», «контекстуальную независимость», «терминологическую мотивированность» и «тенденцию к избежанию вариативности и синонимии» термина.

Список источников

1. Лейчик В.М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. 4-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
2. Клепиковская Н.В. Особенности технических терминов, номинирующих понятия сварочного производства // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2016. № 2 (21). С. 32 – 38.
3. Шлейвис П.И. Лингвистически релевантные характеристики терминологических единиц // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. 2016. № 4 (10). С. 21 – 27.
4. Афанасьева С.Н. Функции и признаки термина как основа дифференциации термина/нетермина в современном русском языке // Вестник ЧГУ. 2018. № 2. С. 196 – 202.
5. Климовицкий Я.А. Некоторые методологические вопросы работы над терминологией науки и техники // Современные проблемы терминологии в науке и технике. М.: Наука, 1969. С. 32 – 61.

6. Якимович Е.В., Опара А.А. Соотношение терминологических систем русского, английского и немецкого языков в области альтернативной энергетики // Альтернативная энергетика и экология. 2013. № 14 (136). С. 71 – 75.
7. Дони́на Л.Н., Чжао Цихан Важность признаков термина при описании терминосистем (в сравнении словарей педагогики и биоинженерии) // Наука СПбГУ–2022. Сборник материалов Всероссийской конференции по естественным и гуманитарным наукам с международным участием. СПб.: СПбГУ. 2022. С. 70 – 75.
8. Пахарьков Г.Н. Биомедицинская инженерия: проблемы и перспективы. СПб.: Политехника, 2011. 232 с.
9. Лантюхова Н.Н., Загоровская О.В., Литвинова Т.А. Термин: определение понятия и его существенные признаки // Современные проблемы гражданской защиты. 2013. № 1 (6). С. 42 – 45.
10. Беляков М.В. Дипломатическая терминология // Слово. Словарь. Термин. Лексикограф: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции памяти доктора филологических наук, профессора Юрия Николаевича Марчука (г. Москва, 1-2 марта 2019 г.). М.: ИИУ МГОУ, 2019. С. 87 – 92.
11. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М.: Наука, 1977. 246 с.
12. Шелов С.Д. Еще раз об определении понятия «термин» // Вестник ННГУ. 2010. № 4-2. С. 795 – 799.
13. Кукасова Д.Г. Сущность термина как единицы для специальных целей // МНКО. 2018. №4 (71). С. 451 – 453.
14. Лотте Д.С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. М.: Изд-во Анализ СССР, 1961. 160 с.
15. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: «Норинт», 2000. 1535 с.
16. Дони́на Л.Н. Педагогические профессии в отечественной традиции XI-XXI веков: Историко-лингвистический комментарий. СПб.: СПГУТД, 2010. 186 с.
17. Караваева Е.И., Кравцов Р.В. Биомедицинские технологии: вопросы правового регулирования и ответственности // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. С. 7 – 12.
18. Воронцова З.И. Исходные принципы деятельностного подхода к анализу биотехнологий как формы научного труда // Общество и право. 2010. № 5. С. 251 – 253.
19. Мышак Е.А. Специфика дефиниции термина «Биотехнология» // Studia Humanitatis. 2018. № 3. С. 19 – 30.
20. Виноградов В.В. Терминология и норма. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
21. Кателова Н.З. К вопросу о специфике термина // Лингвистические проблемы научно-технической терминологии. М.: Наука, 1970. С. 122 – 126.
22. ГОСТ–Р–57095–2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Биотехнологии. Термины и определения. Biotechnology. Terms and definitions. URL : <https://docs.cntd.ru/document/1200139551> (дата обращения: 04.10.2023)
23. Гусева Л.А. О точности семантики терминов // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 3. С. 8 – 15.
24. Яковлева А.А. К вопросу о понятии «Термин» в современной лингвистике // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2014. № 2. С. 88 – 94.
25. Маджаева С.И. Актуальные проблемы современного терминоведения // Вестник КалмГУ. 2017. № 3 (35). С. 83 – 91.
26. Литовченко В.И. Семантические особенности термина // Сибирский аэрокосмический журнал. 2006. № 2 (9). С. 185 – 186.
27. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Вопросы теории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2002. 248 с.
28. Покровский В.И. Энциклопедический словарь медицинских терминов. М.: «Советская Энциклопедия», 1984. 1591 с.
29. Евтюгин Г.А., Будников Г.К., Стойкова Е.Е. Основы биосенсорики. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 80 с.
30. Юшманов Н.В. Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М.: Наука, 1979. 125 с.
31. Романова Н.П. О мотивированности исконных и заимствованных терминов // Вопросы терминологии и лингвистической статистики. Воронеж: Изд-во Воронежск. ун-та, 1976. С. 18 – 26.

32. Демидова Г.В. Варьирование и синонимия в англоязычной терминосистеме переводоведения // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. № 5-2. С. 494 – 497.

33. Чжао Цихан. Сопоставительный анализ терминов подгруппы «бионанотехнология» в терминосистеме биомедицинской инженерии в русском, английском и китайском языках // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2022. № 2 (115). С. 139 – 146.

References

1. Leichik V.M. Terminology: Subject, methods, structure. 4th ed. M.: Book house "LIBROKOM", 2009. 256 p.
2. Klepikovskaya N.V. Features of technical terms that nominate the concepts of welding production. Current issues of modern philology and journalism. 2016. No. 2 (21). P. 32 – 38.
3. Shleyvis P.I. Linguistically relevant characteristics of terminological units. Scientific result. Questions of theoretical and applied linguistics. 2016. No. 4 (10). P. 21 – 27.
4. Afanasyeva S.N. Functions and characteristics of a term as the basis for the differentiation of term/non-term in the modern Russian language. Bulletin of ChSU. 2018. No. 2. P. 196 – 202.
5. Klimovitsky Y.A. Some methodological issues of working on the terminology of science and technology. Modern problems of terminology in science and technology. M.: Nauka, 1969. p. 32 – 61.
6. Yakimovich E.V., Opara A.A. Correlation of terminological systems of Russian, English and German languages in the field of alternative energy. Alternative energy and ecology. 2013. No. 14 (136). P. 71 – 75.
7. Donina L.N., Zhao Qihan The importance of term features when describing term systems (in comparison of dictionaries of pedagogy and bioengineering). Science St. Petersburg State University – 2022. Collection of materials from the All-Russian Conference on Natural Sciences and Humanities with international participation. St. Petersburg: St. Petersburg State University. 2020. P. 70 – 75.
8. Pakharkov G.N. Biomedical engineering: problems and prospects. St. Petersburg: Politekhnik, 2011. 232 p.
9. Lantukhova N.N., Zagorovskaya O.V., Litvinova T.A. Term: definition of the concept and its essential features. Modern problems of civil protection. 2013. No. 1 (6). P. 42 – 45.
10. Belyakov M.V. Diplomatic terminography. Word. Dictionary. Term. Lexicographer: a collection of articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference in memory of Doctor of Philological Sciences, Professor Yuri Nikolaevich Marchuk (Moscow, March 1-2, 2019). M.: IJU MGOU, 2019. P. 87 – 92.
11. Danilenko V.P. Russian terminology. Experience of linguistic description. M.: Nauka, 1977. 246 p.
12. Shelov S.D. Once again about the definition of the concept "term". Bulletin of UNN. 2010. No. 4-2. P. 795 – 799.
13. Kukasova D.G. The essence of a term as a unit for special purposes. MNKO. 2018. No. 4 (71). P. 451 – 453.
14. Lotte D.S. Fundamentals of constructing scientific and technical terminology. Questions of theory and methodology. M.: Publishing House Analysis of the USSR, 1961. 160 p.
15. Kuznetsov S.A. Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg: Norint, 2000. 1535 p.
16. Donina L.N. Pedagogical professions in the domestic tradition of the 11th-21st centuries: Historical and linguistic commentary. St. Petersburg: SPGUTD, 2010. 186 p.
17. Karavaeva E.I., Kravtsov R.V. Biomedical technologies: issues of legal regulation and liability. Siberian Legal Bulletin. 2005. No. 3. P. 7 – 12.
18. Vorontsova Z.I. Initial principles of the activity approach to the analysis of biotechnologies as a form of scientific work. Society and Law. 2010. No. 5. P. 251 – 253.
19. Myshak E.A. Specifics of the definition of the term "Biotechnology". Studia Humanitatis. 2018. No. 3. P. 19 – 30.
20. Vinogradov V.V. Terminology and norm. M.: Higher School, 1972. 614 p.
21. Katelova N.Z. On the issue of the specificity of the term. Linguistic problems of scientific and technical terminology. M.: Nauka, 1970. P. 122 – 126.
22. GOST-R-57095-2016. National standard of the Russian Federation. Biotechnology. Terms and Definitions. Biotechnology. Terms and definitions. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200139551> (access date: 10/04/2023)
23. Guseva L.A. On the accuracy of the semantics of terms. Upper Volga Philological Bulletin. 2015. No. 3. P. 8 – 15.
24. Yakovleva A.A. On the issue of the concept of "Term" in modern linguistics. Interexpo Geo-Siberia. 2014. No. 2. P. 88 – 94.
25. Madzhaeva S.I. Current problems of modern terminology. Bulletin of Kalm State University. 2017. No. 3 (35). P. 83 – 91.
26. Litovchenko V.I. Semantic features of the term. Siberian Aerospace Journal. 2006. No. 2 (9). P. 185 – 186.

27. Superanskaya A.V., Podolskaya N.V., Vasilyeva N.V. General terminology: Theory issues. M.: Book house "LIBROKOM", 2002. 248 p.
28. Pokrovsky V.I. Encyclopedic Dictionary of Medical Terms. M.: "Soviet Encyclopedia", 1984. 1591 p.
29. Evtyugin G.A., Budnikov G.K., Stoykova E.E. Fundamentals of biosensors. Kazan: Kazan State University named after. IN AND. Ulyanova-Lenina, 2007. 80 p.
30. Yushmanov N.V. A brief methodological guide to the development and organization of scientific and technical terminology. M.: Nauka, 1979. 125 p.
31. Romanova N.P. On the motivation of original and borrowed terms. Questions of terminology and linguistic statistics. Voronezh: Voronezh Publishing House. Univ., 1976. P. 18 – 26.
32. Demidova G.V. Variation and synonymy in the English terminological system of translation studies. News of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2010. No. 5-2. P. 494 – 497.
33. Zhao Qihan. Comparative analysis of the terms of the subgroup "bionanotechnology" in the terminology system of biomedical engineering in Russian, English and Chinese. Bulletin of ChSPU im. AND I. Yakovleva. 2022. No. 2 (115). P. 139 – 146.

Информация об авторе

Чжао Цихан, аспирант, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6011-100X>, SPIN-код: 3492-1186, Researcher ID: GWM-4353-2022, Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7-9, st067961@student.spbu.ru, +79657907919,

© Чжао Цихан, 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (с указанием конкретного языка или группы языков) (филологические науки)

УДК 811.581.11

^{1,2} Шахаева А.А.

¹ Московский государственный лингвистический университет,

² Институт иностранных языков им. Мориса Тореза

Структура логограммы как важный принцип моделирования полисемии китайского слова

Аннотация: многозначность и пути решения проблем многозначности обрели свою актуальность с приходом когнитивной парадигмы в науку о языке, в связи с новым взглядом на полисемию как средство концептуализации нового опыта. На сегодняшний день в отечественной когнитивистике разработаны определенные подходы для моделирования полисемии (Е.Г. Беляевская) и описания семантического потенциала слова (Г.И. Кустова) на материале индоевропейских языков. Цель данной статьи выявить особенности моделирования структуры многозначного китайского слова во взаимосвязи с его знаковой природой. В качестве методологической базы исследования выступают работы профессора Е. Г. Беляевской по моделированию концептуальной внутренней формы слова, а также идеи отечественного грамматолога китайской письменности О.М. Готлиба.

В статье реализован когнитивный подход к решению проблемы полисемии китайского глагола движения 升 в результате которого удалось определить компонентный состав и смоделировать ментальную структуру, стоящую за многозначным глаголом. Важным результатом исследования стало выявление тесной взаимосвязи между идеографической природой знака 升 и концептуальной внутренней формой слова. Исследование позволило выявить, что значимые компоненты логограммы полностью отражают концептуальную внутреннюю форму слова, а прототипическая ситуация является источником производных значений. В качестве материала исследования использовались данные онлайн-словаря пиктограмм 形象字典, словаря современного китайского языка 现代汉语词典 (2016) и словаря иероглифов современного китайского языка 现代汉语字典 (2008). Результаты исследования открывают перспективы для описания полисемии китайской лексики и решения большого спектра как теоретических, так и практических проблем.

Ключевые слова: китайский язык, китайский глагол, когнитивная лингвистика, лексическая семантика, полисемия, концептуальная внутренняя форма слова, когнитивные основания, грамматология, структура логограммы, идеограмма

Для цитирования: Шахаева А.А. Структура логограммы как важный принцип моделирования полисемии китайского слова // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 217 – 222.

Поступила в редакцию: 10 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

^{1,2} *Shakhaeva A.A.*

¹ *Moscow State Linguistic University,*

² *Maurice Thorez Institute of Foreign Languages*

Logogram structure as an important principle for modeling the polysemy of a Chinese word

Abstract: *polysemy and cognitive models have always been core concepts in Cognitive Linguistics because in Cognitive Linguistics, polysemy is regarded as a categorizing phenomenon. Today, in Russia there are some certain approaches have been developed for modeling polysemy (E.G. Belyaevskaya) and describing the semantic potential of a word (G.I. Kustova) in the cognitive field. But all researches based on the material of Indo-European languages. The purpose of this article is to identify the features of modeling the structure of a polysemantic Chinese word in connection with its iconic nature. The methodological basis for the research is the work of Professor E.G. Belyaevskaya on modeling the conceptual internal form of a word, as well as the ideas of the Russian grammatologist of Chinese writing O.M. Gotlib.*

The article implements a cognitive approach to solving the problem of polysemy of the Chinese verb of movement 开, as a result of which it was possible to determine the component composition and simulate the mental structure behind the polysemous verb. An important result of the study was the identification of a close relationship between the ideographic nature of the sign 开 of the word and the conceptual inner form of the word. The study revealed that the significant components of the logogram fully reflect the conceptual internal form of the word, and the prototypical situation is a source of derived meanings. The data from the online dictionary of pictograms 形象字典, the dictionary of modern Chinese 现代汉语词典 (2016) and the dictionary of hieroglyphs of modern Chinese 现代汉语字典 (2008) were used as the research material. The results of the study open up prospects for describing the polysemy of Chinese vocabulary and solving a wide range of both theoretical and practical problems.

Keywords: *the Chinese language, Chinese verb, cognitive linguistics, lexical semantics, polysemy, conceptual internal form of the word, cognitive foundations, grammatology, logogram structure, ideogram*

For citation: Shakhaeva A.A. Logogram structure as an important principle for modeling the polysemy of a Chinese word. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 217 – 222.

The article was submitted: October 10, 2023; Approved after reviewing: December 11, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Многозначность слова, т.е. его способность обладать более чем одним значением, между которыми существует определенная семантическая связь, не раз входила в круг интересов как западных, так и отечественных исследователей языка в разные периоды. В словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой ПОЛИСЕМИЯ (полисемантизм) определяется как «наличие у одного и того же слова (у данной единицы выражения, характеризующейся всеми формальными признаками слова) нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [1, с. 323].

С приходом когнитивной парадигмы в науку о языке меняются подходы к пониманию явления многозначности. Так, профессор Е.Г. Беляевская считает, что «в области когнитивной лингвистики, где требование объяснение языковых явлений выходит на первый план, вопрос о сущности, причинах и направлениях развития полисемии становится одним из основных» [2, с. 16]. Эту же мысль высказывает Е.С. Кубрякова «...на чем же все-таки держится тождество семантической структуры слова, как под влиянием новой – когнитивной – парадигмы научного знания все большее распространение получали вопросы о природе значения и на повестку дня стали выходить иные проблемы теоретической семантики. Но важнейшими среди них оказались, хотя и поставленные в новом ключе, проблемы полисемии, или многозначности слова» [3, с.5]. Таким образом, можно констатировать, что проблемы многозначности являются центральными для решения в современной когнитивной лингвистике.

Материалы и методы исследований

На наш взгляд, актуальность исследований многозначности слова объясняется тем, что полисемия сама по себе является когнитивной по своей природе. Так, А.Д. Кошелев отмечает, что «лексическая многозначность, будучи языковой универсалией, является продуктом когнитивного развития человека, а именно, его

дискретного и системного представления мира» [4, с. 695]. Схожую мысль высказывает Л.М. Лещева «Изучение полисемии всегда было связано с анализом внутренней, содержательной стороны языкового знака, теснейшим образом связанной со знанием, познанием, когнитивией, и в этом смысле оно всегда являлось когнитивным» [5, с. 8]. Г.И. Кустова отмечает, что «сам факт существования полисемии является главным доказательством когнитивной природы этого явления. Полисемия является следствием того, что для обозначения новых предметов, явлений и ситуаций, входящих в сферу опыта, человек НЕ изобретает НОВЫХ знаков, а использует уже существующие, приспособлявая (модифицируя) их для выполнения новых функций [6, с.22].

Проблемы полисемии в ракурсе когнитивной парадигмы решались на материале разных языков, но, к сожалению, материал китайского языка почти не становился предметом отдельного рассмотрения в ракурсе решений проблем полисемии в когнитивном аспекте. Из работ, которые так или иначе касались многозначности китайских лексем, можно отметить следующие статьи: А.А. Шахаева и Е.А. Красикова «Когнитивные основания многозначности китайского классификатора 台» (2019) и А.А. Шахаева «Когнитивные основания полисемии китайского глагола 上» (2021). В указанных работах авторами выявляется взаимосвязь между типом мышления, типом письменности и образ-схемой, которая является источником развития новых значений слова.

Мы считаем, что изучение многозначности китайского слова в его тесной взаимосвязи с логограммой может дать ценные данные в копилку науки о языке. Об этом не раз говорили разные исследователи, например, Л.Г. Лещева обращает внимание на различия в системе значений языков с разным типом письменности и говорит о том, что «чрезвычайно интересно заметить, что иероглифическая, а затем клинообразная шумерская письменность в Вавилонском государстве (2000 – 539 гг. до н.э.), письмо в Китае, объединявшее фонетический и иероглифический принципы, позволили в определенной степени избежать проблемы разграничения полисемии и омонимии, столь острой в лексикографии языков со звуко-буквенным принципом письма. Здесь и омонимы, и разные значения полисеманта обозначались разными знаками» [5, с. 20].

М. И. Рубец также указывает на отличия китайского языка в области полисемии «Иероглифы становятся многозначными под влиянием культурных, социальных, исторических факторов, за счет метафорического и метонимического переноса и т.д. Ситуация с многозначностью в китайском языке усугубляется еще и тем, что значение слогоморфемы (записываемой каким-либо иероглифом) может расширяться за счет приобретения ею не только новых словарных значений, но и новых грамматических форм, поскольку практически любая слогоморфема в китайском языке может становиться как существительным, так и глаголом, прилагательным, грамматической частицей и т. д.» [9, с. 11].

Как известно, китайская письменность насчитывает более чем двух тысячелетнюю историю, и представляет собой уникальное явление, которое, в отличие от фонетического алфавитного письма, характеризуется тем, что письменные знаки передают семантическую, а не фонетическую сторону. О.М. Готтлиб отмечает, что в китайском языке «явный приоритет графосемантического над графофонетическим, т.е. китайский письменный знак является прежде всего и всегда письменным знаком, и все его компоненты служат формированию именно этой его данности [10, с. 62]. Поэтому анализ многозначности любого китайского слова должен включать и грамματοлогический анализ логограммы. О чем также говорит И.В. Шаравьева «Семантический анализ лексем индоевропейских языков позволяет исследовать значение слов с точки зрения их формы и содержания, в то время как идеографичность китайского языка дает нам возможность рассматривать знаки с точки зрения грамματοлогического подхода и принимать во внимание этимологию того или иного знака» [11, с. 42].

Таким образом, конструируя модель многозначного слова, которое выражено определенной логограммой можно не только выявить какие ментальные структуры знания носителей китайского языка объективируются данным знаком, но и определить особенности формирования системы значений в языке с идеографическим типом письма.

В качестве методологической базы исследования мы будем опираться на идеи Е.Г. Беляевской о концептуальной внутренней форме и основных принципах моделирования полисемии (см. Беляевская 2008). Она предлагает четыре основных принципа: анализ исторически первого, исходного значения; обращение к динамике развития семантической структуры полисеманта в диахронии; сопоставление семантических структур соотносительных слов родственных языков и учет словообразовательной информации. Но, как отмечает Е.Г. Беляевская, эти четыре принципа не исчерпывают моделирование семантической структуры многозначного слова. Более того, исследование слова другой письменной системы, несомненно, требует особого

подхода, в частности, на наш взгляд, при рассмотрении семантики слов китайского языка, на первый план выходит обращение к его грамматологическому аспекту. Этот тезис находит подтверждение и в работе Е.А. Хамаевой и Д.М. Домашевской по этимологии базовых знаков китайской письменности «... этимология таких знаков будет представлять собой нечто иное – реконструкцию не столько звучания единицы в связи со значением, а реконструкцию ее написания, ее графической формы» [12, с. 299]. Таким образом, для выявления механизмов расширения значения слова необходимо обратиться к этимологии слова, что тесно связано с семиотическим анализом иероглифического знака.

Придерживаясь данного положения попробуем смоделировать концептуальную внутреннюю форму китайского многозначного глагола 开, у которого в словаре современного китайского языка 现代汉语词典 (2016) зафиксировано восемнадцать значений. Обращение к семантике глагола 开, который входит в группу глаголов направленного движения, обусловлено интересом к проблеме рассмотрения группы китайских глаголов направления движения в качестве источника знаний о специфике репрезентации составляющих концептуальной системы китайского языка.

Результаты и обсуждения

Обращение к этимологическим словарям китайских иероглифов, в частности онлайн-словарю пиктограмм 形象字典, составленному на основе ведущих этимологических словарей китайского языка («汉语大字典», «书法字典», «甲骨文字典» и др.), а также словарю иероглифов современного китайского языка 新华大字典 (2008), позволило выявить компоненты прототипической ситуации, которая, на наш взгляд, стала основой для развития всего множества значений полисеманта 开.

Иероглифический знак 开 принадлежит к идеографическим знакам. В своей первоначальной форме он представлял собой изображение рук, которые вытаскивают засов из дверей, чтобы открыть ее. В полной форме знака 開, которая используется в регионах, где не было реформы по упрощению письменности, мы можем увидеть компоненты 門 *дверь* и 开 – движение пары рук, открывающих засовы дверей, который в период надписей на бронзовых сосудах цзиньвэнь имел форму 开. Как мы видим, в сокращенной форме написания знака сохранился только компонент 开.

Таким образом, мы видим, что первичное значение глагола вербализуется в компонентах идеографического знака: руки + дверь + засов. Именно данные компоненты отражают концептуальную внутреннюю форму глагола, в которой X путем воздействия на объект Y приводит его в движение, в результате чего объект разделяется (створки дверей) на части, которые совершают движение в противоположные стороны, и тем самым, устраняется препятствие на пути движения.

Выявленные компоненты концептуальной внутренней формы глагола – это основа для развития всего множества значений полисеманта 开, которая помогает пролить свет на особенности его функционирования. Для рассмотрения динамики и механизмов развития семантической структуры полисеманта в диахронии, сопоставим выявленные первичные значения знака со значениями в современном китайском языке, обратившись к словарям.

Одним из полных толковых словарей современного китайского языка является словарь 现代汉语词典 (2016), показывает, что рассматриваемая лексема к сегодняшнему дню развила достаточно богатую систему значений, которые отражают пути развития ментальной схемы идеограммы. На основе анализа основных значений, можно констатировать, что схема стала источником трех групп значений лексемы.

Первая группа значений наиболее полно передает ментальную схему, которая отражена в знаке – 开门 *открыть дверь*. Здесь реализуется идея разделения объекта, в результате чего, устраняется препятствие на пути. В остальных значениях, в силу когнитивных механизмов фокусировки и дефокусировки, профилируется только часть информации, остальная информация уходит на задний план или искажается совсем. Так, в следующей группе значений на первый план выходит идея «убрать препятствие, дать путь»: 开路 *проложить дорогу*; 开禁 *снять ограничения*. Метафорическое переосмысление данной ситуации можно увидеть в выражении 开工钱 *выдать зарплату*, т.е. устранить препятствие для выдачи денежных средств, 开介绍信 *написать рекомендательное письмо*, т.е. устранить сложности, внести ясность и понимание об объекте, который рекомендован.

В следующем значении высвечивается идея направленного движения от центра в разных направлениях, что приводит к разделению целого на части: 桃树开花了 *персиковые деревья зацвели*. Как можно видеть, в данном контексте глагол 开 передает идею направленного движения лепестков от центра в разных направлениях.

Четвертая группа значений высвечивает идею «приводить что-то в движение», другими словами «запускать/ начинать движение». Например, выражение 开车 *водить машину*, т.е. приводить машину в движение. Важно отметить, что смысл *ехать на машине в качестве пассажира* передается уже другим глаголом, что говорит об идее запуска механизма в значении глагола 开. Тот же самый компонент значения актуализируется в выражении 开灯 *включить свет*, где также запускается поток электроэнергии. В метафорическом переосмыслении данный компонент реализуется в выражениях 开工 *открыть завод*; 开会 *открыть/ начать собрание*, другими словами, запустить процесс работы.

Выводы

Моделирование концептуальной внутренней формы глагола 开, с опорой на семиотический анализ знака, помогло выявить основу для развития новых значений многозначного слова. Ситуация, которая отражена в концептуальной внутренней форме глагола 开 эксплицитно представлена в структуре логограммы и стала источником новых значений глагола, что свидетельствует о тесной связи семантики китайского слова и логограммы. Схожие результаты показал анализ классификатора 台 и многозначного глагола 上, где, по мнению А.А. Шахаевой, «концептуальная схема является тем потенциалом, который реализуется в производных значениях лексической единицы и непосредственно связана с прототипической ситуацией, что объясняет некое семантическое единство многозначного слова» [7, с. 125]. Все это позволяет говорить о том, что грамматологический анализ знака является неотъемлемым компонентом при моделировании концептуальной внутренней формы китайского многозначного слова.

В заключении следует отметить, что представленное исследование не исчерпывает всей проблематики полисемии глагола 开. На наш взгляд, перспективным является рассмотрение ситуаций функционирования глагола в функциях направительного и результативного модификатора, а также изучение путей развития полисемии диалектных употреблений глагола в сопоставлении со стандартом, что позволит выявить особенности внутрисистемных механизмов полисемии китайского языка и поможет решить ряд проблем прикладного характера, в частности лексикографической и переводческой практики, а также методики преподавания китайского языка.

Список источников

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966. 606 с.
2. Беляевская Е.Г. К проблеме моделирования полисемии (межъязыковые соответствия как основание изучения принципов формирования семантической структуры слова) // Вестник МГЛУ №544. 2008. С. 14 – 22.
3. Кубрякова Е.С. Проблемы многозначности и пути их решения // Вестник МГЛУ №544. 2008. С. 5 – 13.
4. Кошелев А.Д. Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю.Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2011. 736 с. (Studia philologica). С. 695 – 735.
5. Лещева Л.М. Лексическая полисемия в когнитивном аспекте. М.: Языки славянской культуры; Знак, 2014. 256 с. (Разумное поведение и язык. Language and Reasoning).
6. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004. 472 с.
7. Шахаева А. А. Прототипическое значение китайского глагола направления движения 上 SHàng. // Oriental Studies. 2018 (4). С. 122 – 127. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-122-127> (дата обращения 29.09.2023)
8. Шахаева А.А., Красикова Е.А. Когнитивные основания многозначности китайского классификатора 台 // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2019. № 4. 9 с. <https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK419.pdf> (доступ свободный). Загл. с экрана. Яз. рус., англ.
9. Рубец М.В. Многозначность как способ создания нелинейного текста в китайской языковой культуре // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 4. Ч. 1. С. 11 – 24.
10. Готлиб О.М. Основы грамматологии китайской письменности. 2-е изд., перераб. М.: Издательский дом ВКН, 2019. 312 с.
11. Шаравьева И.В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных // Вестник ИГЛУ. 2009. № 4 (8). С. 42 – 47.
12. Хамаева Е.А., Домашевская Д.М. Этимологии базовых знаков китайской письменности // Труды Института востоковедения РАН. Вып. 19: Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография / отв. ред. З.М. Шаляпина; сост., ред. А.С.Панина. М.: ИВ РАН, 2018. С. 299 – 305.

References

1. Akhmanova O.S. Dictionary of linguistic terms. M: Soviet Encyclopedia, 1966. 606 p.
2. Belyaevskaya E.G. On the problem of modeling polysemy (interlingual correspondences as the basis for studying the principles of formation of the semantic structure of a word). Bulletin of the Moscow State Linguistic University No. 544. 2008. P. 14 – 22.
3. Kubryakova E.S. Problems of polysemy and ways to solve them. Bulletin of MSLU No. 544. 2008. P. 5 – 13.
4. Koshelev A.D. Word and language: Sat. articles for the eightieth anniversary of academician. Yu.D. Апре-
syan. M.: Languages of Slavic Cultures, 2011. 736 p. (Studia philologica). P. 695 – 735.
5. Leshcheva L.M. Lexical polysemy in the cognitive aspect. M.: Languages of Slavic culture; Sign, 2014. 256 p. (Reasonable behavior and language. Language and Reasoning).
6. Kustova G.I. Types of derived meanings and language extension mechanisms. M.: Languages of Slavic cul-
ture, 2004. 472 p.
7. Shakhaeva A. A. Prototypical meaning of the Chinese verb of direction of movement 上 SHÀNG. Oriental
Studies. 2018 (4). P. 122 – 127. URL: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2018-38-4-122-127> (accessed Septem-
ber 29, 2023)
8. Shakhaeva A.A., Krasikova E.A. Cognitive foundations of the polysemy of the Chinese classifier 台. World
of Science. Sociology, philology, cultural studies. 2019. No. 4. 9 p. <https://sfk-mn.ru/PDF/50FLSK419.pdf> (free
access). Cap. from the screen. Language Russian, English
9. Rubets M.V. Polysemy as a way of creating a nonlinear text in Chinese language culture. Ideas and ideals.
2020. T. 12. No. 4. Part 1. P. 11 – 24.
10. Gottlieb O.M. Basics of grammatology of Chinese writing. 2nd ed., revised. M.: VKN Publishing House,
2019. 312 p.
11. Sharavieva I.V. Experience of etymological and grammatological analysis of the sign “人” and some of its
derivatives. Bulletin of ISLU. 2009. No. 4 (8). P. 42 – 47.
12. Khamaeva E.A., Domashevskaya D.M. Etymologies of basic signs of Chinese writing. Proceedings of the
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Vol. 19: Problems of general and oriental linguis-
tics: Lexicology and lexicography.rep. ed. Z.M. Chaliapin; comp., ed. A.S.Panina. M.: IV RAS, 2018. P. 299 –
305.

Информация об авторе

Шахаева А.А., и.о. заведующего кафедрой подготовки преподавателей редких языков, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0888-0383>, Институт иностранных языков им. Мориса Тореза; Московский гос-
ударственный лингвистический университет, shakhaevaal@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 811.351.32

¹ Шахбанова А.Р.

¹ Дагестанский государственный педагогический университет

Лексический состав лезгинских паремий

Аннотация: паремиологические единицы занимают одно из ключевых позиций в системе выразительных средств лезгинского языка. Выразительность и образность в них проявляется через такие свойства, как меткость, лаконичность, самобытность, эмоциональность и ритмичность.

Язык пословиц и поговорок закономерно привлекает внимание. В настоящее время в лезгинском языке актуальным становится анализ, как внешних предпосылок возникновения паремиологических единиц, так и внутренних, скрытых механизмов их формирования. Эта задача предполагает не только рассмотрение паремий в целом, но и исследование конкретных структурных компонентов в их единстве и взаимодействии.

Лексический состав лезгинских паремий это система значащих сверхсловных единиц языка, входящих в его словарный состав. Они представляют собой образные изречения, почти всегда моральный дискурс, имеющие назидательный смысл, отточенную, отшлифованную ритмико-мелодическую форму. Характеризуются такими языковыми свойствами как рифма, аллитерация.

Ключевые слова: лезгинский язык, паремии, лексический состав, выразительные средства, лексико-семантическая система, эмотивная лексика, антропонимы, культурный опыт, нравственные нормы

Для цитирования: Шахбанова А.Р. Лексический состав лезгинских паремий // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 223 – 227.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Shakhbanova A.R.

¹ Dagestan State Pedagogical University

Lexical composition of Lezgian paroemias

Abstract: paremiological units occupy one of the key positions in the system of expressive means of the Lezgian language. Expressiveness and imagery in them are manifested through such properties as accuracy, conciseness, originality, emotionality and rhythm. The language of proverbs and sayings naturally attracts attention. Currently, the analysis of both the external prerequisites for the emergence of paremiological units and the internal, hidden mechanisms of their formation is becoming relevant in the Lezgian language. This task involves not only the consideration of paroemias as a whole, but also the study of specific structural components in their unity and interaction. The lexical composition of Lezgian paroemias is a system of significant superlative units of the language included in its vocabulary. They are figurative sayings, almost always a moral discourse, having an edifying meaning, a honed, polished rhythmic and melodic form. They are characterized by such linguistic properties as rhyme, alliteration.

Keywords: the Lezgian language, paroemias, lexical composition, expressive means, lexico-semantic system, emotive vocabulary, anthroponyms, cultural experience, moral norms

For citation: Shakhbanova A.R. Lexical composition of Lezgian paroemias. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 223 – 227.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 11, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность данного исследования обусловлено не только тем, что в ней впервые проводится комплексное исследование лексического состава паремий лезгинского языка, но и важностью их лексико-семантического анализа. Такое решение требует детального теоретического осмысления, необходимостью представить системное описание лексического состава паремиологических единиц лезгинского языка.

Целью данной статьи является определение лексического состава лезгинских паремий.

Материалы и методы исследований

В работе использован такой традиционный лингвистический метод, как описательный (прием наблюдения и обобщения).

Современный мир характеризуется глобальными социально-экономическими изменениями, влекущими за собой определённые изменения. Лексико-семантическая система языка считается наиболее подверженной влиянию социальных, общественно-политических и культурных факторов. Коренные преобразования современности, происходящие в жизни лезгинского народа, отразились и на развитии лексики, фразеологии и паремиологии, вызвали возникновение большого количества новых слов и выражений в лезгинском языке.

В лезгинском языке паремии функционируют под общим названием «мисалар». Они функционируют, по существу, как моральные утверждения, как моральный дискурс: *T1vet1 yk1uv agudmir, ayal c1uv*. «Муху к мясу не подпускать, ребенка – к огню». *Xer x1ay1i sevreak1 yrg1az ak1vaz*. «Стой подальше от раненого медведя». *Gyakimdin vilikay fimir, balk1andin kyuluk1ay*. «Не ходи впереди господина, сзади лошади». *Kek galatay balk1anni tamir, y gzaф рахад1y пабни*. «Избавься от хромой лошади и болтливой жены».

Фонд паремий лезгинского языка представляет собой смешение неоднородных лексических единиц. В нем сохранились паремии, которые сложились с давних времен.

Большая часть лезгинских паремий содержат общелитературную лексику: *Balk1andalaz фена – ламраллаз хтана*. «На коне поехал - на осле вернулся». *Balk1anar gzaф дегишрайди эхирдай залпанддин иеси жеда*. «Тот, кто любит менять лошадей, останется с уздечкой». *Vichin t1ekvenda kyifni aslan y*. «В своей норке и мышь чувствует себя львом». *Ajuz ламрал квед акьахда*. «На слабого осла садятся по два».

Паремии лезгинского языка в лингвистическом плане малоисследованны. Существующие научные труды, связанные с паремиями лезгинского языка, недостаточно раскрывают все вопросы, касающиеся данных речевых единиц. Одной из первых работ, посвященных лезгинским паремиям, является работа А.Г. Гюльмагомедова «О наших пословицах: Научная беседа и материалы» [6].

В диссертационной работе Ф.Д. Гасановой [4] в сравнительном плане с пословицами и поговорками азербайджанского языка рассматриваются лезгинские пословицы.

И.А. Залова исследует вопросы варьирования лезгинских паремий в сопоставительном плане с паремиями немецкого языка [7].

Тем не менее, многие вопросы паремиологической системы лезгинского языка до сих пор не были предметом специального монографического описания, так что, их изучение остается одной из актуальных проблем лезгинского языкознания.

Как известно, под термином «паремия» понимаются изречения народного происхождения, в первую очередь пословицы и поговорки.

Пословицы – это коллективная собственность народа, ведь они отражают взгляды народа, условия жизни народа, традиции и обычаи народа.[9].

В таком устойчивом словосочетании, как пословица, есть и нечто особенное. Это особенное – в характере заложенной в пословице мысли и в приемах ее художественного выражения. Мысль в пословицах всегда широкого охвата, а выражение мысли всегда подчинено определенным художественным нормам [8, с. 10].

Наблюдения показывают, что пословицы и поговорки любого народа являют собой определенную форму общественного сознания, они, как в зеркале отражают жизненный опыт, привычки, особенности характера, вероисповедования и менталитет народа.

Пословицы – это язык народной мудрости, народная игра, они рождаются в народной среде и в народ возвращаются, они могут развеять печаль, заставить людей мыслить, помочь им сделать шаг вперед [10].

Язык паремий лезгинского народа выразителен, образен, в нем отражены вековые наблюдения. Паремии срисовывают события, происходящие в обществе.

Результаты и обсуждения

В паремиях отразилась вся история и культура, традиции, обряды и ритуалы лезгинского народа. Они хранят в себе культурологические возможности, способствующие разрешению различных вопросов культур.

Лезгинский народ в своих паремиях выразил отношение к окружающему миру: природе и ее явлениям, социально-историческому и культурному опыту своих предков. Через паремии лезгины выразили свое мировоззрение, нравственные нормы и эстетические идеалы.

Паремии лезгин, как и у других народов, являются выразителями эмоциональности. Они выражают чувства и отношение своих создателей, т.е. народа. В них выражено субъективное отношение человека к окружающей реальности. Среди средств субъективной оценки могут наблюдаться и синонимия и антонимия: *Акьулсуз дустунилай акьуллу душман хьсан я.* «Умный враг лучше глупого друга». *Ацукьай калин кьилел кьарагьай данади кьацIурна.* «Стоячий теленок нагадила на голову сидящей корове». *Агьдин са кьил лацу, са кьил чIулав жедач.* «У бязи одна сторона белой, другая черной не бывает» и т.д.

Антонимы являются ярким средством для антитезных построений, для создания оксюморонов. Они наиболее ярко и выпукло сопоставляют контрастные образы и явления.

В лексическом фонде лезгинских паремий смешаны изречения разных эпох. К примеру, в паремиях, созданных до Октябрьской революции выражается протест против угнетателей, а также отрицательно-ироничное отношение духовенству: *Фекьи дикайни фахрадикай аллахдихуь.* «От мулл и знахарей боже упаси». *Фекини кайхьай итани жеда, итим хьунухьчетин я.* «Стать муллой всякий сможет, человеком стать труднее». *Пулдихьфекь, фекь я, шариатни масс акьачуз жеда.* «За деньги не только муллу, но и шариат можно купить». *Пачагьдиваь, вахтунни деврал гьалда.* «Не царь, а время благоденствует в мире» [2].

Такие паремии обличают произвол имущего класса, жадность представителей духовенства. В таких эмоциональных паремиях выражены презрение, ирония, сарказм.

«Сверх полноты мыслей, уже в самом образе выражения, в пословицах отразилось много народных свойств, в них все есть: насмешка, издевка, попрек – словом, все шевелящее и задирающее за живое, как стоглазый Аргус, глядит из них каждая на человека. Все великие люди, от Пушкина до Суворова и Петра, благоговели перед нашими пословицами» [5, с. 166].

Эмоционально-окрашенная лексика является активным компонентом лезгинских паремий. Эмотивная лексика может быть представлена разными частями речи.

Проанализировав более 200 паремий лезгинского языка, мы распределили их по следующим разрядам:

а) разряд эмотивов-существительных

В составе паремий лезгинского языка данный разряд составляет значительное количество единиц. Как показал наш анализ, они составляют более 40 % лексем. Сюда входят такие отвлеченные существительные, как: *беда, страх, труд, печаль, несчастье, грусть, любовь, счастье, радость, злость* и т.д. Приведем примеры:

Темпелиз шадвал жедач. «У бездельника радости не бывает». *Зегьмет кIандайдаз гьуьмрет жеда.* «Кто любит труд – тому и почет». *Бахт кIанзаватIа, инсанар кIан хьухь.* «Хочешь счастья – люби людей». *Бедбахтвални, хьрахь хвехь хьиз, ирид галаз кьведа.* «Несчастье, как и храхская невеста, приходит с семью свидетельницами».

б) разряд эмотивов-прилагательных

Такие прилагательные составляют более 25% лексем в составе лезгинских паремий. Такие прилагательные ориентированы на узкую сферу, которая отражает психическую сторону человеческого состояния: *радостный, грустный, счастливый, сердитый, плохой, стеснительный, сумасшедший, злой, добрый* и т.д. Приведем примеры: *Дуст вилел гатIумна, душман валийи дайди виридалай пис душман я.* «Самый плохой враг это тот, кто делает плохое с дружеским подходом». *Пис наб авай кIвал жегьнем я.* «Дом, где плохая жена, подобен аду». *Дилидан пелел карч жедач.* «У сумасшедшего на лбу рог не вырастет». *Чиниз регьуь жедайдахь, тьукьуьл рикI жедач.* «У стеснительного человека доброе сердце» и т.д.

в) разряд эмотивов-глаголов

Эмотивы-глаголы также отличаются своей высокой частотностью в лезгинском языке, составляют около 35%. В них доминирующей является эмоциональное состояние, выполняют функцию эмоционального сопровождения, определяют ситуативность семантики глагола.

Эмотивы-глаголы представлены такими лексемами как: веселиться, радоваться, любить, удивить, бояться, плакать, стесняться, страдать и т.д. Приведем примеры: *Ламраз, рубъх акурла хвеши жеда*. «Осел радуется, увидев золу (чтобы повалиться)». *Вун птIух кIанда лугъуз шедайла, зун наб кIанда лугъуз шезвайди тир*. «Когда ты соску просил и плакал, я плакал по женищинам». *БалкIан кIанда цIан кIандач*. «Человек, который любит лошадь, не избегает навоза» [2].

В лезгинских паремиях встречаются образные выражения, переосмысления: *Ажуз ламрал кьвед акъ-ахда*. «На слабого осла садятся по два». *КутIуннавай асланда кьурни тепилмиш жеда*. «На привязанного льва и заяц нападет». *Дачу низ килигна иви кьачуда*. «На вены посмотрев, кровь берут» [3].

Для паремий, как особой значащей единицы языка, характерно также выражение эмоциональности посредством таких составляющих структурных единиц как сравнения, сопоставление явлений, предметов, событий: *ЛагъайтIа адан риве сад ава, мецел масад ава*. «В его сердце одно есть, на языке другое есть». *РацIам дуьзериз кIан хъайила, вил акъатна*. «Брови исправляя, глаз выколол». *Швале хайи кIвач кьецел сагъ хъижедач*. «В доме сломанная нога, на улице здоровой не станет». *Акьулсуз кьил гваз кьекъевезни кьезил я, хкажизни – регъят*. «Пустую голову и носить не тяжело, и поднимать легко». *Вилериз такур-ди рикIизни аквадач*. «Того, чего не видят глаза, и сердце не увидит» [3].

В лезгинских паремиях в ряде случаев встречаются антропонимы, топонимические наименования. Например: *Белиждикай эгечIна, Париждикай хкечIна*. «С Белиджей начал, Парижем завершил». *Бедбахтвални, храхъ хвехъ хъиз, ирид галаз кьведа*. «Несчастье, как и храхская невеста, приходит с семью свидетельницами». *Багъдадда лам кьве шагъи хъана*. «Сказали, в Багдаде осел стоит две копейки, оказалось, что лишь посмотреть на осла стоит две копейки». *Кац кябедал фена лагъайтIани, адахъ агъаз жедач*. «Если даже скажут, что кот был в Каабе, ему не поверят». *Гъажиметаз яцар хъайила, азар атана*. «Когда у Гаджимета появились быки, пришла болезнь». *ЦIару цIегъ Мустафа хъиз аквада*. «Пестрый козел как Мустафа видится» [2].

Участие в лексическом составе паремий различных антропонимов и топонимов отмечает их отношение с народной жизнью, а также с географической средой.

Паремии в этом процессе играют важную роль и образуют определенный участок языковой картины мира, то есть паремиологическую картину [1].

Паремии лезгинского языка характеризуются такими языковыми свойствами как рифма, аллитерация: *КицI вацIу тухудач*. «Собаку река не уносит». *Жанавурдин шарагдикай жанавур жеда*. «Из волчонка вырастет волк». *Ам ви кьуьлуьн макъам туш*. «Это не для твоего танца музыка».

Вся система паремий лезгинского языка имеет свою специфическую национальную окраску, обусловленную историческим путем развития, которого прошел лезгинский народ в процессе создания паремиологического фонда.

Анализ и исследование различных источников позволяет заключить, что лексический состав лезгинских паремий дает представление о языковой картине мира лезгин.

Выводы

Таким образом, паремии лезгинского языка это система значащих сверхсловных единиц языка, входящих в его словарный состав. Они представляют собой образные изречения, почти всегда моральный дискурс, имеющие назидательный смысл, отточенную, отшлифованную ритмико-мелодическую форму. Характеризуются такими языковыми свойствами как рифма, аллитерация и т.д.

Язык лезгинских паремий обладает рядом особенностей, которые позволяют ему занять в лексической системе языка свое, особое место.

Паремии лезгинского народа, как и у всех других народов, передают эмоции, выражают чувства и субъективное отношение человека к окружающей реальности. Формы субъективной оценки способствуют формированию паремий, делают их более гладкими, отшлифованными и звучными.

Список источников

1. Абдуллина Г.Р., Зиннуров Б.И. Охотничья лексика как компонент башкирских паремий // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 6. С. 490 – 492.
2. Акимов К.Х. Лезгинские народные пословицы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1991. 217 с.
3. Ганиева А.М. Пословицы и поговорки лезгин (исследование и тексты). Махачкала, 2010. 360 с.
4. Гасанова Ф.Д. Пословицы и поговорки лезгин в сравнении с паремиями азербайджанцев: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2006.
5. Гоголь Н.В. Соб. соч. Москва: Гослитиздат, 1959. Т. 6. 454 с.

6. Гюльмагомедов А.Г. О наших пословицах: Научная беседа и материалы. Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. 87с.
7. Залова И.М. Сопоставительный анализ варьирования пословиц и поговорок в лезгинском и немецком языках: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2009.
8. Назаревич Ф.А. Пословицы и поговорки народов Дагестана. Махачкала, 1997. 160 с.
9. Уружбекова М.М., Зекиева П.М. Пословицы русского, даргинского, чеченского и английского языков как источник изучения культурно-языкового сознания // Modern Humanities Success. 2023. № 10. С. 57 – 60.
10. Чан Лини Дунганские пословицы и поговорки в Центральной Азии // Modern Humanities Success. 2023. № 9. С. 50 – 55.

References

1. Abdullina G.R., Zinnurov B.I. Hunting vocabulary as a component of Bashkir proverbs. World of science, culture, education. 2023. No. 6. P. 490 – 492.
2. Akimov K.X. Lezgin folk proverbs. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1991. 217 p.
3. Ganieva A.M. Lezgin proverbs and sayings (research and texts). Makhachkala, 2010. 360 p.
4. Gasanova F.D. Proverbs and sayings of Lezgins in comparison with proverbs of Azerbaijanis: author's abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Makhachkala, 2006.
5. Gogol N.V. Sob. op. Moscow: Goslitizdat, 1959. T. 6. 454 p.
6. Gyulmagomedov A.G. About our proverbs: Scientific conversation and materials. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1974. 87 p.
7. Zalova I.M. Comparative analysis of the variation of proverbs and sayings in the Lezgin and German languages: abstract. dis. ...c and. Philol. Sci. Makhachkala, 2009.
8. Nazarevich F.A. Proverbs and sayings of the peoples of Dagestan. Makhachkala, 1997. 160 p.
9. Uruzhbekova M.M., Zekieva P.M. Proverbs of Russian, Dargin, Chechen and English languages as a source for studying cultural and linguistic consciousness. Modern Humanities Success. 2023. No. 10. P. 57 – 60.
10. Chan Lini Dungan proverbs and sayings in Central Asia. Modern Humanities Success. 2023. No. 9. P. 50 – 55.

Информация об авторе

Шахбанова А.Р., кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, e-mail: nurselin7@mail.ru, 89604089918

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.5. Русский язык. Языки народов России (филологические науки)

УДК 82-32

¹ Колосков М.С.

¹ Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина

Эксплицитная художественная деталь как компонент языковой композиции

Аннотация: данная статья посвящена выделению нового вида художественной детали – эксплицитной. Её выделение невозможно без анализа языковой композиции, так как любая художественная деталь, согласно проведённому исследованию, является одним из её составляемых компонентов. Соответственно, цель данной статьи – доказать, что эксплицитная художественная деталь наравне с имплицитной действительно существует, а также указать на её неразрывную связь с языковой композицией, так как эти два понятия являются одним единым целым.

Работа с языковым материалом рассказов И.А. Бунина помогла нам открыть новый вид художественной детали, доказав таким образом факт её существования. Отталкиваясь от этого, можно сделать закономерный вывод: эксплицитную художественную деталь можно найти также в текстах других авторов. Кроме того, важно обратить внимание на её характерную особенность: эксплицитная деталь является развёрнутым комментарием авторской позиции, что представляет собой безусловную художественную ценность.

При проведении исследования применены следующие методы: гипотетико-дедуктивный, индуктивный, описательный, метод классификации, метод обобщения и интерпретации языкового материала.

Ключевые слова: художественная деталь, языковая композиция, эксплицитная художественная деталь, словесные ряды, язык, текст, словесные ряды, образ автора, образ рассказчика, авторская позиция

Для цитирования: Колосков М.С. Эксплицитная художественная деталь как компонент языковой композиции // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 228 – 233.

Поступила в редакцию: 13 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 11 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Koloskov M.S.

¹ Ryazan State University named after S.A. Yesenin

Explicit artistic detail as a component of language composition

Abstract: this article is devoted to the identification of a new type of artistic detail – explicit. Its isolation is impossible without analyzing the language composition, since any artistic detail, according to the study, is one of its constituent components. Accordingly, the purpose of this article is to prove that an explicit artistic detail, along with an implicit one, really exists, and also to point out its inextricable connection with language composition, since these two concepts are one single whole.

Working with the linguistic material of I.A. Bunin's stories helped us to discover a new kind of artistic detail, thus proving the fact of its existence. Starting from this, we can draw a logical conclusion: explicit artistic detail can also be found in the texts of other authors. In addition, it is important to pay attention to its characteristic feature: an explicit detail is a detailed commentary of the author's position, which is an absolute artistic value.

The following methods were used in the research: hypothetical-deductive, inductive, descriptive, classification method, method of generalization and interpretation of linguistic material.

Keywords: *artistic detail, linguistic composition, explicit artistic detail, word series, language, text, word series, author's image, narrator's image, author's position*

For citation: Koloskov M.S. Explicit artistic detail as a component of language composition. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 228 – 233.

The article was submitted: October 13, 2023; Approved after reviewing: December 11, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Проблема языковой композиции художественных текстов впервые была разработана в отечественной лингвистике относительно недавно, благодаря таким учёным, как В.В. Виноградов, М.М. Бахтин, В.В. Оudinцов, Б.В. Томашевский, А.И. Горшков, Жирмунский и другие.

Понятие композиции в переводе с латыни означает создание, взаимосвязь, конструирование, организация произведений искусства, конструирование текстовых форм работы [7]. Предполагаем, это связано с тем, что при изучении языковой композиции необходимо рассматривать структуру текста как определенный набор стилистических приемов (формалистский подход) и выявлять более глубокие корни в изучении этого вопроса (суть содержательного подхода).

Виноградов, к примеру, часто возвращался в своих трудах к вопросам изучения композиции художественных произведений, что, безусловно, связано с тем, что языковой материал – эта почва, рамка, в границах которых и должен рассматриваться данный вопрос. Вот как об этом писал сам учёный: «В рамках художественной литературы, – писал Виноградов, – кроме общего ее контекста, главной композиционной формой и семантико-эстетическим единством является структура цельного литературного произведения» [1].

Однако абсолютно все пути лингвистического анализа художественного текста по мысли Виноградова, не должны обходить проблемы композиции как «системы динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве» [1].

Важным этапом в изучении теории и истории проблемы языковой композиции были теоретические дебаты, которые нашли отражение в работах исследователей русского формализма. Шкловский В.Б., к примеру, говорит о тексте как о сумме тех стилистических приемов, которые были в нем использованы [9].

Жирмунский В.М. в своей работе «Композиция лирических стихотворений» писал: "Композиция обозначает, как показывает само слово, построение (распределение, расположение) художественного материала. <...> Всякий речевой материал построен в какой-то последовательности, располагается в определенные ряды. Характер этого расположения является различным в зависимости от той задачи, которой расположение определяется». Таким образом, Жирмунский в противовес формалистам рассматривал композицию в совокупности со словесным материалом, используя даже такой термин, как «словесная композиция» [4].

Материалы и методы исследований

Итак, давайте выделим ряд особенностей понятия "языковая композиция", которые следует обсудить более подробно.

Во-первых, композиция языка не ограничивается каким-либо текстом, который формируется по отношению к нему, поскольку композиция языка сама по себе является содержанием.

Во-вторых, компонентами языковой композиции являются единицы языка, которые приобретают характеристику в движении состава словесного ряда.

Главной особенностью языковой композиции является взаимодействие между образом автора и образом пишущего.

Языковой материал – это элементы языка, используемые в тексте, которые являются независимо разделенными частями, образуют единое целое и выполняют функцию организации образа автора. Материал языка – это прежде всего словесный ряд, преобразующий образ автора и его "лицо" в динамическую систему развертывания.

Поэтому, если исходить из того, что искусство – это отражение реальности, то получается, что само построение текста во многом связано с пониманием реальности. И эти традиции, которые сейчас формируются, в какой-то степени способствуют развитию текста, определяют его языковую композицию.

Феномен языковой композиции связан с повествовательным движением, и это важнейшее положение и определяет специфику языковой композиции, отличая ее от понятия композиции в литературном аспекте.

Резюмируя сказанное выше, считаем, что языковая композиция – это последовательное расположение структурных единиц языка в рамках речевого отрезка, представленного единством образа автора/рассказчика, точкой видения, выразительных средств языка, художественных деталей.

На примере коротких рассказов Бунина, мало изученных отечественной стилистикой, языковая композиция этих художественных произведений отражается наиболее чётко, что позволяет проанализировать такие её компоненты, как словесные ряды, приёмы субъективированного и объективированного повествования, раскрыть образ автора (терминология Виноградова) и образ рассказчика, а также выявить художественные детали, предпринять попытку проклассифицировать авторские правки.

Результаты и обсуждения

Работая над языковой композицией рассказов И.А. Бунина нами был открыт новый вид художественной детали – эксплицитная или открытая художественная деталь. Однако для начала обратимся к раскрытию самого понятия «художественная деталь».

Художественная личность, рассматриваемая современной филологией как важная часть структуры художественного произведения, является частью целого искусства, раскрывающего внутренний мир человека и окружающую действительность.

В художественном тексте деталь может выполнять следующие функции:

- Выделительная, с помощью которой писатель выделяет результат, художественный образ, явление из нескольких похожих;
- Психологическая функция, поскольку личность является центральным элементом психологической концепции героя, эта функция помогает раскрыть внутренний мир персонажа;
- Фактографическая – функция этой детали заключается в отображение фактической стороны происходящего и описываемого в тексте;
- Натуралистическая: её функция заключается в высокой точности подчеркивания внешних особенностей объекта или явления;
- Импрессионистическая (деталь, далёкая от писателя и не всегда до конца понятная ему самому, но внутренне совпадающая с мыслью, переживаниями, настроением автора);
- Символическая (деталь часто выступает в роли символа – самостоятельного многоуровневого художественного образа, имеющего эмоциональное и аллегорическое значение, основанное на сходстве жизненных явлений) [8].

А.И. Горшков предлагает классификацию художественных деталей, согласно которой, выделяются два вида. Рассмотрим подробнее каждый из них.

1. Описательные – это детали, изображающие, рисующие картину, обстановку, характер в данный момент.

2. Повествовательные – это детали, указывающие на движение, изменение, преобразование картины, обстановки, характера. Повествовательные детали обязательно повторяются в тексте (минимум дважды), появляясь в разных эпизодах повествования, подчёркивая при этом развитие сюжета [2].

В. А. Кухаренко предлагает классификацию деталей в соответствии с возложенной на них функциональной нагрузкой. Таким образом, мы можем выделить четыре различные художественные детали.

1. Цель изобразительной детали – создать картину описываемого. Чаще всего это неотъемлемая часть образа природы или внешности того или иного персонажа. При выборе этой детали наиболее четко выражена точка зрения автора.

2. Основная функция уточняющей детали заключается в создании впечатления подлинности путем подтверждения мелких деталей конкретного факта или явления. Кропотливое изложение подобных деталей характерно для современной прозы, потому что за этим кроется реальная жизнь персонажа, его мировоззрение.

3. Характерологическая деталь является важнейшим актуализатором антропоцентризма, но она выполняет свою функцию (в отличие от первых двух) непосредственно, подтверждая индивидуальные особенности изображаемого персонажа. Такого рода художественные детали разбросаны по всему тексту. Автор не дает подробной, локально ориентированной характеристики персонажа, но устанавливает вехи в тексте – детали, предназначенные для выявления его ведущей характеристики или всесторонней характеристики героя.

4. Имплицирующая деталь выделяет внешнюю характеристику явления, по которой угадывается его глубокий смысл. Функция этой детали заключается в создании подтекста в художественном произведении.

5. Символ-деталь – это неразрывная связь между конкретным понятием, явлением и деталью. Повторяемость – одна из характеристик этого типа, которая обеспечивает тесную связь между деталями и концепцией. Таким образом, часть символа изначально требует первоначального объяснения и формируется в результате многократного повторения. Символом могут стать всевозможные детали [6].

В настоящее время существуют классификации, принадлежащие различным авторам, две наиболее популярные из них мы рассмотрели.

Жаворонок считает, что неправильно связывать перспективы развития художественных деталей с функциями, которые они выполняют, так как не совсем корректно классифицировать детали по их функциональному значению, поскольку одни и те же детали могут одновременно создавать впечатление физического восприятия воспринимаемого объекта (выполнять функцию изображения), которые способствуют достоверности описываемого события или героя, при этом эта же деталь может фиксировать те или иные факты объективной реальности, что окружает персонажа (то есть выполнять функцию уточнения) и выделять те или иные стороны характера персонажа (выполнять характерологическую функцию). Следовательно, становится невозможным отнести такие детали к какой-то определенной группе» [3].

В то же время возможны различные классификации, предложенные другими учеными. Например, портреты, пейзажи, материалы и психологические детали разделены на более мелкие группы. Поэтому многие исследователи предполагают, что детали портрета следует рассматривать как статичные и динамичные [10], пейзаж и вещь – в качестве сюжетной мотивировки [5]. Именно в этом и заключаются на сегодня перспективы развития художественной детали.

Перейдём к открытой нами эксплицитной (открытой) художественной детали и дадим определение этому понятию.

Эксплицитная (открытая) – это такой вид художественных деталей, когда автор/рассказчик даёт развёрнутый комментарий, раскрывая её интерпретацию.

На примере рассказов «Мелитон» и «Последняя осень» нам удалось доказать факт существования такого вида художественной детали.

В.А. Кухаренко выделяет имплицирующую художественную деталь. Вот как определяет учёный этот вид: Это внешняя характеристика, по которой угадывается его глубинный смысл. Функция данной детали – создание подтекста в художественном произведении.

В ходе проведённого стилистического анализа рассказов И.А. Бунина нами был выделен ещё один вид художественной детали – эксплицитная (или открытая) художественная деталь. Её суть заключается в следующем.

Эксплицитная (открытая) художественная деталь – это такая деталь, когда автор/рассказчик даёт развёрнутый комментарий, раскрывая её интерпретацию.

Далее речь пойдёт именно о такой открытой художественной детали. Приведём факт её существования на языковом материале рассказов И.А. Бунина.

На протяжении всего текста «Мелитон» (1900) в качестве характеристики главного героя употребляется деталь – чистая рубаха:

«Как всегда, очень чисты были его заплатанные портки и рубаха, ладно подвязаны онучи».

«Серые густые брови и такие же усы, на щеках сходявшиеся со щетинистыми баками, придавали ему вид суровый, но лысина зги бирюзовые глаза и чистая крестьянская рубаха, свидетельствующая о готовности лечь «под святые» когда угодно, говорили о кроткой, отшельнической жизни».

«Видно было, что он только что выкупался, – редкие волосы его были мокры и причесаны, подбородок чисто пробрит, длинная белая рубаха распоясана».

«Мелитон без шапки и в одной рубахе стоял па пороге».

Мы потому называем данную художественную деталь открытой, что её смысл непосредственно в тексте прокомментирован рассказчиком:

«И он опять замолчал, со старческой неспешностью пережевывая хлеб. Я вглядывался в движения его морщинистых щек, в его опущенные веки, стараясь проникнуть в тайну его печальной молчаливости. Он кротко и беспомощно взглянул на меня, – я отвернулся. Было мне тогда двадцать лет, все умиляло меня: лес, небо, караулка, пучки каких-то трав и венчиков в ее сенцах под крышей, между сухой листвой решетки... На ногах Мелитона лыковые лапти, думал я, на теле замашная рубаха... Как это чудесно – жить такой чистой, простой, бедной жизнью!»

В других произведениях И.А.Бунина также можно найти открытые художественные детали. Именно по этому принципу, например, построен рассказ «Последняя осень», который начинается с того, что автор подчёркивает наличие открытой характерологической художественной детали у фронтовика Мишки, а потом, анализируя диалог, состоявшийся между ним и рассказчиком, мы находим этому подтверждение:

Молодой малый, почти мальчишка, но удивительная русская черта: говорит всегда и обо всем совершенно безнадежно, не верит ни во что решительно.

Я стоял на гумне за садом, он шел мимо, вел откуда-то с поля свою мышастую кобылу.

Увидав меня, свернул с дороги, подошел, приостановился:

- Доброго здоровья. Все гуляете?

- Да нет, не все. А что?

- Да это все бабы на деревне. Все дивятся, что вот вас, небось, на войну не берут. Вы, мол, откупились. Господам, говорят, хорошо: посиживают, говорят, себе дома!

- Не все посиживают. И господ не меньше вашего перебили.

- Да я-то знаю. Я-то там нагляделся. А с них, с дур, что ж спрашивать. Ну, да это все пустое. А вот как наши дела теперь? Как там? Вы каждый день газеты читаете.

Я сказал, что сейчас везде затишье. Но что англичане и французы понемногу бьют.

Он невесело усмехнулся.

- А мы, значит, опять ничего?

- Как ничего?

- Да так. Мы его (немца), видно, никогда не выгоним.

- Бог даст, выгоним.

- Нет. Теперь остался.

- Ну вот и остался!

- Да как же не остался? Чем мы его выгонять будем? У нас и пушек нет, одни шестидюймовые мортиры.

- Откуда ты это взял?

- Агитаторы говорят. Да я и сам знаю.

Таким образом, в прозе И.А.Бунина мы выделили новый вид художественные детали – эксплицитная художественная деталь. О факте её существования свидетельствуют следующие черты, позволившие нам открыть вид:

1. Системность: эта художественная деталь характерна не для одного произведения И.А. Бунина, что было доказано нами на примере рассказов «Мелитон» и «Последняя осень».

2. Эксплицитная художественная деталь обладает отличительными особенностями, благодаря чему мы выделили её в отдельный вид. К таковым относится комментарий от лица автора или рассказчика, содержащий положительную или негативную оценку.

3. У этого вида художественных деталей есть своя функция, заключающаяся в отражении авторской позиции.

Выводы

Таким образом, деталь является важной частью структуры художественного произведения. Она значима как часть художественного целого, задачей которого является раскрытие внутренней и внешней жизни человека. Многие детали, взятые сами по себе, не могут дать полного представления ни о стиле писателя, ни об особенностях словесного построения того или иного произведения.

В настоящее время существуют классификации, принадлежащие различным авторам, две наиболее популярные из них мы рассмотрели.

Перспективы исследования очевидны. Сделанные нами выводы, работа над языковым материалом малоизученных произведений И.А. Бунина повлечёт за собой возрождение исследовательского интереса у филологов к творчеству писателя в целом и к языковой композиции в частности.

Список источников

1. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 255 с.
2. Горшков А.И. Русская стилистика текста и функциональная стилистика: учеб. Для педагогических университетов и гуманитарных вузов. М.: АСТ: Астрель, 2006. 367 с.
3. Жаворонок И.А. Художественная деталь и её функции в творчестве Л.Е. Улицкой: автореф. дис. ... канд. филолог. наук / Твер. гос. ун-т. Тверь, 2012. 19 с.
4. Жирмунский В.М. Композиция лирических стихотворений. Петербург: ОПОЯЗ, 1921. С. 435 – 436

5. Коточигова Е.Р. Вещь // Введение в литературоведение / Под Ред Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 281.
6. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 188 с.
7. Литература и язык. Современная иллюстрированная энциклопедия. М.: Росмэн / Под ред. проф. Горкина А.П. 006. 1680 с.
8. Шейнина Е.Я. Энциклопедия символов. М.: АСТ, 2011. 591 с.
9. Шкловский Е. Зов // Новый мир, 2001. № 8. С. 48 – 52.
10. Юркина Л.А. Портрет // Введение в литературоведение: учебное пособие / Под. Ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 2004. С. 258 – 259.

References

1. Vinogradov V.V. Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics. M.: Publishing house Acad. Sciences USSR, 1963. 255 p.
2. Gorshkov A.I. Russian text stylistics and functional stylistics: textbook. For pedagogical universities and humanities universities. M.: AST: Astrel, 2006. 367 p.
3. Zhavoronok I.A. Artistic detail and its functions in the work of L.E. Ulitskaya: abstract. dis. ...cand. philologist. Sciences. Tver. state univ. Tver, 2012. 19 p.
4. Zhirmunsky V.M. Composition of lyrical poems. St. Petersburg: OPOYAZ, 1921. P. 435 – 436
5. Kotochigova E.R. Thing. Introduction to literary criticism. Ed. L.V. Chernets. M.: Higher School, 2004. P. 281.
6. Kukhareno V.A. Interpretation of the text. M.: Education, 1988. 188 p.
7. Literature and language. Modern illustrated encyclopedia. M.: Rosman. Ed. prof. Gorkina A.P. 006. 1680 p.
8. Sheinina E.Ya. Encyclopedia of symbols. M.: AST, 2011. 591 p.
9. Shklovsky E. Call. New World, 2001. No. 8. P. 48 – 52.
10. Yurkina L.A. Portrait, Introduction to literary criticism: textbook. Under. Ed. L.V. Chernets. M.: Higher School, 2004. P. 258 – 259.

Информация об авторе

Колосков М.С., Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, 390000, Рязанская область, г. Рязань, ул. Свободы, д. 46, koloskov-maksim@mail.ru

© Колосков М.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-114.4

¹ Кудрявцева И.Г., ² Ковалева С.С.

¹ Московский государственный университет
(НИУ МГСУ),

² Московское высшее общевойсковое командное
училище (МВОКУ)

Консубстанциональность специальных лексических единиц (на примере строительных и военных терминов)

Аннотация: статья посвящена рассмотрению явления консубстанциональности на примере терминов строительной и военной терминологий в русском и английском языках. Консубстанциональные термины – это лексические единицы определенной отраслевой терминологии, которые одновременно имеют сходные с ними по форме общеупотребительные лексические единицы. Консубстанциональные термины образовались в результате протекания двух противоположных процессов образования терминов: процесса терминологизации, т.е. приобретение бытовым словом специального значения в определенной терминологической системе, и противоположного процесса детерминологизации, когда термин, утратив часть своих признаков, становится лексической единицей общелитературного языка. Целью данной статьи является выявление отличий консубстанциональных терминов от слов общеупотребительного языка с использованием метода словарных дефиниций, сопоставительного анализа и метода этимологического анализа. Сравнительный анализ дефиниций консубстанциональных терминов в специализированных словарях и энциклопедиях и словарных статей слов, сходных с ними по форме, в филологических толковых словарях показал, что консубстанциональные термины выражают специальные понятия, называя их отличительные признаки и указывая на их связь с другими понятиями определенной терминологической системы, а омонимичные им слова общего употребления отражают обобщенный образ предметов, признаки которых представлены избирательно. Консубстанциональные термины отличает их способность образовывать терминологические гнезда, в которые наряду со словообразовательными цепочками входят и терминологические словосочетания, причем лексическая сочетаемость их элементов невозможна в общеупотребительном языке. На основании проведенного анализа можно сделать вывод, что консубстанциональные термины отличаются от сходных с ними по форме бытовых слов областью функционирования, наличием дефиниций и возможностью образовывать многокомпонентные терминологические словосочетания с ядерным компонентом, выраженным консубстанциональным термином.

Ключевые слова: консубстанциональность, консубстанциональный термин, терминологизация, детерминологизация, терминологическое гнездо

Для цитирования: Кудрявцева И.Г., Ковалева С.С. Консубстанциональность специальных лексических единиц (на примере строительных и военных терминов) // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 234 – 238.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Kudryavtseva I.G., ² Kovaleva S.S.

¹ Moscow State University,
² Moscow Higher Combined Arms
Command School

Consubstantiality of special lexical units (on the example of construction and military terms)

Abstract: the article is devoted to the consideration of the phenomenon of consubstantiality using the example of consubstantial terms of construction and military terminologies in the Russian and English languages. Consubstantial terms are lexical units of a certain terminology, which at the same time have commonly used lexical units similar in form. Consubstantial terms were formed as a result of two opposing processes of term formation: the process of terminalogization, i.e. the acquisition by an everyday word of a special meaning in a certain terminological system, and the opposite process of determinologization, when a term, having lost some of its characteristics, becomes a lexical unit of a common language. The purpose of this article is to identify the differences between consubstantial terms and words of the common language using the method of dictionary definitions, comparative analysis and the method of etymological analysis. A comparative analysis of definitions of consubstantial terms in specialized dictionaries and encyclopedias and dictionary entries of words similar to them in form in philological and explanatory dictionaries showed that consubstantial terms express special concepts, naming their distinctive features and indicating their connection with other concepts of a certain terminological system, and words of general use homonymous to them reflect a generalized image of objects, the characteristics of which are presented selectively. Consubstantial terms are distinguished by their ability to form terminological nests, which, along with word-formation chains, also include terminological phrases, and the lexical compatibility of their elements is impossible in the common language. Based on the analysis, we can conclude that consubstantial terms differ from everyday words in the area of functioning, the presence of definitions and the ability to form multi-component terminological phrases with a core component expressed by a consubstantial term.

Keywords: consubstantiality, consubstantial term, terminalogization, determinologization, terminological nest

For citation: Kudryavtseva I.G., Kovaleva S.S. Consubstantiality of special lexical units (on the example of construction and military terms). Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 234 – 238.

The article was submitted: October 16, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Значительную часть современного литературного языка составляют специальные лексические единицы, функционирующие в профессиональных областях знания и обладающие рядом признаков, на основании которых они становятся элементами (терминами) определенной терминосистемы. Однако существуют термины, которые по звукобуквенной форме полностью совпадают с единицами общеупотребительной лексики. Например, такие термины строительной терминологии как *потолок* – *ceiling*, *крыша* – *roof*, *стена* – *wall*, *дверь* – *door*, *окно* – *window*, *пол* – *floor*, *concrete* – *бетон*, *brick* – *кирпич* или военные термины: *tank* – *танк*, *gun* – *пушка*, *missile* – *ракета*. Это явление получило название «консубстанциональность». Оно возникло, по мнению профессора Э.А. Сорокиной, в результате протекания двух противоположных процессов, а именно, приобретение общеупотребительным словом признаков термина в определенной специальной области (процесс терминологизации) и обратный процесс перехода термина в бытовой, общеупотребительный разряд слов с утратой своих отличительных признаков (процесс детерминологизации) [9].

Наша статья посвящена сопоставительному анализу русских и английских консубстанциональных терминов строительной и военной областей и описанию отличий этих терминов от слов общеупотребительной бытовой лексики, совпадающих с ними по форме и денотативному значению.

Материалы и методы исследований

Материалом для анализа послужили лексические единицы, представленные в терминологических словарях по строительству и военному делу и общелитературных толковых словарях. Метод словарных дефиниций, сопоставительного анализа и метод этимологического анализа были использованы для выявления отличий консубстанциональных терминов от общеупотребительных слов, схожих с ними по форме.

Результаты и обсуждения

К вопросу консубстанциональных терминов обращались многие исследователи, начиная с момента их первого упоминания профессором С.В. Гринев-Гриневичем в книге «Терминология» [4]. Консубстанциональные термины рассматривались в области гуманитарных и общественно-политических наук [2], в терминологии сварки [6, 7] и лингвистической терминологии [3], в политическом медиадискурсе [1] и некоторых других [5, 8].

Вопрос разграничения термина и общеупотребительного слова является важнейшим в терминоведении, а наличие консубстанциональных терминов делает эту работу наиболее сложной. Особенно это актуально для строительной отрасли, которая тесно связана с бытовой жизнью людей и терминология этой специальной области содержит значительное количество таких терминов.

Обязательным свойством термина является наличие у него научного определения или дефиниции, которая указывает на отличительные признаки понятия, обозначаемого термином, и его взаимосвязь с другими понятиями определенной терминологической системы.

Отличительными параметрами термина являются его функция, состав, пространственное положение, свойства. При рассмотрении дефиниций строительных терминов было отмечено, что в определениях терминов указываются их функция и состав. Например, в научном определении к русскому термину *окно* указывается на его функцию (оно предназначено для сообщения внутренних помещений с окружающим пространством) и состав (оно состоит из оконного проема с откосами, оконного блока, системы уплотнения монтажных швов, подоконной доски, деталей слива и облицовок). В общелитературном словаре в определении к этому слову отражено общее представление о предмете, как об отверстии в стене для света и воздуха или рамы со стеклом.

В дефинициях также выделяются признаки, которые относят термины к определенной категории, показывают место обозначаемого термином понятия в системе понятий данной области. Например, термин *крыша (кровля)* относится к категории ограждающих конструкций, наряду со стенами, перегородками, дверями и окнами.

При анализе английских и русских определений одних и тех же строительных консубстанциональных терминов было отмечено, что в русских специальных словарях отличительные признаки термина отражены более четко по сравнению с английскими словарями. Например:

Дверь (door) – элемент *стенной конструкции*, предназначенный для *входа (выхода)* во внутренние помещения зданий (сооружений) или для *прохода* из одного помещения в другое и состоящий из *дверного проема, дверного блока, системы уплотнений, монтажных швов, деталей крепежа и облицовки* [10].

Door – A solid barrier to an opening or an enclosed space that can be opened to allow access or closed to deny access [12].

При анализе военных терминов в специализированном словаре и сопоставлении их со словами схожими с ними по форме в филологическом толковом словаре английского и русского языков было отмечено гораздо меньшее число консубстанциональных терминов в военной терминологии по отношению к давно сложившейся терминологии строительной отрасли [11, 13].

При рассмотрении консубстанциональных терминов военной отрасли было отмечено, что их значения менялись с развитием технологий. Например, значение английского термина *gun* менялось от значения *пушка (cannon)* до значения *огнестрельное оружие (firearms)*, главным образом это относилось к пистолетам и револьверам, начиная с 1744 года. В настоящее время этот военный термин обозначает пушку, особенно длинноствольную, используемую для обеспечения высокой скорости и большой траектории.

При сравнении дефиниций русских консубстанциональных терминов строительной и военных областей, представленных в специализированных словарях и отраслевых энциклопедиях с толкованиями лексических единиц схожих с ними по форме в общелитературных толковых словарях было отмечено, что толкование общеупотребительного слова отражает внешний чувственно-наглядный образ предмета, без указания на его отличительные признаки, в то время как в дефиниции термина отражены те признаки, которые указывают на место термина в терминологической системе.

Что касается словообразовательных возможностей консубстанциональных терминов и слов общеупотребительного языка, то наиболее ярко они проявляются в английском языке, где некоторые сложные по структуре термины встречаются только в специализированных словарях, например, *doorcase* (рама двери), *doorframe* (коробка дверная), другие сложные слова являются как терминами, так и словами обиходного языка. Например, *doorsill* (дверной порог), *doorway* (дверной проем), *doorjamb* (дверной косяк) [14].

В рассматриваемых терминологиях русского и английского языков значительное количество составляют терминологические словосочетания, в том числе сочетания, ядерным компонентом которых является кон-

субстанциональный термин, т.е. данный термин способен образовывать терминологическое гнездо, что отличает его от общеупотребительного слова. Под терминологическим гнездом понимается структурное образование, состоящее из словообразовательных цепочек термина и образованных от него словосочетаний. Терминологические словосочетания сужают, конкретизируют понятийное содержание консубстанционального термина, являясь видовыми по отношению к родовому термину. Родовой термин обозначает более общее понятие по сравнению с другими элементами терминологического гнезда. Например, в терминологическое гнездо консубстанционального термина *крыша* (который является гиперонимом) входят такие видовые термины, как *односкатная крыша*, *двускатная крыша*, *шатровая крыша*, *сводчатая крыша*. Это так называемый веерный тип гнезда. Терминологическое гнездо термина *стена* имеет более разветвленную структуру (древовидный тип гнезда).

Интересно отметить такие словосочетания английской строительной терминологии, как *blind wall* (floor), *dead wall* (floor), где такая лексическая сочетаемость консубстанционального термина возможна, в отличие от общеупотребительного слова.

Военный термин *gun* образует терминологические словосочетания, состоящие из двух, трех и четырех компонентов, которые конкретизируют значение этого термина, например, *adjustment gun*, *air defence gun*, *double-chamber four-charge revolver-type gun*.

Анализируя консубстанционные термины строительной и военной терминологий русского языка, мы отметили появление таких терминов как в результате процесса терминологизации, так и процесса детерминологизации. Терминологизация, как нам представляется, происходила с такими лексическими единицами, как *дверь*, *крыша*, *окно* и другие, которые имеют общеславянское происхождение [15]. Детерминологизации подверглись, по нашему мнению, такие русские термины, как *кирпич*, *бетон*, *танк*, и другие термины более позднего происхождения.

Интересно отметить тот факт, что первичным значением русской лексической единицы *танк* было заимствованное специальное значение, а затем термин, утратив ряд своих признаков, стал общеупотребительным словом (процесс детерминологизации). В английском языке этот термин появился в 1915 году, когда общеупотребительное слово *tank*, имея значение *metal container* вследствие семантического преобразования стало обозначать *an armoured fighting vehicle fitted with tracks and a gun* (процесс терминологизации), затем это слово уже в новом значении снова вернулось в разряд общеупотребительных слов [16].

Выводы

В результате проведенного исследования можно сделать заключение, что консубстанциональные термины, хотя и имеют схожие формы с общеупотребительными словами, но отличаются от них функционированием в определенной специальной области, наличием научной дефиниции, которая указывает на их место в терминологической системе определенной области знаний или деятельности, образованием терминологических гнезд и лексических сочетаний, которые невозможны с общеупотребительными словами.

Список источников

1. Алексеев А.Б. Консубстанциональные термины «политика, «политик» в политическом и массмедийном дискурсах // Теоретическая и прикладная лингвистика, 2022. Т. 8. № 1. С. 20 – 33.
2. Анисимова А.Г., Павлюк М.И. К вопросу об изменении объема значения консубстанциональных терминов в гуманитарных и общественно-политических наук // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2019. Т. 25. № 2. С. 89 – 94.
3. Бережанская И.Ю. Консубстанциональные термины в лингвистической терминологии английского и русского языков (сравнительный анализ): автореф. дис. ... к. филол. наук. М., 2005. 27 с.
4. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Изд. центр «Академия», 2008. 304 с.
5. Зенько М.И. Консубстанциональность англоязычных терминов брендинга // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2023. Т. 16. № 1. С. 276 – 284.
6. Николаева Н.С. Явление консубстанциональности в терминологии (на примере терминологии сварка) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 1-2 (52). С. 15 – 19.
7. Николаева Н.С. Явление консубстанциональности в английском языке для специальных целей (на примере терминологии “Welding”) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 3-2 (54). С. 128 – 131.
8. Рулевская Е.С., Плескачева Я.С. Проблема консубстанциональности термина (на примере специальной лексики в сфере бизнес-логистики) // Современные гуманитарные исследования, 2023. № 5 (114). С. 19 – 23.

9. Сорокина Э.А. Проблема неоднозначности специальной лексики // Актуальные аспекты современного переводоведения и межкультурной коммуникации: материалы международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 36 – 45.

10. Российская архитектурно-строительная энциклопедия: Стройиндустрия, строительные материалы, технология и организация производства работ. Строительные машины и оборудование. М.: Триада, 1995. 495 с.

11. Судзиловский Г.А. и др. Англо-русский военный словарь. М: Воениздат, 1987. 1343 с.

12. Gorse C., Johnston D., Pritchard M. Dictionary of Construction, Surveying and Civil Engineering. Oxford University Press, 2012. 499 p.

13. Bowyer R. Dictionary of Military Terms. L: A&C Black, 2007. 289 p.

14. Collins English dictionary & thesaurus: 21 century edition. HarperCollins publishers, 2000. 1785 p.

15. [lexicography.online/etymology](https://www.lexicography.online/etymology)

16. [etymonline.com](https://www.etymonline.com)

References

1. Alekseev A.B. Consubstantial terms “politics”, “politician” in political and mass media discourses. Theoretical and Applied Linguistics, 2022. Vol. 8. No. 1. P. 20 – 33.

2. Anisimova A.G., Pavlyuk M.I. On the issue of changing the scope of meaning of consubstantial terms in the humanities and socio-political sciences. Bulletin of Samara University. History, pedagogy, philology. 2019. T. 25. No. 2. P. 89 – 94.

3. Berezhanskaya I.Yu. Consubstantial terms in the linguistic terminology of the English and Russian languages (comparative analysis): abstract. dis. ... K. philol. Sci. M., 2005. 27 p.

4. Grinev-Grinevich S.V. Terminology: textbook. allowance. M.: Publishing house. Center "Academy", 2008. 304 p.

5. Zenko M.I. Consubstantiality of English-language branding terms. Philological Sciences. Questions of theory and practice, 2023. T. 16. No. 1. P. 276 – 284.

6. Nikolaeva N.S. The phenomenon of consubstantiality in terminology (using the example of welding terminology). International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 1-2 (52). P. 15 – 19.

7. Nikolaeva N.S. The phenomenon of consubstantiality in the English language for special purposes (using the example of “Welding” terminology). International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2021. No. 3-2 (54). P. 128 – 131.

8. Rulevskaya E.S., Pleskacheva Ya.S. The problem of the consubstantiality of a term (using the example of special vocabulary in the field of business logistics). Modern Humanitarian Research, 2023. No. 5 (114). P. 19 – 23.

9. Sorokina E.A. The problem of ambiguity of special vocabulary. Current aspects of modern translation studies and intercultural communication: materials of the international scientific and practical conference. M., 2020. P. 36 – 45.

10. Russian architectural and construction encyclopedia: Construction industry, building materials, technology and organization of work. Construction machines and equipment. M.: Triada, 1995. 495 p.

11. Sudzilovsky G.A. and others. English-Russian military dictionary. M: Voenizdat, 1987. 1343 p.

12. Gorse C., Johnston D., Pritchard M. Dictionary of Construction, Surveying and Civil Engineering. Oxford University Press, 2012. 499 p.

13. Bowyer R. Dictionary of Military Terms. L: A&C Black, 2007. 289 p.

14. Collins English dictionary & thesaurus: 21st century edition. HarperCollins publishers, 2000. 1785 p.

15. [lexicography.online/etymology](https://www.lexicography.online/etymology)

16. [etymonline.com](https://www.etymonline.com)

Информация об авторах

Кудрявцева И.Г., кандидат филологических наук, доцент, Национальный исследовательский Московский государственный университет (НИУ МГСУ), irgen.kud@gmail.com

Ковалева С.С., кандидат социологических наук, доцент, Московское высшее общевойсковое командное училище (МВОКУ), klarisa2008@mail.ru

© Кудрявцева И.Г., Ковалева С.С., 2024

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81-2

¹ Караматова А.А.

¹ Государственный университет просвещения

Особенности лексики бытового конфликтного дискурса в арабских странах на примере англоязычных художественных текстов

Аннотация: целью статьи является выявление специфики арабского бытового конфликтного дискурса в контексте англоязычных художественных текстов.

В настоящей работе были применены следующие методы: метод дискурса-анализа, описательный метод.

На первой стадии настоящей работы была изучена история становления понятия «дискурс». Затем мы исследовали особенности конфликтного дискурса, его типы. Следующим этапом было выявление основных причин возникновения конфликтных ситуаций. На финальной стадии исследования были проанализированы особенности бытового конфликтного дискурса в арабской лингвокультуре на примере англоязычного романа Джин Сэссон «Мемуары принцессы».

Результаты настоящего исследования можно использовать в рамках учебных курсов по таким дисциплинам, как межкультурная коммуникация, социолингвистика, лингвокультурология, практический курс английского языка. Исследование может представлять интерес для специалистов в области культурологии.

Ключевые слова: дискурс, арабская лингвокультура, конфликтный дискурс, бытовой дискурс, бытовой конфликтный дискурс, культура арабских стран, бытовой конфликтный дискурс в арабских странах

Для цитирования: Караматова А.А. Особенности лексики бытового конфликтного дискурса в арабских странах на примере англоязычных художественных текстов // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 239 – 245.

Поступила в редакцию: 14 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Karamatova A.A.

¹ Moscow Region State Pedagogical University

Peculiarities of the lexis of domestic conflict discourse in arabian countries on the example of english literary texts

Abstract: the aim of the study is identification of the specifics of the Arab domestic conflict discourse in the context of English literary texts.

In this work, the following methods were applied: the method of discourse analysis, the descriptive method.

At the first stage of this work, the history of the formation of the concept of "discourse" was studied. Then we explored the peculiarities of conflict discourse and its types. The next step was to identify the main causes of conflict situations. At the final stage of the study, the peculiarities of domestic conflict discourse in the Arabic linguistic culture were analyzed on the example of Jean Sasson's English-language novel "Princess".

The results of this study can be used as part of training courses in such disciplines as intercultural communication, sociolinguistics, linguoculturology, and a practical course in English. The study may be of interest to specialists in the field of translation studies, cultural studies, sociology, and psychology.

Keywords: *discourse, Arabic linguoculture, conflict discourse, domestic discourse, domestic conflict discourse, culture of Arab countries, domestic conflict discourse in Arab countries*

For citation: Karamatova A.A. Peculiarities of the lexis of domestic conflict discourse in arabian countries on the example of english literary texts. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 239 – 245.

The article was submitted: October 14, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Современная теория дискурса начала свое становление в качестве самостоятельной науки еще в середине 60-х годов XX века. Именно в этот период язык начинает рассматриваться как цельное средство коммуникации, что находит свое отражение в вопросах изучения текстов. У истоков теории дискурса стоит такой знаменитый ученый, как М. Фуко, по мнению которого дискурс связан с социокультурными факторами, взаимодействием людей и с погруженностью в определенные жизненные контексты.

Понятию «дискурс» посвящено множество научных трудов как отечественных (Арутюнова Н.Д., Бахтин М.М., Белова Е.В., Белоус Н.А., Бикташева Ю.Д., Богданов В.В., Винокур Т.Г., Вежбицкая А., Волкова О.С., Звегинцев В.А., Карасик В.И., Макаров В.И., Николаева Т.М., Сиротинина О.С., Чернявская В.Е. и др.), так и зарубежных ученых (Бенвенист Э., Дейк ван Т.А., Джонсонн-Лэрд Ф., Филлмор Ч., Фуко М. и др.). В нашей работе мы верифицируем полученные теоретиками данные на материале англоязычных художественных текстов о бытовом конфликтном дискурсе в арабских странах.

В фокусе нашего исследования – бытовой конфликтный дискурс в арабских странах.

На данный момент существует большое количество подходов к определению понятия «дискурс». Так, например, Т.М. Николаева предлагает следующее определение: «дискурс – это многозначный термин лингвистики текста, употребляемый рядом авторов в значениях, почти омонимичных. К важнейшим из них относятся: связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой, речевое произведение как данность – письменная или устная» [9].

Существуют различные подходы к классификации типов дискурса. В настоящей работе мы подробнее остановимся на бытовом конфликтном дискурсе и подходах к классификации рассматриваемого понятия.

Целью настоящего исследования является выявление специфики арабского бытового конфликтного дискурса специфики арабского бытового конфликтного дискурса в контексте англоязычных художественных текстов.

Для достижения поставленной цели нами были поставлены следующие задачи:

- рассмотреть существующие определения понятий «дискурс», «бытовой дискурс», «конфликт», «конфликтный дискурс», «бытовой конфликтный дискурс» с последующей верификацией на материале заявленного в исследовании;
- выявить основные причины возникновения конфликтных ситуаций;
- охарактеризовать особенности бытового конфликтного дискурса;
- проанализировать особенности бытового конфликтного дискурса в арабских странах на материале англоязычного романа Джин Сэссон «Мемуары принцессы».

Материалы и методы исследований

В настоящей работе были применены следующие методы: метод дискурс-анализа, описательный метод.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые предлагается анализ лингвокультурологических особенностей бытового конфликтного дискурса в арабских странах.

Организация исследования и ход работы. На первом этапе работы нами были рассмотрены отечественные и зарубежные труды по теории дискурса, конфликтологии, лингвокультурологии. Особый акцент нами был сделан на выявлении культурологических особенностей арабского бытового конфликтного дискурса. Ко второй (практической) части привлекался материал англоязычного художественного текста Дж. Сэссон «Мемуары принцессы».

Результаты и обсуждения

В данном исследовании мы уделяем особое внимание бытовому дискурсу. По мнению В.И. Карасика, данный тип дискурса диалогичен по своей природе и является генетически исходным типом общения [8, с. 240]. Приводимые в практической части работы являются репликами из диалогов.

Для бытового дискурса свернутый, «пунктирный» характер общения. Также для данного типа дискурса характерно использование разговорной формы речи [8, с. 240].

В рамках данного исследования мы подробнее остановимся на бытовом конфликтном дискурсе в арабской национальной ментальности.

На сегодняшний день исламская цивилизация является одной из самых молодых на планете и продолжает демонстрировать свой растущий потенциал. Ценности исламской цивилизации значительно отличаются от западных.

Х.Х. Алхадед, А.Т. Шавтикова, М.И. Мерай указывают на статусную ориентированность арабской лингвокультуры. Тщательный выбор обращений указывает на важность социальной иерархии. На продвижение человека по социальной лестнице в арабоязычном обществе оказывают влияние такие факторы, как родовая принадлежность, уровень образования, возраст, средний доход, происхождения супруга/супруги, занимаемые должности ближайших родственников, роль в семье – отец или мать мальчика [1].

Отличительными особенностями арабского менталитета являются почитание старших, гостеприимство, высокоразвитое чувство чести, долга и дружбы. Особенно уважительное отношение касается родителей. В 31 суре Корана «Лукман» сказано: *وَوَصَّيْنَا الْإِنْسَانَ بِوَلَدَيْهِ حَمَلَتْهُ أُمُّهُ وَهْنًا عَلَى وَهْنٍ وَفِصْلُ فِي عَمَامٍ أَنْ أَشْكُرَ لِي وَلَوْلَدَيْكَ إِلَيَّ الْمَصِيرُ*

Мы заповедали человеку делать добро его родителям. Его мать носила его, испытывая изнеможение за изнеможением, и отняла его от груди в два года. Благодарю Меня и своих родителей, ибо ко Мне предстоит прибытие'.

С другой стороны, О.П. Бибилова подмечает, что арабы не лишены и отрицательных черт характера, к которым можно отнести алчность наряду со щедростью, вспыльчивость, импульсивность, нечестность в торговых операциях. Известно, что для представителей арабской культуры характерно наличие так называемого синдрома «осажденного острова». Подозрительность, замкнутость, демонстративное неприятие чужих ценностей, категоричность в высказываниях – вот составные элементы, характеризующие этот синдром [5].

Особенности арабской лингвокультуры, берущей свое начало еще с доисламской эпохи, находят свое отражение и в бытовом конфликтном дискурсе.

Ю.Д. Бикташева выделяет следующие особенности конфликтного дискурса: возникновение злобы, раздражительности, грубости, являющиеся главными причинами возникновения конфликта [6, с. 36].

Перечисленные особенности проявляются больше на экстралингвистическом уровне. В первую очередь, это мимика, психологическое состояние коммуникантов (негативные эмоции), манера говорить, поведение, а также внутреннее (психологическое) и внешнее (физиологическое) состояние коммуникантов [6, с. 36].

Итак, на основании вышесказанного, мы можем сделать вывод о том, что бытовому конфликтному дискурсу в целом свойственны отличительные черты как конфликтного, так и бытового дискурса соответственно.

В данной работе рассматриваются особенности передачи на русский язык лексики, выражающей характерные для арабского бытового конфликтного дискурса эмоции, на примере англоязычного романа Джин Сэссон «Мемуары принцессы». Проведенное нами теоретическое исследование позволяет использовать следующий алгоритм анализа вышеуказанной лексики:

1. С точки зрения функции общения (лимитивная, которая реализуется в кругу хорошо знакомых людей) (см. Сиротинина).

2. С точки зрения особенностей эксплицирования вербальных и прагматических средств на лексическом уровне (ненормативная лексика, негативная оценочная лексика, сравнительные обороты, слова-паразиты); на грамматическом уровне (употребление 3-го лица по отношению к присутствующим, употребление императивов, употребление междометий); на синтаксическом уровне (большое количество восклицательных предложений, вопросительные предложения, незаконченные предложения, повторы фраз) (см. Третьякова).

3. С точки зрения типа конфликтного дискурса (абсолютно намеренные, частично намеренные и спонтанные/случайные) (см. Белоус).

4. С точки зрения вида коммуникативной ситуации (бытовое общение, которое характеризуется столкновением двух сторон (участников конфликта) из-за разногласия интересов, целей, взглядов) (см. Волкова).

5. С точки зрения предмета (некоторая объективно существующая или выдуманная проблема, разногласие) и объекта конфликта – некоторые материальные ценности, которыми хотят обладать конфликтующие стороны (деньги, недвижимость, предметы быта), или нематериальные ценности (убеждения, идеалы, социальный статус) (см. Белова).

6. С точки зрения статусной ориентированности коммуникантов (см. Алхадед, Шавтикова, Мерай).

7. С точки зрения особенностей арабского менталитета (см. Бибикова).

Сопоставление лексических единиц, выделенных из произведения Джин Сэссон «Мемуары принцессы», и их перевод на русский язык:

*"You are my child. Your mother was a good woman. Even so, had you participated in these activities with Wafa and Nadia, I would uphold the teachings of the Koran and see you lowered into your grave. **You will avoid my attention and concentrate on your schooling while I will work toward a suitable marriage**". He paused for a moment, coming close and looking hard into my eyes. "Sultana, accept your future as one who obeys, for you have no alternative" [13, с. 64].*

‘Ты – моя дочь, – сказал он. – Твоя мать была хорошей женщиной, но, несмотря на это, если бы ты принимала участие в том, что делали Надя и Вафа, я последовал бы законам нашей религии и исполнил бы свой долг, который требует лишить в таком случае любую женщину жизни. **Приказываю тебе не попадаться мне на глаза и посвятить себя учебе, пока я не подберу тебе подходящего мужа**. – Он помедлил, а затем наклонился ко мне и пристально взглянул прямо в мои перепутанные глаза. – Султана, ты должна с покорностью принять свое будущее, у тебя нет другого выбора’ [11, с. 66].

В данном примере описывается ситуация, когда отец главной героини узнает о членстве своей дочери в закрытом женском клубе «Бойкие язычки» и из-за этого принимает решение выдать ее насильно замуж.

1. Реализуется лимитивная функция общения. Речевые единицы с лимитивной функцией общения: *schooling* – ‘учеба’, *a suitable marriage* – ‘подходящий муж’.

2. Настоящий пример раскрывает противоборство двух сторон с эксплицированием своих действий вербальными средствами. На грамматическом уровне это проявляется в использовании средств, кодирующих эмоциональную напряженность говорящего (*You will avoid my attention and concentrate on your schooling* – ‘Приказываю тебе не попадаться мне на глаза и посвятить себя учебе’).

3. Данный пример относится к частично намеренному типу конфликтного дискурса, поскольку отец главной героини заранее осведомлен, что в течение речевого акта он намерен реализовать коммуникативную цель, которая не совпадает с коммуникативной целью его дочери.

4. Происходит столкновение двух сторон из-за разногласия взглядов (главная героиня хочет жить свободной жизнью, а ее отец намерен выдать дочь насильно замуж).

5. Предметом бытового конфликта является объективная проблема (членство дочери в женском клубе «Бойкие язычки»), а объектом – нематериальные ценности, к которым мы можем отнести разные убеждения отца и дочери.

6. Данный пример демонстрирует статусную ориентированность коммуникантов (отец и дочь).

7. Настоящий пример показывает категоричность и импульсивность одного из коммуниканта, принадлежащих к арабской лингвокультуре. На это указывает грамматическая структура: *You will avoid my attention and concentrate on your schooling* – ‘Приказываю тебе не попадаться мне на глаза и посвятить себя учебе’.

*Unfortunately, Sara's tears served only to harden Father's heart. Overheard her entreaties to him. She became so unbalanced in her grief that she accused our father of hating women. **She spat out a verse of Buddha: "Victory breeds hatred, for the conquered are unhappy."** Father, his back rigid with anger, turned and walked away [13, с. 24].*

‘К сожалению, слезы Сары только ожесточили отцовское сердце. Я слышала, как она умоляла его и, в конце концов, в своем отчаянии зашла так далеко, что обвинила отца в том, что он ненавидит женщин. **Она бросила ему в лицо изречение Будды: «Любая победа порождает ненависть, потому что побежденные несчастны...»**. Отец, весь пунцовый от гнева, молча повернулся и пошел прочь’ [11, с. 26].

Настоящий пример иллюстрирует ситуацию, когда Сара, старшая сестра главной героини, узнает о том, что отец скоро выдаст ее замуж за пожилого мужчину из влиятельной семьи в Джидде, и Сара должна будет стать его третьей женой.

1. Реализуется лимитивная функция общения. Речевые единицы с лимитивной функцией общения: *victory* – ‘победа’, *hatred* – ‘ненависть’, *the conquered* – ‘побежденные’.

2. Происходит противоборство двух сторон с эксплицированием своих действий на синтаксическом уровне (незаконченность предложения).

3. Настоящий пример можно отнести к случайному/спонтанному типу конфликтного дискурса, так как диалог развивается и уходит в сторону развязывания конфликта постепенно. При этом оба участника коммуникации не желали его возникновения.

4. Происходит столкновение двух сторон из-за разногласия взглядов (дочь хочет выйти замуж по любви, а отец намерен выдать ее замуж насильно).

5. Предметом бытового конфликта является объективная проблема (принуждение девушки к вступлению в брак ее отцом), а объектом – нематериальные ценности (разные убеждения отца и дочери).

6. Статусная ориентированность коммуникантов (отец и дочь).

7. Настоящий пример демонстрирует вспыльчивость, категоричность, импульсивность собеседников, принадлежащих к арабской лингвокультуре (*she spat out a verse* – ‘бросила ему в лицо изречение’).

I shocked all present when I loudly proclaimed that if the Prophet could speak in this new age of modern amenities, I knew he would end such a silly tradition. Certainly, I announced loudly, this one issue alone proved that we Saudis were like uninspired mules; we trod the same weary track as the mule before us even if it led us to plunge off a cliff. Only when we evolved as spirited stallions, with a strong will of our own, would we progress and leave the era of those primitive behind us [13, с. 95].

‘Мне ничего не оставалось, как только окончательно шокировать собравшихся заявлением, что если бы пророк был сейчас жив, то он наверняка прекратил бы действие этого глупого обычая. **Мы, саудовцы, – кричала я, – доказываем, что не умнее бестолкового мула, который идет след в след за вожакom каравана, не думая о том, куда его могут привести!** Пока мы не сможем посмотреть правде в глаза и выбрать свой путь, нам не избавиться от гнета старых обычаев’ [11, с. 95].

В данном примере описывается ситуация, как главная героиня взбунтовалась против свадебных обычаев Саудовской Аравии (варварское удаление волос с тела), за что получила пощечину от своей тетушки.

1. Реализуется лимитивная функция общения. Речевые единицы с лимитивной функцией общения: *uninspired mules* – ‘бестолковый мул’.

2. Настоящий пример иллюстрирует противоборство двух сторон (героини и ее родственников) с эксплицированием своих действий вербальными средствами на лексическом и синтаксическом уровнях. На лексическом уровне: сравнительный оборот (*like uninspired mules* – ‘не умнее бестолкового мула’), на синтаксическом уровне: использование восклицательного предложения.

3. Данный пример относится к частично намеренному типу конфликтного дискурса, так как главная героиня заранее осведомлена, что в течение речевого акта она намерен реализовывать коммуникативную цель, которая не совпадает с коммуникативной целью ее реципиентов.

4. Происходит столкновение участников конфликта из-за разногласия взглядов (главная героиня выступает против варварских свадебных обычаев, а ее старшие родственницы придерживаются консервативных взглядов).

5. Предметом бытового конфликта является объективная проблема (отказ героини следовать принятым традициям), а объектом – нематериальные ценности (разные убеждения). Данный пример иллюстрирует возникший конфликт между главной героиней и ее родственницами в день свадьбы из-за ее отказа следовать традициям Саудовской Аравии.

6. Статусная ориентированность коммуникантов (главная героиня и старшие родственницы).

7. Демонстрируется вспыльчивость, категоричность, импульсивность арабских собеседников (*I announced loudly* – ‘кричала я’, *like uninspired mules* – ‘не умнее бестолкового мула’).

Проведенный нами анализ показал, что выше рассмотренные примеры относятся к арабскому бытовому конфликтному дискурсу.

На основе анализа исследуемого материала можно заключить, что в арабской лингвокультуре бытовой конфликтный дискурс в целом сопровождается чувством ненависти, ярости, злобы, отвращения. Указанные эмоции могут проявляться во взгляде, мимике, а также во внутреннем психологическом состоянии коммуникантов.

Что касается причин возникновения конфликтной ситуации, то, проанализировав материал исследования, мы приходим к выводу о том, что в арабском бытовом дискурсе коммуникантами чаще всего движет чувство ревности, противоборство между приверженцами традиций и преобразований, гендерное, социальное, этническое неравенство, борьба за власть и авторитет, разница в уровне образования, разница в возрасте и происхождении.

Выводы

В настоящее время в современной лингвистике основными идеями являются, с одной стороны, идея антропоцентричности языка, а, с другой, идея влияния экстралингвистических факторов на говорящего человека. Главными направлениями, которые формируются в рамках антропоцентрической парадигмы, являются когнитивная лингвистика и лингвокультурология. В рамках данной парадигмы все большее внимание уделяется изучению конфликтного дискурса, в частности бытового. В связи с тем, что в языке отражается ментальность и культура народа, то и конфликтному дискурсу присущи свои лингвокультурологические особенности.

Анализ исследуемого материала наглядно продемонстрировал отличительные характеристики бытового конфликтного дискурса в арабских странах. Все лингвокультурологические особенности находят свое отражение, как на лингвистическом, так и на экстралингвистическом уровнях языка.

В арабском мире активно используются средства выразительности, способствующие эмоциональному воздействию на собеседников, такие как, пословицы, поговорки, цитаты, фразеологизмы. Также арабские коммуниканты во время конфликтной ситуации часто ссылаются на аяты Священного Корана (мельчайшие структурные единицы, обычно понимаемые как «стих») и хадисы (предание о словах и действиях пророка Мухаммада, затрагивающее разнообразные религиозно-правовые стороны жизни мусульманской общины).

Проведенный анализ показал, что во время конфликтной ситуации для арабских коммуникантов характерно проявление злости, раздражительности, ненависти, а также эмоциональной истощенности, которая выражается в плаче.

Так же одной из особенностей бытового конфликтного дискурса в арабских странах является повышенная требовательность коммуникантов.

Кроме того, для арабов во время конфликта типичны повышенная эмоциональность, несдержанность, использование грубых оскорблений.

Чаще всего причинами зарождения конфликта в арабской лингвокультуре становится несовпадение точек зрения на одну и ту же проблему. В свою очередь, наиболее типичным примером бытового конфликтного дискурса является конфликт между супругами, выясняющими свои взаимоотношения. Главной отличительной особенностью арабских коммуникантов является их непомерная вспыльчивость.

Таким образом, в результате проведенного анализа нам удалось выявить специфику арабского конфликтного дискурса. В перспективах исследования представляется целесообразным проведение анализа арабского конфликтного дискурса в гендерном аспекте.

Список источников

1. Алхадед Х.Х., Шавтикова А.Т., Мерай М.И. Социокультурные особенности арабского академического дискурса // *Litera*, 2022. № 4. С. 19 – 26. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.4.37759 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37759
2. Белова Е.В. Структурно-содержательные особенности бытового конфликтного дискурса: дис. ... канд. филол. наук. Калуга, 2016. 164 с.
3. Белоус Н.А. Прагматические причины реализации конфликтного дискурса // *Известия Волгоградского государственного педагогического университета*. Волгоград: Волгоградский государственный социально-педагогический университет, 2008. № 2. С. 4 – 7.
4. Белоус Н.А. Функциональные особенности конфликтного дискурса. Знание. Понимание. Умение. Москва: МГУ, 2008. № 4. С. 152 – 157.
5. Бибикова О.П. Арабы. Историко-этнографические очерки. Москва: Издательский дом АСТ, 2008. 444 с.
6. Бикташева Ю.Д. Лингвокультурные особенности конфликтного дискурса (на примере английского и французского бытового дискурса): бакалаврская работа. Красноярск, 2016. 91 с.
7. Волкова О. С. Прагмалингвистические особенности межличностного общения в коммуникативной ситуации «Бытовой конфликт» (на материале английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2009. 23 с.
8. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Издательский дом Перемена, 2002. 477 с.
9. Николаева Т.М. Лингвистика текста. Современное состояние и перспективы. Новое в зарубежной лингвистике. Москва: Издательский дом Прогресс, 1978. С. 4 – 39.
10. Сиротинина О. Б. Русская разговорная речь. Москва: Издательский дом Просвещение, 1983. 79 с.
11. Сэссон Джин. Мемуары принцессы: пер.: Кузовлева Н.Л. Санкт-Петербург: Издательский дом Амфора, 2009. 348 с.
12. Третьякова В.С. Конфликт глазами лингвиста // *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*. Барнаул, 2000. С. 127 – 140.
13. Sasson Jean. Princess: A True Story of Life Behind the Veil in Saudi Arabia. Windsor-Brooke Books, LLC, 2009. 286 p.

References

1. Alhaded Kh.Kh., Shavtikova A.T., Merai M.I. Sociocultural features of Arab academic discourse. *Litera*, 2022. No. 4. P. 19 – 26. DOI: 10.25136/2409-8698.2022.4.37759 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=37759
2. Belova E.V. Structural and content features of everyday conflict discourse: dis. ...cand. Philol. Sci. Kaluga, 2016. 164 p.
3. Belous N.A. Pragmatic reasons for the implementation of conflict discourse. *News of the Volgograd State Pedagogical University*. Volgograd: Volgograd State Social Pedagogical University, 2008. No. 2. P. 4 – 7.
4. Belous N.A. Functional features of conflict discourse. *Knowledge. Understanding. Skill*. Moscow: MGU, 2008. No. 4. P. 152 – 157.
5. Bibikova O.P. *Arabs. Historical and ethnographic essays*. Moscow: AST Publishing House, 2008. 444 p.
6. Biktasheva Yu.D. Linguocultural features of conflict discourse (using the example of English and French everyday discourse): bachelor's thesis. Krasnoyarsk, 2016. 91 p.
7. Volkova O. S. Pragmalinguistic features of interpersonal communication in the communicative situation “Everyday conflict” (based on the English language): abstract. dis. ...cand. Philol. Sci. Volgograd, 2009. 23 p.
8. Karasik V.I. *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena Publishing House, 2002. 477 p.
9. Nikolaeva T.M. *Linguistics of text. Current status and prospects. New in foreign linguistics*. Moscow: Progress Publishing House, 1978. P. 4 – 39.
10. Sirotinina O. B. *Russian colloquial speech*. Moscow: Publishing house Enlightenment, 1983. 79 p.
11. Sasson Jean. *Memoirs of a princess: trans.: Kuzovleva N.L.* St. Petersburg: Amphora Publishing House, 2009. 348 p.
12. Tretyakova V.S. Conflict through the eyes of a linguist. *Jurislinguistics-2: Russian language in its natural and legal existence*. Barnaul, 2000. P. 127 – 140.
13. Sasson Jean. *Princess: A True Story of Life Behind the Veil in Saudi Arabia*. Windsor-Brooke Books, LLC, 2009. 286 p.

Информация об авторе

Караматова А.А., аспирант, Государственный университет просвещения, an.net95@inbox.ru

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 81'44

¹ Мамедова Фарах Алихан гызы

¹ Бакинский государственный университет,
Азербайджан

Двуязычная лексическая вариативность как лингвистический феномен

Аннотация: цель этой статьи – показать, что концепция лексической вариативности, порождаемая англизацией, не должна ограничиваться традиционно изучаемой оппозицией английских заимствованных слов. Рассматривается двуязычная лексическая вариативность как лингвистический феномен. Отмечается, что вопросы вариативности и выбора лежат в основе многих областей лингвистических исследований. Языковая изменчивость является существенным свойством языка, без которого трудно получить представление о структуре языка. Особо подчеркивается роли двуязычной лексической вариативности в изменении статуса английского языка в России. Можно утверждать, что двуязычная лексическая вариативность увеличивает набор различных оттенков значения. Двуязычные лексические вариации наиболее очевидны в письменной речи. Говоря о взаимодействии избранных нами для анализа языков, как в устной, так и письменной речи (последнее – в большей степени) при указанной графике создаются импровизированные двуязычные пары. Чаще всего они выражают аналогичные по содержанию значения. Справедливо считается, что такая «смычка» активно содействует распространению английского языка для русскоговорящего населения. Можно сказать и так: в современной России русско-английская диграфия уже столь развита, что позволяет без помех передавать необходимые сведения по стилистике и социологии. Причём, как на латинице, так и кириллице.

Ключевые слова: языковой контакт, заимствование, переключение кодов, графические вариации слов, двуязычие

Для цитирования: Мамедова Фарах Алихан гызы Двуязычная лексическая вариативность как лингвистический феномен // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 246 – 251.

Поступила в редакцию: 16 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 14 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 9 февраля 2024 г.

¹ Mamedova Farah Alikhan gyzy

¹ Baku State University, Azerbaijan

Bilingual lexical variation as a linguistic phenomenon

Abstract: the purpose of this article is to show that the concept of lexical variation generated by Anglicization should not be limited to the traditionally studied opposition of English loanwords. Bilingual lexical variation is considered as a linguistic phenomenon. It is noted that the issues of variability and choice underlie many areas of linguistic research. Linguistic variability is an essential property of a language, without which it is difficult to get an idea of the structure of a language. The role of bilingual lexical variability in changing the status of the English language in Russia is emphasized. It can be argued that bilingual lexical variation increases the set of different shades of meaning. Bilingual lexical variations are most obvious in writing. Speaking about the interaction of the languages we have chosen for analysis, both in oral and written speech (the latter to a greater extent), improvised bilingual pairs are created with the specified schedule. Most often, they express similar meanings in terms of con-

tent. It is rightly believed that such a “bow” actively promotes the spread of the English language for the Russian-speaking population. One can say this: in modern Russia, Russian-English dysgraphia is already so developed that it allows you to transmit the necessary information on stylistics and sociology without interference. Moreover, both in Latin and Cyrillic.

Keywords: language contact, borrowing, code switching, graphic variations of words, bilingualism

For citation: Mamedova Farah Alikhan gyzy Bilingual lexical variation as a linguistic phenomenon. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 246 – 251.

The article was submitted: October 16, 2023; Approved after reviewing: December 14, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

В настоящей статье планируется подвергнуть краткому лингвистическому разбору некоторые наиболее существенные, с нашей точки зрения, вопросы лексической вариативности. В узком плане она может быть реализована на материале одного конкретно избранного языка. В более широком аспекте – на базе двух языков. Мы решаем остановиться на втором варианте. Во-первых, это в известной степени обогатит работу. Во-вторых, данный вопрос в особенности информативен, так как он входит в объект исследования нескольких научных дисциплин одновременно: лексикологии, различных социолингвистических исследований, интересует специалистов в области контактной лингвистики, а также имеет место быть в трудах по билингвизму.

Материалы и методы исследований

Этой проблеме посвящено множество работ. В ходе исследования были использованы материалы Национальной библиотеки Азербайджана, сделаны выводы на основе их анализа. В статье использован метод лингвокультурологического анализа, сопоставительного анализа, сравнение и систематизация эмпирических и теоретических данных.

Результаты и обсуждения

Проблемы многоязычия в искомом направлении тоже имеют свои характерные признаки. Например, у билингвов, которые по воле обстоятельств вынуждены говорить на каком-либо одном языке, на подсознательном уровне проговаривают своё высказывание на родном языке. Так, во всяком случае, утверждается во многих работах по психолингвистике. Кролл и Дюшеас также указывают: «Для билингвов невозможно игнорировать неиспользуемый язык» [14, с. 218]. По этой очевидной причине при «лексическом обмене всевозможных лексем» [15, с. 69] родной язык остаётся открытым для «кодового переключения» [7, с. 514]. Причём, данное правило применимо к заимствованиям, международным терминам и т.п. Разброс лексем может быть очень широким. Современные лингвисты приходят к однозначному выводу: переход от одноязычной речи – к двуязычной в границах разных кодов носит достаточно подвижный характер [2]. Прежде чем перейти к изложению темы, вынесенной в заголовок настоящей статьи, примем такое теоретическое положение, если не за аксиому, то рабочее определение [1].

Лексическая вариативность имеет большой диапазон действия. Поэтому в традиционном ключеспециалисты рассматривают это явление в узком и широком смысле. В первом случае это понятие прежде всего отъединяют от синонимии. Валгина чётко устанавливает, что «одна лексическая единица может иметь несколько вариантов» [1, с. 26-40]. Это могут быть различия в фонетике, орфографии или грамматике. Во втором случае, напротив, пишут и дискутируют о возможностях органичного вхождения синонимии – в лексическую вариативность.

Совершенно очевидно, что обращение к двуязычной лексической вариативности более продуктивно, потому что она существенно обогащена типологией единиц [4]. Во-первых, большой выбор позволяет их некоторым образом дифференцировать. Во-вторых, как закономерность, появляются альтернативные лексические варианты. Следовательно, возможно в известных пределах их и унифицировать. В-третьих, отмечается функционирование факторов, отмеченных различными лексико-семантическими оттенками (семасиология, ономастология). Показательно, что эти факторы могут носить не только сугубо формальный, но и контекстуальный характер. Значит, немаловажную роль играет лексическое окружение. Здесь уже намечаются пути, формы, методы и средства, регламентирующие связь двуязычной лексической вариативности, с одной стороны, с собеседником, а с другой – с ситуацией. Их сопровождают в лексике «стилистические, социальные или региональные вариации» [12, с. 1-7].

В интересующей нас проблеме определённую значимость приобретают заимствования. Их специфика заключается в том, что они при лексической вариативности нередко оказываются синонимами. В крайнем случае, как считает коллектив монографии под редакцией Зеннера, «полу-синонимичными» [19]. Например, английское «имидж», максимально приближенное к русскому «образ», чаще всего применяется в деловой речи или документации. В современной Великобритании это слово можно услышать в приветственной речи на официальных приёмах. Вместе с тем «образ» чаще используется в ином стиле. Крысин предполагает наличие этой лексемы «в интимных контекстах» [2, с. 150] и в качестве характерного примера рассылается на образ онегинской Татьяны. Признаться, нас смущает выражение «интимный контекст». Существо дела состоит здесь в том, что само слово «образ» в художественной литературе уже давно перестало носить оттенок «интимности» и применяется в абсолютно будничном значении.

Попытаемся резюмировать. Приведённое слово и некоторые другие русские лексические единицы, заимствованные из английских, ясно доказывают факт расширения значений двуязычной лексической вариативности. При этом в двух названных языках заимствования без ущерба научному статусу можно разделить на две части. А). Заимствования переводческие; В). Собственно заимствования. Отсюда и различные лексические вариации. При этом английский язык является языком транслятором, а русский, в свою очередь – стороной принимающей (или воспринимающей – как посмотреть). Сопоставим: «очень важная персона» и «ВИПы». Как мы понимаем, первое может относиться только к индивиду и потому используется только в единственном числе. Второе слово уже в такой степени ассимилировалось, что может иметь две формы числа. (Не путать с огромным количеством слов в русском языке, также имеющих обе формы числа) [5].

Здесь дело заключается в другом. Указанное имеет своего рода «кодовые переключатели». Под ними учёные подразумевают такие английские лексемы, которые переправляют своё основное значение в русский язык. Иными словами, они встраиваются в иноязычный текст. Например: «*show must go on*». Мы не рассматриваем в настоящей статье новые оттенки значений. Это отнюдь не сырьё для изготовления копий. То есть для нас не стоит вопрос о том, в какой степени данная лексема удачна, может прижиться и стать даже источником для лексикографии [6]. Интересует другое: какие лексические варианты при двуязычии потенциально способны стать переходным звеном между синонимами и выше названными полу-синонимами (в терминологии Зеннера)? Оказывается, этот «мост» – слишком скользкое понятие для точного определения места и значения лексических вариантов при двуязычии. Ответ простой и будничный; грань между заимствованием из одного языка – в другой и «кодовым переключением» элементарно стирается. В чём это конкретно выражается?

Возьмём, к примеру, такие словосочетания, как *vip-дача*, *Калифорни тания* или форму слияния «VIP» с окончанием «ов» в родительном падеже мн. ч. определённой части русских слов. В данном случае мы наблюдаем не только «кодовые сочетания», но и особого рода «лексический гибрид», потому что к русскому окончанию в форме префикса примыкает аббревиатура «VIP»;

Другой аналогичный пример приводит Е. Маринова. Она пишет о «вставках – варваризмах, как чужеродных элементах русского языка» [3, с. 38-41]. Это такая лексическая вариативность, которая не принимается (или отвергается) русским языком [*jazzi* другие лексемы].

В самом начале нашей работы мы писали о том, что избранная тема входит в объект исследования современной сравнительной лингвистики. А в ней, в частности, транслитерации или транскрипции, незаимствованные вторым языком, анализируются с позиции «английского в нелатинских письменах» [9, с. 573]. Эти учёные подтверждают сказанное такими примерами: «*импортантперсонс*», «*Инсити*», «*шоу мастгоу он*». Обратное явление: «русский в латинице», или «псевдоанглийский в латинских символах» [16, с. 43]. Например: *Isterika*.

Специфика приведённых лексических вариантов состоит, главным образом, в том, что их нельзя в буквальном смысле отнести ни к одному из указанных нами языков. Между исходным и принимающим языками образуется та самая «брешь», которую выше мы именовали «мостом». Это необычный континуум. По своим основным функциям связующее звено можно анализировать в аспекте стилистики или риторики. Раскроем отмеченное. Формальный план континуума – лексическая вариативность препятствует тавтологии или призвана привлечь внимание так называемыми «косметическими эффектами низкого уровня» [9, с. 570]. К тому же, как синонимы или полу-синонимы, по Зеннеру, они, по наблюдению процитированных лингвистов, часто передают дополнительные, хотя и важные коннотативные оттенки. Характерно, что при передаче различных вариантов с английского языка – на русский, исходный выступает в качестве маркера глобализации, модернизации, престижа, технологического прогресса и т.д. [9].

Вместе с тем для нас очевидно, что эти «маркеры» нельзя воспринимать однозначно. В зависимости от ситуативного окружения лексических единиц с учётом активных процессов американизации в последние

годы, они могут использоваться в ироническом или же символическом контексте. Допустимы, на наш взгляд, также случаи невнимательности невзыскательного читателя. Хотя такой факт уже выходит за рамки собственно лингвистического анализа и приобретает экстралингвистические элементы, тем не менее, как пишет Эккерт, это вполне возможные «упущения “невинными” читателями». На самом же деле «все лексические вариации при двуязычии потенциально могут обрести смысл» [11, с. 30].

В нашей работе возьмём на себя смелость интерпретировать двуязычную лексическую вариативность в контрасте с графической. По нашему мнению, это существенная поправка, потому что многие (без преувеличения!) лингвисты рассматривают последнее только в первой фазе заимствования. Затем поэтапно следует замена иноязычной вставки иным эквивалентом, К примеру, «посредством транслитерации или транскрибирования» [3, с. 101]. Между тем графика сама по себе не всегда способна выразить тенденцию к вытеснению иноязычного аналога. Кириллица и латиница крайне не схожи между собой. Кроме того, количество сопоставляемых в английском и русском языках лексических вариантов возрастает по мере постепенного восстановления заимствованными словами своих первоначальных графических форм. Так, собственно говоря, по трафарету создаются двуязычные пары. Характерно, что они основаны не на конкуренции или контрасте, как в предыдущем случае, но, напротив, в взаимном дополнении, на так называемом «симбиотическом взаимодействии» [13, с. 226]. Упор на графику легко объясним: английский язык чаще усваивается в сфере образования. Практика показывает, что даже при незнании английского языка русские люди, как правило, неплохо знакомы с его алфавитом. Бассетти называет такой слой людей «*бискриптатами*» [8, с. 652]. Этот термин означает, что говорящий владеет двумя системами языков. В нашем случае – английским и русским. Понятно, что эти языки, относящиеся к разным группам, представлены латиницей и кириллицей. Нельзя также сбрасывать со счетов современную техническую поступь, а именно, латиницу для русского говорящего населения в программах компьютеров и в СМИ.

Так, в России в первые годы третьего десятилетия XXI века термин Бассетти приобрёл весьма большую популярность. В стране распространилась «*диграфия без двуязычия*». Это означает, что графика двух типов алфавитов помогает распознать не только лексико-семантические, но и социальные нюансы языка. Тем самым с помощью графических знаков почти полностью стирается грань между «кодовым переключением» в лексике и вариантами заимствования отдельных слов или выражений.

Об этом на примере избранных нами языков чётко свидетельствуют современные социолингвистические исследования. Так, Сирджант и Тэгг, в частности, связывают всплеск научного интереса с развитием концептуальной методологии – ещё одной примечательной области приложения сил для лексической вариативности. Они полагают, что это способствует «различению тонкостей английского языка в эпоху глобализации» [17, с. 511]. Это мнение органично дополняет Бломмарт. Он пишет: «Люди не используют «языки», но ресурсы для общения» [10, с. 3]. Нам представляется, что теоретические суждения названных и других известных лингвистов помогают уточнить факт естественного и непреднамеренного смешения языков разных групп при явном неумении вести беседу на одном конкретном языке. Учёные считают, что «смешанная» речь по своим основным функциям фактически сродни однотипным социологическим вариациям. Упомянутый Эккерт лишь раз подтверждает эту мысль: «Значение вариативности заключается в её роли построения стилей» [11, с. 24]. Рамки нашей статьи не позволяют глубже вникнуть в серьёзную проблему «англо-русской лексической вариативности», но совершенно очевидно, что она нуждается в дальнейших исследованиях. Это следует из того безоговорочного положения, согласно которому в первую очередь проверяется лексическая вариативность на стилистику и риторику. То, что обе эти научные дисциплины конструируют социальные смыслы, сегодня у лингвистов не вызывает никаких сомнений. Речь идёт более всего об установлении их участия в процессах «кодового переключения» и заимствования. В этом направлении наука о билингвизме ещё ждёт своих решений.

Ещё в XX столетии эта проблема в основном была замкнута границами разговорной речи. Причём, далеко не всегда имела принципиальное значение двуязычие или же многоязычие. Для прежних социологических изысканий «пальму первенства» держала традиция предпочтения эго вида речи письменному языку. Скажем больше того, это положение сохранялось как в лингвистике, так и в методике. Особенно при «изучении языка в его социальном контексте» [18, с. 1]. Социолингвистику как дисциплину порою вообще ранее рассматривали в изоляции от собственно социолингвистических исследований. Конечно, роль письма при кодировании ни в коем случае нельзя преуменьшать, тем более что, по словам Себбы, «в общественном сознании язык и письмо часто являются одним и тем же» [18, с. 39]. Всё вышеизложенное в нашей статье об англо-русском лексическом варьировании не только в теории, но и на практике лишний раз подтверждает это.

Выводы

Эта статья продемонстрировала, что объем общей лексики, взаимозаменяемо используемой в английском и русском языках, или, точнее, в графических вариантах латиницы и кириллицы растет. При этом подмечено такое явление: варианты английского языка могут взаимно заменяться русскими эквивалентами. Но специалисты, как правило, прибегают к ним в тех случаях, когда дополнительно требуется подключить к разбору стилистический или социальный ресурс коммуникации. На практике это чаще всего связано с массовым бискриптизмом на двух языках и двух графических изображениях соответственно. Кроме того, лингвистами учитываются овладение реципиентом навыками транслитерации на двух языках, что, в свою очередь тесно связано в наши дни с компьютерной техникой, с одной стороны, коммуникацией, массовой культурой геологическими дислокациями – с другой.

Список источников

1. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. Москва: Логос, 2003. 304 с.
2. Крысин Л.П. Иноязычное слово в современной жизни. С. 142 – 161. // Крысин Л.П. Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва: Языки русской культуры. 1996. 480 с.
3. Кузьмина Н.А., Абросимова Е.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени. Москва: Флинта, Наука. 2013. 254 с.
4. Маринова Е.В. Теория заимствований в основных понятиях и терминах: словарь-справочник. Москва: Флинта, Наука. 2-е изд., 2013. 240 с.
5. Шапошников В.Н. Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении. 2-е изд. Москва: URSS, 2010. 274 с.
6. Юдина Н. Русский язык в XXI веке: Кризис? Эволюция? Прогресс? Москва: Гнозис, 2010. 296 с.
7. Angermeyer, Philipp S. Spelling bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage // *Language in Society*. 2005. № 34 (4). P. 493 – 531.
8. Bassetti Benedetta Bilingualism and writing systems // *The handbook of bilingualism and multilingualism*, ed. by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell. 2013. P. 649 – 670.
9. Bhatia Tej K., Ritchie William C. ‘Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising’, in Tej K. Bhatia and Ritchie, William C. (eds.) *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565 – 623.
10. Blommaert Jan. Language and the study of diversity. *Handbook of diversity studies*, ed. by Steve Vertovec. Routledge / Tilburg Papers in Culture Studies. Paper 74. September 2013. Online: <http://tilburguniversity.academia.edu/JanBlommaert>.
11. Eckert Penelope Variation, convention, and social meaning. Paper Presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. Oakland, CA. January 7, 2005. Online: <http://www.stanford.edu/~eckert/EckertLSA2005.pdf>.
12. Geeraerts Dirk, Stephan Grondelaers, Peter Bakema The structure of lexical variation: meaning, naming, and context. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1994.
13. Haarmann Harold Symbolic values of foreign language use: From the Japanese case to a general sociolinguistic perspective. The Hague: Mouton de Gruyter. 1989.
14. Kroll Judith F., Paola E. Dussias The comprehension of words and sentences in two languages. *The handbook of bilingualism and multilingualism*, ed. by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell. 2013. P. 216 – 243.
15. Muysken Pieter Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
16. Proshina Z.G. The ABC and controversies of World Englishes. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Foreign Languages Press. 2007. Online: www.ffl.msu.ru/ru/personalpages/proshina_zg/2/
17. Seargeant Philip, Caroline Tagg English on the internet and a ‘post-varieties’ approach to language. *World Englishes*. 2011. № 30 (4). P. 496 – 514.
18. Sebba Mark Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power. *Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power*, ed. by Alexandra Jaffe, Jannis Androutsopoulos, Mark Sebba, and Sally Johnson. Boston and Berlin: Walter de Gruyter. 2012. P. 1 – 20.
19. Zenner Eline, Dirk Speelman, Dirk Geeraerts Lexical variation and choice: A usage-based perspective on (semi-)synonymy. Symposium “Re-thinking synonymy: semantic sameness and similarity in languages and their description”. Helsinki, Finland. October 28-30, 2010. Online: http://www.ling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPresentations/zenner_helsinki2010.pdf

References

1. Valgina N.S. Active processes in modern Russian language. Moscow: Logos, 2003. 304 p.
2. Krysin L.P. A foreign word in modern life. pp. 142 – 161. Krysin L.P. Russian language of the late 20th century (1985-1995). Moscow: Languages of Russian culture. 1996. 480 p.
3. Kuzmina N.A., Abrosimova E.A. Active processes in the Russian language and communication of modern times. Moscow: Flinta, Nauka. 2013. 254 p.
4. Marinova E.V. Theory of borrowings in basic concepts and terms: dictionary-reference book. Moscow: Flinta, Nauka. 2nd ed., 2013. 240 p.
5. Shaposhnikov V.N. Russian speech of the 1990s. Modern Russia in linguistic reflection. 2nd ed. Moscow: URSS, 2010. 274 p.
6. Yudina N. Russian language in the 21st century: Crisis? Evolution? Progress? Moscow: Gnosis, 2010. 296 p.
7. Angermeyer, Philipp S. Spelling bilingualism: Script choice in Russian American classified ads and signage. *Language in Society*. 2005. No. 34 (4). P. 493 – 531.
8. Bassetti Benedetta Bilingualism and writing systems. *The handbook of bilingualism and multilingualism*, ed. by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell. 2013. P. 649 – 670.
9. Bhatia Tej K., Ritchie William C. ‘Bilingualism and multilingualism in the global media and advertising’, in Tej K. Bhatia and Ritchie, William C. (eds.) *The handbook of bilingualism and multilingualism*. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell, 2013. P. 565 – 623.
10. Blommaert Jan. Language and the study of diversity. *Handbook of diversity studies*, ed. by Steve Vertovec. Routledge. Tilburg Papers in Cultural Studies. Paper 74. September 2013. Online: <http://tilburguniversity.academia.edu/JanBlommaert>.
11. Eckert Penelope Variation, convention, and social meaning. Paper Presented at the Annual Meeting of the Linguistic Society of America. Oakland, CA. January 7, 2005. Online: <http://www.stanford.edu/~eckert/EckertLSA2005.pdf>.
12. Geeraerts Dirk, Stephan Grondelaers, Peter Bakema The structure of lexical variation: meaning, nam-ing, and context. Berlin, New York: Mouton de Gruyter. 1994.
13. Haarmann Harold Symbolic values of foreign language use: From the Japanese case to a general sociolinguistic perspective. The Hague: Mouton de Gruyter. 1989.
14. Kroll Judith F., Paola E. Dussias The comprehension of words and sentences in two languages. *The handbook of bilingualism and multilingualism*, ed. by Tej K. Bhatia and William C. Ritchie. Malden, Oxford, and Chichester: Wiley-Blackwell. 2013. P. 216 – 243.
15. Muysken Pieter Bilingual speech: A typology of code-mixing. Cambridge: Cambridge University Press. 2000.
16. Proshina Z.G. The ABC and controversies of World Englishes. Khabarovsk: Far Eastern Institute of Foreign Languages Press. 2007. Online: www.ffl.msu.ru/ru/personalpages/proshina_zg/2/
17. Seargeant Philip, Caroline Tagg English on the internet and a ‘post-varieties’ approach to language. *World Englishes*. 2011. No. 30 (4). P. 496 – 514.
18. Sebba Mark Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power. *Orthography as social action: Scripts, spelling, identity and power*, ed. by Alexandra Jaffe, Jannis Androutsopoulos, Mark Sebba, and Sally Johnson. Boston and Berlin: Walter de Gruyter. 2012. P. 1 – 20.
19. Zenner Eline, Dirk Speelman, Dirk Geeraerts Lexical variation and choice: A usage-based perspective on (semi-)synonymy. Symposium “Re-thinking synonymy: semantic sameness and similarity in languages and their description.” Helsinki, Finland. October 28-30, 2010. Online: http://www.ling.arts.kuleuven.be/qlvl/PDFPresentations/zenner_helsinki2010.pdf

Информация об авторе

Мамедова Фарах Алихан гызы, кандидат филологических наук, доцент? Бакинский государственный университет, Азербайджан

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 378:341

¹ Медведева Е.П.

¹ Школа иностранных языков,
Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики

Анализ терминов международного воздушного права в русском и английском языках для специальных целей на основе признаков семантического поля

Аннотация: статья посвящена актуальной проблеме специфики английской и русской терминосистем международного воздушного права. В исследовании представлены группы терминов по критерию принадлежности к семантическому ядру в рамках терминологического поля. Цель статьи заключается в определении критериев систематизации терминов международного воздушного права в терминосистемах русского и английского языков. Задачи исследования заключались в выявлении единого семантического признака для исследуемых терминосистем. В статье представлены результаты эмпирического исследования, которые доказывают, что предложенная в исследовании систематизация позволяет сопоставить лексико-семантические группы английского и русского языков относительно частотности терминов; выявить основную динамику употребления терминов в английской и русской терминосистемах международного воздушного права. Автор статьи заключает, что терминопole с определенным семантическим ядром в рамках отрасли международного воздушного права является наиболее объективным критерием, допускающим сопоставление терминов из двух разных языковых систем в рамках кросс-лингвистического исследования.

Ключевые слова: язык для специальных целей, терминоведение, терминосистема, терминопole, терминосистема международного воздушного права, международное воздушное право

Для цитирования: Медведева Е.П. Анализ терминов международного воздушного права в русском и английском языках для специальных целей на основе признаков семантического поля // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 252 – 259.

Поступила в редакцию: 12 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 9 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 2024 г.

¹ Medvedeva E.P.

¹ School of Foreign Languages,
National Research University Higher School
of Economics

Classification of international air law terms in Russian and English languages for special purposes (based on the term-field semantic feature)

Abstract: the article reveals an actual problem of international air law terminology systems' specificity in English and Russian languages. The study presents term grouping according to the semantic core criterion within the terminological field. The research goal is to determine criteria for the term classification of international air law in Russian and English terminology. The research methodology is based on a cross-linguistic approach and includes

a group of general scientific methods (comparative analysis, statistical method, frequency analysis); as well as special methods (semantic analysis, methods of translation studies and terminology, as well as the method of corpus research). The author presents the empirical study results that the classification proposed in the study makes it possible to compare the frequency of each lexical-semantic term group in English and Russian languages; identifies the main dynamics of the terms in the English and Russian terminology systems of international air law. Based on the results, the author has concluded that a term field with a certain semantic core in international air law is the most objective criterion that allows term comparison in two different language systems in the framework of cross-linguistic research.

Keywords: *language for special purposes, terminology, terminological system, terminological field, terminological system of international air law, international air law*

For citation: Medvedeva E.P. Classification of international air law terms in Russian and English languages for special purposes (based on the term-field semantic feature). *Philological Sciences Bulletin*. 2024. 4 (1). P. 252 – 259.

The article was submitted: October 12, 2023; Approved after reviewing: December 9, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлено необходимостью выявления общих семантических признаков терминов международного воздушного права в английском и русском языках. Отсутствие двусмысленности представляет собой базовую характеристику термина, которая должна быть учтена при переводе с одного языка на другой. К числу отраслевых терминологических систем стратегического значения относятся терминология в области международного воздушного права. Значение данной терминосистемы обозначено в нормативных документах профильных министерств. В частности, в Приказе «Об утверждении федеральных авиационных правил «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» от 26 сентября 2012 г. № 362 отмечается, что «ведение радиообмена между экипажами воздушных судов, органами обслуживания воздушного движения и соответствующими наземными службами на территории Российской Федерации, в воздушном пространстве Российской Федерации и воздушном пространстве над открытым морем, где ответственность за ОПП положено на Российскую Федерацию, осуществляется на английском или на русском языке» [14]. Кроме того, в данном исследовании используются результаты, полученные в ходе работы над составлением англо-русского словаря терминов международного воздушного права на материале различных специальных источников [3]. Следовательно, исследования терминосистем двух и более языков можно считать междисциплинарными, поскольку в них исследуется не только лингвистический, но и переводоведческий аспекты. При этом большое внимание уделяется конкретизации понятийного аппарата для определения сущности и классификации терминосистем.

Среди предложенных исследователями толкований понятия «терминосистема» наиболее полным представляется определение Г.Г. Бабаловой, согласно которому «терминосистема – это организованная совокупность терминов в специальном языке определенной области знания» [2, с. 91]. Современная лингвистика предлагает также широкий спектр исследований терминосистем, обслуживающих определенную отрасль человеческой деятельности [13, с. 105]. Данный критерий довольно широко используется в работах, посвященных систематизации терминов международного воздушного права [22, с. 122]. Помимо отраслевого критерия, также предлагается компонентный (структурный) критерий для систематизации терминов. Сопоставительный анализ и способы образования однокомпонентных и многокомпонентных терминов международного гуманитарного права в русском и английском языках представлен в работах А.Г. Давтян [6, 7]. В работах Е.С. Закировой [8] предлагается систематизация терминов на основе комплексного лексикографического [9] и полипарадигмального подходов [10], которые положены в основу данного исследования.

Представленная в данной статье лексико-семантическая систематизация терминов основана на внутренних предметно-логических признаках отраслевой терминосистемы международного воздушного права. В рамках данной классификации считаем необходимым учесть, что объединения терминов по лексико-семантическому критерию в отраслевой терминосистеме могут составлять несколько основных лексико-семантических групп, формирующих семантическое ядро отраслевого терминополья с четкими тематическими признаками. В рамках данной классификации объединение терминов в лексико-семантическую группу производится на основе сходства значения или общности функций обозначаемых специальной лек-

сикой предметов и процессов в определенной отрасли человеческой деятельности [16, с. 79]. Для лексико-семантической классификации терминов международного воздушного права, с точки зрения методологии исследования, наиболее релевантным является корпусный метод изучения английского и русского языков путем анализа тематически сгруппированных текстов. По мнению исследователей, корпусная лингвистика позволяет верифицировать результаты и выводы, проводить сопоставительные кросс-лингвистические исследования в рамках сопоставления двух или нескольких языков, принадлежащих к разным языковым семьям [17, с. 197]. Таким образом, проблема поиска наиболее релевантного классификационного признака остается актуальной для современного терминоведения.

Материалы и методы исследований

В качестве материала исследования послужили термины, обслуживающие отрасль международного воздушного права. В исследовании использованы материалы по истории становления и развития международного воздушного права, а также такие источники, характеризующие режим международных полетов, как ИКАО [25] и Приложения к Чикагской конвенции ООН (1944 г.) [21]. Для сбора терминологических образцов дополнительно были использованы официальный корпус английского языка «English-Corpora: BNC» [23] и «Национальный корпус русского языка» [13]. В рамках темы исследования анализировались тексты, касающиеся отрасли международного воздушного права, регулирующего авиационные перевозки: международные конвенции о воздушном пространстве; государственные документы, находящиеся в индексированном корпусе, в сфере регулирования межгосударственных отношений в воздушном пространстве, а также тексты технических международных регламентов, регулирующих деятельность в авиационной отрасли. На основе изучения корпусов английского и русского языков было исследовано выделено 10 основных семантических полей в английской и русской терминосистемах международного воздушного права. Общее количество отобранных примеров составило 156 английских и 154 русских терминов, которые использовались в текстах корпусов английского и русского языков. Метод корпусного исследования, использованный для сбора примеров, применяется довольно часто в кросс-лингвистике, например, в работах К.П. Чилингарян [17], С.А. Сарменто [26], П. Сревенса [27] и Е. Вустера [28] и др.

Методология исследования основана на комплексном лингвистическом подходе и включает в себя группу общенаучных методов (сопоставительный анализ, статистический метод, частотный анализ), а также ряд специальных методов (семантический анализ, методы переводоведения и терминоведения, включая метод корпусного исследования). Для выявления групп по семантическому критерию был проведен частотный анализ соответствующих терминов в тематических текстах языковых корпусов. Две репрезентативные выборки были распределены по критерию единого семантического ядра в конкретном терминологическом поле.

Результаты и обсуждения

Проведенное исследование показало, что наиболее широкую группу из представленных репрезентативных выборок составили термины, входящие в терминологическое поле «Общие авиационные понятия», что связано с обширным их применением и не только в рамках текстов международного воздушного права, но и в документах профильных министерств и ведомств, официального отраслевого документооборота, а также с использованием данной терминологии в официальной дипломатической переписки между соответствующими ведомствами стран, вовлеченных в договорные отношения в области регулирования международного воздушного сообщения. Термины данной группы также широко представлены в смежных областях: в юриспруденции, в договорном праве, в частном международном праве, коллизионном праве и т.п. Примерами терминов данной группы являются:

- acceptable level of safety performance (ALoSP) / приемлемый уровень показателей безопасности (ALoSP);
- accepting unit / приемный блок;
- aircraft accident / авиакатастрофа;
- aeromedical evacuation / авиамедицинская эвакуация;
- common mark registering authority / орган, регистрирующий единый знак.

В процессе эмпирического исследования были получены следующие результаты, связанные с распределением лексико-семантических групп по критерию семантического ядра терминологического поля (табл. 1).

Таблица 1

Распределение лексико-семантических групп по критерию терминологического ядра (составлено на основании корпусного исследования английского и русского языков для специальных целей в сфере международного воздушного права).

Table 1

Distribution of lexical-semantic groups according to the criterion of the terminological core (compiled on the basis of a corpus study of the English and Russian languages for special purposes in the field of international air law).

№ п/п	Наименование терминологического ядра	Количество примеров, отобранных для исследования	
		Английские термины	Русские термины
1	«Общие авиационные понятия»	30	28
2	«Аэропорт»	17	14
3	«Взлетно-посадочная полоса»	13	11
4	«Помещение»	20	14
5	«Воздушное судно»	8	6
6	«Служба»	12	19
7	«Посадка»	20	20
8	«Груз»	10	6
9	«Авиационное предприятие»	15	26
10	«Багаж»	15	10

Помимо основной и самой обширной по использованию группы «Общие авиационные понятия», приведенные в табл. 1 терминологические группы сформированы в рамках узкоспециальных терминологических полей, чем и объясняется относительно небольшое количество входящих в них терминов. Следует также отметить, что вполне закономерным можно считать тот факт, что в русском языке специальная терминология, как правило, имеет узкое контекстуальное значение, что отличает русскую терминосистему от английской, в которой специально-отраслевые термины имеют прямое значение с максимально однозначной трактовкой [5, с. 122].

К числу терминов узкоспециальной группы можно отнести следующие примеры:

- accelerate-stop distance available (ASDA) / *располагаемая дистанция прерванного взлета, РДПВ*;
- aerodrome taxi circuit / *схема руления по аэродрому*;
- adequate alternate aerodrome / *соответствующий запасной аэродром*;
- runway capacity / *пропускная способность взлетно-посадочной полосы (ВПП)*;
- runway excursion / *выезд за пределы ВПП*;
- runway incursion / *несанкционированный выезд за ВПП*.

Для наглядности использования терминов каждой из выделенных семантических групп была проведена верификация данных с помощью частотного анализа, в ходе которого был выявлен индекс частотности по национальным корпусам английского и русского языков (рис. 1).

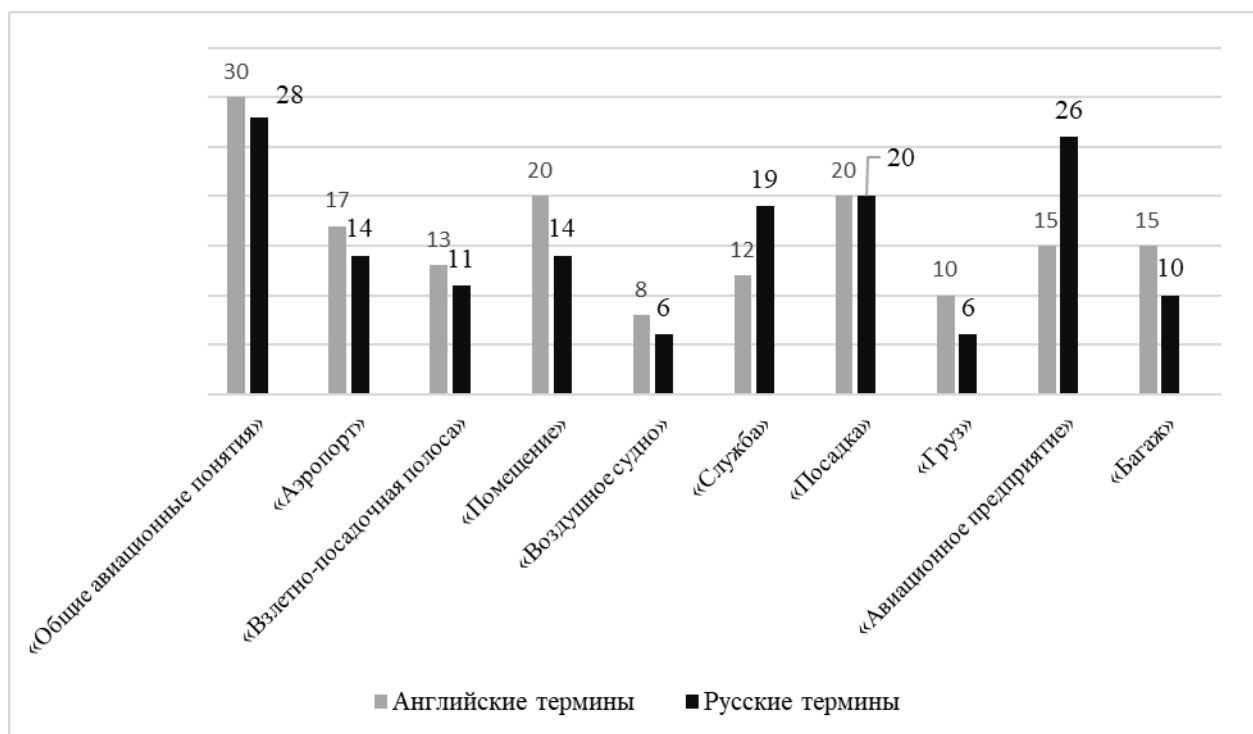

Рис. 1. Примеры частотности терминов по лексико-семантическому критерию в терминологических полях английского и русского языков для специальных целей в сфере международного воздушного права.

Fig. 1. Examples of the frequency of terms according to the lexical-semantic criterion in the terminological fields of the English and Russian languages for special purposes in the field of international air law.

Частотный анализ исследуемых терминосистем показал, что в репрезентативной выборке терминов английского языка наименьший объем составляет узкоспециальная лексика терминополья «Воздушное судно», в качестве примеров которой можно привести следующие:

- ADS agreement / *соглашение ADS*;
- pilot-in-command / *командир воздушного судна*;
- aerial work; AW / *авиационные спецработы*;
- aircraft security check / *проверка воздушного судна в целях безопасности*;
- downstream data authority / *полномочный орган, обеспечивающий обмен данными в направлении полета*;
- EDTO – configuration, maintenance and procedures (CMP) requirements / *критически важная система для полетов с увеличенным временем ухода на запасной аэродром*.

В русском языке объем выборки данного терминополья также является самым небольшим по сравнению с другими. Терминополье с семантическим ядром «Груз» также демонстрирует низкую частотность по сравнению с другими группами. Примерами лексики данного терминополья являются:

- cargo transportation declarant / *декларант грузоперевозки*;
- transporting cargo on an airplane / *правила перевозки грузов в самолете*;
- aircraft cargo hold fastening systems / *крепежные системы грузового отсека самолета*.

Относительно в равных пропорциях в исследуемых терминосистемах используются лексические единицы таких терминопольей, как «Авиационное предприятие» и «Багаж»:

- airline / *авиационное предприятие*;
- corporatization / *корпоратизация*;
- airline and operators' documents / *документы авиакомпаний и эксплуатанта*;
- air operator certificate; AOC / *сертификат эксплуатанта; AOC*;
- baggage check / *багажная квитанция*;
- baggage / *багаж*;
- baggage claim (baggage reclaim area) / *место получения багажа (место востребования багажа)*.

Таким образом, проведенный анализ позволил доказать тезис о наибольшей частотности терминов, связанных с наиболее широким терминопolem «Общие авиационные понятия», в то время как узкоспециальные термины имеют низкую частотность в приведенных репрезентативных выборках.

В настоящее время терминоведческая дискуссия в рамках исследуемой темы довольно обширна и включает в себя работы как отечественных, так и зарубежных исследователей. В частности, общетеоретические аспекты сущности понятий «терминосистема», «термин» и «терминология» рассмотрены в работах таких авторов, как К.Я. Авербух [1], А.А. Реформатский [15], опр Г.Г. Бабалова [2] и др. Методологические основы терминоведения как отдельной отрасли лингвистики были заложены такими авторами, как С.В. Гринев-Гриневич [5], С.Д. Шелов [18], В.М. Лейчик [11, 12] и др. Следует отметить, что в современной лингвистике терминосистемы международного воздушного права относятся к малоизученным и требуют тщательного анализа. Особый интерес для нашего исследования представляют работы таких отечественных лингвистов, как В.В. Воробьев, Е.С. Закирова, Т.А. Карпова, Л.П. Циленко [4], А.Г. Давтян [6,7] и др.

Необходимо отметить, что само понятие «терминологическое поле» было введено отечественным переводчиком и лингвистом А.А. Реформатским: «полем термина является та терминология, вне которой слово теряет свою лексико-семантическую функцию» [15, с. 48]. В терминологическом поле исследователи выделяют семантическое ядро и периферию [20, с. 186]. Закономерность наличия семантического ядра в терминологическом поле обусловлена связями с остальными лексическими единицами, входящими в это поле.

В зарубежной научной литературе основным аспектам изучения терминосистемы международного воздушного права посвящен ряд исследований: Р. Бартш [20], П.С. Димпси [22], Ф. Фрик и У.Х. Симби [24] и др. С методологической точки зрения интерес представляют работы С.А. Сарmento [26], П. Сревенса [27] и Е. Вустера [28], в которых представлены результаты эмпирических исследований терминологии английского языка в рамках определенного языка для специальных целей.

На основе результатов исследования можно предложить следующую концептуальную трактовку: *терминосистема международного воздушного права представляет собой совокупность терминов, которые используются для однозначности понимания между участниками и потребителями услуг авиационной отрасли в процессе регулирования правовых и отраслевых отношений*. Исходя из данного определения, в терминологии международного воздушного права необходимы четкие критерии систематизации и классификации, в основе которых лежит общий семантический признак термина.

Кроме того, в лингвистических работах необходимо применение общих для разных языковых систем критерии, позволяющих проводить сопоставления терминов, обслуживающих конкретную научную область. Для выявления общего критерия на основе методологии корпусных исследований было проведено изучение авиационных терминов международного воздушного права в рамках классификации и групп лексико-семантических единиц по критериям принадлежности к семантическому ядру терминологического поля.

Выводы

В результате проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. проведенный на основе критерия принадлежности к семантическому ядру частотный анализ десяти основных терминопoleй в терминосистемах международного воздушного права английского и русского языков для специальных целей показал, что в корпусах международно-правового содержания, примерно с равной частотностью используются термины, образующие терминопoleя «Аэропорт», «Взлетно-посадочная полоса», «Помещение», «Служба», «Посадка», «Груз», «Авиационное предприятие», а к наиболее широко используемым относятся термины, связанные с семантическим ядром терминопoleя «Общие авиационные понятия»;

2. предложенная систематизация терминов на основе критерия семантического ядра в рамках конкретных терминологических полей позволяет решить важные задачи для будущих кросс-лингвистических исследований, а именно: проводить сопоставления каждого терминопoleя английского и русского языков для специальных целей с применением частотного анализа; выявить динамику употребления терминов в английской и русской терминосистемах международного воздушного права.

Список источников

1. Авербух К.Я. Общая теория термина. М.: Издательство МГОУ, 2006. 252 с.
2. Бабалова Г.Г. Термин как элемент терминосистемы // Сибирское юридическое обозрение. 2017. № 12. С. 91 – 94.
3. Воробьев В.В., Закирова Е.С., Медведева Е.П. Англо-русский словарь терминов и понятий международного воздушного права. М.: «Прометей», 2023. 167 с.

4. Воробьев В.В., Закирова Е.С., Давтян А.Г., Карпова Т.А., Циленко Л.П. Сопоставительный анализ многокомпонентных терминов в составе анализируемых русской и английской терминологий международного гуманитарного права // Гуманитарные науки и образование. 2019. № 10. С. 144 – 149.
5. Гринев-Гриневиц С.В. Терминоведение: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2008. 304 с.
6. Давтян А.Г. Сопоставительный анализ однокомпонентных терминов международного гуманитарного права в русском и английском языках // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации: Сборник материалов межвузовской студенческой научно-практической конференции. 2019. С. 21 – 23.
7. Давтян А.Г. Способы образования однокомпонентных и многокомпонентных терминов международного гуманитарного права в русском и английском языках // Вопросы прикладной лингвистики. 2019. № 1. С. 55 – 67.
8. Закирова Е.С. Лингвокультурологическая парадигма языка для специальных целей: дис. ... докт. филолог. наук. Москва, 2015. С. 452.
9. Закирова Е.С., Современные подходы к лексикографическому описанию терминов // Слово и словарь. Сборник научных трудов. Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2013. С. 148 – 150.
10. Закирова Е.С., Швецова, Е.В. Полипарадигмальный подход к изучению терминов // Известия МГТУ «МАМИ». Научный рецензируемый журнал. 2012. № 1 (13). С. 352 – 360.
11. Лейчик М.Л. Опираясь на традиции – к новым горизонтам терминоведения // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. 2013. № 31 (322). С. 6 – 7.
12. Лейчик В.М. Терминоведение. Предмет, методы, структуры. М.: Книжный дом «Либроком», 2009. 256 с.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 10.08.2023)
14. Приказ Министерства транспорта РФ от 26 сентября 2012 г. № 362 «Об утверждении Федеральных авиационных правил «Порядок осуществления радиосвязи в воздушном пространстве Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Правовая база ГАРАНТ. С. 24. URL: <https://base.garant.ru/70359988/> (дата обращения: 12.08.2023)
15. Реформатский А.А. Что такое термин и терминология // Вопросы терминологии. Материалы Всесоюзного терминологического совещания. М., 1961. С. 46 – 62.
16. Сабирова С.Г. Сущностная характеристика понятий «термин» и «терминосистема» в дискурсивном пространстве экономики // Вестник Педагогического университета. 2021. № 5. С. 78 – 82.
17. Чилингарян К.П. Корпусная лингвистика: теория vs методология // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. № 1. С. 196 К 218.
18. Шелов С.Д. Очерк теории терминологии: состав, понятийная организация, практические приложения. М.: «ПринтПро», 2018. 472 с.
19. Эгамназаров Х.Х. О понятии лексико-семантического поля в лингвистике // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 185 – 191
20. Bartsch, R. International Aviation Law: A Practical Guide. Ashgate Publishing, 2013. 380 p.
21. Chicago Convention. Convention on the International Civil Aviation. URL: <https://www.icao.int/publications/pages/doc7300.aspx> (дата обращения: 09.08.2022)
22. Dempsey P.S. Public International Air Law. McGill University, 2017. 1025 p.
23. English-Corpora: BNC. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (access date: 09.08.2023)
24. Frick F.S., Sumby W.H. Control Tower Language. JASA. 1958. 25 p.
25. International Civil Aviation Vocabulary / ICAO. Montreal, 2007. 832 p.
26. Sarmento S.A. Pragmatic Account of Aviation Manuals. English for Specific Purposes World. 2005. Vol. 4. № 3. P. 321 – 327.
27. Strevens P. Special-purposed language learning: A perspective. Language Teaching. 1977. № 10 (3). P. 145 – 163.
28. Wuster E. International activity in Terminology: 75 years of Research foundations and Challenge for the Rest of the Century. Munich: Infoterm. Ser. 3. 1976. P. 32 – 40.

References

1. Averbukh K.Ya. General theory of the term. M.: Publishing house MGOU, 2006. 252 p.
2. Babalova G.G. Term as an element of the terminological system. Siberian Legal Review. 2017. No. 12. P. 91 – 94.

3. Vorobyov V.V., Zakirova E.S., Medvedeva E.P. English-Russian dictionary of terms and concepts of international air law. M.: "Prometheus", 2023. 167 p.
4. Vorobyov V.V., Zakirova E.S., Davtyan A.G., Karpova T.A., Tsilenko L.P. Comparative analysis of multi-component terms in the analyzed Russian and English terminologies of international humanitarian law. Humanities and Education. 2019. No. 10. P. 144 – 149.
5. Grinev-Grinevich S.V. Terminology: textbook. aid for students higher textbook establishments. M.: Publishing center "Academy", 2008. 304 p.
6. Davtyan A.G. Comparative analysis of one-component terms of international humanitarian law in Russian and English. Current problems of intercultural communication: Collection of materials of the interuniversity student scientific and practical conference. 2019. P. 21 – 23.
7. Davtyan A.G. Methods of forming single-component and multi-component terms of international humanitarian law in Russian and English. Questions of applied linguistics. 2019. No. 1. P. 55 – 67.
8. Zakirova E.S. Linguocultural paradigm of language for special purposes: dis. ... doc. philologist. Sci. Moscow, 2015. P. 452.
9. Zakirova E.S., Modern approaches to the lexicographic description of terms. Word and Dictionary. Collection of scientific papers. Grodno, Grodno State University named after. Y. Kupala, 2013. P. 148 – 150.
10. Zakirova E.S., Shvetsova, E.V. Polyparadigmatic approach to the study of terms. News of MSTU "MAMI". Scientific peer-reviewed journal. 2012. No. 1 (13). P. 352 – 360.
11. Leichik M.L. Relying on traditions – to new horizons of terminology. Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art history. 2013. No. 31 (322). P. 6 – 7.
12. Leichik V.M. Terminology. Subject, methods, structures. M.: Book house "Librokom", 2009. 256 p.
13. National Corpus of the Russian Language. URL: <https://ruscorpora.ru/> (access date: 08/10/2023)
14. Order of the Ministry of Transport of the Russian Federation dated September 26, 2012 No. 362 "On approval of the Federal Aviation Rules "Procedure for radio communications in the airspace of the Russian Federation" (with amendments and additions). Legal framework GARANT. P. 24. URL: <https://base.garant.ru/70359988/> (access date: 08/12/2023)
15. Reformatsky A.A. What is a term and terminology. Questions of terminology. Materials of the All-Union Terminology Meeting. M., 1961. P. 46 – 62.
16. Sabirova S.G. Essential characteristics of the concepts "term" and "terminal system" in the discursive space of economics. Bulletin of the Pedagogical University. 2021. No. 5. P. 78 – 82.
17. Chilingaryan K.P. Corpus linguistics: theory vs methodology. Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Series: Theory of language. Semiotics. Semantics. 2021. No. 1. P. 196 K 218.
18. Shelov S.D. Essay on the theory of terminology: composition, conceptual organization, practical applications. M.: "PrintPro", 2018. 472 p.
19. Egamnazarov Kh.Kh. On the concept of lexical-semantic field in linguistics. Scientific notes of Khujand State University. Academician B. Gafurov. Humanitarian sciences. 2018. No. 1. P. 185 – 191
20. Bartsch, R. International Aviation Law: A Practical Guide. Ashgate Publishing, 2013. 380 p.
21. Chicago Convention. Convention on the International Civil Aviation. URL: <https://www.icao.int/publications/pages/doc7300.aspx> (access date: 08/09/2022)
22. Dempsey P.S. Public International Air Law. McGill University, 2017. 1025 p.
23. English-Corpora: BNC. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (access date: 08/09/2023)
24. Frick F.S., Sumbly W.H. Control Tower Language. JASA. 1958. 25 p.
25. International Civil Aviation Vocabulary. ICAO. Montreal, 2007. 832 p.
26. Sarmento S.A. Pragmatic Account of Aviation Manuals. English for Specific Purposes World. 2005. Vol. 4. No. 3. P. 321 – 327.
27. Strevens P. Special-purposed language learning: A perspective. Language Teaching. 1977. No. 10 (3). P. 145 – 163.
28. Wuster E. International activity in Terminology: 75 years of Research foundations and Challenge for the Rest of the Century. Munich: Infoterm. Ser. 3. 1976. P. 32 – 40.

Информация об авторе

Медведева Е.П., тьютор, Школа иностранных языков, Национальный исследовательский университет
Высшая школа экономики, MedKetrin94@gmail.com

Научно-исследовательский журнал «Вестник филологических наук / Philological Sciences Bulletin»

<https://vfn-journal.ru>

2024, Том 4, № 1 / 2024, Vol. 4, Iss. 1 <https://vfn-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки)

УДК 801.8

¹ Быкадорова Е.С.

¹ Сибирский государственный университет путей
сообщения

Передача информации при переводе текста по специальности

Аннотация: в статье рассматриваются вопросы изучения особенностей перевода технических текстов и использования теоретических вопросов перевода на практике. В работе анализируются различные подходы к переводу, учитываются лексико-грамматические особенности каждого из языков, а также рассматривается вопрос сохранения прагматических особенностей при переводе текста по специальности. Выполнен перевод текста технической направленности, а также его анализ. Также в статье рассмотрены основные проблемы, с которыми сталкивается переводчик технических текстов, такие как терминологические трудности, неоднозначность перевода, различия в культурных контекстах и требованиях к оформлению. Проанализированы трудности, возникающие при переводе технических текстов, и предложены способы их преодоления. Для решения этих проблем были предложены различные методы и подходы, включая использование специализированных словарей и глоссариев, переводческих программ и интернет-ресурсов, а также применение переводческих трансформаций. Рассматриваются аспекты перевода текста технической направленности на основе перевода 30 тысяч печатных знаков специального текста. Произведен предпереводческий анализ текста, проанализированы встретившиеся трудности перевода на лексическом, грамматическом и прагматическом уровнях языка. Выделены лексические и грамматические трансформации, представлены результирующие диаграммы из выборки использованных трансформаций.

Ключевые слова: специальный текст, предпереводческий анализ, переводческий анализ, лексико-грамматические трудности перевода, прагматические трудности перевода, трансформации

Для цитирования: Быкадорова Е.С. Передача информации при переводе текста по специальности // Вестник филологических наук. 2024. Том 4. № 1. С. 260 – 265.

Поступила в редакцию: 12 октября 2023 г.; Одобрена после рецензирования: 15 декабря 2023 г.; Принята к публикации: 2024 г.

¹ Bykadorova E.S.

¹ Siberian State Transport University

Information transfer in text translation in specialty

Abstract: the article deals with the issues of studying the peculiarities of translation of technical texts and using the theoretical issues of translation in practice. The paper analyzes different approaches to translation, takes into account lexico-grammatical peculiarities of each language, and also considers the issue of preserving pragmatic peculiarities when translating a specialty text. The translation of the text of technical orientation and its analysis are performed. The article also considers the main problems faced by the translator of technical texts, such as terminological difficulties, ambiguity of translation, differences in cultural contexts and design requirements. The difficulties encountered in translating technical texts have been analyzed and ways to overcome them have been sug-

gested. Various methods and approaches have been proposed to solve these problems, including the use of specialized dictionaries and glossaries, translation programs and Internet resources, as well as the use of translation transformations. The aspects of translation of a technical text are considered on the basis of translation of 30 thousand printed characters of a specialized text. Pre-translation analysis of the text is performed, the difficulties encountered in translation at lexical, grammatical and pragmatic levels of the language are analyzed. The lexical and grammatical transformations are highlighted, the resulting diagrams from a sample of used transformations are presented.

Keywords: special text, pre-translation analysis, translation analysis, lexico-grammatical translation difficulties, pragmatic translation difficulties, transformations

For citation: Bykadorova E.S. Information transfer in text translation in specialty. Philological Sciences Bulletin. 2024. 4 (1). P. 260 – 265.

The article was submitted: October 12, 2023; Approved after reviewing: December 15, 2023; Accepted for publication: February 9, 2024.

Введение

Данная работа посвящена теме особенностей передачи информации при переводе специального текста. Актуальность исследования определяется тем, что в настоящее время перевод является важным средством общения между специалистами в разных областях, а также средством передачи, усвоения знаний и накопленного опыта.

Цели и задачи работы непосредственно связаны с эквивалентным и адекватным переводом текста по специальности и направлены на выполнение предпереводческого и переводческого анализа текста по специальности.

Теоретическую значимость статьи составляет комплексное рассмотрение переводческих трансформаций в специальном тексте. Практическая значимость данного исследования заключается в возможности использования материалов работы переводческих трансформаций на курсах теории и практики перевода.

Переводческие трансформации, прежде всего, используются для передачи эквивалентного и адекватного перевода текста, заложенного автором смысла в тексте оригинала. Это и является основной задачей переводчика – точно, не исказив смысла текста оригинала, целостно передать информацию в процессе переводческой деятельности и достичь семантической эквивалентности и адекватности в обоих языках.

Материалы и методы исследований

Для перевода был взят текст «2020 Third-Party logistics study. The state of the logistics outsourcing. Results and Findings of the 24th Annual study»/ «Исследование сторонних логистических операций 3PL 2020 г. Состояние логистического аутсорсинга. Результаты и выводы 24-го ежегодного исследования» [9, с. 33]

Вслед за работой [1] рассмотрим предпереводческий этап перевода текста по специальности. Текст представлен в виде научной статьи, посвященной логистике третьего поколения и содержит результаты ежегодного форума «Third-Party logistics study». Информация, представленная в тексте, имеет особый адресат – специалисты по данной сфере транспортных услуг.

Текст был издан под руководством трёх европейских транспортных компаний – Infosys Consulting, PennState и Penske.

Для перевода текста использовался следующий инструментарий:

1. Multitran. Режим доступа: <https://www.multitran.com/> Интернет-система двуязычных словарей, один из наиболее полных и самых популярных автоматических онлайн-словарей Рунета
2. ЖелДорЭкспедиция – 3PL логистика. Режим доступа: <https://www.jde.ru/article/3pl-logistika.html>. Русскоязычная научная статья на тему 3PL логистика.
3. Российский рынок 3PL. Режим доступа: <https://www.fesco.ru/ru/press-center/blog/rossiyskiy-rynok-3pl/>. Русскоязычная научная статья на тему 3PL логистика на российском рынке.
4. Third-Party Logistics (3PL) Guide. Режим доступа: <https://www.shipbob.com/3pl/>. Англоязычная научная статья на тему 3PL логистика.
5. Red Stag Fulfillment – Third-Party Logistics Definition, Process, & Resources. Режим доступа: <https://redstagfulfillment.com/3pl-definition-process-resources/> Англоязычная научная статья на тему 3PL логистика.
6. Гаджинский А.М. Логистика: учебник. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. 472 с.

Текст насыщен аббревиатурами (3PL, VAT, LSP и др.), статистическими данными, а также таблицами, иллюстрациями и схемами, из чего можно сделать вывод о высокой плотности информации, заложенной в тексте.

Результаты и обсуждения

С прагматической точки зрения, оформление представленной для перевода научной статьи значительно отличается от оформления научных статей русскоязычных авторов. Так, наличие большого количества иллюстраций и графиков, не относящихся к содержанию текста оригинала подтверждают расхождения на прагматическом уровне текста оригинала и перевода. Поэтому представленный научно-популярный текст обладает высокой плотностью информации

В процессе предпереводческого анализа можно сделать вывод, что выбранный для перевода текст, представленный в виде научной статьи, является типичным для текстов названного жанра и специальности, так как в тексте преобладает когнитивная информация, а стиль текста соответствует научному.

Далее рассмотрим трудности, встретившиеся при переводе научной статьи, а также различные переводческие трансформации и способы их преодоления. Технический перевод требует от переводчика не только знания иностранного языка, но и специализированных терминов и понятий в области науки и техники. В процессе перевода могут возникать различные сложности, связанные с различиями в терминологии, грамматическими особенностями и структурой предложений, а также необходимостью сохранения точности и однозначности передаваемой информации. Для преодоления этих трудностей переводчику могут потребоваться различные трансформации, такие как замена терминов аналогами, изменение структуры предложения, компенсация смысловых потерь и т.д. [6, 7]

Приведем предложение на грамматическом уровне и предложим свое переводческое решение этой трудности.

1) The study shows that the vast majority of shippers – 93% – report that the relationships they have with their 3PLs generally have been successful. A higher number – 99% – of 3PLs agree that their customer relationships generally have been successful [3, с. 12].

Исследования показывают, что подавляющее большинство грузоотправителей (93%) сообщают, что их сотрудничество с 3PL в целом оказалось успешным, и большая часть 3PL-операторов (99%) согласны с этим.

Данные предложения составили трудность, так как лексика в них совпадает, следовательно, при переводе на русский язык, невозможно избежать повторений и тавтологии. В связи с данной трудностью, было принято решение изменить грамматическую конструкцию, объединив предложения.

2) Трудность перевода следующего предложения заключалась в необходимости перевести его наиболее ёмко и точно, при этом избежав повторений. Для этого полностью была заменена синтаксическая конструкция предложения.

The more frequently used types of analytics (e.g. descriptive and diagnostic) are more “backward-looking,” while those that are higher-placed on the maturity scale are more “forward-looking.”

Перечисленные типы аналитики расположены по убыванию по признаку «дальновидности».

На лексическом уровне были выявлены следующие трудности:

1) The 2020 24th Annual Third-Party Logistics Study shows that shippers and their third party logistics providers continue to enhance their relationships and work together to accomplish supply chain goals and objectives. [4, с. 87]

24-е Ежегодное исследование сторонних логистических операций (3PL) 2020 года показывает, что грузоотправители и их сторонние поставщики логистических услуг продолжают укреплять свои отношения и работать вместе для достижения целей и задач в цепи поставок.

Данное предложение составило трудность, так как используется профессиональная терминология, которая впервые начала использоваться англоязычными логистами. Следовательно, у данного термина нет общеупотребляемого перевода на русский язык, однако было принято решение найти русский аналог данному термину для большего понимания текста русским читателем. С помощью источников [2, 3, 4] было принято решение перевести термин так, как представлено выше.

2) Manufacturers are continuing to move forward with alternative fuel options as well as advanced technologies, such as automated vehicles or platooning vehicles. [6, с. 67]

Производители продолжают продвигать альтернативные варианты топлива, а также передовые технологии, такие как автоматизированные транспортные средства или автономные транспортные средства, движущиеся совместно.

Трудность перевода данного предложения аналогична с трудностью перевода прошлого предложения, однако технология, которую обозначает использующийся здесь термин, не используется в России. В связи с этим возникает трудность не только в том, что у данного термина нет общеупотребляемого перевода на русский язык, но и в том, что информации об этой технологии на русском языке недостаточно. С помощью анализа статей [5, 8] изучения информации о данной технологии, о странах, где она используется, а также с помощью переводческого словаря Multitran было принято решение перевести термин описательным оборотом для его большего понимания русским читателем.

Далее рассмотрим трансформации на грамматическом уровне.

1) As the amount of available data increases, shippers and their logistics partners will need to be able to take the available information and make it relevant.

С увеличением количества доступной информации, грузоотправителям и их партнерам по логистике становится необходимым анализировать и актуализировать её.

В данном предложении была использована грамматическая трансформация – замена синтаксической конструкции, а именно изменение предложения на безличное для сохранения научного стиля текста.

2) Both 3PLs and shippers are involved with analytics.

Аналитикой занимаются как 3PL-операторы, так и грузоотправители.

В данном предложении была использована грамматическая трансформация – перестановка (актуальное членение предложения), чтобы акцентировать внимание читателя на объекте действия, а не на субъекте, и таким образом передать значение предложения более точно и понятно для русского читателя

Приведем пример следующей лексической трансформации:

1) Among respondents of the 2020 study, 83% of shippers and 98% of 3PL providers agree that the use of 3PLs has contributed to improving services to the ultimate customers.

Среди респондентов исследования 2020 года 83% грузоотправителей и 98% 3PL-операторов согласны с тем, что использование 3PL способствовало улучшению услуг для клиентов.

В данном предложении была использована лексическая трансформация – конкретизация (3PL provider – 3PL-оператор) [10] в связи с тем, что снабжение (provide) является лишь частью работы логиста третьего поколения. Для более точной передачи смысла и во избежание неясности выражения, была использована данная трансформация.

2) As suggested throughout the content of this report, the availability of data and the utilization of appropriate technologies are responsible for much of the improvement that is taking place.

Как указано в содержании этого отчета, доступность данных и использование соответствующих технологий играют большую роль в развитии сферы сторонней логистики.

В данном предложении была использована лексическая трансформация – конкретизация (that is taking place – в сфере сторонней логистики) в связи с контекстом. Так как темой текста является сторонняя логистика, было принято решение конкретизировать предложение во избежание его неясности.

Пример трансформации на прагматическом уровне в рассматриваемом тексте следующий:

In addition, those within the supply chain are becoming more sophisticated in how they demonstrate and document their carbon emissions, miles per gallon, data and efficiency metrics.

Кроме того, участники цепи поставок становятся все более изощренными в том, как они демонстрируют и документируют выбросы углерода (в километрах на литр), данные и показатели эффективности. [10, с. 49]

В связи с тем, что в России используется метрическая система мер, а в США – Британская имперская и американская системы измерения, было принято решение перевести мили на галлон в километры на литр для понимания смысла предложения русским читателем

Далее рассмотрим выборку лексических и грамматических трансформаций в виде диаграмм, используемых в тексте.

На диаграмме (рис. 1) приводится сравнение в процентном соотношении использованных лексических трансформаций в рассматриваемом тексте.

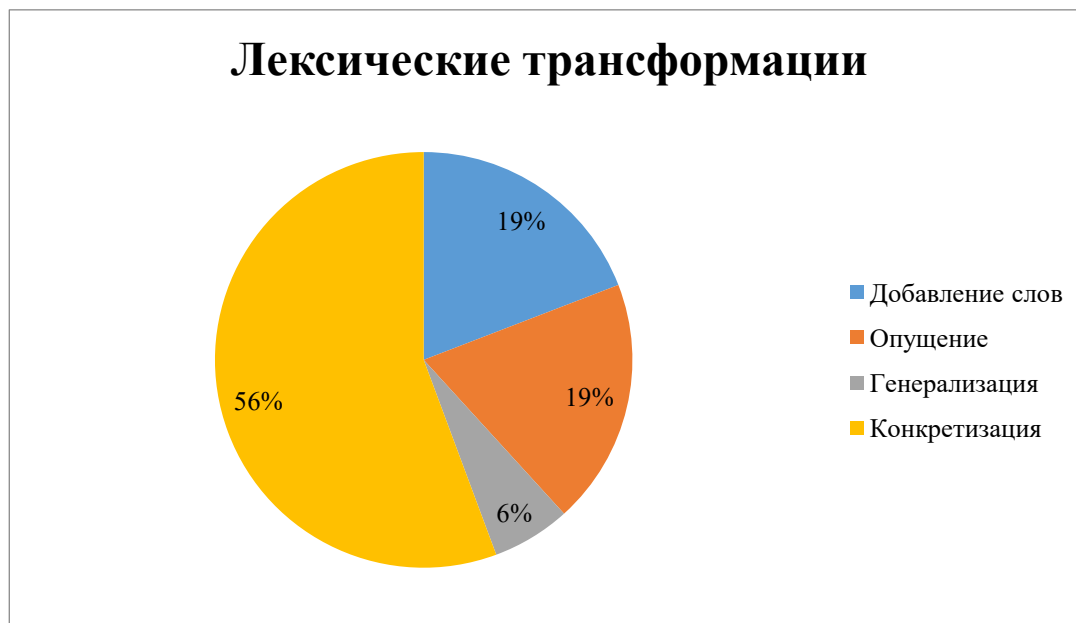

Рис. 1. Диаграмма использованных лексических трансформаций.
Fig. 1. Diagram of lexical transformations used.

Как видим, наиболее часто используемым видом лексических трансформаций в рассматриваемом тексте является конкретизация.

На диаграмме (рис. 2) приводится сравнение в процентном соотношении использованных грамматических трансформаций в рассматриваемом тексте.

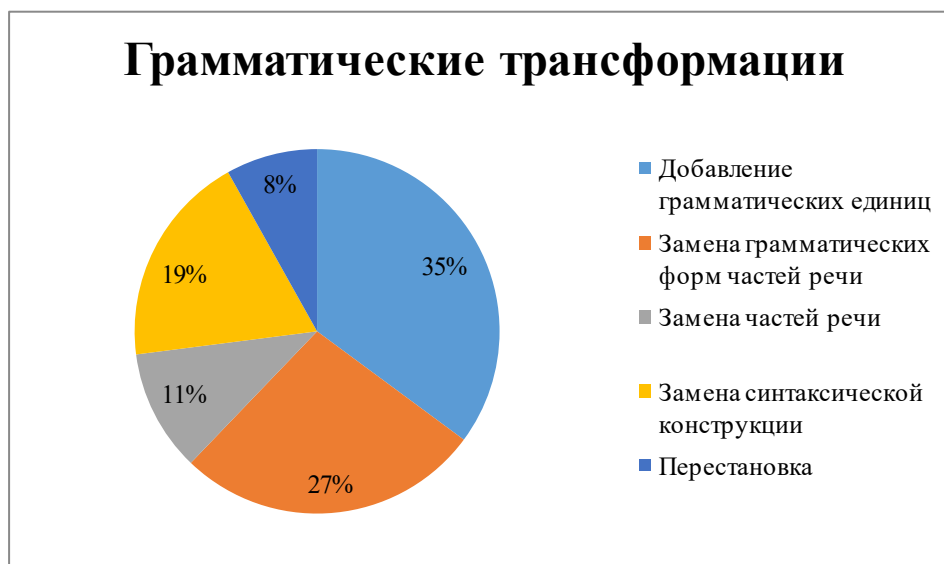

Рис. 2. Диаграмма использованных грамматических трансформаций.
Fig. 2. Diagram of grammatical transformations used.

Наиболее часто используемыми видами грамматических трансформаций в рассматриваемом тексте являются добавление грамматических единиц и замена грамматических форм частей речи.

Исходя из рассмотренных диаграмм следует вывод – ведущим уровнем анализа является лексический в связи с особенностями текста (частотность терминов, имен собственных, плотность информации). Среди лексических трансформаций преобладает конкретизация, а среди грамматических – добавление грамматических единиц и замена грамматических форм частей речи.

Выводы

В заключении необходимо подвести итоги и сделать выводы относительно рассмотренных трудностей и трансформаций при переводе технических текстов. В ходе работы были выявлены основные трудности, связанные с профессиональной терминологией, переводом аббревиатур, а также переводом безэквивалентной лексики, представлены основные трансформации, используемые при переводе, а также составлены диаграммы для определения ведущего уровня анализа.

Список источников

1. Алексеева И.С. Профессиональное обучение переводчика: учебное пособие по устному и письменному переводу для переводчиков и преподавателей. СПб.: Издательство «Союз», 2004. 352 с. (Серия «Библиотека переводчика»).
2. Александров О.А. Логистика: учебное пособие. Москва: ИНФРА-М, 2020. 217 с.
3. Аникин Б.А., Серышев Р.В., Волочиенко В.А. Логистика производства: теория и практика: учебник и практикум для вузов / отв. ред. Б.А. Аникин. Москва: Издательство Юрайт, 2021. 454 с.
4. Гаджинский А.М. Логистика: учебник. 15-е изд., перераб. и доп. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°», 2007. 472 с.
5. ЖелДорЭкспедиция – 3PL логистика. URL: <https://www.jde.ru/article/3pl-logistika.html> (дата обращения: 02.10.2023)
6. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение // Курс лекций. М.: ЭТС., 1999. 192 с.
7. Пумпянский А.Л. Чтение и перевод английской научной и технической литературы: Лексика, грамматика, фонетика, упражнения / Худ. обл. М.В. Драко. Мн.: ООО «Попурри», 1997. 608 с.-ил.
8. Российский рынок 3PL. URL: <https://www.fesco.ru/ru/press-center/blog/rossiyskiy-rynok-3pl/> (дата обращения: 02.10.2023)
9. Third-Party Logistics (3PL) Guide. URL: <https://www.shipbob.com/3pl/> (дата обращения: 02.10.2023). Текст: электронный.
10. Red Stag Fulfillment – Third-Party Logistics Definition, Process, & Resources. URL: <https://redstagfulfillment.com/3pl-definition-process-resources/> (дата обращения: 25.09.2023)

References

1. Alekseeva I.S. Professional translator training: a textbook on interpretation and translation for translators and teachers. St. Petersburg: Soyuz Publishing House, 2004. 352 p. (Series “Translator's Library”).
2. Alexandrov O.A. Logistics: textbook. Moscow: INFRA-M, 2020. 217 p.
3. Anikin B.A., Seryshev R.V., Volochienko V.A. Production logistics: theory and practice: textbook and workshop for universities. resp. ed. B.A. Anikin. Moscow: Yurayt Publishing House, 2021. 454 p.
4. Gadzhinsky A.M. Logistics: textbook. 15th ed., revised. and additional M.: Publishing and trading corporation "Dashkov and K°", 2007. 472 p.
5. ZhelDorExpedition – 3PL logistics. URL: <https://www.jde.ru/article/3pl-logistika.html> (access date: 10/02/2023)
6. Komissarov V.N. Modern translation studies. Course of lectures. M.: ETS., 1999. 192 p.
7. Pumpyansky A.L. Reading and translation of English scientific and technical literature: Vocabulary, grammar, phonetics, exercises. Hood. region M.V. Draco. Mn.: LLC “Popurri”, 1997. 608 p.
8. Russian 3PL market. URL: <https://www.fesco.ru/ru/press-center/blog/rossiyskiy-rynok-3pl/> (access date: 10/02/2023)
9. Third-Party Logistics (3PL) Guide. URL: <https://www.shipbob.com/3pl/> (access date: 10/02/2023). Text: electronic.
10. Red Stag Fulfillment – Third-Party Logistics Definition, Process, & Resources. URL: <https://redstagfulfillment.com/3pl-definition-process-resources/> (access date: 09/25/2023)

Информация об авторе

Быкадорова Е.С., кандидат педагогических наук, доцент, Сибирский государственный университет путей сообщения, bykadorova_es@mail.ru, 8 913 940 89 28